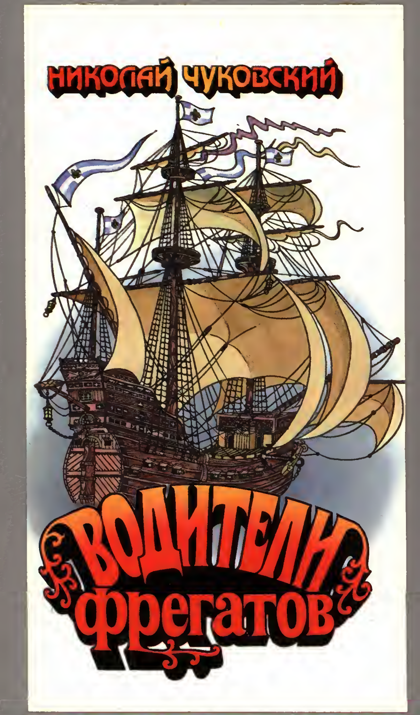

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ
ВОДИТЕЛИ фрегатов

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

ВОДИТЕЛИ ФРЕГАТОВ

КНИГА
О ВЕЛИКИХ
МОРЕПЛАВАТЕЛЯХ

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1989

84 Р 7
Ч 88

Иллюстрации
И. С. Кускова

Ч $\frac{4702010200-1809}{080(02)-89}$ 1809—89

Текст печатается по изданию: Николай Чуковский. «Водители фрегатов».— М.: Детская литература, 1986.

ОБ АВТОРЕ

Николай Корнеевич Чуковский начал работать в нашей литературе вскоре после Октябрьской революции, в начале 20-х годов. Это было памятное и глубоко знаменательное время. Для литературы тех лет характерны три особенности, и каждая из них нашла в творчестве Н. Чуковского свое отражение. Первая из них — образованность, вторая — чувство ответственности, вызванное сознанием принадлежности к великой русской литературе, и третья — строгий, взыскательный вкус.

Н. Чуковский вырос в литературной семье и с отроческих лет был в кругу известных деятелей русского искусства. В доме его отца, знаменитого критика, историка литературы и поэта, бывали Маяковский, Бунин, Куприн, Репин. Музыка в этом доме была рядом с живописью, а поэзия рядом с историей литературы. Еще юношей Н. Чуковский прошел прекрасную литературную школу.

Случается, что иному писателю достается легкий успех, когда его первая, быстро написанная книга находит путь к читательскому сердцу. Но легкий успех столь же легко исчезает. Для настоящего художника дороже та удача, которая возникает в результате медленного упорного труда. Это в полной мере относится к Н. Чуковскому, который был тружеником неустанным и неутомимым. Как все профессиональные, серьезные писатели, он провел большую часть своей жизни в своем кабинете, за письменным столом. Однако, если заглянуть в глубину его работы, сразу становится ясно, что он был человеком необычайно подвижным. Больше всего его интересовали поиски нового в науке, в жизни, в литературе. Недаром лучшие страницы его многочисленных книг отданы людям, находящимся в движении, в пути. Именно эта сторона его деятельности очень близка детской литературе. Он был писателем разносто-

ронним, переводил стихи и прозу, печатал статьи и воспоминания.

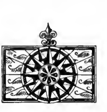
Среди его книг широко известен роман «Балтийское небо», в котором он воспользовался богатым опытом военного корреспондента, служившего в годы войны в авиационных частях. Но он никогда не порывал связи с детской литературой, быть может, потому, что всегда бережно хранил свою любовь к путешествиям и приключениям.

Сильнее, чем в других его книгах, эта любовь сказалась в книге «Водители фрегатов». Дополняя и улучшая ее, он возвращался к этой книге, в сущности, всю жизнь.

Что такое фрегат? И кто такие водители фрегатов? Фрегат — это деревянный корабль, полностью зависящий от искусства управления парусами. Всемирные открытия, изменившие судьбы народов, были сделаны на этих кораблях, которые кажутся нам теперь беспомощными скорлупками в сравнении с современными мощными морскими судами. И сделали эти открытия необычайно смелые, умные и упорные люди, которых Н. Чуковский назвал водителями фрегатов.

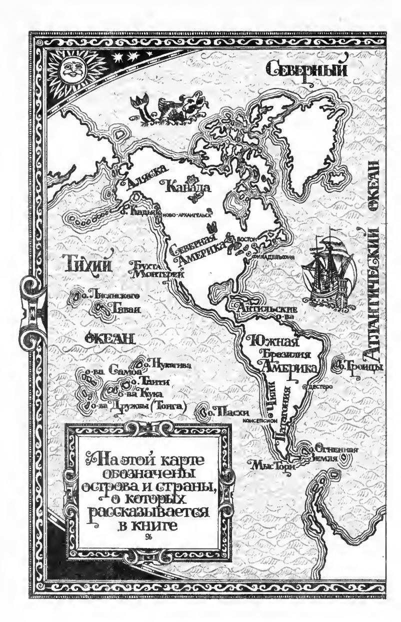
Его книга о Джемсе Куке, Крузенштерне, Лаперузе и других моряках хороша не только потому, что хорошо написана. Она будит мысль, тревожит и воспламеняет воображение. Писатель живо нарисовал характеры великих мореплавателей и с замечательной ясностью объяснил значение их открытий. Для этого надо было знать не только историю восемнадцатого века — когда жили его герои, — но глубоко знать и понимать современность. Однако и этих неоценимых свойств было бы мало для создания «Водителей фрегатов». Н. Чуковский обладал даром интересного, увлекательного рассказа, и эта черта выразилась в его книге с запоминающейся силой. Не так уж много существует книг, от которых трудно оторваться! Книга «Водители фрегатов» принадлежит к их числу.

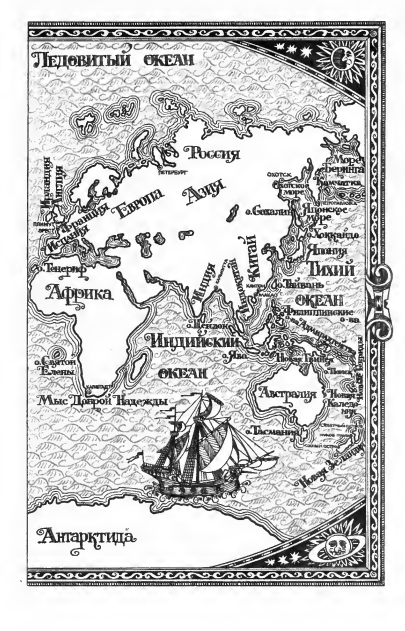
В. Каверин

КНИГА
О ВЕЛИКИХ
МОРЕПЛАВАТЕЛЯХ

Северный
Аляска
Канада
о. Кадьяк
Ново-Архангельск
Северная Америка
Бостон
Филадельфия
Тихий
Бухта Монтерей
о. Лисянского
Гавайи
Океан
Антильские о-ва
Южная Америка
Бразилия
о. Троицы
Атлантический океан
о. Нукагива
о-ва Самоа
о. Таити
о-ва Кука
о-ва Дружбы (Тонга)
о. Пасхи
Чили
Патагония
Дестеро
Консепсион
о. Огненная Земля
Мыс Горн
На этой карте обозначены острова и страны, о которых рассказывается в книге

Ледовитый океан
Россия
Петербург
Ирландия
Англия
Франция
Европа
Азия
Плимут
Брест
Испания
о. Тенериф
Африка
Индия
Индокитай
Китай
Кантон
Макао
о. Сахалин
Охотск
Охотское море
Море Беринга
Камчатка
Петропавловск
Японское море
о. Хоккайдо
Япония
Тихий
о. Тайвань
Океан
Филиппинские о-ва
о-ва Адмиралтейства
Новые Гебриды
о. Цейлон
Индийский
о. Ява
Новая Гвинея
о. Пинес
Океан
о. Святой Елены
Капштадт
Мыс Доброй Надежды
Австралия
Новая Каледония
о. Тасмания
Северный остров
Южный остров
Новая Зеландия
Антарктида

ВСТУПЛЕНИЕ

Тихий океан вмещает почти половину всех земных вод.

Почти половина земного экватора проходит по Тихому океану.

Найди Тихий океан на глобусе, и ты увидишь, что он занимает почти целое полушарие.

Когда на одном берегу Тихого океана день, на противоположном — ночь. Когда на одном берегу утро, на противоположном — вечер.

Ветры, не встречая на пути препятствий, по целым месяцам дуют в одном направлении. Громадные длинные волны катятся, не зная преград. Бутылка, брошенная в океан, может плыть столетия и не доплыть до берега.

Из вод этого безмерного океана поднимаются тысячи островов. Они покрыты густым тропическим лесом и похожи на плавучие цветущие сады.

Громадные океанские просторы лежат между этими островами.

Первым европейцем, увидевшим Тихий океан, был испанец Бальбоа. В 1513 году Бальбоа с небольшим отрядом высадился на атлантическом побережье Центральной Америки и пошел в глубь страны. Он поднялся на горный хребет и увидел впереди неведомое море. Бальбоа спустился к этому морю и, не снимая доспехов и лат, вошел в его волны. Стоя по грудь в воде, он торжественно принял весь океан, о размерах которого не знал ничего, во владения короля Испании.

Семь лет спустя, в 1520 году, Магеллан, командовавший эскадрой испанских кораблей, обогнул Американский материк с юга и вступил в Тихий океан. Много месяцев плыл

он по Тихому океану, не встречая никакой земли. Несколько раз он пытался измерить лотом глубину, но лот не достигал дна. Да и как Магелланов лот мог достигнуть дна, если глубина Тихого океана во многих местах равна десяти километрам!

Магеллан пересек Тихий океан от Южной Америки до Филиппинских островов. Он был убит в сражении с филиппинцами.

Из эскадры Магеллана только один корабль вернулся в Испанию. Этот корабль, плывя сначала по Индийскому океану, потом по Атлантическому, вернулся в Европу, совершив, таким образом, первое в истории человечества кругосветное путешествие.

В течение следующих двухсот лет испанцы, голландцы и англичане не раз проходили по пути, проложенному Магелланом. Но новые путешественники не решались отклоняться в сторону от знакомой дороги, и поэтому исследование Тихого океана почти не подвигалось вперед.

Смелее других был капитан Абель Тасман, голландец.

Отойдя от Магелланова пути к югу, Тасман в 1642 году открыл Австралию, Тасманию и Новую Зеландию.

В первой половине XVIII века исследованием Тихого океана занялись русские. По указу императора Петра, капитан Беринг снарядил на Камчатке экспедицию, чтобы плыть на восток и узнать, соединяется ли Азия с Америкой. Он пересек ту северную часть Тихого океана, которая теперь носит название Берингова моря, и открыл Аляску. Возвращаясь с Аляски, Беринг потерпел крушение и умер от цинги на одном из Командорских островов, который в память этого события теперь называется островом Беринга.

И все же Тихий океан оставался почти не исследованным.

По-настоящему исследовать его европейцам удалось только во второй половине XVIII века.

В поисках удобных торговых путей и стремясь к захвату далеких стран, во второй половине XVIII века европейские моряки совершили ряд героических путешествий в Тихий океан. Большинство этих экспедиций кончилось гибелью их участников. Но благодаря им человечество узнало о множестве дотоле неведомых земель.

Вторая половина XVIII века — это эпоха высшего расцвета парусного флота. Никогда до тех пор искусство строить деревянные корабли и управлять парусами не достигало

такого совершенства. Впоследствии, с изобретением пароходов, искусство это утратилось.

Сейчас нам трудно даже вообразить себе всю сложность управления гигантским фрегатом, паруса которого состоят из двухсот отдельных частей. Двести парусов, и у каждого свое назначение! При перемене ветра каждый парус передвигали. Какой громадный опыт, какую находчивость, какие точные знания нужно было иметь, чтобы не сбиться, не спутаться!

А сколько нужно было отваги, чтобы годами блуждать по неведомым водам, не зная, что ждет тебя за линией горизонта! Деревянные днища кораблей гнили, обрастали корой из ракушек. Порой не хватало продуктов, кончалась пресная вода. Но тысячи миль оставались позади, а все те же волны по-прежнему били в борта, и менялось только расположение созвездий в небесах.

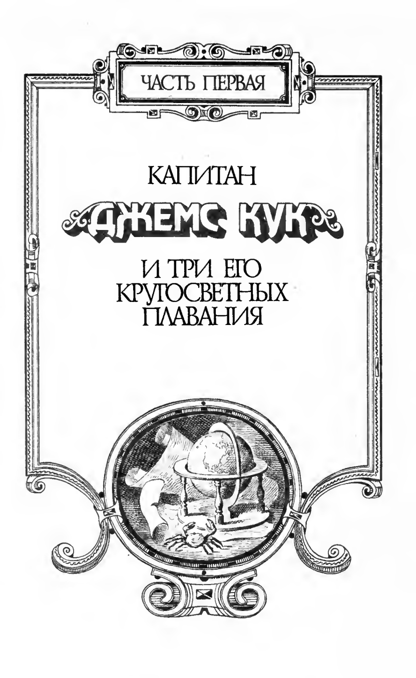
На самой высокой мачте висела корзина, в которой сидел матрос. Волны шатали корабль, и корзина качалась, как люлька. Матрос сидел в корзине, вглядываясь в даль и стараясь заметить землю. Так качался он между водой и небом, ничего не видя, кроме волн. И вот наконец замечал он на горизонте синюю туманную полосу. Стремительно спускался он вниз, на палубу, радостно крича во все горло:

— Земля!

Так мало-помалу люди открывали новые страны. Так все ясней становились очертания исполинского океана. Одни из этих моряков потонули, другие погибли в боях, и только немногим пришлось умереть дома, на родине. Но мир никогда не забудет бесстрашных водителей фрегатов. Вот имена самых прославленных из них: капитан Джемс Кук, капитан Лаперуз, капитан Иван Федорович Крузенштерн и капитан Дюмон Дюрвиль.

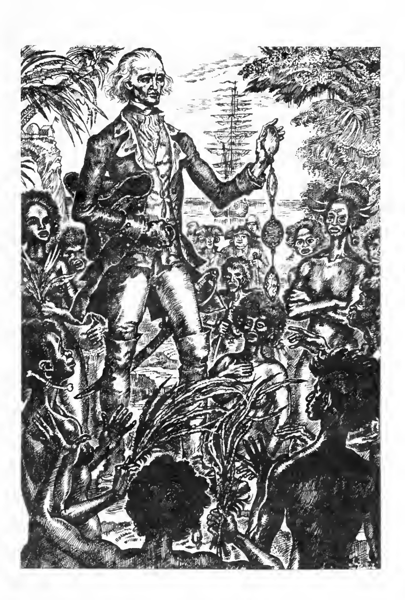
О них мы и расскажем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАПИТАН ДЖЕМС КУК И ТРИ ЕГО КРУГОСВЕТНЫХ ПЛАВАНИЯ

МАЛЬЧИК ИЗ ЛАВКИ

ДЖЕМС КУК ВПЕРВЫЕ ВЫХОДИТ В МОРЕ

огда какому-нибудь судну, стоящему в доке города Стэйта, нужно выйти в море, подымается суматоха. Док всегда переполнен, корабли стоят борт о борт, сжатые извилистым каменным молом. С берега мачты кажутся непроходимым лесом — такое их там множество и такая там теснота.

Чтобы вывести одно судно из дока, надо переставить все до единого. А это не легкое дело.

И вот на мол взбегает служащий дока с рупором в руках.

— «Горец», вперед! — гудит рупор. — Стань рядом с «Нептуном»! «Нептун», вперед! Стань рядом с «Трезубцем»! «Трезубец», вперед! Стань за «Неустрашимым»!

И все приходит в движение.

Наконец освобождается узкая полоска черной воды, по которой готовое к отплытию судно выходит в море.

Так было и ясным июльским вечером 1746 года, когда из Стэйтского дока вышел угольщик «Геркулес». Начинало темнеть, в небесах появились первые звезды. Белые домики Стэйта таяли вдали, сливаясь с синей полоской берега.

«Геркулес» принадлежал торговому дому «Братья Уокер» и шел в Дублин с грузом угля под командой капитана Джона Уокера и боцмана Генри Уокера.

Старый «Геркулес» был единственным судном «Братьев Уокер», и экономные братья, чтобы не увеличивать расходов, держали на нем всего двух матросов. Конечно, такому экипажу трудно было управлять кораблем, и многие пророчили ему скорую гибель. Но море щадило «Геркулеса», и он, всегда перегруженный, всегда грязный, продолжал плавать между Стэйтом и Дублином.

Капитан Джон Уокер был бородат, угрюм и скуп. Он нисколько не был похож на своего брата Генри Уокера, молодого, веселого человека.

Генри Уокер любил книги о путешествиях и часто подолгу разговаривал в порту со старыми моряками, побывавшими в далеких странах.

Когда город скрылся в сумерках, Генри спустился в трюм посмотреть, хорошо ли сложены мешки с углем, не рассыплет ли их морская качка. Джон остался на палубе. Четверть часа спустя Генри вылез из трюма, ведя за руку оборванного, грязного мальчика.

Мальчику было лет четырнадцать. Сквозь лохмотья просвечивало голое тело, из рваных башмаков вылезали пальцы, жесткие черные волосы торчали во все стороны. Левый глаз его был подбит и превратился в узкую сверкающую щелочку, зато правый смотрел смело и дерзко. Мальчик шагал с таким храбрым, независимым видом, что нельзя было решить, кто кого ведет — он ли Генри Уокера или Генри Уокер его.

— Погляди, Джон, вот так находка! — со смехом проговорил Генри, подводя мальчика к брату.— Он вылез прямо на меня из мешка с углем и заявил, что навсегда остается у нас на судне. Я пригрозил выбросить его в море, но он нисколько не испугался. Он мне ответил, что уж лучше лежать на морском дне и видеть, как над тобой проходят корабли, чем вернуться назад в Стэйт к суконщику Сэндерсону. Видал ли ты когда-нибудь такого чудака? Право, он мне нравится!

Но Джон только нахмурился. С какой стати он повезет в Ирландию бесплатного пассажира?

— Как тебя зовут? — начал он грозный допрос.

— Джемс Кук, сэр.

— Ну, мистер Джемс Кук, ты, я вижу, хочешь есть чужой хлеб?

— Нет, сэр, я хочу работать.

— Работать? Что же ты хочешь делать?

— Я хочу стать моряком!

— Нам нужен юнга,— вставил было Генри, но Джон так посмотрел на него, что он сейчас же прикусил язык.

— Да разве такие младенцы годятся в моряки? — еще строже продолжал Джон.— Разве ты был когда-нибудь в море? Знаю я вас, дармоедов!

— Я не дармоед и никогда не буду дармоедом! Я всему выучусь, сэр!

Джон Уокер хотел было рассердиться, но внезапно увидел подбитый глаз мальчика, и ему стало жаль своего непрошеного пассажира.

— Кто это тебя так изукрасил? — спросил он.

— Мистер Сэндерсон, сэр, мой хозяин. Он бил меня, и я удрал от него. Я не хочу больше служить в лавке, я хочу уехать в Индию!

— В Индию? — спросил Джон Уокер.

— В Индию, — повторил мальчик. — Я пошел в док, пролез вместе с грузчиками к вам на корабль и спрятался в трюме, среди мешков с углем. Я буду работать и днем и ночью, — умоляюще прибавил он, — я буду делать все, что вы прикажете, только возьмите меня с собой в Индию.

Джон Уокер улыбнулся впервые. А Генри захохотал.

— Ну, Джемс, здесь ты промахнулся, — сказал Генри. — Мы привезем тебя не в Индию, а всего только в Ирландию, в Дублин. В Индию на таких плоскодонных кастрюлях, как наша, не ходят! Правда, и «Геркулес» знавал лучшие времена — в дни своей молодости он хаживал и в Берген, и даже в Кадикс, но в Индию... нет, до Индии он не добирался.

Джемс был огорчен. Он думал, что все корабли идут в Индию. Так сказал ему два года назад его отец, безграмотный батрак. Джемс, впервые попавший в город, был поражен множеством кораблей, стоявших в гавани.

«Куда плывут все эти корабли?» — спросил он.

«В Индию, сынок», — не задумываясь, ответил отец.

И с тех пор мечта о путешествии в Индию на одном из таких кораблей не покидала мальчика...

Теплый, тихий вечер спустился над морем. Генри убеждал Джона принять мальчика на службу. Угрюмый Джон молчал, и только огонек его трубки разгорался все ярче и ярче.

— Юнга нам необходим, — повторил Генри. — Этот мальчик — просто находка. Старый Джэксон болен, где ему лазить по мачтам, а Дэвис занят у руля. И подумай, Джон, как дешево нам будет стоить этот мальчик!

— Ладно, попробуем, — наконец сказал старший брат.

Через минуту, положив мальчику на плечо свою тяжелую ладонь, он сказал:

— Ну, Джемс, принимайся за работу. Видишь вот тот парус? Он называется «мунсель». За ним уже нет ничего — только небо. Влезь на мачту и отвяжи его.

Джемс глянул вверх, и сердце его сжалось от страха.

Мансель — самый высокий парус на корабле. Снизу он кажется не больше носового платка. Вот-вот сбитые им с неба звезды посыплются на палубу и засорят глаза.

Оба брата внимательно следили за мальчиком, который безмолвно смотрел вверх.

«Не полезет, где ему!» — думал Джон.

«Неужели не полезет?» — думал Генри, боясь, как бы этот мальчик, полюбившийся ему с первого взгляда, не оказался хвастуном и трусом.

Но Джемс Кук опустил голову и сказал:

— Слушаюсь, сэр!

И полез вверх по веревочным вантам.

Карабкаясь по вантам, Джемс ни разу не глянул вниз, на палубу. Но, когда он добрался до мунсель-реи и сел на нее верхом, он почувствовал, что у него кружится голова и пальцы рук скользят по обмазанному жиром дереву. Мальчик выпрямился и глянул по сторонам. Он еще будет в Индии, хотя бы для этого пришлось долезть до самого неба!

Темнота скрывала от него море.

Рея, на которой сидел Джемс, как бы летела по воздуху. Из темноты вынырнула морская птица и принялась кружить вокруг Джемса. Когда «Геркулес» слегка менял курс, мачта так наклонялась, что Джемс повисал в воздухе.

Наконец канат был отвязан и сам выскользнул из рук, завертев колесико блока.

Джемс нащупал ногой веревочную ступеньку вант и полез вниз.

— Я говорил тебе, что он годится в моряки,— сказал брату Генри Уокер.

— Да, из него выйдет толк,— согласился Джон, выпуская дым из-под усов.— Запиши ему жалованье — шесть шиллингов в месяц.

Так Джемс Кук, великий мореплаватель, первый раз вышел в море.

ЮНГА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В КАПИТАНА

Это был не такой юнга, как другие. Он не проводил свои свободные часы в карточной игре, он не напивался в кабаках. Нет, Джемс Кук после тяжелой работы, после лазанья по мачтам садился за книгу.

У Генри Уокера был целый сундук старых книг, и Джемс любил читать их. Больше всего ему нравились описания знаменитых морских путешествий. Колумб, Магеллан, Абель Тасман — вот кому он завидовал всей душой. Ему хотелось совершить такие же подвиги.

Индия больше не прельщала его. Она в то время была уже слишком хорошо известна. Его привлекало гигантское пространство, лежащее на восток от Индии, между Азией и Америкой, совсем еще неведомое европейцам. Там находился Тихий океан, величайший из земных океанов. Он так огромен, что, быть может, среди его необозримых вод расположены целые материки, населенные великими народами. И Джемс Кук решил во что бы то ни стало побывать в Тихом океане.

Для этого он стал изучать теорию мореплавания — науку, называемую навигацией. Вскоре Джон Уокер заметил, что Кук знает морское дело лучше его самого. И, когда Куку минуло двадцать два года, ему было поручено управление «Геркулесом». Его стали величать капитаном. Это был самый молодой капитан во всей Великобритании.

В 1755 году Англия объявила войну Франции. Кук был взят на военную службу. Как моряка, да еще капитана, его определили в военный флот и дали ему один из младших офицерских чинов. Почти все военное время он провел в Северной Америке, в Канаде, французской колонии, захваченной англичанами.

Но война мало занимала его. Бо́льшую часть своего пребывания в Америке он посвятил измерению и изучению фарватера реки Святого Лаврентия и обследованию берегов Ньюфаундленда. Он отослал результаты своих трудов в Адмиралтейство, и его произвели в чин лейтенанта. Лондонское географическое общество сделало его своим членом. Через несколько лет после окончания войны он был уже командиром небольшого военного судна.

В конце 60-х годов XVIII столетия весь европейский ученый мир интересовался предстоящим прохождением пла-

неты Венеры через диск Солнца. Высчитали, что это замечательное астрономическое явление произойдет 3 июня 1769 года. Наблюдать его можно было только в южной половине земного шара. Географическое общество решило послать в южные моря научную экспедицию для наблюдения за Венерой. Во главе этой экспедиции нужно было поставить человека, который был бы одновременно и добросовестным ученым, и опытным моряком.

Выбор пал на капитана Джемса Кука.

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ ОТ ОСТРОВА К ОСТРОВУ

БЭНКС

Местом наблюдения за Венерой избрали тихоокеанский остров Таити. Этот остров открыл в 1606 году испанский капитан Квирос. С тех пор моряки не раз видели его издали, но никто не высаживался на берег.

Ученые XVIII века не могли себе представить, что почти все Южное полушарие покрыто водой. Им казалось, что если бы вся суша находилась на севере, а все моря — на юге, то земной шар потерял бы равновесие и перевернулся. Это рассуждение, которое кажется теперь смешным и детским, в те времена считалось вполне разумным.

Особенно защищал его молодой талантливый географ Бэнкс. Узнав о предполагаемой экспедиции Кука, он произнес большую речь, которая впоследствии была переведена на все европейские языки.

«Америку открыли испанцы,— говорил Бэнкс.— Австралию — голландцы. Великий Южный материк, шестой материк нашей планеты, должен быть открыт англичанами! Нам стыдно не открыть его. Мысленно мы даже можем обозначить на глобусе место, где он находится, и мы должны сказать капитану Куку: «Не возвращайтесь, не открыв Южного материка!»

Решено было спросить Кука, что он думает по этому поводу.

— Я верю только в то,— сказал Кук,— что видел собственными глазами или что видели другие люди, которым можно доверять. Южного материка никто не видел, и я не могу знать, существует он или нет. Но я поплыву и посмотрю. Если Южный материк действительно существует, я его открою.

— Возьмите меня с собой!— предложил Бэнкс.— Я убежден в существовании Южного материка и хочу первым посетить его.

Адмиралтейство предоставило Куку небольшое, но отлично построенное военное судно «Усердие». Кроме Бэнкса, на нем должен был плыть астроном Грин, которому поручено было вместе с Куком производить наблюдения за Венерой. На случай каких-нибудь болезней их сопровождал молодой доктор Монкгауз.

26 августа 1768 года «Усердие» вышло из Плимута, а полгода спустя обогнуло мыс Горн и вступило в Тихий океан.

ТАИТИ

10 апреля 1769 года с мачты был замечен остров Таити. Издали он казался темно-зеленым кустом, выросшим посреди голубого океана.

Меж курчавых лесов серебрились быстрые речки. Круглые холмики уходили вдаль, вырастая, нагромождаясь друг на друга, и, наконец, превращались в высокие горы.

— Глядите, сколько пожаров!— кричали матросы.

Но они ошиблись, пожаров не было. Это расцветали багряные цветы на деревьях. А немного отступя от берега, из прозрачных глубин подымался длинный розовый риф, омываемый снежно-белой пеной.

Вот из бамбуковых домиков, стоящих в тени кокосовых рощ, выскочили кофейные полуголые люди и побежали на берег встречать иноземцев. За ними по пятам мчались собаки.

Прежде чем бросить якорь, Кук собрал всю команду и обратился к ней с речью.

— Мы должны показать островитянам,— сказал Кук,— что мы их друзья, и они будут поступать с нами по-дружески. От торговли с ними мы гораздо больше выгадаем, чем от грабежа.

И он объявил, что всякий матрос, обидевший или обокравший островитянина, будет посажен в карцер. Особенно строгое наказание назначил он за стрельбу из ружей.

— Стрелять можно только в том случае, если островитяне первые нападут на нас,— говорил он.— Да и тогда нужно раньше постараться уладить дело без кровопролития.

Кук распорядился бросить якорь и разрешил съезжать на берег.

Таитяне встретили англичан испуганно и недоверчиво. За несколько лет до Кука на Таити побывал корабль, которым командовал некий капитан Уоллес. Подойдя к острову, Уоллес без всякой причины начал палить из пушек по деревне. Таитяне никогда не видели белых вблизи, однако знали, что корабли их несут смерть.

Но Кук решил во что бы то ни стало добиться дружбы таитян. Кук и Бэнкс нагрузились гвоздями, стальными топорами, красными тряпками, стеклянными бусами и сошли на берег. Они подзывали туземцев и, когда те испуганно подходили, дарили им свои сокровища. Тряпки и бусы привели таитян в восхищение. Топоров и гвоздей они сначала не брали, потому что никогда не видели железа и не знали, что с ним делать. Но, когда Кук срубил при них дерево и в две минуты починил гвоздями старую, развалившуюся пирогу, они стали считать железные вещи самой большой драгоценностью в мире и беспрестанно выпрашивали их у англичан.

Таитяне не раз приглашали Кука к себе в хижины. Хижины эти были сплетены из бамбука, как корзины, и формой напоминали перевернутую лодку. Окон в них не было. Для того чтобы пролезть в дверь, приходилось становиться на четвереньки.

Вся мебель таитян состояла из крохотных деревянных скамеечек, которые они подкладывали под голову во время сна.

Очаг, на котором готовили пищу, помещался вне хижины, на открытом воздухе. Его даже трудно было назвать очагом — скорее это был просто костер, обложенный камнями.

Бэнкс занялся изучением таитянского языка. Он знаками спрашивал, как называется тот или другой предмет, и ответы таитян записывал в книжечку. Таитяне поняли, чего от них хотят, отвечали очень охотно, и скоро у Бэнкса соста-

вился целый словарик. Мало-помалу Бэнкс и Кук стали уже понимать, о чем говорят между собой таитяне, и сами могли кое-как объясняться с ними.

Кук решил от имени Англии заключить союз с таитянами.

Он стал расспрашивать, есть ли у них какое-нибудь правительство. Таитяне ему ответили, что ими управляет королева Оберея, и Кук пожелал с нею повидаться. Он захватил с собою Бэнкса, и их повели внутрь острова. Там оказалось другое селение, немного побольше.

Дворец королевы ничем не отличался от остальных хижин. Он состоял всего из одной комнаты, в которой не было окон,— свет проникал через дверь.

Королева Оберея встретила Кука очень приветливо и беспрестанно хохотала. Вместо одной юбочки, которую носят все таитянские женщины, она носила четырнадцать юбок, надевая их одну на другую. Только по этим юбкам и можно было судить о ее высоком сане.

Кук торжественно заговорил о своей дипломатической миссии. Коверкая слова, помогая себе жестами, он попытался объяснить ей, что правительство Англии, великой заморской страны, хочет заключить союз с правительством острова Таити. Цель союза — благоденствие обоих великих народов.

Оберея хохотала над каждым словом капитана. Но скоро она догадалась, что Кук говорит о чем-то важном. Тогда она, путаясь в своих четырнадцати юбках, выбежала из дворца на двор и закричала:

— Тупия! Тупия!

Тупия был таитянским вельможей. Он пришел, седой, торжественный, и важно приветствовал гостей. Куку понравились его умные, честные глаза, и он изложил ему свое дело. Тупия слушал внимательно и серьезно. Он неодобрительно поглядывал на королеву, которая продолжала смеяться.

Когда Кук кончил, Тупия задумался.

— Мы согласны,— наконец вымолвил он.— Таитяне всегда будут друзьями англичан, если англичане не станут убивать таитян гремучими молниями со своих крылатых островов.

Кук смутился. Он сказал, что Уоллес просто разбойник, что английское правительство не одобряет его действий,

хотя понимал, что правительство скорее одобрило бы Уоллеса, чем его самого.

Наконец союз был заключен. Кук подарил Тупии и Оберее несколько топоров и кучу разноцветных бус.

Приближалось 3 июня — день, когда планета Венера должна была пройти через солнечный диск. Астроном Грин с помощью матросов стал строить на берегу маленькую обсерваторию.

Когда обсерватория была уже почти готова, произошел случай, который чуть было не рассорил путешественников с таитянами.

Грин работал на берегу только до обеда и на остальное время для охраны обсерватории оставлял вооруженный отряд из тридцати человек под начальством лейтенанта Пикерсджила. Отряд этот скоро привык к миролюбию туземцев, и матросы, вместо того чтобы сторожить, бегали с таитянами наперегонки, играли в чехарду, хором распевали песни. Ружья только мешали им, и они спокойно ставили их у стенки.

Как-то раз молодой таитянин подошел к ружьям и стал с любопытством их разглядывать. Они ему очень понравились, и он взял одно ружье в руки, чтобы лучше его рассмотреть.

— Положи! — крикнул ему лейтенант Пикерсджил.

Но таитянин не то не понял, не то просто не хотел слушаться и продолжал держать ружье в руках. Тогда лейтенант для острастки выстрелил в воздух.

Таитянин подпрыгнул и кинулся стремглав в лес, унося с собой ружье. Пикерсджил выстрелил ему вдогонку и убил его наповал.

Тотчас же собралась толпа. Убитого обступили со всех сторон. Мать причитала над ним. Отец требовал мести. И, когда Кук, услыхавший выстрел, прибыл на берег, почти все таитяне были вооружены копьями и готовились к бою.

К счастью для англичан, на берегу оказался Тупия. Этот вельможа привязался к морякам, удивлялся их мудрости и неотступно ходил за ними. Теперь он влез на камень и произнес речь.

Он долго и рассудительно говорил о том, как выгодно для таитян торговать с англичанами. Он искренне считал драгоценностями те стеклянные бусы, которые англичане давали таитянам в обмен на их товары.

— Этот убитый мальчик сам виноват,— говорил он.— Он совершил воровство и наказан по заслугам.

Толпа внимательно слушала Тупию и в конце концов согласилась с ним. Мирные отношения были восстановлены. Один только Кук остался при особом мнении. Он считал убийство молодого таитянина бессмысленным, жестоким поступком и посадил лейтенанта Пикерсджила в карцер.

3 июня Грин и Кук заперлись в обсерватории на целый день. Там было очень душно. Весь день чередовались они у стеклышка телескопа и записывали все свои наблюдения.

А тем временем Бэнкс бродил по острову и приглядывался к жизни таитян. Однажды он встретил несколько пьяных и заинтересовался, что за напиток опьянил их. Вскоре ему удалось это выяснить. На лугу сидело человек пятнадцать мужчин, и все они молчаливо жевали стебли какого-то растения. Когда стебель насквозь пропитывался слюной, они выжимали ее в одну общую глиняную чашку и потом с жадностью пили эту жижу, которую они называли кавой. Напившись, они начинали петь и танцевать.

Таитянские весельчаки встретили Бэнкса очень приветливо. Они поднесли ему чашку с кавой и были очень удивлены, когда он отказался отведать этот напиток. Бэнкс сел в сторонке и стал прислушиваться к песням.

Они пели:

К нам из-за моря приплыли крылатые острова.
На крылатых островах живут белые люди.
У белых людей много драгоценных диковинок.
Есть у них красные ткани, краснее крови и прекраснее зари.
Есть у них светлые шарики, светлее солнца и неба, их надевают на шею.
Есть у них крепкие острые камни, которые превращают деревья в щепки.
Хорошо быть другом белого человека — он даст тебе много сокровищ.
Плохо быть врагом белого человека — он убьет тебя летучей огненной молнией.

Прислушиваясь к этим длинным, однообразным звукам, Бэнкс понял, что у таитян не было определенной, заранее придуманной песни. Они пели все, что им тут же приходило в голову. Сейчас они думали о белых людях — и белые люди появились в их песне.

Но больше всего на Таити наших путешественников поразили кладбища. Таитяне не зарывали своих мертвецов в землю. Они строили где-нибудь в дремучем лесу высокий деревянный помост и клали на него покойника, положив ему в одну руку каменный топор, а в другую — копье. Над ним сооружали бамбуковый навес, который предохранял труп от дождя. Хищные птицы в несколько дней съедали все мясо мертвеца и оставляли только скелет.

Англичане, бродя по острову, не раз натыкались на эти гробницы. Жители Таити боялись своих покойников и, чтобы умилостивить их, клали им в ноги кокосовые орехи и бананы.

Астрономические наблюдения были закончены. Кук решил покинуть Таити и отправиться дальше на запад, в неизвестные места, чтобы выяснить, существует ли Южный материк, и исследовать восточные берега Австралии.

Когда таитяне узнали, что их гости уезжают, они собрались большой толпой на берегу и громко рыдали. Но, конечно, эти рыдания вовсе не были вызваны искренним горем. Просто, по таитянским законам вежливости, гостей полагалось провожать плачем. Искренне горевал один только Тупия, крепко подружившийся с Куком.

— Послушай, Тупия,— сказал ему Кук,— поедем с нами. Ты объедешь весь мир, познакомишься с такими чудесами, какие тебе даже не снились. Я стану обращаться с тобой, как с братом, ты будешь жить в довольстве и в богатстве. А через несколько лет мы привезем тебя обратно. Соглашайся, Тупия, едем!

Тупия горько вздохнул.

— Я бы поехал с радостью,— сказал он,— но у меня есть племянник Тайето, двенадцатилетний мальчик, круглый сирота. На кого я его оставлю? Он умрет здесь без меня с голоду.

— Бери с собой своего племянника,— предложил Кук Тупии.— Я отдам его в Англии в школу, и он станет образованным человеком.

И Тупия согласился. Вместе со своим кудрявым племянником он поселился в отдельной каюте, расположенной между каютами Кука и Бэнкса.

13 июля «Усердие» снялось с якоря и вышло в море.

7 октября мореплаватели увидели зубчатую горную цепь, тянувшуюся от одного края горизонта до другого.

— Ура! — закричал Бэнкс.— Южный материк!

— Это Новая Зеландия, открытая голландским путешественником Тасманом,— сказал Кук.

— Новая Зеландия — часть Южного материка. Я в этом совершенно уверен.

— Посмотрим,— сказал Кук.— Я не уеду отсюда, пока не занесу на карту все берега и не узнаю, материк это или остров.

Новую Зеландию открыл в 1642 году голландец Абель Тасман. Он видел лишь северный берег Новой Зеландии, и поэтому никто не знал, велика ли открытая им земля. Вполне естественно было предположить, что Новая Зеландия — только часть какого-то огромного материка.

Два дня спустя «Усердие» бросило якорь в устье небольшой речки. Берега заросли дремучим, непроходимым лесом, над которым возвышались голые черные скалы. Чем дальше от берега, тем эти скалы становились все выше и выше и, наконец, превращались в гигантские горы, покрытые вечными снегами.

Скоро показались и жители. Они были высоки ростом и мускулисты. Челюсти выступали вперед, и от этого лица казались свирепыми. Голые тела их были пестро размалеваны. В руках они держали длинные копья и топоры из хорошо отшлифованного зеленого камня.

Кук приказал спустить две шлюпки и отправился на берег вместе с Бэнксом и отрядом вооруженных матросов. Увидев приближающихся англичан, люди разбежались. Шлюпка, в которой сидел Кук, подошла к берегу. Кук поручил сторожить ее четырем юнгам и пошел в лес. Вторая шлюпка остановилась на полпути между берегом и кораблем.

Едва только Кук с товарищами скрылся в лесу, как на мальчиков набросились четверо новозеландцев. Они опрокинули их наземь и занесли над ними свои длинные копья.

Напавших заметили со второй шлюпки и для острастки дали залп в воздух. Пораженные грохотом новозеландцы остановились, но увидев, что выстрелы не принесли им никакого вреда, снова кинулись на мальчиков.

Грянул второй залп, и один из новозеландцев был убит наповал. Его товарищи пустились бежать и скрылись в лесу.

Услышав выстрелы, Кук вышел из леса на берег, сел в свою шлюпку и отправился обратно на корабль.

Он был огорчен, что первая встреча с новозеландцами кончилась убийством. Вражда с ними могла только помешать исследованию этой земли. 9 октября, увидев на берегу взволнованную толпу, он немедленно отправился к ней под надежным прикрытием трех вооруженных шлюпок.

С Куком поехал и Тупия.

На этот раз при виде англичан новозеландцы не разбежались, но не решились и приблизиться. Тупия обратился к ним с речью на таитянском языке. И, к удивлению Кука, новозеландцы понимали его. Оказалось, новозеландский язык похож на таитянский. Кук очень обрадовался этому. Тупия облегчит ему сношения с жителями Новой Зеландии.

— Мы пришли к вам не с войной, а с миром,— говорил Тупия.— Нам нужно запастись у вас пресной водой и пищей. Но не бойтесь, мы ничего не возьмем у вас даром. Мы за все вам щедро заплатим. Вы получите от нас топоры из блестящего камня, который крепче ваших скал,— он потряс над головой стальным топором,— драгоценные шарики, которые сделают вас всех красивыми,— он показал стеклянные бусы, украшавшие его грудь,— и красную одежду, в которой не страшен самый сильный ночной холод.

Новозеландцам понравилась речь Тупии, и они, осмелев, стали подходить к странным заморским людям. Кук встречал их приветливо, каждому дарил по нитке бус и уговаривал ехать к себе на корабль.

Казалось, все шло отлично.

Но вдруг один из новозеландцев, подойдя к астроному Грину, вынул у него из ножен кинжал и бросился бежать. Грин выстрелил ему в спину дробью. Но новозеландец был уже довольно далеко, и дробь не причинила ему вреда. Кук уговаривал Грина уступить кинжал удравшему и не устраивать напрасно кровопролития. Но в эту минуту выстрелил доктор Монкгаз и убил убегавшего наповал. Грин подошел к убитому и взял у него свой кинжал.

Новозеландцы перешли в наступление. В боевом порядке, потрясая топорами, они двинулись на англичан.

Матросы дали залп.

Несколько новозеландцев упало. Остальные бросились в реку и переплыли на другой берег.

Кук, увидев, что ему и на этот раз не удалось поладить с новозеландцами, решил вернуться на корабль.

Шлюпки двинулись к кораблю. Навстречу им мчались две новозеландские пироги, направлявшиеся к берегу.

Одна пирога прошла мимо. Но другая отважно приблизилась к шлюпкам.

Тупия попробовал вступить с новозеландцами в переговоры.

— Не бойтесь! — кричал он им. — Мы не сделаем вам ничего худого!

— Мы не боимся! — ответили новозеландцы, и семь копий полетели в англичан.

Двое матросов были слегка ранены.

— Собаки! Бей их! — крикнул кто-то.

Грянул залп, и четверо новозеландцев с простреленными черепами упали на дно своей пироги.

Куку стоило большого труда заставить рассвирепевших моряков не пристреливать трех остальных. Их взяли в плен и отвезли на корабль.

Кук угостил их, напоил сладкой настойкой, подарил им бусы, ткани и топоры. Но пленники ко всему относились враждебно, с Тупией разговаривать отказались и, когда их вечером отвезли на берег, стали швырять камнями в отъезжавшую шлюпку.

Они любили свою землю и не доверяли могущественным иноземцам.

МАТЕРИК ИЛИ ОСТРОВ?

Кук решил, что оставаться здесь дольше бессмысленно, и направился вдоль берега к северу. Всей команде хотелось поскорее узнать, открыли ли они Южный материк, или Новая Зеландия всего только один из бесчисленных островов Тихого океана.

Дули встречные ветры, и «Усердие» медленно подвигалось вперед. На берег мореплаватели съезжали только за водой и избегали встреч с новозеландцами. Но издали видели деревни и маленькие деревянные крепости, которые новозеландцы называют «и-пу». Эти крепости с высоким бревенчатым частоколом строились на вершинах скал.

По ночам корабль бросал якорь в бухтах, которых здесь было множество, и тогда на берегу собирались новозеландцы, жгли костры, плясали военные пляски и проклинали чужеземцев. Англичанам этот шум мешал спать, но в конце концов они привыкли к нему. Одного только Тупию продолжали волновать угрозы, и он каждый вечер обращался к новозеландцам с речью.

— Сойдите на берег, и мы вас всех убьем! — кричали ему в ответ новозеландцы.

— Мы не хотим с вами спорить, - рассудительно отвечал Тупия.— Берег ваш. Но по какому праву вы оскорбляете нас здесь, в море? Море и не наше и не ваше. А сражаться с вами мы не хотим. У нас нет никакого повода к ссоре.

Однажды подобными речами он до того разозлил новозеландцев, что они решились на чрезвычайно дерзкую выходку. Пользуясь ночной темнотой, к «Усердию» подошла пирога, и несколько воинов взобралось на палубу. Они хотели убить Тупию, но, по счастью, он зачем-то спустился вниз. Не найдя Тупии, они схватили его племянника Тайето, швырнули его в пирогу и понеслись к берегу. Тайето заплакал. Его плач услышали стоявшие на вахте матросы и начали стрелять. Меткий выстрел повалил одного из похитителей. Маленький таитянин воспользовался замешательством, прыгнул в воду и поплыл к кораблю. Через минуту он уже был в объятиях своего дяди.

Обогнув самый северный мыс Новой Зеландии, «Усердие» направилось к югу вдоль западного побережья. Эта часть страны была слабо населена, жители здесь казались дружелюбнее, и путешественники могли свободно гулять по берегу. Во время одной из таких прогулок Кук и Бэнкс взобрались на вершину высокой горы. Весь край лежал перед ними.

— Глядите! — вскричал Кук.— Нас со всех сторон окружает вода. Мы на острове! Где же ваш Южный материк?

Бэнкс обвел горизонт пристальным взором. И вдруг на юге, за узкой полоской воды, он увидел покрытые снегом горные пики.

— Да, мы на острове,— сказал он,— но этот остров только с трех сторон окружен океаном. С четвертой стороны — узкий пролив. А за проливом — Южный материк.

Кук подумал, что Бэнкс, может быть, и прав.

Что, если этот остров находится на таком же расстоянии от Южного материка, как Англия от Европы?

На корабле рассказ Бэнкса о том, что они с горы видели пролив, за которым лежит какая-то большая гористая страна, переполошил всех. В том, что это Южный материк, никто не сомневался. И Кук почувствовал, что он тоже заражается этой общей верой.

«Усердие» на всех парусах понеслось к югу. 8 февраля 1770 года оно вошло в пролив. Кук предложил назвать его проливом Бэнкса.

— Бэнкс первый заметил его с горы,— говорил он.

Но Бэнкс наотрез отказался. Он хотел, чтобы пролив был назван проливом Кука, а так как к этому требованию присоединилась вся команда, то Куку пришлось согласиться.

Берега пролива Кука были густо заселены. Новозеландцы, завидев корабль, собирались толпами и швыряли в воду тучи копий и камней.

Но Кук не останавливался. Пройдя пролив и снова попав в океан, он повернул на юг и пошел вдоль восточного берега этой неведомой земли.

Ветер дул попутный, и корабль мчался на всех парусах. Жителей не было видно. Эта страна казалась еще мрачнее, чем тот остров, который мореплаватели обошли кругом. Исполинские горы загромождали ее и подходили к самому побережью. Долин не было — узкие ущелья отделяли одну гору от другой. Склоны гор покрывал темно-зеленый пушок — это были дремучие леса,— а на вершинах сверкали снега.

9 марта берег круто повернул направо, на запад, а 10-го сделал еще один поворот, на север. Значит, это тоже остров. Пройдя вдоль его западного берега, «Усердие» вернулось к проливу Кука.

— Надеюсь, Бэнкс,— сказал Кук,— вы теперь убедились, что Новая Зеландия к Южному материку никакого отношения не имеет. Она состоит из двух больших островов...

— Знаю, знаю! — перебил его Бэнкс.— Северный остров открыт Тасманом, а южный — вами. Но откуда вы знаете, что Южный материк не лежит к югу от южного острова?

Кук задумался.

— Нет,— наконец сказал он.— Этого не может быть. Вы заметили, какие длинные и ровные волны бьют в южный

мыс Новой Зеландии? Такие волны могут идти только из открытого океана. Всякий опытный моряк скажет вам, что там вблизи нет никакой земли.

АВСТРАЛИЯ

Покинув Новую Зеландию, Кук продолжал свое путешествие на запад.

Перед ним стояла еще одна важная задача — исследовать восточное побережье Австралии. О ее южном и западном берегах было уже кое-что известно благодаря Абелю Тасману и некоторым другим голландским мореплавателям. Но восточный берег все еще оставался полной загадкой для европейцев. Предполагали, что он расположен где-то совсем неподалеку от Новой Зеландии.

Но «Усердие» плыло на запад неделю за неделей, не встречая никакой земли. И только месяц спустя после отплытия из пролива Кука, 19 апреля 1770 года, мореплаватели увидели вдали узкую полосу берега. Австралия оказалась гораздо меньше, чем предполагали европейские ученые. От Новой Зеландии ее отделяло громадное водное пространство.

Кук нашел хорошую бухту, бросил якорь, спустил шлюпку и поехал на берег. На берегу стояло человек сорок, голых, с черной кожей.

На корабль они не обращали никакого внимания, но, увидев приближающуюся шлюпку, разбежались. Только два смельчака с длинными деревянными копьями в руках остались на берегу. Они кричали что-то воинственное и угрожающее. Кук подивился их храбрости — в шлюпке было пятнадцать человек. Он знаками объяснил, что у белых самые мирные намерения, что они хотят только набрать пресной воды. Но два упрямых австралийца ничего не желали слушать. Набрав камней, они стали швырять их в шлюпку. Боцман, слегка задетый камнем, выстрелил в одного из австралийцев дробью и попал ему в ногу.

Австралийцы убежали, но, когда белые высадились, они снова появились из леса, держа в руках большие деревянные щиты. Напрасно Кук бросал им гвозди и бусы. Они не обращали на подачки никакого внимания и не унимались. Только новый выстрел дробью принудил их оставить моряков в покое.

С тех пор Кук мог беспрепятственно ходить всюду, куда ему вздумается. Он размышлял, нельзя ли в Австралии поселить английских колонистов. Он исследовал почву и увидел, что она черноземна и может давать отличные урожаи. Высокие тучные травы, казалось, только и ждали, чтобы пастухи выгнали на них скот. В океан впадала многоводная река, в которой водилась вкусная рыба. Леса были редкие, но деревья — главным образом эвкалипты — поражали своей высотой и толщиной. Воздух звенел от птичьих голосов, а на прибрежном песке были видны следы каких-то животных. Кук усердно исследовал страну и был очень доволен своими открытиями.

Одно не удавалось ему — завязать сношения с жителями. Случайно встретив их в лесу, он пробовал заговорить с ними, но они разбежались при его приближении. Поймав двух маленьких девочек, он с ног до головы увесил их разноцветными бусами, надеясь этим привлечь к себе австралийцев. Но, когда девочек отпустили, они побросали все бусы на землю и убежали. Тогда он стал оставлять топоры и гвозди в тех местах, где часто бывали австралийцы. Но те и не притрагивались к этим драгоценностям.

Запасшись пресной водой, «Усердие» снялось с якоря и направилось вдоль берега к северу.

Это было скучное плавание. Австралия очень однообразна. Ровная гряда невысоких гор скрывала горизонт. Горы эти напоминали Куку горы Южного Уэлса в Англии, и он назвал весь этот край Новым Южным Уэлсом. Кук старательно составлял подробную карту австралийских берегов и заносил на нее каждый мыс, каждый залив, каждый прибрежный островок.

25 мая они прошли тропик Козерога и вступили из умеренного пояса в тропический. Несколько дней спустя Бэнкс, гуляя по берегу, увидел странное большое животное, у которого на животе был кожаный мешок. Это был кенгуру, до тех пор никогда еще не виданный европейцами. В кожаных мешках на животе кенгуру носят своих детенышей.

Плавание вдоль австралийских берегов было довольно утомительно, но пока вполне благополучно. Никто из моряков и не подозревал, какая их всех подстерегает опасность.

— Сто двадцать! Сто восемнадцать! Сто двадцать три! — кричал матрос, измерявший лотом глубину.

Вот уже шесть часов «Усердие» шло среди отмелей и подводных скал и никак не могло из них выбраться. Экипаж измучился от ежеминутной перемены курса, от постоянной борьбы с ветром, который то и дело нес корабль на клокочущие буруны.

Но в десять часов вечера лот перестал доставать до дна, и все вздохнули свободнее. Кук отдал распоряжение идти в открытое море и спустился к себе в каюту.

Через полчаса матрос, все еще продолжавший безуспешно отыскивать лотом дно, вскрикнул от ужаса.

— Сто семь футов! — объявил он.

И, раньше чем ему удалось снова закинуть лот, раздался пронзительный скрип, потом треск ломающегося дерева, и «Усердие» остановилось. Паруса в последнем усилии надулись гигантскими пузырями и склонили судно набок. Правый борт почти касался воды.

Через полминуты Кук уже стоял на покатой палубе.

— Все паруса долой! — приказал он.

Паруса убрали, но судно не выпрямилось. Оно застряло в расщелине подводного рифа. Камни впились в его деревянные бока, и нелегко было вырваться из этой клешни.

К Куку подошел доктор Монкгауз.

— Подождите прилива, сэр, — сказал он. — Прилив подымет и освободит нас.

— Сейчас самая высшая точка прилива! — крикнул Кук. — Дальше может быть только отлив.

Монкгауз понял, что попал впросак. Но Кук сразу забыл опрометчивого доктора. «Надо облегчить корабль во что бы то ни стало», — думал он.

И приказал:

— Пушки за борт!

Девять пушек кинули в море. Брызги взлетели до верхушек мачт. Но «Усердие» даже не шелохнулось.

— Выливайте пресную воду! — крикнул капитан.

Бочки были выволочены на палубу, и с таким трудом добытая питьевая вода полилась в море. Но уже начался отлив, исчезла всякая надежда освободиться до дневного прилива.

Весь ужас своего положения мореплаватели поняли только утром, когда рассвело. С каждой набегающей волной корабль терся о камень и медленно разрушался. Кругом плавали обломки киля и обшивки. Стоило ветру чуть-чуть окрепнуть, и через двадцать минут от «Усердия» остались бы одни щепки.

Кук послал в трюм плотника. Он опасался, нет ли в днище сквозной пробоины. Плотник вернулся с побледневшим лицом и сказал:

— Сэр, там вода!

«Началось!» — подумали моряки, но никто не произнес ни слова.

Кук сам спустился в трюм. Ящики и пустые бочонки плавали в черной воде, медленно, почти незримо, подымаясь.

— К помпам! — крикнул Кук и ушел в свою каюту.

Заскрипели две помпы, выливая в море мутные струи. Матросы разделились на три команды, которые качали воду поочередно.

Пришел долгожданный дневной прилив, но не принес освобождения. Он оказался слабее ночного и только слегка приподнял корму судна.

В шесть часов уровень воды в трюме снова начал подыматься, и пришлось поставить третью помпу. Четвертая помпа, запасная, оказалась испорченной. Кук приказал выбросить ее за борт.

Моряки были измучены. Команды, работавшие у помп, принуждены были меняться каждые семь минут. Офицеры становились на место падавших от утомления матросов и работали наравне со всеми. Никто не роптал. Каждый чувствовал, что от этого мучительного труда зависит его собственное спасение.

Когда стемнело, к Куку подошел Бэнкс.

— Вы надеетесь сняться со скалы? — спросил он.

— Надеюсь,— ответил Кук.— Ночью прилив будет очень высок.

— Австралийский берег находится в восьми милях от нас,— сказал Бэнкс.— Сможет ли «Усердие» добраться до него с такой огромной пробоиной в днище? Сейчас скала затыкает дыру, как пробка, но, когда мы освободимся...

Кук молчал.

— В шлюпках поместится не больше половины команды,— продолжал Бэнкс.— Остальные обречены на гибель. Что мы будем делать?

— Что мы будем делать?— переспросил Кук.— Вы да я? Мы останемся на корабле.

Но Кук знал, что это не выход из положения. Матросам тоже не поместиться на шлюпках.

А что ожидает тех, кому удастся добраться до австралийского берега? Одинокая жизнь вдали от родины и близких. Впрочем, будь что будет. А пока надо работать.

Кук подошел к помпе, расстегнул ворот рубашки и стал вместе с изнемогавшими матросами выкачивать воду. Теперь команды менялись уже каждые пять минут. И, когда приходила смена, кончившие работать падали от усталости и лежали, не двигаясь, пока снова не наступала их очередь.

Начался прилив. Уровень воды достиг уже высшей точки дневного прилива и все еще продолжал подыматься. Все шлюпки были спущены на воду и привязаны канатами к корме корабля, чтобы попытаться стянуть его со скалы.

Вода подымалась все медленнее и медленнее. Корабль зашевелился и стал оживать.

Ура! Палуба выровнялась. «Усердие» плавно закачалось на волнах.

Все весла шлюпок с плеском опустились в воду. Канаты натянулись, и корабль, пятясь задом, слез со скалы. Теперь под ним глубина. Они свободны!

Мигом были поставлены все паруса. Но ветра почти не было, и гигантские полотнища повисли, как мешки, чуть-чуть колыхаясь. Корабль медленно пошел к берегу.

Первые десять минут моряки были в восторге. Они радостно обнимали друг друга. Даже помпы застучали веселее. Но вскоре стали замечать, что корабль как-то странно осел, что с палубы поверхность моря уже не кажется такой далекой, как раньше, и, заглянув в трюм, поняли безвыходность своего положения.

— Сэр,— сказал доктор Монкгауз, подходя к Куку,— через четверть часа вода начнет заливать каюты.

— Я это знаю сам,— ответил Кук.

— Сэр,— продолжал Монкгауз,— я придумал, как заткнуть пробоину.

Доктор рассказал свой план Куку, и через минуту на палубе разостлали огромный старый парус. Доктор вымазал

его липким навозом. Навоза набрали несколько ведер в хлеву, где жили купленные на Таити свиньи. Поверх навоза густо набросали паклю и, когда она присохла, сбросили распластанный парус за борт. Парус мигом был подтянут под корабль. Пробоина присосала его к себе, и течь была остановлена. Помпы продолжали работать, и палуба начала медленно подыматься.

На рассвете «Усердие» бросило якорь в устье большой реки.

ПОЖАР

Но несчастья путешественников еще не кончились. Корабль оказался в гораздо худшем состоянии, чем предполагали. Заделать пробоину было мало — все днище до того стерлось, что местами было не толще сапожной подошвы.

В довершение всего на корабле появилась цинга. Цинга — это болезнь, которая происходит от недостатка свежей пищи. Со дня отплытия из Новой Зеландии моряки не ели ничего, кроме морских сухарей и солонины. Мучительная ночь, проведенная на подводном камне, окончательно подорвала их силы. Особенно мучился Тупия. Он, с детства привыкший к сырым фруктам, не мог больше видеть соленого мяса и сухого хлеба и еле волочил ноги.

Кук тотчас послал экспедицию за плодами, овощами и дичью. Но, увы, эта часть Австралии оказалась совсем бесплодной. Пески, сухая трава да увядший от зноя и безводья лес. Экспедиция вернулась, не найдя ничего, кроме гигантского морского слизняка.

Многочисленные следы босых человеческих ног на песке показывали, что земля эта обитаема. И действительно, вскоре возле раскинутых на берегу палаток показалось несколько австралийцев, точно таких же, как те, которых наши путешественники видели раньше. К англичанам они отнеслись без всякого любопытства. Кук им дарил бусы, топоры и ткани, но они тотчас же швыряли все эти подарки на землю, не видя в них никакой ценности. Ценным они считали только то, что можно есть. Еду они ставили выше всего на свете.

Из-за еды у них произошла ссора с белыми, которая едва не стоила жизни Куку и его товарищам.

Вот как это случилось.

Однажды нескольким матросам посчастливилось убить двух огромных черепах. Кук очень обрадовался. Он думал, что свежее мясо поможет цинготным больным, и приказал зажарить черепах на обед. Вдруг австралийцы, ни слова не говоря, схватили одну черепаху и потащили ее в лес. Но черепаха тотчас же была у них отнята. Австралийцы были очень удивлены и объяснили, что им хочется есть. Кук приказал накормить их сухарями, которых на судне было вдоволь. Австралийцы досыта наелись сухарей. Сытые и сонные, они встали, снова взвалили себе на спину черепаху и медленно побрели к лесу.

Это рассердило и рассмешило англичан. Черепаха была отнята вторично. Австралийцы обиделись. Подбежав к костру, на котором плотник варил смолу для конопачения судна, они схватили горящие головни и принялись поджигать траву вокруг лагеря.

Кук приказал стрелять. Но было уже поздно. Высокая сухая трава горела, как порох. Морской ветер вздувал пламя, и оно горячим кольцом обступало мореплавателей.

— К воде! На корабль! — вскричал Кук.

Но все уже и без приказания со всех ног неслись к берегу.

Пламя не отставало от них ни на шаг. И только слегка задержавшая огонь песчаная дюна дала им возможность вовремя прыгнуть в воду.

Через пять минут они были уже на корабле, в полной безопасности.

А пламя продолжало с необыкновенной быстротой распространяться по всему побережью. Горели поля, рушились столетние эвкалипты в лесах. Огонь переливался из ложбинки в ложбинку, а вечером, когда стемнело, медленно полез вверх по лесистым склонам далеких гор. К утру пожар дополз до горизонта.

Четверо суток мореплаватели сидели на корабле, разглядывая океан огня, опустошающий всю страну.

— Безумцы! — говорил Бэнкс, вспоминая австралийцев, которые из-за одной черепахи натворили столько бед. — Ведь они и сами заживо сгорели!

Но, когда клубы дыма рассеялись, Кук через подзорную трубу увидел далеко в море несколько связанных вместе бревен, на которых мирно сидели австралийцы с удочками в руках.

Наконец «Усердие» кое-как починили. Надо было собираться в путь.

К сожалению, Кук не мог и думать о немедленном возвращении в Англию. Измученная команда не вынесла бы такого длинного путешествия, да и корабль требовал хорошего, настоящего ремонта. Кук решил добраться до ближайшего места, где жили европейцы,— до города Батавии в голландской колонии на острове Ява.

Чтобы снова не сесть на риф, в море послали шлюпку с поручением составить карту всех мелей и подводных скал. Шлюпка вернулась только через два дня и привезла безрадостные вести.

Оказалось, что вдоль всего восточного берега Австралии тянется подводный барьер из коралловых рифов, загораживающий путь в открытое море. Этот барьер, как тюремная стена, отрезал их от всего мира.

Началось беспримерное в истории путешествий плавание. Триста шестьдесят миль прошли мореплаватели, ежеминутно измеряя дно лотом. Корабль двигался на север по узкому проходу между берегом Австралии и коралловым рифом. Беспрестанные мели до того истрепали «Усердие», что все его старые раны открылись. Воды прибывало в трюме на девять дюймов в час, и больная цингой команда должна была днем и ночью работать у помп.

Но, когда наконец они обогнули коралловый барьер, перед ними встала не менее трудная задача: берега Новой Гвинеи преградили им путь. А в те времена не знали, является ли Новая Гвинея островом или составляет часть Австралийского материка. Если бы оказалось, что Новая Гвинея составляет часть австралийского материка, им пришлось бы огибать и Новую Гвинею. Это очень удлинило бы их путь, и Кук решил попытаться поискать пролива между Новой Гвинеей и Австралией.

К счастью, этот пролив был найден, и две недели спустя «Усердие» уже плыло среди островов Индонезии.

Тут легко было достать фрукты, и цинга стала проходить. Но на корабле появилась другая страшная болезнь — малярия. Корабль стал похож на госпиталь. Здоровые были до того истощены, что у них не хватало сил ухаживать за больными. К довершению несчастья, хирург Монк-

гауз, единственный врач на корабле, сам заболел малярией и через несколько дней умер. Тупия и его племянник Тайето не вставали с постели. Опасались и за жизнь Бэнкса. Только необыкновенная сила воли поддерживала Кука. Почти каждую ночь выбрасывали за борт нового мертвеца.

И, когда наконец «Усердие» вошло в гавань Батавии, некому было убрать паруса.

Батавия — это большой город на острове Ява, который сейчас называется Джакартой и является столицей Индонезийской республики. Во время Кука остров Ява, как и вся Индонезия, был захвачен Голландией, и города на нем носили голландские названия. С радостью смотрели измученные путешественники на двухэтажные каменные дома, на мощеные улицы, на высокие церкви. Вся команда покинула «Усердие» и поселилась в лучшей гостинице города. Их корабль, так доблестно боровшийся с бурями и мелями, был отдан для ремонта на хорошую верфь.

Тупия, почувствовавший себя немного лучше, гулял по городу и с достоинством ко всему приглядывался. Он помнил, что был у себя на родине важным человеком, и не хотел показывать чужеземцам свое удивление. Но по лицу его Кук видел, как он глубоко потрясен великолепием и грандиозностью города.

— Почему здесь все одеваются по-разному? — спросил он однажды Кука.

— Потому, что сюда съехались люди из разных стран,— ответил Кук,— а в разных странах — разная одежда. У голландцев одни наряды, у малайцев — другие, у англичан — третьи.

— Я тоже хочу быть одетым, как одеваются на моей родине,— сказал Тупия, снял подаренный ему матросский костюм и облачился в свои таитянские одежды.

Одно не нравилось ему: жестокое обращение белых со своими рабами — малайцами.

— Неужели и с таитянами вы сделаете то же самое? — спрашивал он, глядя, как здоровенный голландец погоняет кнутом четырех рабов, впряженных в тяжелую телегу.

Первое время после приезда в Батавию все больные чувствовали себя легче. Но несколько дней спустя малярия возобновилась. Каждый день уносила кого-нибудь смерть. Умер маленький Тайето. А за несколько дней до отплытия

из Батавии умер и Тупия. Ему не довелось увидеть Англию, в которую он так стремился.

Дальнейший путь «Усердия» пролегал по хорошо уже известным морям. Обогнув южную оконечность Африки — мыс Доброй Надежды,— наши путешественники вошли в Атлантический океан и 12 июня 1771 года, после почти трехлетнего отсутствия, прибыли в Англию.

ВТОРОЕ ПЛАВАНИЕ ПОИСКИ ЮЖНОГО МАТЕРИКА

СНОВА В ПУТЬ

Имя Кука облетело всю Англию. Статьи о нем появились во всех газетах. Книги с описанием его путешествия покупались нарасхват и переводились на иностранные языки.

Весь ученый мир переполошился. Астрономы обсуждали его наблюдения над прохождением Венеры через диск Солнца; ботаники — привезенные им травы; зоологи — виденных им в Австралии животных; геологи — вопрос об образовании тихоокеанских островов: этнографы — язык и обычаи новозеландцев.

Но больше всех волновались географы. Давно уже не получали они столько драгоценных сведений. Определение берегов Австралии и Новой Зеландии сразу заполняло огромное белое пятно, украшавшее в то время все европейские карты. А пролив между Новой Гвинеей и Австралией — разве это не грандиозное открытие!

Однако особенно удивило ученых то, что Кук не нашел Южного материка. Южный материк, по их мнению, должен был находиться именно в тех самых широтах, которые посетило «Усердие».

Заседания Лондонского географического общества были похожи на бурю.

— Южного материка не существует! — утверждали одни.— Капитан Кук доказал это с полной очевидностью!

— Южный материк существует! — утверждали другие.— Без него земной шар потерял бы равновесие и свалился бы набок. Но южный материк расположен южнее

тех мест, которые посетил капитан Кук. Если бы этот храбрый путешественник догадался, покинув Новую Зеландию, взять курс на юг, его имя было бы теперь знаменитее имени Колумба.

Английскому правительству во что бы то ни стало хотелось открыть этот неведомый Южный материк. Мало ли какие богатства могли таить его горы, мало ли какую выгоду можно было извлечь из торговли с его обитателями!

И Адмиралтейство решило послать новую экспедицию, поручив ей проникнуть как можно дальше к югу. Единственным человеком, который мог стать во главе такой экспедиции, был капитан Кук.

На этот раз ему дали не один корабль, а два, причем каждый из них был больше «Усердия». Первый из этих кораблей, на котором должен был ехать сам Кук, назывался «Решением», а второй, находившийся под командой подчиненного Куку капитана Фюрно,— «Отвагой».

Куку поручили обойти вокруг земного шара, стараясь держаться возможно ближе к Южному полюсу. А зимой, когда ему волей-неволей придется возвращаться к тропикам, он может продолжать свое исследование тихоокеанских островов.

Новые спутники должны были сопровождать Кука в это плавание, так как хирург Монкгауз и астроном Грин умерли в пути, а здоровье Бэнкса навсегда было подорвано злокачественной малярией, которой он заболел у островов Индонезии.

Теперь с Куком ехали два естествоиспытателя — отец и сын Форстеры, два астронома — Уэлс и Бэйли и художник Вильям Годжс, взятый для того, чтобы зарисовывать обитателей дальних стран. Кук особенно подружился с младшим Форстером, молодым талантливым ученым.

13 июля 1772 года «Решение» и «Отвага» вышли из Плимута, 29 октября они прибыли к мысу Доброй Надежды, южной оконечности Африки.

На мысе Доброй Надежды Форстер-сын встретил шведа — ботаника доктора Спармана, который занимался изучением южноафриканской растительности. Форстер предложил ему примкнуть к экспедиции Кука, и Спарман с удовольствием согласился. Таким образом, на «Решении» появился новый пассажир, чрезвычайно полезный своими научными познаниями.

ЛЕДЯНЫЕ ГОРЫ

Прикупив съестных припасов и дав отдохнуть матросам, Кук покинул Африку и пошел прямо на юг.

С каждым днем погода становилась все холоднее и пасмурнее. Начались дожди, которые мало-помалу сменились снегом. 10 декабря под 50° 40′ южной широты были встречены первые плавучие льдины.

Многие из этих льдин были необычайно велики. Однажды «Решение» чуть было не столкнулось в тумане с ледяной горой, которая была в четыре раза выше самой высокой его мачты. Столкновение с подобной льдиной неминуемо кончилось бы гибелью судна.

Отважные мореплаватели, напряженно вглядываясь в беспросветную пелену падающего снега, продолжали свой путь на юг.

Кук заметил, что все ледяные горы плывут с юга на север, несмотря на то, что ветер дует северный. Это заинтересовало его, и он стал предполагать, что их несет какое-то сильное морское течение. Форстер-отец и астроном Уэлс вызвались измерить скорость этого течения.

Захватив с собой измерительные инструменты, они вдвоем сели в шлюпку и отъехали от корабля. Волны бросали шлюпку, как мячик. Липкий снег застилал им глаза. Но они мужественно работали.

— Где «Решение»?— внезапно спросил Уэлс, поднимая голову. Форстер поглядел по сторонам. Действительно, «Решения» нигде не было видно. Всюду, куда ни кинешь взор, плыли льдины. Они обступили шлюпку кругом.

— «Решение» вон за той ледяной скалой,— сказал Форстер.— Эта громада заслонила от нас корабль. Придется обойти ее.

Они налегли на весла. Вот льдина обойдена. Но за ней, чуть-чуть раскачиваясь, оплескиваемая волнами, плывет вторая такая же.

Где же «Решение»?

Они обогнули и вторую льдину, и третью, и четвертую. Мудрено ли потеряться в этом безмерном движущемся однообразном лабиринте?

Корабль исчез бесследно.

Они гребли с лихорадочной торопливостью. Несмотря на холодный, пронизывающий ветер, пот катился по их спинам.

Проходили часы. Весла уже выпадали у них из рук.

Наступили сумерки. Уэлс лег на дно лодки животом вниз и закрыл глаза. Одни, без пищи, в неведомом бушующем океане!

Но вот сквозь сумрак до них донесся далекий, еле слышный звон. Они вскочили и схватили весла. Льдину за льдиной огибали они, крича в летящий снег, в ветер. Уже опять не хватает сил грести, уже из горла рвется хрип, а не крик...

Перед ними черная корма «Отваги»!

Капитан Фюрно напоил полумертвых от усталости и холода ученых горячим пуншем и уложил спать.

14 декабря льды сомкнулись перед кораблями. Смерзшиеся глыбы превратились в холмистое ледяное поле и преградили дальнейший путь на юг.

В течение двух недель Кук пытался обогнуть это поле то с востока, то с запада, но безуспешно. В ледяном поле не было ни одного прорыва, ни одного канала. Быть может, Южный материк находится еще южнее, за этими льдами. Но доступ к нему был невозможен.

Кук повернул на север и направился к далекой Новой Зеландии. Если ему удастся запастись там провизией, можно будет посвятить зиму исследованию тропической части Тихого океана. А следующим летом ему хотелось снова вернуться на юг и попытаться проникнуть как можно дальше к полюсу. Нужно же в конце концов либо открыть Южный материк, либо доказать, что он не существует.

Когда они уже выбрались из льдов, случилась новая неприятность: Кук перестал видеть «Отвагу». Корабли ночью разошлись в океане. Напрасно «Решение» бороздило волны взад и вперед, напрасно палили из пушек.

Впрочем, Кук не очень беспокоился. Он знал, что капитан Фюрно пойдет в Новую Зеландию и подождет его в проливе Кука.

СТРАШНЫЕ СЛУХИ

Наступил март. Март в Южном полушарии — осенний месяц. Кук торопливо шел к северу, убегая от полярной зимы.

25 марта 1773 года мореплаватели заметили берег Новой Зеландии. Они покинули Африку около пяти месяцев назад. Почти полгода провели в океане, не видя суши.

«Решение» бросило якорь в удобной бухте, расположенной на юго-западном углу южного острова Новой Зеландии. Кук назвал ее Мрачной.

Но Мрачная бухта оказалась мрачною только с виду. Для измученных путешественников она была раем. Отыскав удобную якорную стоянку, Кук тотчас же разделил матросов на отряды охотников, рыболовов и ботаников. Охотники отправились в лес за дичью, рыболовы закинули сети, а ботаники под начальством обоих Форстеров разбрелись по берегу в поисках растений, пригодных для пищи.

Новозеландцев на берегу было мало, и, должно быть, поэтому они отнеслись к англичанам весьма миролюбиво. Их вождь приехал вместе с дочерью на корабль и в знак учтивости непременно хотел вымазать голову Кука каким-то вонючим желтым жиром. Куку стоило огромного труда увильнуть от этой любезности, но тогда настойчивый вождь стал приставать к офицерам, и добросердечный швед Спарман, не умевший никому ни в чем отказывать, кротко предоставил ему свою голову; вождь расщедрился и под хохот всей команды вымазал его с ног до головы.

Рыбы наловили множество, набрали всяких дикорастущих овощей, но дичи не нашли, и охотники вернулись ни с чем. В этих густых лесах не было зверей, и даже птиц, годных в пищу, было мало. Новозеландцы жили впроголодь. Они промышляли рыболовством, но сети их были так плохи, что и рыбы им не хватало.

18 мая «Решение» снялось с якоря и направилось в пролив Кука, где, по условию, его должна была дожидаться «Отвага». Путешествие вдоль берегов южного острова Новой Зеландии было вполне благополучно, и неделю спустя мореплаватели вошли в пролив.

Капитан Фюрно дожидался здесь уже больше месяца. Ему удалось установить с новозеландцами хорошие отношения, и они каждый день привозили на корабль несколько корзин с рыбой в обмен на топоры и бусы.

— Это воинственный народ,— рассказывал Куку капитан Фюрно.— У них не только племена постоянно воюют друг с другом, но и деревни и даже отдельные семьи. И при этом все голодают. Да и мудрено ли — из домашних животных

у них есть только собаки. Мне даже рассказывали... впрочем, я этому не верю...

— Что вам рассказывали? — спросил Кук.

— Один новозеландец говорил мне, будто они едят человечье мясо. Но я, должно быть, просто не понял его.

— Вы его не поняли, — сказал Кук. — Никогда не верьте россказням о людоедах, это глупые басни. Я изъездил немало здешних островов и нигде не встречал людоедов.

МАЛЕНЬКОЕ СОЛНЫШКО

Вокруг Таити расположено много небольших островков. Каждый из них с моря кажется пышным плавучим садом. Все они похожи на Таити — на каждом такие же горы, такие же леса и луга, такие же прозрачные речки, только меньше. Живут на них те же таитяне. Островки эти расположены так близко друг от друга, что туземцы легко переезжают с одного острова на другой в своих пирогах.

Кук, прежде чем пристать к Таити, посетил несколько этих островков. Жители их уже слышали о европейцах и не удивились их приезду. Всюду путешественников ждал самый дружеский прием. Кук закупал фрукты и свинину, щедро платя железом и бусами.

Однажды к «Решению» на пироге приплыл шестилетний мальчик и кинул на палубу большой банан. Кук бросил ему пригоршню блестящих бусинок. Но промахнулся, и бусинки попали не в пирогу, а в воду. Мальчик недолго думая выпрыгнул из пироги и нырнул. Кук считал его уже погибшим, когда он снова показался на поверхности, держа в руке две бусинки.

Бросив их в пирогу, он снова нырнул и нырял до тех пор, пока не собрал со дна все, что бросил Кук. А между тем до дна было несколько метров.

Этот случай показал морякам, как высоко развито у островитян искусство плавания. В воде они чувствовали себя так же легко и свободно, как на суше. Впоследствии Кук видел женщин, которые проплывали много километров, держа в руках грудных ребят. Они порой останавливались среди бушующих волн и кормили грудью своих детей.

Все вожди этих островов стремились побывать у Кука в каюте. Они приносили Куку свиней, а Кук дарил им топоры и ткани. Несмотря на то, что на корабле было столько

невиданных и загадочных вещей, они ничему не удивлялись, так как боялись уронить свое достоинство. Только один из них, помоложе и посмышленей, заинтересовался тиканьем карманных часов и попросил объяснить ему, о чем говорит эта таинственная игрушка. Кук объяснил, что часы показывают время, и молодой вождь стал называть их «маленьким солнышком», так как островитяне узнавали время только по солнцу.

КОРОЛЕВА В ИЗГНАНИИ

В августе суда прибыли на Таити. Мореплавателей встретили, как старых друзей. Их зазывали в каждую хижину. Многие спрашивали про Тупию и, узнав, что он умер, печально качали головами.

Путешественникам рассказали, что королева Оберея свергнута с престола. После отъезда Тупии она потеряла всякое влияние. Теперь страной правил король О-Ту.

Кук, желая заручиться дружбой этого нового властителя, нанес ему визит вместе с Форстером-младшим и несколькими офицерами.

О-Ту был рослый мужчина лет тридцати. Он жил далеко не так скромно, как Оберея,— его всюду сопровождала большая свита.

Кук начал с того, что сделал королю и его приближенным богатые подарки. Король тотчас же послал своих служанок за домоткаными полотнами. Эти полотна были выкрашены в пунцовый, розовый и соломенно-желтый цвета и пропитаны благовонными маслами.

Служанки окутали ими офицеров поверх мундиров, и те едва могли двигаться в своих пышных мантиях.

О-Ту спросил Кука о здоровье Бэнкса, хотя никогда его не видел. Кук поблагодарил короля и позвал обедать к себе на корабль.

На другой день О-Ту приехал на «Решение» вместе со всей своей свитой. Взойдя на палубу, он приказал окутать Кука самыми драгоценными тканями. Через минуту Кук превратился в огромный пунцовый куль, из которого торчала только его голова. Кое-как избавившись от этих пут, он пригласил гостей в кают-компанию.

Но король, человек от природы трусливый, ни за что не хотел спуститься по трапу вниз. Трудно сказать, чего он бо-

ялся. Должно быть, в четырех стенах он чувствовал себя, как в западне. Чтобы проверить, не угрожает ли ему что-нибудь, он послал вперед своего младшего брата и осмелился спуститься вниз, только когда его брат вернулся цел и невредим.

За обедом О-Ту ничего не ел. Он боялся, как бы его не отравили. Зато гости уплетали с невероятной быстротой все, что им приносили. Ложки и вилки смешили их. Они не понимали, зачем есть вилкой, когда руками куда скорее и удобнее.

Одного вельможу кормили слуги. Он держал свои руки под столом.

— У вас, верно, больные руки? — вежливо спросил его Кук.

Но вельможа возмущенно поднял обе руки в воздух. Ногти его были вдвое длиннее пальцев.

Как потом выяснилось, этот таитянин никогда не стриг ногтей и бережно ухаживал за ними, чтобы все видели, что он богат и что ему не приходится работать. Только ноготь на мизинце левой руки был обыкновенной длины. Он не отращивал его, чтобы было чем чесаться, — нельзя чесаться слишком длинным ногтем.

Несколько дней спустя лейтенант Пикерсджил, служивший еще на «Усердии», пошел в глубь острова, в горы, где англичанам никогда не случалось бывать. Проплутав несколько часов по горным тропинкам, он спустился в небольшую долинку и подошел к бедной таитянской хижине, надеясь достать съестного. Ему навстречу вышла старая толстая женщина и, увидев его, громко захохотала. По этому смеху он сразу узнал ее — то была королева Оберея. Она жила теперь одиноко, в глубокой бедности. У нее была всего одна свинья, а это считалось на Таити нищетой. Но она, казалось, нисколько не тяготилась переменой своего положения и, угощая Пикерсджила бананами, смеялась так же громко, как в те времена, когда была королевой.

Пикерсджил предложил ей посетить капитана Кука.

— Не могу, — отвечала она. — Я в ссылке. О-Ту рассердится, если увидит меня на берегу.

Лейтенант подарил ей целую связку бус, зная, что эти бусы представляют на Таити такую ценность, что опальная владычица будет обеспечена на всю жизнь.

Уезжая, Кук и Фюрно взяли к себе на корабли двух молодых таитян — Порэ и Омая. Они решили привезти их в Англию. Порэ должен был ехать на «Решении», а Омай — на «Отваге».

Суда покинули Таити 1 сентября. Когда берег скрылся из виду, Порэ, который так мечтал повидать Англию, расплакался. Вечером они увидели островок Балаболу, расположенный всего в нескольких милях от Таити.

— Высадите меня на Балаболу! — взмолился Порэ. — Я не хочу ехать в вашу Англию. С Балаболы я как-нибудь доберусь до родины!

Кук исполнил просьбу таитянина. Узнав об этом, капитан Фюрно спросил Омая, не хочет ли и он вернуться домой.

— Нет, — ответил Омай. — Я не такой трус, как Порэ. Везите меня хоть на край света.

И действительно, Омаю удалось побывать в Англии.

На Балаболе к Куку подошел мальчик лет семнадцати, по имени Эдидей, и попросил его взять с собой вместо Порэ. Кук охотно согласился.

ОСТРОВА ДРУЖБЫ

Кук знал, что на 12° южной широты и 175° западной долготы расположены какие-то острова. Эти острова открыл голландский мореплаватель Абель Тасман за сто тридцать лет до второго плавания Кука. С тех пор их не видел ни один европеец.

Кук решил посетить эти острова.

1 октября 1773 года, в два часа пополудни, он заметил низкий берег и, подъехав ближе, различил два рядом лежащих острова, разделенных узким проливом.

Растительность этих островов была похожа на таитянскую: такие же пестрые кудрявые рощи покрывали всю страну. Но им не хватало главного украшения Таити — тающих в воздухе гор. Острова были плоские.

Суда остановились в проливе. Тотчас же их окружили пироги. Кук стал знаками приглашать островитян взойти на корабль, но они долго не решались и в страшном возбуждении кричали.

В этом шуме Кук расслышал несколько слов, которые показались ему похожими на таитянские, и попросил Эди-

дея сказать, что моряки никому не желают зла и зовут их к себе на корабль.

Эдидей, польщенный таким важным дипломатическим поручением, произнес торжественную, витиеватую речь. Он говорил целых полчаса, подыскивая самые пышные слова, самые цветистые сравнения. Но островитяне не обратили на него никакого внимания, и все его труды пропали даром.

Только под вечер, когда уже начало смеркаться, на палубу влез огромный раскрашенный островитятин. Кук с удивлением заметил, что у него не было никакого оружия. Это доверие и бесстрашие растрогали капитана. Даже таитяне не решались всходить на корабль безоружными.

Туземец держал в руке корень растения, из которого делают каву. Подойдя к Куку, он безмолвно похлопал его этим корнем по носу, с таким видом, будто совершал важный обряд. Кук удивился. Как потом выяснилось, это был просто знак приветствия.

Потом островитянин заговорил.

Язык, на котором он говорил, отличался от таитянского и новозеландского только произношением слов. Кук понял, что и таитяне, и новозеландцы, и жители этих островов, в сущности, один народ.

Впоследствии народ этот назвали полинезийцами.

Эдидей мог кое-как объясняться с местными жителями, и поэтому молодой таитянин был призван для переговоров. Ему удалось узнать, что больший остров называется Тонгатабу, а меньший — Эоа и что жители их рады прибытию заморских гостей.

Приветливость островитянина сразу расположила к нему всех. Он все время улыбался, не перебивал, когда с ним говорили, и ни разу не попытался ничего украсть.

Кук нацепил ему на шею несколько ниток бус, и он так обрадовался, что принялся плясать на палубе. Но, уходя, снял бусы и вернул их Куку, думая, что их дали ему только на время. И, когда ему объяснили, что он может их взять себе навсегда, он был счастлив.

— Всем покажи эти бусы,— сказал Эдидей,— и вели завтра привезти нам свинины, рыбы и фруктов. Тогда каждый получит такие же бусы, как у тебя.

Наутро на берегу началась торговля. Собралась такая толпа, что невозможно было протолкаться. Островитяне

поразили Кука своей честностью — никто не пытался обмануть его или обсчитать.

Кук пошел в глубь острова на поиски пресной воды. За ним следовала огромная толпа. Он шел от деревни к деревне, и всюду его встречали все новые толпы. Казалось странным, что такое множество людей может жить на таких, в сущности, маленьких островах.

Путешественники шагали по отлично утрамбованной дороге, обсаженной по краям бананами. А кругом простирались поля и сады, перегороженные вдоль и поперек деревянными плетнями. На Таити Кук никогда не видел ничего подобного. Там земли было сколько угодно и никто не отгораживал своего участка, здесь все было запахано, засажено, каждая пальма имела своего владельца, который ухаживал за ней. И все же Кук не мог не заметить, что, несмотря на все старания жителей, деревья здесь ниже, чем на Таити, и урожаи меньше. Эти острова состояли из твердого кораллового рифа, покрытого тонким слоем чернозема. Их почва не могла сравниться с тучной почвой Таити.

На перекрестках дорог и тропинок стояли большие сараи, оплетенные каким-то вьющимся растением вроде плюща. Кук сначала принял их за амбары, но потом понял, что это храмы, которые туземцы называют «а-фиатука». В них стояли безобразные истуканы, высеченные из черного камня. Кук не хотел дотрагиваться до них, боясь оскорбить религиозные чувства островитян, но вскоре увидел, что они нисколько не уважают своих богов — вертят их из стороны в сторону, бьют ладонями по лицу и даже швыряют на пол.

При каждом а-фиатуке жил жрец. Он встречал капитана длинной речью. Выслушав несколько таких речей от разных жрецов, Кук заметил, что все они говорят слово в слово одно и то же. Некоторые сбивались, забывали, что надо сказать, и тогда толпа хором напоминала им. По окончании речи перед жрецом насыпали груду бананов, которую он тут же должен был съесть.

Куку не удалось найти хорошую воду. На этих островах не было прозрачных горных ручьев, которых так много на Таити и в Новой Зеландии. Жители пили мутную солоноватую жижу из грязных прудов и колодцев.

Собак у островитян не было, но зато были куры, которых не знали ни таитяне, ни новозеландцы. Матросы сейчас же купили себе несколько петухов и заставили их драться.

Петухи дрались с необыкновенной яростью. Матросы ничего не жалели, чтобы только достать петухов. Они отдавали островитянам пуговицы с мундиров, носовые платки, сапожные шнурки, перочинные ножи.

— Бей! Вали! Так его! — с утра до вечера на палубе подбадривали матросы своих бойцов.

Эдидей и Омай, никогда не видавшие петухов, сначала относились к ним с недоверием и страхом. Но потом заразились общим азартом, купили себе отличных птиц и так вымуштровали их, что все матросские петухи были биты.

Как-то утром Куку сообщили, что на берегу его поджидает главный вождь Тонгатабу и Эоа. Кук поспешил на берег.

На камне сидел человек необъятной толщины. Огромное брюхо свешивалось между колен. Глаз не было видно — вздутые щеки заслоняли их. Он сидел и жевал. Это и был главный вождь.

Кук заговорил с ним, но он не ответил ни слова. Кук обвесил его простынями, топорами и бусами, но он даже не шевельнулся. Лицо его не выражало ничего.

Кук постоял, постоял и ушел.

А на другой день островитяне привезли на «Решение» пятьдесят свиней.

— Властелин острова дарит их властелину кораблей, — сказали они.

Пятьдесят свиней — совершенно необычайное богатство для островитян Тихого океана.

— Неужели этот толстяк так богат, что может делать такие подарки? — удивлялся Кук.

7 октября корабли вышли в море. Издали с мачт были видны другие острова, принадлежащие к тому же архипелагу, что и Тонгатабу. Но уже началась весна. Кук не останавливался — он спешил к югу, чтобы продолжать поиски Южного материка. Весь архипелаг он решил назвать «острова Дружбы».

— Нигде нас не встречали так дружелюбно, как здесь, — говорил он своим офицерам.

Настоящее название этих островов — острова Тонга. Но на европейских картах надолго сохранилось название, которое дал им Кук.

По пути на юг Кук хотел еще раз посетить Новую Зеландию.

У новозеландских берегов бушевал ураган. Волны вздымались выше мачт и с ревом обрушивались на палубу. Ветер был так силен, что сбивал людей с ног; дождь лил не переставая.

Только на пятые сутки, когда моряки окончательно выбились из сил, улегся ветер, прояснилось небо и выглянуло солнце.

Вдали, на краю горизонта, синели горы южного новозеландского острова. Над клокочущим морем кричали альбатросы. Кук жадно вглядывался в даль. Но «Отваги» нигде не было видно.

Во время бури корабли потеряли друг друга. Напрасно «Решение» палило из пушек, напрасно оно заходило в каждую бухту — его верная спутница пропала бесследно. И Кук сильно тревожился.

— Не беспокойтесь,— утешали его офицеры.— «Отвага» — отличный корабль, с ним ничего не могло случиться. Капитан Фюрно, верно, давно уже поджидает нас в проливе Кука.

И, несмотря на то, что «Решение», сильно потрепанное бурей, требовало немедленной починки, они направились в пролив Кука.

Но «Отваги» не оказалось и там.

Кук с помощью Эдидея, который оказался отличным переводчиком, расспрашивал туземцев, не видали ли они здесь несколько дней назад «другого плавучего острова с белыми крыльями».

— Не видали,— отвечали новозеландцы.

Куку оставалось только одно — ждать. Он не сомневался, что капитан Фюрно догадается зайти в пролив Кука, если, конечно, «Отвага» еще способна держаться на воде.

А пока надо было готовиться к трудному плаванию в полярные моря на поиски Южного материка. Приближалось лето, и Кук хотел во что бы то ни стало использовать его для того, чтобы проникнуть как можно дальше к югу. Он ни на минуту не забывал, что открытие Южного материка — главная цель его путешествия.

Застучали топоры, завизжали пилы. Плотники и корабельных дел мастера принялись за починку судна. Но важнее всего было запастись съестными припасами, так как фрукты, купленные на острове Тонгатабу[1], были уже съедены, а буря уничтожила почти весь хлебный запас — около тысячи пудов морских сухарей подмокло и подгнило.

Новозеландцы на этот раз встретили мореплавателей, как старых друзей, и навезли гору рыбы. На берегу начался оживленный торг. Целый улов большой сети отдавался за один топор. За один гвоздь можно было купить два-три пуда рыбы. Весь пролив был запружен сетями, на каждом прибрежном камне сидел новозеландец с удочкой в руках,— все это ловилось для белых пришельцев.

Но прошла неделя, и старые рыбные запасы иссякли, а новых не хватало. Моряки напрасно бродили по берегу со своими драгоценными гвоздями. Им удавалось достать не больше пяти-шести корзин рыбы в день. Новозеландцы тоже пришли в отчаяние: нелегко стало им добывать железные вещи.

В одно прекрасное утро оказалось, что из прибрежных деревень исчезли все мужчины, способные носить оружие. На расспросы Кука оставшиеся женщины и дети отвечали:

— Они ушли на войну.

— Кто же теперь будет ловить рыбу? — закричал Кук.— Я еще не засолил половины той рыбы, которая мне нужна для того, чтобы отправиться в путь. Ведь нам, может быть, придется несколько месяцев не видеть никакой земли. Неужели они не могли отложить свою войну до нашего отъезда?

Три дня о воинах не было ни слуху ни духу. Но на четвертый день они на пятидесяти пирогах въехали в пролив. С копий победителей еще стекала кровь, еще дымились их черные раны. Вожди держали палки, на которые были насажены сердца побежденных, а пироги их были загружены рыбой — награбленной рыбой, той самой, ради которой они начали войну.

На берегу снова зашумел базар.

А тем временем на «Решении» было сделано открытие, которое подтвердило самые мрачные предположения о нравах и обычаях новозеландцев.

[1] Теперь — остров Тонгатапу.

Случилось это вот как.

Отец и сын Форстеры и несколько младших офицеров сидели на палубе и беседовали с Эдидеем. Вдруг подъехала шлюпка, и на палубу взошел матрос в сопровождении двух старых новозеландцев. Матрос держал какой-то сверток.

— Глядите, что я купил у этих молодцов,— сказал он, обращаясь к Форстерам, и, криво усмехаясь, прибавил: — Недорого, всего три гвоздя!

Он брезгливо развернул сверток и показал ученым отрубленную человеческую голову.

Голова была вареная.

Никто долго не мог произнести ни слова. Матросы отскочили от новозеландцев. Но наибольшее впечатление это отвратительное зрелище произвело на Эдидея. Добрый таитянин сначала оцепенел от ужаса, потом заплакал.

— Мерзкие! Мерзкие! — рыдая, кричал он.— А я еще дружил с вами! Не смейте ко мне подходить!

Несколько минут спустя на корабль вернулся Кук. Увидев смущенные и брезгливые лица своих товарищей, он пожелал узнать, в чем дело. Форстер-сын рассказал ему, что произошло.

Матросы вытолкали пораженных людоедов с корабля, а Кук спустился к себе в каюту и не выходил оттуда целый день.

Служитель, относивший ему обед, слышал, как капитан разговаривал сам с собой.

— Это они с голоду, с голоду,— бормотал он.— Только постоянный голод может заставить одного человека съесть другого. Ведь у них нет ни коз, ни свиней, ни коров, ни хлеба, ни фруктовых деревьев — только рыба да дикие травы.

Рано утром он вызвал пятерых матросов, дал им лопаты и заступы, отправил на берег и велел вскопать землю под огород. Потом пошел к повару и забрал у него два последних мешка привезенной из Англии картошки.

— Вот чем я буду бороться с людоедством,— говорил он, закапывая картошку в землю.— Не пушками, не наказаниями, а картошкой. Когда они научатся сажать картошку, они бросят людоедство и превратятся в самых обыкновенных мирных крестьян. Господин лейтенант, соберите их вождей, я хочу дать им первый урок земледелия.

Ноябрь уже подходил к концу, и весна была в полном разгаре (ноябрь в Южном полушарии соответствует наше-

му маю). Лесные чащи стали еще гуще, еще непроходимее, травы поднялись в человеческий рост, а «Отвага» все не появлялась.

Кук тревожился. Нельзя было больше терять ни одного дня. Малейшее промедление—и за это лето он не решит вопроса о Южном материке. Ему придется ни с чем вернуться в Европу.

Как ни жаль было Куку покидать Новую Зеландию, не узнав, что случилось с капитаном Фюрно и его подчиненными, он все же приказал поднять паруса и сняться с якоря.

На всякий случай Кук закопал под одним прибрежным деревом бутылку с письмом для капитана Фюрно. «Решение» дважды прошло весь пролив, паля из всех пушек, и наконец 26 ноября вышло в открытый океан.

Кук взял курс прямо на юг.

«ОТВАГА» У НОВОЗЕЛАНДСКИХ БЕРЕГОВ

Что же случилось с «Отвагой»?

Почему капитан Фюрно не пришел к условленному сроку в пролив Кука, где он должен был встретиться со своим начальником?

Почему он предоставил «Решению» одному идти к Полярному кругу искать неведомый Южный материк?

Но пусть капитан Фюрно сам расскажет об этом.

Вот докладная записка, поданная им в Британское Адмиралтейство в 1775 году:

«1 ноября 1773 года,—писал он,—сильный шквал, сопровождаемый дождем и туманом, отнес нас далеко на восток. Мы легли в дрейф и скоро потеряли из виду и берег и «Решение». Четверо суток трепала нас буря. Паруса ежеминутно рвались, палуба стала протекать, и матросы, жившие в постоянной сырости, жаловались на простуду, кашель и головные боли.

Я знал, что «Решение» ждет нас в проливе Кука, но, когда буря утихла, корабль наш оказался в таком состоянии, что нам оставалось только одно: немедленно идти к ближайшему новозеландскому берегу.

9 ноября мы бросили якорь в каком-то заливе. Новозеландские пироги обступили нас со всех сторон. Новозеландцы вели себя дружелюбно и предлагали нам множество товаров. Но нас пугали их воинственный вид, их длин-

ные острые копья и, главное, отрубленные женские головы с распущенными волосами, украшавшие носы их пирог. Я решил запастись водой, произвести самый необходимый ремонт и как можно скорее идти на соединение с «Решением» в проливе Кука, в знакомые места.

Но, увы, расчеты мои не оправдались. Ремонт снастей задержал нас дольше, чем мы предполагали, и нам удалось сняться с якоря только 12 ноября.

Ветер был встречный. Нам приходилось идти короткими галсами. Дни шли за днями, а мы почти не двигались с места. Только две недели спустя нам удалось войти в пролив и бросить якорь.

«Решение», конечно, не дождалось нас. Высадившись на берег, я увидел дерево, на коре которого была вырезана надпись: «Разрой землю». Я немедленно же приказал копать под надписью яму, и через несколько минут лопаты моих матросов наткнулись на запечатанную бутылку, в которой оказалось письмо от капитана Кука.

В этом письме капитан Кук сообщал мне, что ждал меня три недели и, не дождавшись, отправился к югу на поиски материка. Он предлагал нам следовать за ним, но мы об этом не могли и думать. Нужно было починить наш полуразрушенный корабль, запастись топливом и дать отдохнуть измученным и больным матросам.

Одинокими и беспомощными чувствовали мы себя в этой дикой лесной стране, расположенной на краю света. Туземцы — как вымерли. Берега пролива Кука, еще так недавно усеянные многолюдными деревнями, теперь были пусты и угрюмы. Из леса порой доносились какие-то странные шорохи и голоса, как будто неведомые враги следили за нами из чащи и выжидали только удобного случая, чтобы напасть и убить. И мы старались как можно реже съезжать на берег.

Но время шло, ничего не случалось, и наши страхи рассеялись. Мы попривыкли к угрюмой дикости береговых скал, а когда в лесу раздавались голоса, мы говорили, что это кричат птицы.

Наконец судно было приведено в порядок; и мы стали собираться в путь. На прощание мне хотелось собрать фруктов и овощей, чтобы в дороге было чем полакомиться команде, которой надоела вечная солонина с морскими сухарями.

В злополучный день 17 декабря я послал на шлюпке в глубь пролива небольшой отряд, приказав ему ехать вдоль берега и собирать все растения, которые покажутся съедобными. Все были рады такой приятной прогулке, и в шлюпку сейчас же уселось десять матросов. Во главе отряда я поставил двух лучших своих боцманов, которые тоже были очень довольны.

Одного из них звали Феликс Рау, другого — Томас Гилл.

— Возвращайтесь к вечеру. Завтра мы снимаемся с якоря,— сказал я им на прощание.— И будьте осторожны. Не заходите далеко в лес. Особенно вы, Гилл. Вы всегда так всем увлекаетесь. Как бы нам не пришлось разыскивать вас!

— Меня не трудно найти, сэр,— со смехом ответил Гилл.— Я меченый.

И, засучив рукав, он показал мне свою руку, на которой было вытатуировано «Т. Г.» — первые буквы его имени и фамилии.

К вечеру они не вернулись.

Я начал сильно тревожиться и пожалел, что отправил их так далеко от судна. А утром послал на поиски вооруженную шлюпку с десятью солдатами морской пехоты под командой лейтенанта Бэрни.

Шлюпка эта должна была обогнуть Долгий остров, посетить Восточную бухту, а оттуда отправиться в залив Растений. Этот залив славился тем, что на его покрытых густым лесом берегах рос вкуснейший сельдерей. Даже английские огородники не сумели бы вырастить лучшего сельдерея. И поэтому мы были уверены, что наши пропавшие товарищи посетили вчера залив Растений.

В Восточной бухте не нашли ничего. Лейтенант приказал плыть дальше.

В два часа дня солдаты увидели большую новозеландскую деревню. Жители высыпали на берег и стали махать руками, прося шлюпку удалиться. Но лейтенант велел высадиться и в сопровождении пяти солдат, с ружьями наперевес, обошел все хижины. Ничего подозрительного им обнаружить не удалось. Одно только удивило лейтенанта — в этой деревне совсем не было молодых, здоровых мужчин. В каждой хижине их встречали только женщины, старики и дети.

В три часа отправились дальше. Вот наконец и залив Растений.

У берега стояла длинная пирога. Ее сторожили два раскрашенных воина. Увидев шлюпку, они кинулись в лес.

— Приставать?— спросил рулевой.

— Приставайте,— сказал лейтенант.

И через минуту нос шлюпки врезался в прибрежный песок.

— Глядите, башмаки!— вдруг крикнул солдат, первым выпрыгнувший на берег.

— Где башмаки? Какие башмаки?

Солдат нагнулся и поднял с земли два стоптанных матросских башмака.

— Я знаю, чьи это башмаки,— мрачно сказал другой солдат.— Это башмаки матроса Удгауза. У него ноги колесом, и только он один может так криво стоптать башмаки.

— Ищите, ищите!— закричал лейтенант.— Мы должны обыскать весь этот берег!

И сейчас же сам наткнулся на находку.

В высокой траве стояло двадцать больших плетеных корзин, наполненных мясом.

— Солонина!— вскричал один из солдат.

— Нет, мясо свежее,— заметил другой.

— Собачье мясо,— сказал третий.— В этой проклятой стране нет ни быков, ни свиней, ни баранов.

И толкнул корзину носком сапога. Корзина перевернулась. Груда мяса вывалилась на окровавленную траву. На самом верху этой мелко изрубленной кучи мяса лежала отрубленная человеческая рука. Возле ее согнутого локтя были ясно видны две большие лиловые буквы: «Т. Г.»

— Назад! К шлюпке!— приказал лейтенант, и отряд хмуро потащился к берегу.

На голом холме стояли новозеландские воины и потрясали копьями, глядя на медленно идущих по высокой траве англичан.

— Дозвольте проучить этих собак, сэр!— закричали солдаты, обращаясь к лейтенанту.

И, раньше чем тот успел ответить, грянул залп, потом другой, потом третий. Лысый холм покрылся трупами.

Лейтенант Бэрни, вернувшийся вместе со своим отрядом только в одиннадцать часов вечера, доложил мне обо всем. Я решил отказаться от бесполезной мести озверевшим людоедам и как можно скорее покинуть эту мрачную страну. На другой день мы снялись с якоря».

Так закончил докладную записку капитан Фюрно.

Полгода спустя «Отвага», обойдя с юга Австралию и пройдя через весь Индийский океан, с порванными парусами, с поломанной оснасткой, с полумертвой от голода и цинги командой добралась до голландского порта Капштадт[1] на мысе Доброй Надежды.

ОПЯТЬ СРЕДИ ЛЬДОВ

— Мы сейчас проходим под средним сводом Лондонского моста,— сказал Кук.

— Что вы сказали? — спросил Форстер-младший.

— Под нами мутная вода Темзы, в которой отражаются баржи, набережные и дома,— продолжал Кук.

Форстера пробрала дрожь. Шутка ли — мчаться к Южному полюсу по неведомым морям на корабле, которым командует помешавшийся капитан! Только сумасшедший, находясь в южной части Тихого океана, может полагать, что он плывет по Темзе и проходит под средним сводом Лондонского моста.

— И тем не менее Лондон никогда еще не был так далеко от нас, как сейчас,— говорил Кук.— Он расположен на другой стороне земного шара, как раз под нами.

Форстер рассмеялся. Так вот оно что! Капитан Кук прав. «Решение», может быть, действительно плывет под Лондонским мостом. Но Лондон находится на одном конце земного диаметра, а «Решение» — на другом. Если бы в Лондоне стали копать яму и прорыли насквозь землю, землекопы вылезли бы из недр как раз под килем «Решения».

Путешественники проникли уже гораздо дальше к югу, чем прошлым летом, и все еще не встречали льдов. Погода стояла холодная, пасмурная, но море было чисто.

Кук уже стал думать, что Южного материка не существует. Но теперь его увлекала к югу другая надежда — надежда добраться до Южного полюса.

Вот корабль пересек Южный Полярный круг и солнце перестало заходить — дни и ночи кружит по небу,— а они все еще мчатся дальше на юг.

Но 30 января 1774 года было замечено, что облака на краю неба как-то странно сверкают. Это всегда служит

[1] Теперь — Капстад (Кейптаун).

признаком приближения льдов. Через полчаса с мачт увидели холмистое ледяное поле, преграждавшее им путь.

Подул холодный ветер, пошел мокрый снег. Снасти покрылись ледяной корой, с рей свешивались гигантские сосульки. В каютах было так холодно, что спали не раздеваясь.

Эдидей, никогда не видавший ни льда, ни снега, был потрясен. Он сперва принял ледяное поле за землю и поражался ее белизне и блеску. Но потом, когда ему показали, что лед может таять и превращаться в воду, удивлению его не было границ. Падающий снег он называл небесными камнями. Он собирал его и складывал в особый ящичек, так как хотел привезти это чудесное вещество с собой на Таити и показать друзьям. Он был глубоко огорчен, когда ему сказали, что сделать это не удастся.

Полуночное солнце наполняло его благоговейным трепетом. Каждый вечер он ждал наступления темноты и, видя, что солнце остается на небе, в испуге убегал к себе в каюту.

Этот молодой смышленый таитянин веселил всю команду, соскучившуюся во время длинного, однообразного пути. Он собрал в Новой Зеландии разные прутики и теперь связал их в пучок, причем каждый прутик носил у него название какой-нибудь из стран, посещенных им во время путешествия. Был у него прутик «Тонгатабу», прутик «Новая Зеландия» и даже прутик «Военуа Тита», что по-таитянски значит «Белая Земля».

— Эти прутики помогут мне не забыть те страны, где я побывал,— объяснял Эдидей матросам.— А то ведь так всего не упомнишь.

Впрочем, увидев какое-нибудь новое чудо, он не радовался, а скорее, наоборот, печалился.

— Чего ты жалуешься, Эдидей?— спрашивали его.— Ведь ты объехал полмира. Тебе будет чем похвастаться на родине.

— Никто мне там не поверит,— грустно отвечал Эдидей.

Ледяное поле преградило путь кораблю.

Там, где, по мнению ученых, должен был находиться Южный материк, Кук не нашел ничего, кроме моря.

Однако, если бы ему удалось проникнуть еще немного дальше к югу, он открыл бы Южный материк. Потому что

Южный материк действительно существует — он называется Антарктидой.

Но Антарктиду открыли русские мореходы Беллинсгаузен и Лазарев почти через полсотни лет после второго плавания Кука.

А Кук, не дойдя до Антарктиды, повернул свой корабль на север.

ПОГИБШИЙ МИР

Теперь предстоял долгий путь домой. Но по пути домой Кук хотел посетить неизвестные и малоизвестные области Тихого океана.

11 марта мореплаватели увидели желтые горы острова Пасхи.

Этот остров открыл в 1687 году пират Эдуард Дэвис. Потом, на пасху 1722 года, его посетил голландский капитан Якоб Рогтевейн и назвал его островом Пасхи. С тех пор до Кука никто не видел этого острова.

Голые базальтовые скалы отвесными склонами подымались из воды, придавая острову вид неприступного замка. Какой угрюмый, неприветливый край! И нигде ни одного дерева — только бурые кусты да желтая трава.

Но никакой земле наши мореплаватели не радовались так сильно, как этому большому выжженному камню, торчавшему со дна океана. Три с половиной месяца носились они по полярным морям. От дурной воды и несвежей пищи у половины команды начиналась цинга. Сам Кук был простужен, измучен и мечтал о возможности провести несколько часов на берегу.

Мудрено ли, что бесплодный остров показался им раем?

А когда из-за мыса выплыла лодочка, в которой сидел рыбак-островитянин, удивленно глядевший на корабль, Эдидей не выдержал, прыгнул в воду и поплыл к нему навстречу. Он влез в лодку, обнял растерявшегося рыбака, сунул ему в руку сразу два гвоздя и сам сел на весла. Через минуту он втащил островитянина на палубу и, смеясь от счастья, поставил его перед Куком.

Их окружила вся команда. Островитянин по виду был похож на таитян, и это давало надежду, что с ним можно будет сговориться.

— Спроси, Эдидей, есть ли у них бананы! — кричали офицеры.

— Хорошая ли здесь вода?

— Много ли они держат свиней?

— Скажи ему, что мы хорошо заплатим.

— Мы дадим все, чего они захотят.

Но несчастный рыболов от страха лишился дара слова, и его пришлось отпустить, ничего от него не добившись. Решено было немедленно же ехать на берег.

На острове Пасхи жило всего шестьсот — семьсот человек. Они говорили на полинезийском языке, но из всех полинезийских племен это было, пожалуй, самое нищее племя. Жители острова Пасхи не имели не только свиней, но и собак, которые были даже у новозеландцев. Питались рыбой да крысами, в изобилии водившимися на острове. Пресной воды было мало, и они возмещали ее недостаток тошнотворно-приторным соком дикорастущего сахарного тростника.

Купить на острове Пасхи было нечего. Кук приобрел несколько корзин свежей рыбы, дал матросам возможность побродить по берегу и решил как можно скорее убираться отсюда.

Моряки уныло поникли головами.

Но зато ученые были вознаграждены за все страдания. Их заинтересовали исполинские статуи, высеченные из цельного камня. Эти статуи были рассеяны по всему острову. Стояли они на гигантских платформах, тоже высеченных из камня.

Форстер-сын расспрашивал островитян, откуда у них эти статуи, кто их сделал, что они означают. Но островитяне ничего не могли ему объяснить и с суеверным ужасом глядели на гигантские каменные глыбы.

И Форстер решил, что эти статуи вряд ли созданы теми людьми, которые сейчас обитают на острове Пасхи. Во-первых, людей там слишком мало, им не под силу было бы ворочать этакие глыбы, а во-вторых, невозможно себе представить, чтобы такая сложная работа могла быть выполнена жалкими топориками, сделанными из камней и ракушек.

Оставалось предположить, что на острове Пасхи обитал когда-то многочисленный, могущественный и культурный народ. Но это казалось еще невероятнее. Слишком уж мал

остров Пасхи, слишком отдален от других берегов, а главное — слишком бесплоден.

И Форстеру пришла в голову смелая идея. А что, если несколько столетий назад остров Пасхи был совсем не такой, как сейчас? Что, если он был неизмеримо больше и плодоноснее? Что, если он составляет только крохотную частицу какого-нибудь материка, вследствие землетрясения погрузившегося на дно океана? Сколько здесь базальтов и застывшей лавы! Все это говорит о сильной и недавней вулканической деятельности. На этом материке могли быть города, храмы, дороги, нивы, пастбища и миллионы людей, богатых, просвещенных, знакомых с науками и искусствами. А теперешние жители — это, может быть, обнищавшие и одичавшие остатки великого народа, смешавшиеся с туземцами соседних островов, перенявшие их язык и забывшие о своем славном происхождении. И только статуи, свидетели былых времен, помнят об их великом прошлом.

ТАИТЯНСКИЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ

Так как остров Пасхи не мог снабдить корабль всем необходимым, Кук решил еще раз посетить Таити.

21 апреля 1774 года с «Решения» увидели таитянские горы.

Эдидей заплакал от радости.

Кука встретили как старого друга. Король О-Ту поцеловал его.

Изголодавшаяся команда была немедленно снабжена всем необходимым. Было время урожая, и Кук никогда еще не видел Таити таким цветущим и обильным. Матросы отдыхали и радовались. Они привыкли встречать на этом острове покой, дружбу и хорошую пищу.

Таитян волновало важное политическое событие. Жители островка Эймео, расположенного в десяти милях от Таити, взбунтовались и отказались признавать власть короля О-Ту. Таитяне подготовляли карательную экспедицию против непокорных. По берегу бродили толпы вооруженных мужчин, прибывших из дальних селений, по ночам жгли костры, пили каву, плясали военные пляски.

Все было готово к походу, ждали только флота, который крейсировал у противоположного берега Таити.

Кук столько наслышался о красоте и могуществе этого флота, что с нетерпением ждал его прибытия.

Наконец настал этот торжественный день.

Кук стоял на берегу вместе с О-Ту и Форстером, когда в бухту влетели таитянские пироги. Вот как описывает Кук это событие в своем судовом журнале:

«Флот состоял из 160 военных судов и 150 судов, предназначенных для подвоза съестных припасов. Военные суда имели от 40 до 50 футов в длину. Над носовою их частью расположены платформы, где стояли воины в полном вооружении. Гребцы сидели внизу между столбами, поддерживающими платформы, по одному человеку на каждый столб. Таким образом, эти платформы были приспособлены только для боя. Суда для подвоза съестных припасов гораздо меньше и лишены платформ. На больших судах сидело по сорок человек, а на малых — по восемь. Я высчитал, что всего в таитянском флоте занято 7700 человек, но многие офицеры сочли эту цифру преуменьшенной.

Все суда были украшены разноцветными флагами и представляли величественное зрелище, какого мы не ожидали увидеть в этих морях. Впереди шел адмиральский корабль, состоящий из двух больших военных судов, соединенных вместе. На нем ехал командующий флотом адмирал Товга, пожилой человек с красивым, мужественным лицом.

— Да здравствует О-Ту! — кричали мореходы, выскакивая на берег прямо перед своим королем.

— Да здравствует Товга! — кричали сухопутные войска, встречая идущего им навстречу адмирала.

Одежда воинов была пышна и пестра. Она состояла из трех больших кусков ткани: нижний — белый, средний — красный, верхний — бурый. На головах они носили высокие шишаки, сплетенные из прутьев и украшенные голубыми, зелеными, белыми перьями и зубами акул. Один только Товга вместо шишака носил чалму, которая очень шла ему. Поздоровавшись с О-Ту, он подошел ко мне и обнял меня».

Кук был не прочь посмотреть на предстоящую войну таитян с эймеосцами, но, к сожалению, он должен был спешить, так как ему хотелось посетить никому не ведомый

остров Эспириту-Санто[1], отмеченный на карте одного испанского мореплавателя.

На прощание он пригласил Товгу к себе на корабль.

Товга вел себя как настоящий моряк. Больше всего его интересовало устройство корабля. Он спрашивал о назначении каждого паруса, каждого каната, понимая все с одного намека, и задавал такие сложные и разумные вопросы, что Кук только удивлялся его уму и догадливости.

Товга восхищался искусством англичан.

— Если бы у нас был хоть маленький парусный кораблик,— восклицал он,— мы были бы непобедимы на морях!

И Куку пришло в голову подарить таитянам небольшой парусный бот с каютой и палубой, который в разобранном виде лежал в трюме «Решения». «Мы слишком многим обязаны этому народу,— думал Кук,— чтобы уехать, не сделав им никакого подарка».

Когда бот составили и спустили в воду, Товга пришел в восхищение. Но, когда ему сказали, что этот бот отныне будет принадлежать таитянскому флоту, он засмеялся от счастья. Он проехал на нем вдоль всего берега при ликующих криках народа, отлично справляясь с рулем и парусами. Несколько двадцативесельных пирог попробовали угнаться за ним, но сразу остались позади.

Два часа спустя О-Ту и Товга прибыли на «Решение» с официальным благодарственным визитом. Чего-чего только они не привезли с собой! И свиней, и кокосов, и бананов! К глубокому их огорчению, Кук приказал все это отослать назад, так как все кладовки на «Решении» были уже заполнены доверху. Впрочем, это не испортило торжества.

Эдидей стал самым знаменитым человеком на Таити. Он ходил из хижины в хижину и, перебирая свои прутики, рассказывал о странах, в которых ему удалось побывать. Но ему не слишком верили. Однажды на корабль явилось несколько таитян и, вызвав Кука, они попросили его уличить Эдидея, который утверждал, что он видел белые камни, которые могли превращаться в воду. И Куку стоило многих усилий убедить их, что Эдидей говорил правду.

Перед самым отъездом Эдидей заявил, что в Англию он не поедет.

— Почему? — спросил его Кук.

---

[1] Теперь — остров Эспириту-Санта.

— Я женился,— ответил Эдидей.

— Я могу взять и твою жену.

— Нет, я уже построил себе здесь дом.

Кук подарил ему несколько топоров, целый ящичек бус, поцеловал и отправил на берег.

НОВЫЕ ГЕБРИДЫ

Роясь в старых испанских картах, Кук на одной из них нашел остров Эспириту-Санто, расположенный к северо-западу от Новой Зеландии. Ни об этом острове, ни об окружавшей его части океана ничего не было известно. Кук решил, прежде чем вернуться на родину, разрешить загадку этого острова и, воспользовавшись свежим ветром, пустился в путь.

15 июля перед ним открылась цепь больших гористых островов. Трудно было решить, который из них видел испанский мореплаватель. Чтобы не обидеть своего предшественника, Кук оставил название Эспириту-Санто за самым большим из них, а всему архипелагу дал имя «Новые Гебриды».

Первый остров, к которому он пристал, назывался Маликоло. Это была лесистая гористая страна в сто километров в длину. Жители ее нисколько не походили на таитян и новозеландцев: у них были курчавые волосы и черная, как у негров, кожа. Вся их одежда состояла из пояса, с которого спереди свешивался пучок соломы.

Леса на Маликоло были непроходимы. Деревья густо оплетены лианами, сквозь которые пробиться можно было только с топором в руках. Однако островитяне в этих лесах чувствовали себя отлично. Казалось, им было легче лазить по деревьям, чем ходить по земле.

Форстер-младший подобрал на берегу несколько брошенных копий и с удивлением заметил, что их острые наконечники выпачканы какой-то липкой мазью.

— Это яд,— сказал он Куку.— Здешние жители опаснее новозеландцев. Идти в глубь острова — опасно, а на берегу нам нечего делать. Мы должны скорее убраться отсюда.

«Решение» долго шло к югу, лавируя между островами. Все они были похожи на Маликоло. Всюду по берегам бродили толпы голых людей и швыряли в воду копья и камни.

Но 6 августа моряки наткнулись на остров, который своим видом значительно отличался от всех остальных. Посередине его возвышалась большая конусообразная гора, из вершины которой валил густой черный дым. Приблизившись, Кук увидел, что леса на острове местами вырублены и то тут, то там растут банановые деревья, посаженные правильными рядами. Это внушало надежду, что жители этого острова дадут возможность экспедиции запастись водой и прикупить съестных припасов.

В воздухе пахло гарью. Дым, извергаемый горою, осаждался, и паруса «Решения» почернели от копоти. Все на корабле покрылось сажей. Только что выстиранное белье через несколько часов приходилось снова стирать.

Ночью моряки были свидетелями необычайного зрелища: дым, освещаемый снизу, из кратера, казался огненно-красным и огромным кровавым языком распластался по звездному небу.

Наутро бросили якорь. Корабль сразу же окружили пироги. Жители были с виду такие же, как на соседних островах, но к морякам относились без всякой свирепости. Они кидали оружие на землю, махали пальмовыми ветвями и зазывали пришельцев на берег.

Кук попробовал заговорить с ними по-таитянски, но напрасно. Язык их с таитянским не имел ничего общего. Знаки они тоже понимали плохо — недогадливость их даже порой удивляла путешественников.

Остров этот назывался «Танна». Жители Танны — самое культурное из всех новогебридских племен. Но насколько они были беспомощнее и невежественнее таитян! Земледелие их находилось в самом зачаточном состоянии. Расчищая почву от леса, они рубили деревья каменными топорами. Топоры эти были так плохи, что одному человеку удавалось срубить не больше двух-трех деревьев за день. Кук приказал матросам вырубить для туземцев участок леса, над которым им пришлось бы трудиться целый год, и через три часа работа была кончена.

Кук даже новозеландцев считал культурнее, чем новогебридцев. Новозеландцы умели плести рогожи, их каменные топоры были хорошо отшлифованы, у них были крепкие, вместительные лодки, а не легко переворачивающиеся пироги, в которых едва могли поместиться два человека.

Зато у таннцев было смертоносное оружие — отравленные копья и стрелы. Они охотно продавали их англичанам.

Кук возмущался тем, что таннцы свалили всю работу на жен, а сами ничего не делали. Женщины размягчали деревянными мотыгами землю, женщины ловили рыбу, женщины пасли свиней, готовили обед, строили хижины, а мужчины лишь спали, ели да распевали песни. Только два занятия считали они достойными себя — охоту на птиц и рубку деревьев. Но, срубив дерево, заставляли женщин оттаскивать его в сторону. Вообще женщины постоянно что-нибудь тащили на спинах, они были низкорослы и сгорбленны.

Танна — вулканический остров и весь состоит из пепла, выброшенного огнедышащей горой. Его черная рыхлая почва чрезвычайно жирна, и поэтому лес здесь гуще, чем на Маликоло.

Бродя по лесу, Кук натыкался на лысые места, где не росла даже трава. Однажды он ступил на такую прогалинку, но снизу так припекало, что ему казалось, будто он идет по раскаленной плите.

Немало там было и горячих ключей, которые били из-под земли прямо вверх, как фонтан. К ним трудно было подойти из-за клубов горячего пара. Кук бросил в один из таких ключей черепаху, и через две минуты она настолько сварилась, что ее можно было есть.

Жители Танны были слишком бедны, чтобы снабжать корабль припасами, поэтому Кук не мог долго оставаться у них. Он поднял паруса и направился на юг, полагая, что до Новой Зеландии они уже не встретят никакой земли.

НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ

Но через три дня, 5 сентября, мореплаватели издали увидели длинную горную цепь.

Кук несколько суток плыл вдоль скалистых, почти безлесных берегов, и ему стало казаться, что он открыл необычайно большой остров. Но, забравшись на вершину одной из гор, он сразу за нею увидел море. Новая Каледония длинна, но узка: ширина ее нигде не превышает десяти миль.

Обитатели ее были похожи на туземцев Танны, только несколько выше ростом и мускулистее. Они сажали бана-

новые и кокосовые деревья, но не имели никаких домашних животных. Диких зверей на острове тоже не было.

Однажды на берегу новокаледонцы увидели матросов, которые ели солонину. Один из моряков обгрызал свиную кость, и они приняли его за людоеда. Это вызвало в них сильное отвращение, они сразу заговорили все хором, плевались и корчили рожи. Напрасно смущенные матросы старались убедить их, что они едят свиное, а не человечье мясо. Островитяне продолжали смотреть на них с самым брезгливым видом.

Впрочем, к морякам новокаледонцы относились без всякого любопытства. Никогда не заговаривали первые, не звали их к себе, не подъезжали к кораблю и ничего не пытались выменять или украсть. Когда путешественники бродили по острову, их сопровождали только дети. Мальчики целыми толпами ходили за Форстером, потому что Форстер стрелял попугаев. Выстрелы их нисколько не страшили.

Кук нанес на карту все восточное побережье Новой Каледонии, дал названия мысам и заливам и вышел в открытое море.

ДОМОЙ

18 октября 1774 года «Решение» снова бросило якорь в проливе Кука. Кук был в Новой Зеландии почти год назад. Как здесь все изменилось за время его отсутствия! Берега пролива опустели. Там, где раньше были деревни, остались только грязные пепелища, уже зарастающие травой. А те несколько семейств, которые продолжали еще обитать в этом опустелом краю, старательно избегали встреч с моряками. Едва англичане высаживались на берег, как новозеландцы скрывались в лесах.

Кук, не знавший, что произошло с «Отвагой», удивлялся этой странной недоверчивости людей, так дружественно относившихся к нему в его прошлый приезд. Он поймал двух молодых воинов, силой привез их на корабль и стал расспрашивать, что произошло в его отсутствие. Но новозеландцы были несловоохотливы, бормотали что-то невнятное, уверяли, что они ни в чем не виноваты, и Куку пришлось отпустить их, ничего не добившись.

«Домой!» – вздыхали матросы, утомленные двухлетним плаванием. «Домой!» – скрипели ванты, истрепанные за долгую службу. «Домой! Домой!» – шумели грязные, заплатанные паруса.

Кук тоже устал и постарел за это путешествие. Посоветовавшись с офицерами, он через неделю покинул Новую Зеландию и отправился в Англию, избрав путь мимо мыса Горн. 30 июля 1775 года «Решение» прибыло на родину, обойдя вокруг света.

КУК ОПЯТЬ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ТИХИЙ ОКЕАН

После второго путешествия Кук решил отдохнуть. Ему шел уже сорок девятый год, он довольно поплавал по морям.

И вот, пожертвовав почти все свои деньги, полученные из Адмиралтейства, на постройку общежития для престарелых моряков, он поселился в маленьком городке Гринвиче и занялся астрономией.

Но он недолго оставался в бездействии.

Весной 1776 года его вызвал к себе граф Сэндвич, первый лорд Адмиралтейства.

— Кук,— сказал он,— вам придется еще раз совершить кругосветное путешествие. Адмиралтейство решило послать вас в новое плавание. Вы должны попробовать отыскать Северо-Западный проход со стороны Тихого океана.

О существовании Северо-Западного прохода европейские ученые тех времен спорили так же много, как о существовании Южного материка.

Защитники существования Северо-Западного прохода утверждали, что это пролив, который проходит через Северную Америку и соединяет Атлантический океан с Тихим.

Предполагаемый пролив называли Северо-Западным потому, что надеялись найти его на северо-западе от Европы.

Никто никогда этого пролива не видел, и тем не менее многие верили в его существование.

Европейским купцам XVIII века, для того чтобы попасть в Индию, в Китай, в Японию, приходилось обходить кругом либо всю Африку, либо всю Южную Америку. А это намного удлиняло путь и удорожало плавание. Открытие Северо-Западного прохода дало бы возможность кораблям проникать кратчайшим путем из Европы во все страны Дальнего Востока.

Много уже кораблей пыталось найти этот проход. Но все они искали его со стороны Атлантического океана. И не нашли.

— Надо попытать счастья со стороны Тихого океана,— сказал граф Сэндвич Куку.— Вам придется проплыть вдоль всего западного побережья Северной Америки. Это совсем неисследованная область. Там еще не был ни один путешественник. В Плимутской гавани вас уже ждут два корабля. Ну что ж, согласны?

— Согласен,— ответил Кук.— Но у меня к Адмиралтейству есть просьба.

— Какая?—спросил граф Сэндвич.

— Я прошу дать мне стадо овец.

Граф Сэндвич удивился.

— Стадо овец?

— Да. Голов пятнадцать — двадцать.

— Зачем вам овцы?

— Я хочу везти их в подарок таитянам и новозеландцам. Этих бедных людей нужно обучить скотоводству. Если овцы размножатся на их островах, туземцы разбогатеют. Скотоводство — лучший способ борьбы с людоедством. У новозеландцев нет никаких домашних животных, кроме собак. Земля у них плодороднейшая, но они не умеют ни пахать, ни сеять. Постоянный голод висит над всей страной. Голод натравливает их друг на друга, голод учит их съедать убитых врагов. Если бы мы привезли им овец...

— Вы служите его величеству королю, капитан, а правительство его величества не желает делать подарки новозеландцам, которые съели матросов капитана Фюрно.

— В таком случае я куплю овец на свои собственные деньги,— сказал Кук.

— Пожалуйста,— холодно ответил граф Сэндвич.— Это ваше личное дело.

12 июля 1776 года Кук вышел в море из Плимутского порта на своем милом старом «Решении».

Второй корабль, данный ему вместо выбывшей из строя «Отваги», назывался «Открытием». Им командовал капитан Кларк.

Но «Открытию» не удалось вовремя приготовиться в путь, и «Решение» ушло одно. Кук обещал капитану Кларку подождать его у мыса Доброй Надежды.

Граф Сэндвич стоял на берегу, окруженный чинами управления порта и своими адъютантами. Ветер сдувал пудру с завитых париков. Граф Сэндвич следил через подзорную трубу за уходящим судном. Там все было в порядке. Чисто вымытая палуба сверкала на солнце.

Но, едва берег скрылся из виду, на палубе «Решения» была воздвигнута деревянная загородка. Кук сам следил за ее постройкой. Получилось нечто вроде небольшого загона для скота. И матросы втащили в этот загон одиннадцать овец лучших английских пород и четырех круторогих баранов.

Дни проходили за днями, и «Решение» быстро двигалось к югу. Берега Португалии остались позади, и в ясную погоду с левого борта можно было видеть синюю полоску берегов Африки. Кук торопился к мысу Доброй Надежды. В пути он сделал всего одну остановку — у острова Тенериф[1]. Испанцы, жившие на острове и занимавшиеся виноделием, были поражены: они впервые видели судно, зашедшее к ним не за вином, а за сеном.

Покинув Тенериф, Кук, пользуясь попутным ветром, на всех парусах помчался к мысу Доброй Надежды. Команда была весела и здорова, овцы толстели.

18 октября «Решение» бросило якорь в Столовой бухте, возле мыса Доброй Надежды, в гавани города Капштадта[2]. Здесь мореплавателям предстоял долгий отдых. Они должны были дождаться «Открытия», которое только 1 августа вышло из Англии.

Мыс Доброй Надежды — самый южный мыс Африки — в те времена принадлежал Голландии. Все корабли, направлявшиеся из Европы в Индию, проходили мимо мыса

[1] Теперь — Тенерифе.
[2] Теперь — Капстад (Кейптаун).

Доброй Надежды, и Голландия держала этот важнейший морской путь в своих руках.

Южная Африка — степная страна. Степи начинались сразу за городом и тянулись на тысячи километров к северу. В этих степях бродили запуганные голландцами племена бушменов. Бушмены обкрадывали птичьи гнезда, поедали лягушек и вымазывали наконечники своих стрел ядом маленьких черных змеек. При виде европейцев они разбегались и прятались в глубоких земляных норах.

Когда якорь был брошен, Кук съехал на берег и отправился к голландскому губернатору.

Губернатор дал ему бумагу, украшенную разноцветными печатями, в которой говорилось, что английскому капитану Джемсу Куку разрешается пасти своих овец на пастбищах вокруг города Капштадта.

Кук был доволен. Он давно уже мечтал покормить свое стадо свежей травой.

А тем временем он прикупал съестные припасы, рассматривал старые карты и не торопясь готовился к дальнейшему плаванию. Матросы получили двухмесячное жалованье и разбрелись по городу. Офицерам к обеду выдавалась лишняя бутылка вина. Естествоиспытатель доктор Андерсон чистил свои инструменты для набивки чучел и ловил на палубе африканских бабочек.

Так прошел месяц.

И вдруг в каюту капитана вбежал лейтенант Кинг.

— Сэр, овцы исчезли! — крикнул он.

Кук, взволнованный, сейчас же съехал на берег и тут только узнал, что произошло.

Накануне вечером два солдата, сторожившие стадо, мирно сидели у костра и курили трубки. Яркие звезды, небывало высокие травы нисколько не интересовали их. Они привыкли и не к таким чудесам во время своих скитаний по белу свету вместе с капитаном Куком.

Нет, они говорили о далекой Англии, где остались их жены и дети, которых они видят так редко. Рядом, сбившись в кучу, спали овцы со связанными передними ногами.

К полуночи солдат стала одолевать дремота. Они уже собирались разлечься на траве, как вдруг услышали далекий стук копыт. Огромная зарница озарила полнеба, и на вершине соседнего холма они увидели четырех всадников,

скачущих прямо к костру. Длинные ружья торчали у них из-за плеч.

«Разбойники!» — подумали солдаты.

Англичане, съезжая на берег, должны были, по распоряжению голландцев, оставлять свое оружие на корабле. А как они, безоружные, будут защищаться от четырех вооруженных всадников?

Топот копыт приближался.

— Стой! Кто идет? — крикнул один из солдат.

Длинная петля лассо обхватила обоих пастухов и сбила их с ног. Всадники спешились и молча связали англичан, положив одного на другого, как кусок сыра на ломоть хлеба. Затем распутали овцам ноги, сели на коней и умчались в степь, гоня перед собой все стадо.

Только на рассвете несчастным солдатам удалось освободиться. Они побрели в порт и донесли обо всем своему начальству.

Кук, встревоженный и возмущенный, снова поехал к губернатору. Губернатор встретил его официально и недружелюбно. Он не любил англичан; он знал, что они хотят завладеть голландскими колониями в Южной Африке.

— Это меня не касается, — сказал он. — Обратитесь к начальнику полиции.

Начальник полиции был вторым после губернатора лицом в колонии и собирался в будущем занять его должность. Выслушав английского капитана, он сухо обещал ему свое содействие. Но Кук понял, что ему нечего надеяться на помощь властей.

Он был в отчаянии.

А тут как раз прибыло «Открытие», истрепанное в Атлантическом океане бурей, и Куку пришлось на время отложить поиски украденного стада — он должен был распорядиться ремонтом.

Капитан Кларк, бывавший в этих местах (он служил лейтенантом на «Отваге» под командой капитана Фюрно), утверждал, что грабители пользуются покровительством самого губернатора.

— Вас ограбили здешние рабовладельцы, — говорил он. — Им не хватает своего скота, и вот они решили воспользоваться вашим. Такие набеги тут в порядке вещей. Вступать в борьбу с рабовладельцами невозможно. Все на-

чальство на их стороне. Есть, пожалуй, одно неплохое средство...

— Какое? — спросил Кук.

— Найти воров, которые за умеренную плату согласились бы украсть у грабителей ваших овец.

Это действительно был единственный правильный путь. И Куку не пришлось даже разыскивать желающих взяться за такое дело — они нашлись сами.

Случилось это вот как. Вечером того же дня, перед заходом солнца, Кук нанял фиакр и поехал к одному голландскому купцу, доставившему ему полтонны морских сухарей. Кук расплатился с купцом, вышел на улицу и уже собирался вскочить в фиакр, как вдруг в воротах соседнего дома увидел старуху негритянку, которая делала ему какие-то таинственные знаки.

Кук пошел за ней.

Она ввела его во двор и протянула ему замусоленный клочок бумажки, на котором свинцовым карандашом были нацарапаны какие-то каракули.

После долгих стараний Куку удалось прочесть:

Сэр! Мы знаем, где ваши овцы. Готовы на все. Недорого. Знаете пустырь за казармой? Приходите сегодня в 11 часов вечера.

Ваши доброжелатели, обиженные судьбой.

Кук поднял глаза, но старухи уже не было.

В назначенное время он пробирался в темноте по кривым окраинным уличкам города. Город спал, и только в кабаках, освещенных сальными свечами, шумели матросы.

Вот наконец и мрачное кирпичное здание казармы. Часовой спит, опершись на длинное ружье. Кук обошел казарму вокруг и вышел на пустырь. Сюда свозился мусор со всего города и сжигался здесь в специально вырытых ямах. Кук подошел к одному из костров и остановился.

Ждать ему пришлось недолго.

Из зарослей исполинского чертополоха, оглядываясь по сторонам, вылезли три мрачные фигуры. Кук понял, что это и есть его «доброжелатели».

Доброжелатели оказались довольно пестрой компанией: белый, негр и мулат. Белый носил рваные военные

брюки английского покроя, заплатанный синий жилет и широкополую войлочную шляпу. Кук сразу понял, что это беглый английский солдат. Мулат был желт, как воск, и лихо закручивал свои франтоватые черные усы. На нем не было ничего, кроме грязных парусиновых штанов. Негр стоял в стороне, вращая белками. Шесть разноцветных босых ног бесстрашно попирали горячую пыль, усеянную колючками чертополоха.

— Мы слышали о вашем несчастье, сэр,— начал белый, обращаясь к Куку.— Мы вам сочувствуем от всей души. Мы даже готовы помочь вам — конечно, если вы... Скажу прямо, сэр,— а по-моему, настоящие джентльмены, вроде нас с вами, должны всегда говорить прямо,— мы беремся этой же ночью доставить вам ваших овец. Но вы должны вознаградить нас.

— Как же вы достанете моих овец? — спросил Кук.

— Не тревожьтесь, сэр. Нет такого замка́, который мы не могли бы взломать. Нет такого забора, через который мы не могли бы перепрыгнуть. Нет такой сторожевой собаки, которую мы не могли бы отравить. Правду я говорю, ребята?

Мулат кивнул головой.

— Сколько вы хотите за доставку моих овец? — спросил Кук.

Вор расставил ноги, сдвинул шапку на лоб и почесал затылок.

— По три гульдена на брата,— наконец вымолвил он.— Только для вас, с другого бы втрое взяли.

— Согласен,— сказал Кук.

— Дайте задаток.

— Задатка не дам,— возразил Кук.— Когда приведете овец, получите деньги.

— Ладно. Через три часа будем в порту с вашим стадом. По рукам!

И три разноцветные руки протянулись к нему.

Кук крепко пожал протянутые руки.

На следующий день, 30 ноября, «Решение» и «Открытие» на всех парусах неслись по Индийскому океану. По палубе «Решения», окруженные деревянной загородкой, мирно бродили овцы и бараны.

Омай — тот самый таитянин Омай, которого капитан Фюрно привез с собой в Англию, — теперь возвращался вместе с Куком к себе на родину. При английском дворе он имел шумный успех. Сам король подарил ему красный камзол.

— Ах, какой он забавный! — восклицали дамы, глядя, как он засовывает руку в общее блюдо и, набив полный рот, тщательно облизывает коричневые пальцы.

Омай скалил зубы, перескакивая через стулья, и то и дело наступал на шлейфы. Его восхищало решительно все: дилижансы, вина, мостовые, коровы, соборы и генеральские мундиры. Он был самым счастливым человеком в Великобритании.

Но он стал еще счастливее, когда снова очутился на корабле и понял, что едет домой, на Таити.

Но вот мыс Доброй Надежды остался позади. «Решение» и «Открытие» направились прямо к Тасмании.

Тасмания — большой остров, расположенный к югу от Австралии. Она была открыта еще в начале XVII века голландским путешественником Тасманом, но с тех пор ни одно европейское судно не посетило ее, кроме «Отваги», прошедшей возле ее берегов во время своего несчастного плавания от Новой Зеландии к мысу Доброй Надежды.

Корабли медленно плыли мимо покрытых густым лесом холмов этой неведомой страны. Кук заносил на карту каждый изгиб берега. Он искал бухты, чтобы остановиться, нарубить дров, накосить сена, запастись водой.

Вот наконец берег круто свернул к северу. Какая удобная гавань! Кук отметил ее на карте и приказал бросить якорь.

На берег отправилась целая экспедиция — дровосеки с топорами и пилами, косари с косами, фуражиры с бочками для пресной воды и рота вооруженных солдат. Кук тоже поехал с ними, захватив с собою Омая и доктора Андерсона.

Трава оказалась отличная, вода — вкусная, деревья — высокие, хоть мачты делай из них, и Кук не мог налюбоваться этой прекрасной страной. Скоро появились и ее обитатели. Это были черные люди, истощенные постоянными голодовками. Одежды они не знали никакой, не носили даже

тряпочек вокруг бедер. У женщин на спинах болтались большие мешки из кенгуровой кожи, в которых сидели курчавые ребятишки.

Все эти люди столпились вокруг косарей и следили за работой, но в их глазах не было заметно ни удивления, ни любопытства.

Кук дал тасманийцам несколько ниточек бус, которые так восхищали таитян и новозеландцев, но они брали их безучастно, не знали, что с ними делать, и бросали на землю.

Скоро дровосеки наткнулись на жилье этих людей. Оказалось, они не умели строить даже шалашей, даже землянок не умели выкопать, а жили в больших дуплах, которые выжигали кострами в стволах гигантских эвкалиптов.

Омай был удручен нищетой этого народа, населяющего такую прекрасную страну.

— Бедные, бедные! — говорил он, качая головой.— У них нет ни луков, ни копий. Им, верно, приходится есть одних червей да улиток. Недаром они такие тощие.

— Нет, ты ошибаешься,— сказал Кук.— Гляди, вон у того лохматого — копье.

Действительно, один из тасманийцев держал в руке длинную палку с обточенным концом. Он весьма воинственно потрясал ею и, видимо, нагонял страх на своих сородичей. Кук подошел к этому тасманийцу и знаками объяснил ему, что хочет посмотреть, как он швыряет копье. Тот почти сразу понял, чего от него хотят, показал Куку растущий у воды куст и швырнул в него свою палку. Но палка три раза перевернулась в воздухе и упала на песок в десяти шагах от куста.

— О-хо-хо! — засмеялся Омай.— Да у нас двухлетние дети швыряют копья лучше, чем ты. Хочешь посмотреть, что такое настоящее оружие?

И, раньше чем Кук успел произнести хоть слово, хвастливый и пылкий Омай зарядил свое ружье и оглушительно выстрелил в небо. Трах-тах-тах-тах! — грянул выстрел. Трах-тах-тах-тах! — ответило лесное эхо.

Тасманийцы, все как один, грохнулись ничком на землю. Потом разом вскочили на ноги и пустились наутек.

Покинув Тасманию, наши путешественники поплыли дальше на запад и 12 февраля 1777 года увидели берег Новой Зеландии. Два дня спустя корабли стали на якорь в проливе Кука. Четвертый раз Кук посещал эти места и хорошо знал каждую отмель, каждый камень и риф.

Берега были снова густо заселены. Всюду, куда ни кинешь взор, торчали островерхие шалаши новозеландцев. На прибрежном песке лежало множество пирог.

Увидев корабли, новозеландцы пришли в смятение. Они были уверены, что англичане станут мстить им за своих съеденных соотечественников. Особенно их напугал Омай, которого они видели на «Отваге» вместе с капитаном Фюрно. Уж он-то непременно будет уговаривать Кука истребить всех береговых жителей.

В этом они не ошиблись. Омай сразу узнал их и кричал, потрясая кулаками:

— Горе вам, горе, злодеи! Тряситесь от страха! Пришел ваш последний час! Мы не щадим никого!

Он советовал Куку сначала разрушить деревни пушечными ядрами, а потом поджечь окрестные леса. Большинство офицеров и даже сам капитан Кларк считали совет Омая весьма благоразумным и ожидали, что Кук по крайней мере прикажет туземцам выдать зачинщиков убийства.

Но у Кука были совсем другие планы. «Чего я достигну,— думал он,— застрелив несколько человек и доказав им преимущество огнестрельного оружия над луками и копьями? Я только разожгу в них ненависть к нам. Разве после такой расправы мне удастся приучить их к овцеводству? Нет, они так навсегда и останутся людоедами!»

Кук твердо решил раздать своих овец новозеландским вождям и поэтому сразу объявил всем своим подчиненным, что отказывается от всякой мести.

На берегу реки против кораблей он разложил самые заманчивые для новозеландцев товары: бусы, красные ткани, топоры и ножи — и, стоя на высоком пне, знаками предлагал туземцам приступить к мене.

Первые два дня новозеландцы не решались подойти к этому месту ближе чем на полмили. Но мало-помалу, ободренные миролюбивым видом англичан, они стали вылезать из лесов, таща на головах корзины с рыбой. Не до-

ходя двадцати шагов до склада товаров, они останавливались и что-то хором кричали, размахивая руками. Потом подходили и спокойно обменивали рыбу на ткани и топоры.

Кук с помощью Омая в конце концов понял, о чем кричат новозеландцы.

— Не мы убивали твоих братьев,— старались они убедить Кука.— Их убил Кагура, кровожадный Кагура, могучий Кагура! Убей Кагуру, и твои братья будут отомщены!

Кук попросил Омая узнать у новозеландцев, кто такой Кагура. На другой день Омай рассказал ему, что Кагура — могучий, бесстрашный, свирепый вождь, владеющий всей этой местностью. Его боятся и ненавидят.

Они даже тайком шептали Омаю, что Кук доставит им большую радость, если убьет Кагуру. Омай спросил, почему они сами не убьют своего ненавистного владыку, но те в страхе рассказывали ему, что вот уж пятнадцать лет Кагура правит всей страной и никому еще не удалось убить его.

— Убей Кагуру,— советовал Куку Омай.— Хочешь, я помогу тебе найти его?

— Найди его, Омай, непременно найди,— отвечал Кук.— Мне так нужен Кагура.

Но Кук хотел видеть Кагуру совсем не для того, чтобы убить его. Напротив, Кук хотел с ним подружиться.

«Если я отдам своих овец этим жалким рыболовам,— думал он,— их тотчас же украдут у них и убьют. А могущественный вождь, вроде Кагуры, получив овец, сумеет сохранить свою собственность».

Как-то утром Куку передали, что страшный Кагура стоит на берегу и хочет с ним повидаться. Кук сейчас же сел в шлюпку и поехал на встречу к своему нежданному гостю.

Кагура был высок, широкоплеч и мускулист. Все его тело было покрыто пестрой, как павлинье перо, татуировкой — красные, лиловые и золотые узоры расползались по его спине, по лицу, по плечам, по животу, по бедрам. В руке он держал длинное древко копья, на которое был насажен стальной топор английского производства.

Увидев Кука, Кагура сделал несколько шагов ему навстречу.

— Здравствуй, великий вождь! — сказал Кук.

— Здравствуй, великий вождь! — сказал Кагура.— Посмотри, какой я тебе приготовил подарок.

Восемнадцать носильщиков поставили перед Куком девять корзин, доверху наполненных рыбой.

— Идем со мной, Кагура,— сказал Кук.— Я хочу угостить тебя в своем плавучем доме. Там я дам тебе столько всякого добра, что ты станешь самым богатым человеком во всей стране.

Кук был уверен, что Кагура откажется ехать с ним на корабль. Не мог же он не понимать, что англичане могут там сделать с ним все, что захотят! И, когда, не говоря ни слова, Кагура сел в шлюпку, Кук был глубоко потрясен его необычайной смелостью.

— Кагура, тебя убьют! — крикнул вслед отчаливающей шлюпке один из приближенных вождя.

— Кагура ничего не боится,— последовал спокойный ответ.

В капитанской каюте стояли бутылки вина и блюдо с жареной солониной. Кагура ел, пил и вежливо всему удивлялся. Кук попросил Омая быть переводчиком и стал расспрашивать Кагуру о том, как произошло убийство матросов капитана Фюрно.

Кагура рассказывал охотно и просто. Видно было, что он ничего не скрывает.

Как оказалось, отряд, посланный за фруктами и овощами, остановился в заливе Растений на отдых. Матросы развели костер и принялись жарить рыбу. Увидев дым костра, Кагура вместе со своей свитой подошел к ним и поздоровался. Но матросы, не поняв его, ничего не ответили и продолжали есть, не обратив никакого внимания на новозеландцев. Один из воинов Кагуры был очень голоден и отнял у какого-то матроса недоеденный рыбий хвост. Матрос ударил вора, тот стал защищаться. Матросы вступились за своего, новозеландцы — за своего, началась потасовка. Матросы дали залп в воздух. Но новозеландцы не испугались выстрелов.

Матросы были изрублены в куски раньше, чем успели снова зарядить ружья.

Когда Кагура кончил свой рассказ, Омай протянул Куку свое ружье и сказал:

— Вот убийца! Убей его!

Но Кук отстранил ружье.

— Этот убийца,— сказал он,— единственный человек во всей стране, который может сохранить моих овец. Я дарю ему половину своего стада.

Омай пожал плечами и, возмущенный, вышел из каюты.

МАЛЬЧИКИ ИЗ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Кук передал Кагуре овец и объяснил ему, как их надо кормить. Кагура прислал на корабль груду свежей рыбы.

Но Кука одолевали сомнения. Он не был уверен, что его овцы могут расплодиться в Новой Зеландии. Кагура, казалось, плохо понял выгоды скотоводства и радовался овцам скорее как заморскому чуду, чем как источнику богатства.

Гуляя по берегу, Кук наткнулся на поле, которое в прошлое свое посещение Новой Зеландии он засадил картошкой. Картошка сильно разрослась. Но было видно, что заботливая человеческая рука никогда не пыталась разрыхлить для нее землю или выполоть сорную траву. А между тем картошка новозеландцам нравилась, и они с удовольствием поедали ее и сырой и печеной.

Одно утешало его: впереди были мирные таитяне, которые умели возделывать бананы и кокосы, пасли свиней на своих зеленых лугах. Они-то уж во всяком случае поймут пользу овец и сумеют их выходить. И Кук стал готовиться к отплытию.

Когда уже начали подымать паруса, на «Решение» явился Омай с двумя пятнадцатилетними новозеландскими мальчиками и заявил, что он берет их с собой на Таити. Кук испугался, не обманул ли Омай этих мальчиков, и объявил им, что они никогда уже не вернутся на родину, никогда не увидят друзей и близких. Но мальчики ни за что не хотели уходить с корабля.

Так два юных новозеландца пустились в плавание вместе с Куком.

Первое время они были веселы и довольны и даже ни разу не оглянулись на удаляющийся берег Новой Зеландии. Они бродили по пятам за Омаем, очевидно, преклоняясь перед его умом и житейским опытом. Разлука с родиной нисколько их не огорчала.

Но их поведение совершенно изменилось, когда на второй день плавания началась качка и им пришлось помучиться морской болезнью. Тут они вспомнили родину,

островерхие шатры, непроходимые леса, родителей, сестер и братьев. Они были уверены, что умирают, и горько плакали, проклиная тот час, когда согласились сесть на корабль и отправиться в чужие страны.

Впрочем, их отчаяние длилось недолго: к вечеру качка утихла, морская болезнь прошла, и они мало-помалу утешились.

ОСТРОВА КУКА

Был уже конец марта, в Северном полушарии начиналась весна, и Кук понял, что в этом году ему уже не удастся приступить к поискам Северо-Западного прохода. Он прибыл бы в Америку не раньше августа, а уже в сентябре холода заставили бы экспедицию вернуться на юг.

И он решил посвятить остаток 1777 года исследованию островов Южного полушария.

Уже в конце марта он открыл небольшую группу островов. Он назвал их островами Кука.

Острова Кука, так же как Таити и Новая Зеландия, были населены полинезийцами. Кук посетил остров, называвшийся Ватуа[1].

Здесь Омай помог Куку сделать чрезвычайно важное открытие. Он встретил на Ватуа трех своих земляков-таитян.

Кук сначала не поверил этому. Неужели таитяне в своих челнах могли пересечь колоссальное водное пространство, отделяющее Таити от Ватуа? Но Омай привел их на корабль, и они рассказали Куку свою историю.

Девятнадцать лет назад они трое да еще один их товарищ сели в лодку и отправились на расположенный рядом с Таити остров Улиетея. Это не трудное путешествие. Туземцы обычно совершают его в два-три часа. Но на полпути началась буря, она унесла их в открытый океан и три недели носила по бушующим волнам. Товарищ их умер от голода. Но лодка не потонула. И в конце концов их, полумертвых, вынесло на берег Ватуа.

Эти три таитянина своим рассказом разрешили важную научную задачу, давно занимавшую умы европейских ученых: каким образом люди могли расселиться по тихоокеанским островам, так далеко расположенным друг от друга. Ведь кораблей у островитян нет, а лодки, казалось бы, годны только для небольших прибрежных поездок. И вот

[1] Теперь — остров Ватоа.

Куку пришло в голову, что море может заносить на острова людей случайно, так же, как оно заносит туда семена трав и растений.

Кук предложил таитянам отвезти их обратно на родину, но они отказались. На Ватуа у них уже были и жены и дети. Им не хотелось их покидать.

Омай был очень рад этой встрече с земляками. Он водил их по кораблю и, между прочим, показал им овец. К удивлению моряков, те приняли овец за гигантских птиц и спрашивали, почему им отрезали крылья.

Потом они повезли Омая на берег. С ними поехал лейтенант Гор, который хотел осмотреть остров. Ватуйцы окружили их и следовали за ними огромной толпой, куда бы они ни шли. Омай увидел яму, в которой горел костер, обложенный со всех сторон раскаленными камнями, и испугался. Он решил, что попал к людоедам и его сейчас изжарят на этих камнях. Но оказалось, что намерения у ватуйцев были самые добрые. Они изжарили на камнях рыбу и накормили гостей.

Под вечер Гор и Омай решили вернуться на корабль, но ватуйцы не хотели их отпускать. Они говорили:

— Живите с нами. Вам будет хорошо.

Гор попробовал подойти к своей шлюпке, но его схватили сзади за камзол, и он не мог сделать ни шагу.

Тогда Омай показал ватуйцам пушки, торчавшие из бойниц кораблей, и сказал, что каждая такая пушка одним своим выстрелом может уничтожить весь их остров.

— Если мы сейчас не вернемся на корабль, великий вождь Кук начнет стрелять.

Ватуйцы громко захохотали. Они решили, что Омай врет, чтобы их запугать.

Тогда Омай достал два ружейных патрона, высыпал из них порох в ямку, засыпал песком, сделал из сухой травы фитиль и поджег его. Раздался взрыв. Ватуйцы побледнели от страха.

— Это я только пошутил,— заявил Омай.— Но если вы нас не отпустите...

Их сразу же отпустили.

Покинув Ватуа и открыв еще несколько маленьких островков, Кук повернул на запад и поплыл к островам Тонга, которые он в предыдущее свое плавание назвал островами Дружбы.

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

Жители островов Дружбы встретили их приветливо. Был конец осени (май в Южном полушарии соответствует нашему ноябрю). Островитяне только что сняли урожай и шумно праздновали это событие.

Над каждым островом стоял гул от песен и барабанного боя. Более удачного времени для торговли нельзя было придумать. Жители островов отдавали груды плодов за топор и кусок бумажной материи. Мореплавателей всюду приглашали принять участие в празднествах, и они, утомленные трудной и однообразной морской жизнью, охотно веселились вместе с островитянами.

Островитяне широким кругом расселись на траве. Забили в барабаны, сделанные из выдолбленных пней, и в середину вышел молодой воин с копьем в руке. Громко и дерзко он начал вызывать желающих вступить с ним в поединок. Охотник тотчас же нашелся, и закипел бой. Они налетали друг на друга, нанося и отражая удары. Толпа подбадривала их протяжным воем. Но англичане сразу заметили, что это только игра, только безобидное фехтование, что каждый старается не ранить нечаянно противника. Наконец один слегка коснулся острием копья груди другого и был признан победителем.

Снова забили барабаны, и начался кулачный бой. Одна пара бойцов сменяла другую, и наконец, к удивлению англичан, в круг вышли две толстые женщины, которые с необыкновенной ловкостью и яростью принялись наносить друг другу удары.

Когда все эти состязания кончились, островитяне стали просить Кука показать им искусство белых людей. Кук вывел на берег роту морской пехоты и устроил целый парад — с духовой музыкой, с маршировкой, с учебной стрельбой в цель.

Островитяне были в восторге. Особенно им понравился вид сияющих медных труб и оркестра. Впрочем, к самой музыке они остались равнодушны и восхищались только грохотом барабана.

После парада им сейчас же захотелось показать свое преимущество над белыми людьми. Сто пять раскрашенных воинов построились колонной и замаршировали, расходясь в разные стороны то по двое, то по трое и снова схо-

дясь вместе. Точностью, стройностью и однообразием движений они далеко превзошли хорошо обученных солдат. Их шаги все ускорялись, взмахи рук становились все шире, и наконец маршировка превратилась в бешеный пляс. Они отбивали такт ладонями по своим голым телам, и вся толпа, пришедшая в дикий восторг, подвывала им гортанным размеренным воем. Это странное представление продолжалось до тех пор, пока все пляшущие не упали в изнеможении на землю.

Кук решил воспользоваться наступившими сумерками и позабавить туземцев фейерверком. Посланный на судно человек привез с собой ракеты, и в вечернее небо с треском понеслись огромные разноцветные звезды, над вершинами деревьев медленно поплыли сверкающие шары, и на прибрежье завертелись шумные огненные колеса. Островитяне были потрясены, восхищены и напуганы этим необычайным зрелищем. Они безмолвно, затаив дыхание следили за каждой ракетой и с тех пор стали считать англичан чародеями.

После обильного ужина, состоявшего из бананов и плодов хлебного дерева, праздник продолжался. Сначала плясали девушки с белыми цветами в черных волосах, потом почтенные матери семейств, потом юноши, взрослые воины и седоволосые вожди. Все они были ловки, проворны и неутомимы.

Ночь была звездная и теплая. Над головами моряков колыхались листья пальм. Спокойный океан шелестел прибрежным песком. Путешественники давно уже не проводили время так приятно.

Праздник продолжался до утренней зари, и было уже совсем светло, когда англичане, утомленные, вернулись на корабль.

Моряки переплывали от одного острова архипелага к другому, и везде их встречали радушно. Они могли ходить всюду, где им вздумается, делать все, что хотят. Островитяне особенно привязались к Омаю, они упрашивали его остаться навсегда на островах Дружбы и даже обещали повиноваться ему, как вождю. Но Омай стремился на родину.

Кук закупил множество съестных припасов, но, к сожалению, нигде не мог достать хорошую пресную воду — во всех речках островов Дружбы вода была горькая и мутная.

И он поспешил к чистым ручьям Таити.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОМАЯ

На Таити Омай был встречен с равнодушием. Никто не обращал на него внимания. О-Ту, прибыв на корабль, едва с ним поздоровался. Одна только сестра Омая, бедная женщина, обремененная множеством детей, прослезилась, увидев своего брата, объехавшего весь свет.

И Омай пал духом. Он ожидал совсем другого приема.

— Не огорчайся,— говорил ему Кук.— Мы заставим их тебя уважать. Они ведь еще не знают, как ты богат.

На другой день они вместе поехали к О-Ту. Омай положил перед королем дюжину топоров, несколько шляп с перьями, несколько красных камзолов и ящик гвоздей. О-Ту был потрясен таким щедрым подарком, полученным от своего подданного.

— Это для него пустяки,— сказал Кук.— Он теперь так богат, что мог бы купить всю вашу страну, и то не обеднел бы.

И отношение к Омаю переменилось. За ним ходили целыми толпами и подобострастно глядели ему в глаза. И, что хуже всего, у него вдруг нашлось очень много приятелей, каких-то забулдыг, которые спаивали его кавой и выпрашивали у него топоры, ткани и разные заморские диковинки.

Омай действительно был очень богат. В Англии каждый дарил ему какую-нибудь безделицу. А Кук дал ему множество полезных в хозяйстве вещей, надеясь, что он научит таитян, как обращаться с ними.

Но Омай был легкомыслен и простодушен. Он верил льстецам и ничего не жалел для них. И сокровища его быстро таяли.

Кук решил спасти Омая от разорения. Он позвал его в каюту и долго с ним говорил. Но, чувствуя, что из этого ничего не выйдет, он предложил ему поселиться на маленьком островке Гюагейне, расположенном в нескольких милях от Таити.

«Там мало народу,— думал Кук,— и грабить его будет некому».

Омай согласился. Он считал Кука мудрейшим человеком в мире и привык уважать и слушаться его.

Незадолго до отъезда с Таити Кук гулял по берегу вместе с О-Ту и вдруг увидел дом.

Это был настоящий дом. Не бамбуковая таитянская хижина, а деревянный европейский дом с четырьмя застекленными окнами, с дверью на железных петлях, с черепичной крышей. Чистенький, новенький, с каменным крылечком, он казался таким обыкновенным, как будто стоял не на далеком острове, а где-нибудь на окраине большого европейского города.

Кук распахнул дверь и вошел.

Никого. Пусто. Деревянная кровать без матраца, на ней старая шляпа, медный чайник, в углу большой крест.

Кук подошел к кресту. На горизонтальной перекладине было написано по-латыни:

«Christus vincit» — «Христос побеждает».

А на вертикальной сверху вниз:

«Carolus III imperat, 1774» — «Карл III повелевает, 1774».

Здесь, несомненно, побывали испанцы. Испания была старинной соперницей Англии, постоянно враждовавшая с ней из-за колоний. Испанцы всюду, где могли, покоряли жителей отдаленных стран, обращали их в рабство и увозили их в свои южноамериканские колонии.

Расспросив О-Ту, Кук выяснил, что у берегов Таити побывал испанский корабль. Командовал этим кораблем капитан Орада. Таитяне приняли испанцев ласково, так как Кук приучил их без опаски относиться к европейцам. Лес для постройки домика испанцы привезли с собой из-за моря. В домике поселился человек в черном одеянии до пят и с круглой лысиной на голове — католический патер. Он что-то говорил таитянам, размахивая крестом, но они ни слова не поняли из его речей. Впрочем, корабль скоро ушел, увезя с собой и человека в черном.

— Они, кажется, были добрые люди,— заметил О-Ту.— Мне они подарили большой кусок синей материи.

Кук не стал разуверять его. Но уступать Таити испанцам он не собирался. На обратной стороне креста он приказал вырезать:

«Капитан Кук, 1769, 73, 74 и 77».

На прощание Кук подарил О-Ту барана и трех овец. О-Ту очень обрадовался, велел выстроить для них специальную загородку, из собственных рук кормил их сеном и даже сам их доил. Кук чувствовал, что его овцы здесь не погибнут.

29 сентября 1777 года «Решение» и «Открытие» снялись с якорей и отправились к острову Гюагейне. Вождь этого

островка был вассалом О-Ту и принял Кука дружелюбно. Омай преподнес ему ценный подарок, и тот так обрадовался, что даже расцеловал богача таитянина. Кук объяснил, что Омай хочет навсегда остаться на Гюагейне, и попросил отвести ему участок земли. Кук велел матросам выстроить для него дом в три комнаты. Рядом с домом был воздвигнут хлев, так как Кук решил подарить Омаю всех оставшихся овец,— он знал, что Омай от природы хороший хозяин и овцы у него расплодятся, если он только не раздарит их кому-нибудь. Для хранения заморских сокровищ он дал Омаю три дубовых сундука с замками. У Омая было уже ружье, но он так неотступно просил у Кука еще какого-нибудь оружия, что Кук подарил ему два пистолета и большую саблю.

С ним должны были остаться и оба новозеландских мальчика, к которым он относился с отеческой нежностью. Омай был очень доволен.

Но, когда настал наконец день разлуки, Омай расплакался. Его пришлось силой оторвать от капитана.

ГАВАИ

Прошло уже много месяцев с тех пор, как Кук покинул Англию, а его экспедиция еще даже не приступала к главной своей цели — поискам Северо-Западного прохода. Надо было спешить.

Корабли снялись с якорей и пошли прямо на север. 22 декабря 1777 года они перешли экватор.

Кук никогда еще не был в северной части Тихого океана. Он знал, что это совсем неисследованная область. Редко-редко туда заходил какой-нибудь разбойничий корабль, но возвращался ни с чем, не найдя там ничего, кроме безграничного моря.

Поэтому Кук был очень удивлен, увидев длинную цепь больших гористых островов, не обозначенных ни на одной карте.

Почти каждый остров был вдвое больше Таити. Горы тоже казались выше и скалистее. Но во всем остальном этот архипелаг чрезвычайно напоминал Таити. Такая же пестрота красок, такие же курчавые, тенистые рощи, такие же сыроватые долинки, заросшие сочной травой, такое же множество цветов, птиц, бабочек. А когда Кук приказал бро-

сить якорь и съехал на берег, он увидел, что и люди здесь такие же.

Впрочем, люди были не совсем такие, как на Таити. Они тоже говорили на полинезийском языке, имели тот же кофейный цвет кожи, жили в таких же жилищах, так же одевались, но Кук сразу заметил, что они культурнее и богаче таитян.

Они гораздо лучше таитян разбирались в настоящей ценности вещей, которые покупали у Кука. Железо было им хорошо известно, они понимали его полезность и платили за него очень дорого. За топор можно было купить целую лодку бананов. Но стеклянные бусы они ни во что не ставили и не хотели их брать.

Свиней у них было больше, чем у таитян, и сами свиньи были крупнее и жирнее. Бананы и кокосы росли на хорошо обработанных полях и давали большие урожаи.

Государственное устройство, насколько мог заметить Кук, здесь тоже было сложнее, чем на Таити. Его сразу окружили высокопоставленные вожди, а народ толпился в отдалении, не смея подойти к своим владыкам.

Островитяне встретили Кука очень приветливо, и он мог свободно бродить где ему вздумается. Во время прогулок он наткнулся на прекрасное озеро, такое огромное, что противоположного его берега не было видно.

Одно только не нравилось капитану: жители этих островов нагло крали у англичан все, что плохо лежало. Но ему не хотелось на первых же порах ссориться с островитянами, и он смотрел сквозь пальцы на все их дерзкие выходки.

Путешественники понимали, что это одно из самых крупных и важных их открытий. Куку хотелось остаться здесь, внимательно исследовать эти острова. Но он спешил к берегам Америки, ему нужно было еще отыскать Северо-Западный проход. Лето коротко, и нельзя терять ни одного дня.

2 февраля 1778 года он вышел в море, решив еще вернуться сюда, если представится возможность.

Кук назвал этот архипелаг Сэндвичевыми островами — в честь графа Сэндвича, первого лорда Адмиралтейства.

Но имя чванного графа не удалось увековечить. Туземцы издавна прозывали свои острова Гаваями, и так это название навсегда за ними и осталось.

Американский берег они увидели в начале марта, на 44° северной широты.

Здесь весна только еще началась, и в сосновых лесах, куда не проникали солнечные лучи, лежал снег. Моряки, избалованные долгим пребыванием в тропиках, теперь жестоко страдали от холода, дождя и сырого, пронизывающего ветра.

Кук хотел как можно скорее высадиться на берег, но нигде не находил удобного для стоянки места и в течение целой недели шел к северу, держась в двух милях от земли.

Однажды утром стоявший на вахте офицер закричал:

— Пролив! Пролив! Я первый увидел его!

Кук выбежал на палубу. Он волновался. Неужели им удалось найти долгожданный пролив, соединяющий Тихий океан с Атлантическим?

Действительно, берег раздваивался, и узкая полоска воды уходила в сушу.

Оба корабля один за другим вошли в этот канал и очутились в просторной бухте, со всех сторон окруженной землей.

Дальнейший путь был прегражден. Вместо пролива они нашли залив.

Но и это было кстати. Кук решил здесь остановиться, отдохнуть, запастись водой и дровами.

Берег был обитаем. Из леса вышли люди, одетые в лохматые шкуры.

По медно-красному цвету их кожи Кук сразу признал в них индейцев. На спинах у них висели длинные, узкие луки. С левого бока болтались колчаны, сшитые из пестрых беличьих и заячьих шкурок. Из колчанов торчали стрелы с кремневыми наконечниками. В руках они держали каменные топоры — томагавки, на деревянных рукоятках которых были вырезаны медвежьи морды с разинутой пастью.

Прибытие англичан не удивило индейцев. Они уже слышали от соседних племен о белых, об их могуществе и богатстве. Один индеец показал Куку железный топор и знаками объяснил, что хотел бы купить еще такие топоры или какие-нибудь другие железные вещи. Так как европейцы никогда еще не были у этих берегов, то оставалось предположить, что с железом жители этого берега познакомились через какие-нибудь другие племена, ведущие торгов-

лю с Канадой или Мексикой. Кроме железа, они ничего покупать не желали, но зато за несколько гвоздей отдавали котиковые и лисьи шкуры, которые так дорого ценились в Англии. Гвозди и топоры на кораблях уже почти все вышли, и Кук стал продавать индейцам старые ведра и остатки ржавых цепей.

Залив, в котором стояли «Решение» и «Открытие», они называли «Нуткл», но англичане для простоты переименовали его в залив Нутка и так и отметили на своей карте.

Кук торопился дальше на север искать пролив. 1 мая корабли снялись с якорей и вышли из залива Нутка.

Опять вдоль правого борта потянулись однообразные лесистые берега. Днем и ночью следили моряки за землей, но нигде не видели даже намека на пролив. Кука тревожило, что берег, вместо того чтобы поворачивать к северо-востоку, тянулся к северо-западу. Все большее и большее пространство суши отделяло их от Атлантического океана, все менее вероятным становилось существование пролива.

Приближалось лето. Но они плыли к северу, уходя от тепла, и их всюду сопровождала холодная, дождливая погода ранней весны. Многие моряки простудились.

В первых числах июня, уже на 59° северной широты, в береговой линии был замечен новый разрыв. Опять раздались крики, что проход в Атлантический океан найден.

Теперь это казалось гораздо более вероятным. Проход был так широк, что, плывя по его середине, Кук едва различал берега. Целый день корабли шли к востоку, не встречая никакой преграды.

Кук хмурил брови, притворялся, что ничего хорошего не ждет, говорил, что радоваться еще рано, но сам с трудом сдерживал радость. Неужели это тот самый Северо-Западный проход, который ищут уже столько лет?

Однако утром следующего дня берега сблизились. Длинные тени прибрежных сосен доходили почти до самых кораблей. Моряки ясно различали бродивших по лесу индейцев, таких же, как у залива Нутка.

В полдень мыли палубу. Матрос опустил за борт ведро и зачерпнул воды. Пораженный ее прозрачностью, он отхлебнул глоток.

— Пресная! — крикнул он.

Кук кинулся к ведру, тоже отхлебнул.

Он понял все.

Они находились в устье большой реки, впадающей в морской залив. По мере их удаления от океана залив незаметно превратился в реку.

Нет Северо-Западного прохода.

Кук приказал повернуть обратно.

К нему подошел лейтенант Гор и сказал:

— Офицеры решили назвать эту реку вашим именем. Мы так уже и написали на карте: «Кукова река».

Но Кук только махнул рукой и ушел к себе в каюту. Он был глубоко огорчен.

Назавтра они вышли в океан.

Дальше американский берег круто заворачивал к западу. Они продолжали свое плавание вдоль береговых лесов и скал, уже не надеясь найти пролив.

ТАИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО

19 июня с «Открытия» дали сигнал, что капитан Кларк хочет поговорить с капитаном Куком. Кук обеспокоился и тотчас же послал на «Открытие» шлюпку. Через полчаса она вернулась вместе с Кларком.

— Что случилось? — спросил Кук.

— Мы получили письмо.

— Что?

— Письмо, написанное черными европейскими чернилами на тряпичной европейской бумаге.

Кук не поверил. Мыслимая ли это вещь — получить письмо в неведомых морях, расположенных между Америкой и Азией, среди диких островов, не нанесенных ни на одну европейскую карту?

— Вот оно,— сказал капитан Кларк, положив на стол толстый бумажный лист, исписанный крупным писарским почерком с хвостами и завитушками.

— Как вам его доставили?

— Час назад мы увидели идущую навстречу лодку. В ней сидело четыре человека, с ног до головы закутанных в звериные шкуры. Они нам кланялись, понимаете, кланялись, как кланяются, здороваясь, европейцы. Ведь вы знаете, индейцы и алеуты при встрече никогда не кланяются.

— Какого цвета была их кожа?

— Признаться, не разглядел. Лица их густо заросли бородами.

— Что же вы сделали?

— Я бросил им канат, они привязали к нему шкатулку, и в этой шкатулке оказалось письмо. Они снова поклонились и уехали.

— А вы знаете, что это за письмо?

— Нет. Оно написано на непонятном языке.

Кук склонился над письмом и стал пристально вглядываться в его ровные, отчетливые строки. Многие буквы казались знакомыми и понятными, но остальные были похожи на какие-то причудливые закорючки.

Куку удалось разобрать только две даты: 1776 в начале письма и 1778 в середине.

— Письмо написано по-русски,— сказал Кук.— В этом не может быть никакого сомнения.

— Вы хотите сказать...— начал было капитан Кларк.

— Да, я хочу сказать, что мы находимся недалеко от Сибири и что эти места посещают русские. Западное побережье Северной Америки, вместо того чтобы отклониться к востоку, в сторону Атлантического океана, как это предполагали географы, отклоняется в действительности к западу. Азия и Америка здесь почти сходятся. И русским это хорошо известно.

Это было ошеломляющее открытие.

Кук понял, что существование Северо-Западного прохода маловероятно. Адмиралтейство напрасно прислало его сюда. На севере Американский материк шире, чем где бы то ни было. Можно ли надеяться, что вся эта необъятная толща суши прорезана поперечным проливом?

Кроме того, разрешался и другой вопрос, имевший чисто научное значение: как заселилась Америка? Многие ученые того времени полагали, что американские индейцы были созданы природой отдельно от остального человечества и никогда не находились ни в каких сношениях с жителями Старого Света. «Можно ли предполагать,— рассуждали они,— чтобы предки индейцев могли перебраться в Америку на своих пирогах через Атлантический или Тихий океан!» Теперь эта теория рушилась. Куда проще было представить себе, что индейцы переселились в Америку из так близко расположенной Азии, чем вообразить, что человек самостоятельно зародился и в Восточном полушарии и в Западном!

Кук оставил ничего больше не обещающие берега Америки и повернул прямо на запад. Он решил точно измерить расстояние между обоими великими материками.

Густой холодный туман скрывал черные подводные камни и мелкие островки. Трудно было плыть по этому бурному северному морю. Всё новые и новые опасности ежеминутно подстерегали корабли. Приходилось лавировать, сворачивать с прямого пути то к северу, то к югу, а порой и возвращаться назад.

На кораблях свирепствовали болезни. Капитан Кларк кашлял кровью. Естествоиспытатель Андерсон слег, и положение его было признано безнадежным.

3 августа Андерсон скончался. Смерть его была большой потерей для экспедиции. Этот веселый собиратель бабочек и набивальщик чучел, смешивший матросов своим восторгом перед каждым листиком неведомой европейцам травки, был великим знатоком зоологии и ботаники.

Первый же открытый после его смерти остров Кук назвал островом доктора Андерсона.

Корабль плыл к Азии. Но американский берег еще круче завернул на запад, и наши путешественники все не могли с ним расстаться. Только 9 августа он остался позади, длинным мысом врезаясь в море.

А на другой день на западе была замечена новая земля.

— Ура! Азия! — закричали моряки.

Азия оказалась всего в тридцати милях от Америки.

А английские ученые до сих пор утверждали, что расстояние между обоими материками не меньше тысячи миль!

На азиатском берегу они увидели несколько шалашей, сделанных из кольев и шкур. Возле воды стояли люди и яростно швыряли камни в сторону судов. Это были чукчи.

Эти отважные люди, вооруженные только камнями, чтобы отстоять свою родину, готовы были вызвать на бой сорокапушечные фрегаты. Кук решил не высаживаться на берег и повернул к северу. Ему хотелось как можно дальше проплыть по туманному, холодному морю, разделяющему два материка.

«А вдруг этим путем я доберусь до полюса?» — мечтал он и готовился к отважной борьбе с полярной стужей.

Но на 70° северной широты путь ему преградили сплошные ледяные поля.

Много раз он проплывал от Азии к Америке и обратно, ища хоть узкого прохода сквозь это нагромождение льдин. Все было напрасно. Сверкающие льды застилали весь северный горизонт. На них лежали исполинские моржи, гре-

лись на солнце и приподымали усатые, клыкастые морды, чтобы поглядеть на проходящие мимо корабли.

Приближалась осень, и Кук повернул назад, на юг. Зиму нужно было провести в теплых странах.

Кук решил в будущем году снова вернуться сюда, чтобы постараться проникнуть как можно дальше на север.

РУССКИЕ

Вскоре они наткнулись на большой остров с отличной гаванью.

Жители острова оказались алеутами. Они сказали, что остров называется Уналашка, и охотно продавали путешественникам свежую лососину.

8 октября на «Решение» явился пожилой алеут и вручил капитану Куку письмо, написанное на неведомом языке, и ржаной хлебец, внутри которого была запечена лососина.

При этом он, низко кланяясь, несколько раз повторил непонятное слово.

— Кто прислал тебя к нам? — спросил Кук.

— Русс,— ответил алеут, догадавшись, о чем его спрашивают.

Кук отправил на берег капрала Ледьярда, поручив ему разыскать русских.

Два дня спустя Ледьярд возвратился в сопровождении трех незнакомых мужчин. Это были русские.

Старшего из них звали Яковом Ивановичем Сапожниковым. Он был капитаном корабля, стоявшего у противоположного берега острова. Двое других были его подчиненные — офицер Герасим Григорьевич Измайлов и матрос Петров.

На вид они казались людьми простыми, не слишком искушенными в науках, но все же Кук был несказанно рад этой встрече. Это были первые европейцы, которых он увидел за два года своих странствий. За обедом они ели ножом и вилкой и чокались бокалами с английскими офицерами. В капитанской каюте они внимательно разглядывали различные морские приборы, и Кук увидел, что они хорошо знакомы с ними.

Он решил показать гостям свою только что составленную карту островов, расположенных между Азией и Америкой. Измайлов внимательно осмотрел карту, потом

вдруг засунул руки себе за пазуху и вытащил тщательно сложенный лист бумаги. Это была карта тех же самых островов. Но какая карта! Все, что у Кука было только приблизительно намечено, на русской карте было зарисовано с точностью. Сколько здесь было не замеченных Куком островов и подводных камней! У каждого острова обозначены были все заливы, где могут останавливаться суда. В каждом проливе был отмечен фарватер.

— Откуда у вас эта карта? — закричал Кук. — Ведь ей цены нет!

Измайлов что-то ответил на своем языке, но Кук разобрал только одно слово: «Беринг».

Капитан Беринг! Так вот оно что! Это карта капитана Беринга!

До англичан доходили смутные слухи, будто лет сорок тому назад капитан русской службы Беринг переплыл из Сибири в Америку. Но все считали это маловероятным. Слишком уж далекой казалась Америка от Азии.

Кук схватил карандаш и линейку и стал исправлять свою карту, сверяя ее с картой русских. Сперва он перенес к себе все очертания берегов, потом зачеркнул все названия, которые он роздал разным островам, и стал спрашивать, как они назывались по-русски. И карта его покрылась непонятными, трудно произносимыми надписями: остров Туманный, Медвежий, Бесплодный. А северо-западный выступ Америки, находившийся так близко от Сибири, оказалось, называется полуостров Аляска.

И только одно наименование Кук самостоятельно занес на свою карту. По синему пространству, разделяющему оба материка, он написал: «Берингов пролив».

Судно, капитаном которого был Сапожников, пришло сюда из порта Петропавловск-на-Камчатке. Оно привезло с собой груз муки и табаку, которым русские снабжали алеутов в обмен на котиковые шкуры. Кук написал письмо в Лондон и попросил своих гостей сдать его в Петропавловске на почту. Те охотно согласились и, как потом выяснилось, исполнили его просьбу. Письмо шло через Иркутск, Тобольск, Москву и Петербург и пришло в Лондон через полтора года.

На прощание Кук подарил русским морякам несколько бутылок вина, которого они не пробовали уже много лет. Русские предлагали Куку перезимовать в Петропавловске, но он отказался.

Он считал, что гораздо полезнее будет провести зиму в жарком климате, на недавно открытых Гавайских островах, и получше изучить их.

В конце октября, попрощавшись со своими новыми друзьями, мореплаватели покинули Уналашку и месяц спустя увидели высокие горы Гавайского архипелага.

ЖРЕЦЫ И ВОЖДИ

В течение почти целого месяца Кук кружил возле Гавайского архипелага, переезжая от острова к острову, нигде не приставая; он искал удобного места для стоянки. Но все бухты были малы и мелководны.

Только 17 января 1779 года «Решение» и «Открытие» наконец вошли в прекрасную гавань Каракакуа на острове Мауи. Спустили стеньги, отвязали паруса. Путешественникам предстояла долгая стоянка. Надо было починить все повреждения, запастись провизией и отдохнуть, потому что о возвращении в Англию раньше чем через год нечего было и думать.

Нигде еще Кука не встречала такая многолюдная толпа. Берег был черен от людей. Бесчисленные лодки неслись навстречу кораблям. И Кук, сойдя в каюту, записал в корабельном журнале:

«Мы не нашли великого Северо-Западного прохода. Но открытие Сэндвичевых островов щедро вознаградило нас за эту неудачу. Никогда еще никто из европейцев, странствовавших по Тихому океану, не встречал такой богатой и такой населенной земли».

Это была последняя запись, занесенная в корабельный журнал рукой Кука. Он не думал, что самая богатая из всех открытых им земель будет местом его гибели.

Гавайцы без всякой боязни влезали на корабли. Каждый предмет удивлял их. Они вслед за своими пышно разодетыми вождями сновали по всем закоулкам.

Из вождей особенно обращал на себя внимание высокий молодой человек с красивым, умным лицом и величественной осанкой. Звали его Переа. Он пользовался уважением среди своих соплеменников. Кук заметил, что Переа гораздо внимательнее остальных прислушивался к речам англичан, объяснявших гавайцам назначение парусов и мачт. Он сразу полюбил этого красивого юношу и щедро одарил

его. Переа не остался в долгу и впоследствии не раз оказывал английским морякам важные услуги.

Несколько часов спустя на «Решение» прибыл грязный старик, покрытый гнойными струпьями. Под мышкой он нес крохотного, пронзительно визжавшего поросенка.

— Коа! Жрец Коа! — закричали гавайцы, боязливо расступаясь перед ним.

Коа торжественно подошел к Куку, накинул ему на плечи красный плащ и вручил поросенка. Потом оглушительно крикнул:

— Роно! Роно!

И упал на колени, простирая руки к удивленному капитану.

— Роно! Роно! — закричали гавайцы, тоже падая на колени.

Англичане были поражены этими странными почестями. Нигде еще перед ними не падали на колени.

Расспросы ни к чему не привели. Так Кук никогда и не узнал, за кого его приняли гавайцы.

И только шестьдесят лет спустя долго жившему на Гавайских островах американскому исследователю Эллису удалось найти разгадку.

Как выяснил Эллис, у гавайцев существовало предание, будто могущественный вождь Роно, живший в незапамятные времена, по ложному доносу одного недруга убил свою любимую жену. Узнав, что жена его была ни в чем не повинна, Роно помешался от горя и стал бродить по всему острову, убивая всех, кто попадался ему на пути. Утомившись убийствами, но не насытив своей жажды крови, он сел в ладью и отчалил от берега, обещая вернуться через много лет на крылатом плавучем острове, населенном людьми, собаками и свиньями.

Предание это сохранилось в народных песнях и священных сказаниях гавайцев.

Увидев английские корабли, жрецы сразу поняли, какую выгоду они могут извлечь из прибытия чужеземцев. Разве Кук не похож на Роно? Разве его корабли нельзя выдать за крылатые плавучие острова? Разве на них нет людей, собак и свиней, обещанных в священном предании? Появление перед народом живого Роно должно было чрезвычайно поднять уважение к религии и увеличить доходы жрецов.

Коа был жрецом храма, посвященного Роно. Принеся в жертву вернувшемуся святому поросенка, он поехал на

берег и объявил всему народу, что капитан Кук не кто иной, как сам Роно, возвратившийся на родину, а его корабли — плавучие острова.

И гавайцы стали считать Кука богом. Едва он съехал на берег, как вся толпа пала перед ним на колени, а жрецы обратились к нему с молитвами. Кук был чрезвычайно удивлен этими почестями.

Его повели в храм. Лейтенант Кинг, ни за что не хотевший оставить капитана, пошел вслед за ним.

Храм окружали колья, на которых были надеты человеческие черепа.

Немало человеческих жертв требовали кровожадные боги. У входа в храм стояло два деревянных идола, одетых в пурпурные мантии.

Внутри храма находился большой бамбуковый помост, служивший алтарем. На помосте лежали труп свиньи и груда фруктов. Вокруг помоста стояло двенадцать истуканов с безобразными и грозными лицами.

Десять младших жрецов внесли в храм живую свинью и кусок красной ткани. Коа с необычайной ловкостью, одним взмахом руки, окутал этой тканью Кука. Младшие жрецы затянули хором священный гимн. Коа взял Кука за руку и стал поочередно подводить его к каждому истукану.

Как это ни странно, но Коа чрезвычайно непочтительно обходился со своими богами. Он презрительно хохотал им в лицо и щелкал пальцем по их раскрашенным носам. И только перед одним из них, самым толстым и самым благодушным, он преклонил колени и предложил Куку сделать то же самое.

После многих обрядов капитану поднесли зажаренного поросенка и мешок кореньев, из которых изготовляется кава.

«Переа и Коа,— говорил в своих записках лейтенант Кинг,— распоряжались всей церемонией. Угостив нас кавой, они раскрошили мясо поросенка на мелкие кусочки и стали класть их нам в рот. Мне не было противно брать их из рук Переа, человека очень чистоплотного, но Кук, которого кормил сам Коа, чувствовал себя прескверно, тем более что вид лежавшей рядом полусгнившей свиньи доводил его чуть не до рвоты. Отвращение капитана достигло еще большей степени, когда почтенный жрец принялся в знак особой учтивости и уважения сам разжевывать куски мяса и только тогда совать их ему в рот».

После этой церемонии Кука проводили обратно в шлюпку. Перед ним шли четыре жреца, неся в руках жезлы, украшенные косматыми собачьими хвостами.

— Роно! Роно! — громко кричали они, и встречные гавайцы падали на колени.

Прибытие живого Роно чрезвычайно подняло и укрепило власть и могущество жрецов. При всяком неповиновении они угрожали народу грозным Роно, уверяя, что он покарает непокорных самыми жестокими карами. И перепуганные гавайцы тащили в храмы ткани, кокосы, плоды хлебного дерева, чтобы только умилостивить гневного бога.

Но такому быстрому возрастанию могущества жрецов стало завидовать другое правящее сословие — сословие военачальников и вождей, называемых по-гавайски «эари». Власть ускользала из их рук. Действительно, кто станет слушаться своего князька, если любой священнослужитель может вымолить у таинственного Роно, прибывшего на крылатых островах из неведомых стран, любое наказание для своих ослушников?

А тем временем капитан Кук, не ведая ни о том, что он всемогущий бог, ни о том, какие выгоды он доставил жрецам, спокойно закупал фрукты и солил свинину, приготовляясь к трудному путешествию на север. Он не знал, что вожди, ненавидя жрецов, подстрекают своих подчиненных к воровству, и удивлялся дерзости гавайцев, которые крали у него все, что только можно было украсть. Он не знал, что полупомешанный, пьяненький, дряхлый король Торреобой был вызван со всем своим двором и войском в бухту Каракакуа вовсе не для того, чтобы оказать честь чужеземцу, а, напротив, чтобы, если удастся, избавиться от него.

Правда, сам король не таил никаких злобных замыслов. Он совершенно искренне восхищался английским виски, которым угощал его у себя на корабле Кук. Но Торреобой уже давно был отстранен от государственных дел, страной правили его приближенные, прикрываясь его именем. А им, как и всем эари, был ненавистен некстати вернувшийся Роно.

Нагрузка судов продолжалась до 4 февраля. Жрецы не переставали осаждать Кука, и их пение сопровождало его всюду, куда бы он ни шел. Вожди были внешне учтивы. Торреобой сделал англичанам богатые подношения, но

при этом вежливо осведомился, скоро ли они собираются уехать.

С одним только Переа у Кука установились дружеские отношения. Переа внимательно слушал объяснения капитана, и его умные глаза блестели всякий раз, когда ему удавалось постигнуть какую-нибудь новую премудрость.

4 февраля «Решение» и «Открытие» вышли из бухты. Но в открытом море на них внезапно налетел шквал. «Решение» потеряло одну из своих мачт, и экспедиции через несколько дней пришлось вернуться назад в бухту Каракакуа для починки.

Едва корабли стали на якорь, как англичане заметили резкую перемену в поведении гавайцев.

НЕСЧАСТЬЕ

13 февраля в каюту капитана вошел боцман.

Кук был не один. Рядом с ним стоял Переа. Кук старался объяснить ему назначение компаса. Он пробовал говорить на полинезийском языке, но слов не хватало.

— Звезды — путь, Переа. Солнце — путь. Звезд нет. Солнца нет. Где путь? Компас — путь! Компас лучше звезд, Переа.

Увидев Переа, боцман нахмурился. И чего это капитан возится с этими дикарями? Их надо бить. Капитан лишает своих моряков заработка. Несколько ружейных залпов — и сколько богатств можно было бы вывезти из этой страны!

Но он не посмел высказать свои мысли и вслух произнес:

— Капитан, у плотника украли клещи!

Кук рассердился. Нет, воровству надо положить конец. Железные вещи так драгоценны!

— Боцман, поезжайте за вором вдогонку. Привезите сюда и клещи и вора. С вами поедет Переа. Он вам поможет.

Боцман и Переа вышли.

— Но не стреляйте! — крикнул им вдогонку капитан.— Я запрещаю стрелять.

Шлюпка была спущена в одну минуту. Четверо гребцов с ружьями за плечами сели на весла. Боцман взялся за руль. Переа стоял на носу.

Курчавая голова вора мелькала в волнах. Он плыл легко и быстро, крепко сжимая в руке драгоценные клещи. Увидев погоню, он остановился, высунул из воды руку и зама-

хал проходившей мимо пироге. Пирога подъехала, подобрала его и на всех веслах понеслась к берегу.

— Дьявол! — закричал боцман. — Он уйдет! Стреляйте!

Грянуло четыре выстрела. Переа обернулся и с удивлением посмотрел на боцмана. Да, боцман нарушил приказ капитана, но боцман не виноват, что у него такой странный капитан.

Однако пирога уже причалила к берегу.

На берегу боцмана поджидала толпа. Англичане вышли из шлюпки. Как здесь найти вора? Эти черномазые все так похожи друг на друга.

— Отдайте клещи! — громовым голосом рявкнул боцман.

Но гавайцы только удивленно переглянулись.

Переа прошел вперед и тихо сказал несколько слов. Толпа заволновалась и замахала руками. Несколько воинов стремглав убежали в лес.

Через минуту они вернулись. Один из них нес злополучные клещи. Переа взял их у него из рук и передал боцману.

Но такое скорое разрешение дела только разозлило раздраженного англичанина. Ему хотелось наказать вора, показать могущество белых. А наказать было некого.

— Где вор? — закричал он, обращаясь к гавайцам. — Приведите мне вора! Капитан Кук хочет проучить этого негодяя!

Но гавайцы молчали.

— А! Вы не хотите его привести! — орал боцман. — Вы его укрываете! Приведите его сию же минуту или я спихну вашу лодку в море!

Он направился к гавайской пироге. Но Переа преградил ему дорогу.

— Это моя лодка, — с вежливой улыбкой сказал он боцману. — Друг, не трогай моей лодки.

Но тот оттолкнул его и пошел дальше. Переа протянул руку и схватил англичанина за волосы. Боцман попробовал вырваться, но безуспешно. Он чувствовал, что попал в смешное положение, и бился, вертелся, ругался. Но волосы его были крепко зажаты в могучем кулаке гавайца.

Один из сопровождавших боцмана матросов выхватил из шлюпки весло и замахнулся им над головой Переа. Гавaец выпустил волосы боцмана, вырвал весло из рук матроса, спокойно уперся в него коленом и разломал пополам.

Град камней полетел в англичан. Воины, женщины, дети — вся толпа принялась загонять чужеземцев в воду. Напрасно ревел и ругался боцман, призывая матросов защищаться. Те уже бежали к шлюпке, прикрывая руками головы. Ему пришлось последовать за ними.

— Вы сами виноваты,— сказал боцману Кук, узнав о случившемся.— Мы приехали сюда не разбойничать. Боюсь, что теперь нам будет гораздо труднее ладить с ними.

В ночь на 14 февраля украден был большой бот с «Открытия». На «Открытии» другого бота не было. Капитан Кларк немедленно сообщил Куку о случившемся несчастье. Кук вспылил. Надо вернуть бот во что бы то ни стало и во что бы то ни стало избежать кровопролития. Он добьется этого.

План его был прост и решителен. Он привезет на корабль старого, впавшего в детство короля Торреобоя и не выпустит его, пока бот не будет возвращен.

Сейчас же с «Решения» спустили две шлюпки — одну под командой лейтенанта, другую под командой подпоручика. Кроме гребцов, в них сели сам Кук, семеро солдат морской пехоты, сержант и капрал.

Они пристали возле селения. Гавайцы окружили их шумной толпой и весело приветствовали Кука.

— Друзья! — сказал Кук.— Я хочу поговорить с вашим королем. Где он?

— Торреобой дома,— ответили ему.

Дом короля стоял в конце селения, в полуверсте от моря. Кук приказал лейтенанту и подпоручику отплыть на шлюпках, а сам вместе с отрядом морской пехоты пошел в глубь острова.

Гавайцы, как и в предыдущие его посещения, падали перед ним на колени и не вставали, пока он не проходил мимо. По дороге он встретил многих вождей, которые спрашивали его, не нужны ли ему свиньи или кокосы. Он благодарил их, отказывался и быстро шел вперед.

У порога королевского дома англичанам пришлось простоять довольно долго. Кук послал к королю нескольких гавайцев сказать ему, что хочет с ним повидаться. Посланные возвратились без всякого ответа. Они молча подошли к Куку и положили перед ним красные ткани.

Кук начал терять терпение. Он послал в дом сержанта, чтобы выяснить, в чем дело. Сержант вернулся и сообщил, что король спит, но что его сейчас разбудят.

Наконец Торреобой вышел на крыльцо.

Кук протянул ему руку, приветствовал его и пригласил к себе в гости на корабль. Король принял приглашение.

Кук взял Торреобоя под руку, и маленький отряд, окруженный толпой гавайцев, двинулся к берегу.

Все бы кончилось вполне благополучно, если бы вдруг в толпе не возник слух, будто на другом конце острова англичане только что убили двух гавайцев. Слух этот, как потом оказалось, был ложный, но тем не менее он сыграл роковую роль в судьбе всей экспедиции.

Гавайцы начали вооружаться, появились дротики, копья и камни. Воины надели сплетенные из толстых трав рубашки, заменявшие им кольчуги. Кук, чувствуя, что дело принимает дурной оборот, приказал солдатам прибавить шагу.

Гавайцы построились рядами по обеим сторонам дороги, но враждебных действий не начинали.

Возле отряда плелся плешивый жрец, распевая молитвы. Выживший из ума король покорно следовал за Куком в сопровождении двух своих сыновей. Пока все было благополучно.

Но едва они вышли на берег, как к Торреобою подбежала одна из его жен, обняла мужа и усадила на камень. Она умоляла своего мужа и повелителя не ездить на корабль белых.

— Это злые, хитрые люди! — причитала она, обливаясь слезами.— Они заколют тебя, как свинью, на своем корабле. Не покидай нас, король, если хочешь остаться в живых!

Внезапно поручик увидел гавайца, который подкрадывался к Куку сзади с широким ножом в руке. Поручик прицелился в него из ружья.

— Не стреляйте! — крикнул Кук.— Выстрел погубит все дело. Он и так не посмеет меня тронуть.

Гавaец, увидев направленное на него дуло, кинулся к поручику.

Поручик ударил его прикладом по голове. Гавaец выронил нож и скрылся в толпе.

Но мир уже был нарушен.

Один из воинов бросил в Кука камень. Кук в него выстрелил, но дробь, которой было заряжено ружье, застряла в толстой рубашке воина. Воин замахнулся на Кука копьем. Кук прикладом сшиб его с ног и зарядил ружье пулей.

И в ту же минуту увидел другого гавайца, замахнувшегося на него дротиком.

Кук выстрелил, но промахнулся.

Солдаты, не дожидаясь приказания, беспорядочно выстрелили и заставили гавайцев немного отступить.

Короля Торреобоя давно уже увела жена. Надо было возможно скорее вернуться на корабль. Обе шлюпки медленно плыли к берегу, Кук взмахнул рукой, чтобы заставить их двигаться быстрее. Но подпоручик, командовавший одной из шлюпок, неверно понял знак капитана и повернул обратно к кораблю.

Эта ошибка стоила Куку жизни.

Другая шлюпка, находившаяся под начальством лейтенанта, мужественно продвигалась вперед, несмотря на то что на нее с берега сыпался град камней. Впрочем, она все равно не могла бы вместить всех находившихся на берегу англичан.

Солдаты бросились в воду, давя и толкая друг друга, стараясь как можно скорее добраться до спасительной шлюпки. Офицеры кинулись за ними.

Кук шел последним. Он не торопился: все равно шлюпка всех не вместит, а капитан должен прежде всего заботиться о спасении вверенных ему людей.

Ружье он держал под левой рукой, а правой прикрывал голову от сыпавшихся со всех сторон камней. Гавайцы, видя смятение англичан, кинулись за ними вдогонку.

Копье вонзилось Куку в затылок.

Кук зашатался, упал в воду и выронил ружье.

Но сейчас же вскочил.

— Помогите! — крикнул он.

Копье опустилось снова и на этот раз пронзило Кука насквозь.

КОРАБЛИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В АНГЛИЮ

Так умер капитан Джемс Кук, один из величайших мореплавателей, чрезвычайно расширивших представления людей о том мире, в котором мы живем.

Капитан Кук дорог нам не только своими открытиями. Это был первый мореплаватель, обращавшийся с жителями далеких земель, как с равными. Он никогда никого не грабил, не убивал, всюду появлялся как друг и не мстил даже людоедам.

К сожалению, среди английских мореплавателей тех времен он был исключением.

После гибели Кука начальство над экспедицией принял капитан Кларк.

Он немедленно созвал совет, на котором многие офицеры предлагали отомстить гавайцам за смерть великого мореплавателя. Кларк решил, что такая бесполезная жестокость была бы недостойна памяти Кука. И совет решил вступить в переговоры с гавайскими вождями о выдаче тела убитого.

Ведение этих переговоров было поручено лейтенанту Кингу.

Но всякий раз, когда шлюпка, в которой сидел Кинг, пыталась приблизиться к берегу, ее встречала разъяренная толпа, и копья дождем сыпались в воду.

Мирным путем не только нельзя было добиться выдачи тела Кука, но даже просто набрать пресной воды в ручейке.

Капитан Кларк наконец потерял терпение. Под защитой пушек высадил он на берег роту морской пехоты, открыл пальбу, загнал гавайцев в горы и сжег их селение дотла.

После этого гавайцы стали боязливы и послушны. Старый Торреобой, выслушав требование лейтенанта Кинга, прислал на корабль десять фунтов человеческого мяса и голову капитана Кука без нижней челюсти...

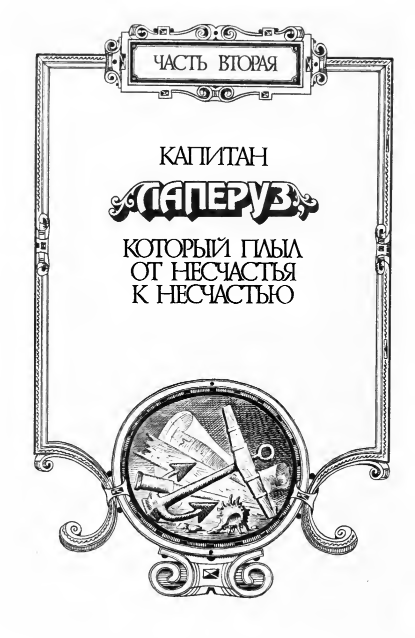
Весной экспедиция снова отправилась на север. Добравшись вдоль западного побережья Америки до 69° северной широты, путешественники окончательно убедились, что никакого пролива, соединяющего Тихий океан с Атлантическим, не существует, и направились в Англию.

По дороге, у берегов Китая, капитан Кларк умер.

Командование перешло к лейтенанту Гору.

4 октября 1780 года оба корабля после четырехлетнего плавания вернулись на родину.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
КАПИТАН
ЛАПЕРУЗ,
КОТОРЫЙ ПЛЫЛ
ОТ НЕСЧАСТЬЯ
К НЕСЧАСТЬЮ

«СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ПРОХОД ДОЛЖЕН БЫТЬ НАЙДЕН!»

ФРАНЦИИ НУЖЕН ТИХИЙ ОКЕАН

Весть об открытиях Кука обошла всю Европу. Повсюду говорили о неслыханных богатствах тихоокеанских земель.

Но больше всего беспокойств, волнений и досады вызвала эта весть при дворе французского короля Людовика XVI.

Франции не везло с колониями. Большинство французских колоний в Америке захватила Англия. Французские владения в Индии были невелики и со всех сторон окружены владениями Англии. А тут еще англичанин Кук открыл новые острова, которые тоже, вероятно, достанутся Англии.

Во Франции не хотели с этим мириться.

И вот летом 1785 года, через пять лет после возвращения кораблей Кука, маршал де Кастри, морской министр Франции, вызвал к себе в министерство капитана Лаперуза.

— Итак,— сказал министр,— мы решили, наперекор англичанам, тоже послать научную экспедицию в Тихий океан. Бесспорно, открытия капитана Кука огромны. Но Кук — англичанин, и Франция не может вполне доверять ему. Ходят слухи, что английское Адмиралтейство самые ценные открытия Кука держит в секрете, чтобы мы не могли ими воспользоваться. В Тихом океане остались еще области, совершенно неведомые европейцам. Что нам известно о той части океана, которая лежит между островом Пасхи и Гавайским архипелагом? Ничего! Что мы знаем о том огромном пространстве, которое лежит между Калифорнией и Китаем? Ничего! А известно нам что-нибудь о таинственной стране Маньчжурии, лежащей между Кореей и русскими владениями на Дальнем Востоке? Ничего не из-

вестно! Ведь еще ни один европеец не был в Японском море. Но, конечно, важнейшим открытием нашей предстоящей экспедиции будет открытие Северо-Западного прохода.

— Но ведь Кук доказал, что Северо-Западный проход не существует! — воскликнул капитан Лаперуз. — Нельзя найти то, чего нет.

— Не верьте Куку, — проговорил министр. — Кук — англичанин. Если бы англичане нашли Северо-Западный проход, они не сказали бы нам о нем ни слова. Ну что ж, мы найдем его сами. Северо-Западный проход должен быть найден!

Помолчав, министр продолжал:

— Мы предоставляем в распоряжение экспедиции два сорокапушечных фрегата — «Компас» и «Астролябию». Это лучшие суда французского военного флота. Они сейчас находятся в Бресте. С экспедицией академия посылает своих знаменитейших ученых.

Голос министра звучал торжественно. Министр приближался к самому важному месту своей речи.

— Глава такой опасной и трудной экспедиции должен быть не только первоклассным моряком, но и отличным географом и способным администратором. Он должен уметь вести и войну и торговлю. Нам нужен человек, которому мы могли бы без страха доверить жизнь людей. Трудно было найти такого человека. Но теперь он найден. Мой выбор пал на вас, капитан Лаперуз.

— На меня! — вскричал Лаперуз, вскакивая.

— Да, на вас, — повторил министр. — Разве это вас удивляет? Вы нам известны как лучший моряк французского флота. Ваши исследования Гудзонова залива блестящи. Ваше бегство из плена во время последней войны с Англией достойно удивления. Как администратор вы показали себя во время своей деятельности в наших канадских колониях. Вы здоровы и находитесь в самом цветущем возрасте — вам сорок лет.

— Да, — перебил его Лаперуз. — Но я слышал, что министерство собиралось назначить главой экспедиции адмирала д'Антркасто...

— Эти слухи он сам распускает, — сказал министр со смехом. — Адмирал д'Антркасто предлагал нам свои услуги в качестве главы экспедиции, но мы от них отказались. Я, конечно, не отрицаю достоинств адмирала д'Антркасто. Он

отлично справился с восстанием негров-рабов, когда был губернатором Иль-де-Франса, острова в Индийском океане. Он высек двенадцать тысяч человек. Но поручить экспедицию ему мы не можем. Если матросов сечь, как негров, они подымут бунт.

Министр встал.

— Капитан Лаперуз,— сказал он,— поезжайте в Брест и примите начальство над обоими фрегатами. Я предоставляю вам самому выбрать себе подчиненных. Прощайте.

Выйдя из кабинета министра, Лаперуз встретился в приемной с высоким надменным человеком в треугольной адмиральской шляпе.

Это был адмирал д'Антркасто.

Лаперуз холодно поклонился.

Адмирал д'Антркасто побледнел. Рука его опустилась на рукоятку шпаги. Он стиснул губы и не ответил на поклон.

СБОРЫ В ПУТЬ

Но Лаперуз сразу забыл об этой встрече. Мысли его заняты были другим.

«Командовать фрегатом «Компас»,— думал он,— буду я. Но кому поручить «Астролябию»? Конечно, капитану де Ланглю. Де Лангль служил под моим начальством во время плавания в Гудзонов залив. Мы с ним делили все трудности пополам, и я знаю, что лучшего моряка не сыщешь, пожалуй, во всей Франции. А старшим лейтенантом на «Компасе» будет д'Экюр. Он молод, самонадеян, заносчив, но зато отважен. Младшим лейтенантом будет Бутэн, человек осторожный и опытный». Так Лаперуз перебрал всех лучших моряков французского флота.

На другой день начальник экспедиции познакомился с учеными, которые должны были сопровождать его во время путешествия. Академия послала с Лаперузом крупнейших представителей науки.

Участники экспедиции выехали из Парижа в Брест. Портовый город встретил их свежим морским ветром. Красавцы фрегаты, увешанные развевающимися флагами, стояли на причале у мола. Лаперуз и его спутники были встречены торжественным пушечным залпом.

Им предстояло на много лет расстаться с цивилизованным миром. Вернутся ли они когда-нибудь на родину?

Удастся ли им обогнуть страшный мыс Горн, грозу кораблей? Как встретит их таинственный Тихий океан? Окажется ли он действительно тихим или их там ждут ураганы? Быть может, их убьют, как убили капитана Кука?

Лаперуз прежде всего спустился в трюм, чтобы посмотреть, каким грузом его снабдили, и вышел оттуда рассерженный.

— Корабли придется грузить заново,— сказал он начальнику порта.— Вы заполнили все трюмы мукой да соленой свининой.

— Но мне говорил господин министр,— возразил начальник порта,— что вы проведете четыре года в диких странах.— Вот я и снабдил вас на четыре года мукой и соленой свининой.

— Чушь!— крикнул Лаперуз.— Бессмысленно возить с собой столько съестного. Кук покупал пропитание для своего экипажа на каждом островке. Нужно взять с собой вещи, годные для обмена, и туземцы доставят нам все, что мы ни пожелаем.

Солонину и муку потащили из трюмов обратно. А на место выгруженной провизии в трюмы спустили сотни пудов раскрашенных стеклянных бус, тысячи крохотных зеркалец, ящики с топорами и гвоздями.

— Любая островитянка за нитку этих бус даст нам больше фруктов, рыбы и мяса, чем здесь можно получить за золотую монету,— говорил Лаперуз.

1 августа 1785 года все было готово к отплытию. Играл военный оркестр. По ветру вились флаги.

Матросы начали отвязывать причальные канаты.

БАРТОЛОМЕЙ ЛЕССЕПС

И вдруг Лаперуз увидел маленького, толстенького человечка, во весь дух бегущего по набережной. Человечек подпрыгивал на бегу, как мяч. Серебряные пряжки на его туфлях ярко блестели. В руках он держал большой чемодан.

Он влетел на палубу «Компаса» как раз в то мгновение, когда фрегат начал медленно отделяться от мола, и остановился, отдуваясь.

— Я не опоздал?—спросил он, вытирая платком раскрасневшееся лицо.— Я не мог опоздать. Со мной никогда не случается несчастий.

Подойдя к Лаперузу, толстяк сказал:

— Вот вам письмо от министра, капитан,— и подал запечатанный пакет.

«Податель сего письма,— писал министр,— Бартоломей Лессепс, служащий нашего посольства в Санкт-Петербурге.

Он очень веселый человек и имеет крупные связи при дворе. Узнав о вашем путешествии, он непременно захотел принять в нем участие. Быть может, он принесет вам некоторую пользу. Если вы будете на Камчатке, пошлите его с письмами в Париж через Россию. Он немного знает русский язык и пользуется покровительством императрицы Екатерины.

Морской министр Франции маршал де Кастри».

Лаперуз взглянул на нежданного пассажира.

Да, человек, знающий русский язык, может пригодиться. И Лаперуз крикнул:

— Приготовьте каюту господину Бартоломею Лессепсу!

ОСТРОВ ТЕНЕРИФ

Когда берега Франции растаяли в тумане, веселье охватило моряков. Моросил мелкий дождь, дул холодный северный ветер, но никто не обращал внимания на погоду. Фрегаты шли на юг, где круглый год сверкает палящее солнце. Стоит ли сердиться на обычный дождик, если завтра над мачтами будет вечноголубое небо? Весь экипаж понимал важность и необычайность предстоящего путешествия. Сколько богатых островов откроют они в неведомых морях! Если им повезет, они, как новые Колумбы, наткнутся на незнакомый европейцам материк. Мало ли какие земли могут еще находиться в далеком Тихом океане! Капитан Кук, совершивший три путешествия, не успел осмотреть целиком этот огромный океан, занимающий треть поверхности земного шара. Да разве кто-нибудь может исследовать весь Тихий океан? Ведь на это не хватит и десяти человеческих жизней.

А как выгодно такое путешествие! Все участники его, вернувшись на родину, станут богатыми людьми! Не говоря уж о богатствах, которые могут оказаться на неведомых землях Тихого океана, каждый моряк во время этого плавания будет получать двойное жалованье. Через три года, вернувшись на родину, даже простой матрос получит

столько денег, что купит себе домик где-нибудь в приморском городке. Офицеры, те все без исключения будут повышены в чине. Даже младшие лейтенанты «Компаса» и «Астролябии» могут надеяться кончить свою жизнь адмиралами.

Но больше всего сулило это путешествие ученым. Географам, ботаникам, зоологам, минералогам представлялся блестящий случай обогатить познания человечества и прославить свои имена.

У берегов Испании дождевая завеса прорвалась и хлынуло солнце. Днем сверкающее море слепило глаза, а ночью сияло фосфорическим светом, и казалось, будто корабли плывут не по воде; а по пламени.

Дул ровный попутный ветер.

Все были заняты делом. Матросы передвигали тяжелые паруса, офицеры изучали карты, ученые исследовали состав воды и воздуха. Один только Бартоломей Лессепс ничего не делал. Он спал до полудня и ел за троих.

Утром 19 августа он подбежал к Лаперузу, крича:

— Глядите, капитан! Прямо из моря подымается гора вышиной до самого неба.

Действительно, зрелище было необычайное. Из волн почти отвесно вставала исполинская гора. Острая вершина таяла в неизмеримой вышине.

— Это Тенерифский пик,— объяснил Лаперуз,— огромная гора на острове Тенериф. Мы проведем у Тенерифа несколько дней.

Важные причины заставили Лаперуза посетить Тенериф. На вершине Тенерифского пика не был еще ни один человек, хотя остров вот уже триста лет принадлежал Испании. Кук не раз посещал остров Тенериф, но даже не попытался взобраться на Тенерифский пик. А между тем определить, что находится на вершине этой гигантской горы, заброшенной посреди океана,— задача очень важная для науки.

На берегу их встретили высокие пальмы и почтительно-подозрительные испанские чиновники. Маркиз дон Бранчифорте, тенерифский генерал-губернатор, приехал на «Компас» и долго любезничал с Лаперузом, стараясь выведать, зачем в его владения прибыли французские военные корабли. Узнав, что экспедиция имеет разрешение испанского правительства заходить во все испанские порты, он позволил французам гулять по всему острову.

Инженеру Монерону и физику Ламанону было поручено взобраться на вершину Тенерифского пика.

Монерон был крепким, выносливым человеком, не привыкшим останавливаться ни перед какими препятствиями. А Ламанон был сухонький, седенький академик, хилый на вид, но во всяком деле неукротимый и упорный.

Налегке, гуляя, не взберешься на вершину такой исполинской горы. Тут нужны проводники, хорошо знающие горные тропинки, да мулы, чтобы тащить запас продовольствия дня на три, на четыре.

Мулов купили на базаре. Это были сильные животные, выросшие в горных деревушках, привыкшие без страха шагать по краю отвесных пропастей. А проводников Монерону рекомендовал сам генерал-губернатор. Их было четверо — все молодцы, как на подбор, пастухи, с детства гонявшие стада по пастбищам, расположенным за облаками.

— Вы были когда-нибудь на самой вершине? — спросил их Монерон.

— Нет, — ответил старший из проводников. — На самой вершине не был еще ни один человек. Там находятся дьяволовы письмена, и тот, кто увидит их, не вернется назад.

— Ого! — вскричал Монерон. — Дьяволовы письмена! Хотел бы я прочитать, что пишет дьявол!

В путь тронулись рано утром, едва рассвело. Внизу, у подножия, было уже жарко, и жар усиливался с каждым часом. Шестеро человек и три мула шли вверх по тропинке меж пальмовых рощ. Кое-где дорогу преграждала сеть извилистых лиан, и их приходилось разрубать топором. Кругом шумел густой тропический лес. Среди ветвей порхали маленькие желтые птички. Это были канарейки, которых мы, жители холодных стран, привыкли видеть только в клетках. Тенериф — один из островов Канарского архипелага. А Канарский архипелаг — родина канареек.

Подъем вначале был не очень крут, и путники двигались довольно быстро. К полудню пальмовый лес кончился. Чем выше, тем прохладнее, и тропическая растительность сменилась растительностью Южной Европы. Это была самая богатая часть острова. Тропинка утопала в виноградниках. Мулы, мотая головами, срывали виноградные листья.

В два часа дня на берегу горного ручейка путники сделали привал и отдыхали до шести часов.

С вечерней прохладой двинулись в дальнейший путь. Тропинка с каждым шагом становилась все круче. Виноградники кончились. Тропинка извивалась меж огромных глыб застывшей лавы.

Монерон, здоровый, крепкий человек, и тот с трудом поспевал за проводниками. А физик Ламанон совсем выбился из сил. Его пришлось посадить на мула и привязать к седлу веревками, чтобы он не свалился.

Шли в сумерках до тех пор, пока не стемнело окончательно. Тогда развели костер и легли спать.

Назавтра поднялись чуть свет. Французские фрегаты, стоявшие в гавани, отсюда, сверху, казались крохотными игрушечными корабликами, сделанными из бумаги. Все острова Канарского архипелага, совершенно незаметные с берега, были отчетливо видны на горизонте. Но вершина Тенерифского пика была так же далеко, как и в самом начале.

Ведущая вверх тропинка ежеминутно раздваивалась, разветвляясь. Проводники словно чутьем угадывали направление — запомнить весь этот лабиринт казалось немыслимым. Подъем местами был настолько крут, что людям приходилось двигаться ползком и подтягивать за собой мулов на веревках. Ламанон, усталый и ослабевший, старался не отставать от своих спутников, даже подбадривал их и с любопытством разглядывал каждый камешек, каждую травку. Солнце поднялось уже довольно высоко, но зной не томил. Веял прохладный ветерок.

— Глядите, сосны! — закричал Ламанон.

Начался суровый северный лес. Сюда не залетали канарейки. Трудно было себе представить, что там, внизу, растут тропические пальмы, переплетенные лианами.

— Сколько разных климатов на одном маленьком островке! — удивился инженер Монерон.

До позднего вечера ползли они сосновым лесом. Вечером нашли яму, защищенную от ветра, и улеглись в ней спать. Вторую ночь, проведенную на склоне Тенерифского пика, они зябли, хотя лежали у костра и прижимались к теплым бокам спящих мулов.

На третий день кончились и сосны. Остались только камни, поросшие мхом. Природа этого пояса горы напоминала природу тундры. Фрегаты в гавани казались едва заметны-

ми точками. Путники раза два видели диких коз, прыгавших с камня на камень. Облака проплывали далеко внизу, бросая темные тени на поверхность моря.

Склон становился все круче и круче. Мулы не в состоянии были идти по такой крутизне. Они теперь не облегчали восхождение, а только затрудняли — людям приходилось почти все время волочить за собой животных на канатах.

Решено было оставить мулов под охраной двух проводников. Два других проводника сопровождали французов дальше.

Скат был так крут, что двигаться можно было только на четвереньках. Вершина Тенерифского пика казалась теперь недалекой. Монерон и Ламанон уже не сомневались, что им удастся достигнуть ее, как вдруг оба проводника заявили, что не сделают больше ни шагу и немедленно возвращаются назад, к мулам.

— Вы, французы, должно быть, не верите в бога, не боитесь дьявола, если решаетесь идти дальше,— говорили они.— Там дьяволовы письмена, и тот, кто увидит их, не вернется назад.

Напрасно Монерон предлагал им упятерить, удесятерить награду, напрасно он угрожал пожаловаться генерал-губернатору и посадить их в тюрьму: они были глухи и к обещаниям и к угрозам. Ни шагу дальше — был их ответ.

— Скажите, господин Ламанон,— спросил инженер,— согласны ли вы продолжать путь со мной без проводников?

За три дня изнурительного карабкания в гору щеки у Ламанона ввалились от усталости. Но он знал, что отступление будет позором.

— Согласен,— твердо сказал он.

— Идемте! — воскликнул Монерон.— Докажем этим суеверным трусам, что здесь нет никаких письмен.

Но письмена были.

Ползя на четвереньках весь день, французы добрались наконец, перед заходом солнца, до отвесной каменной стены, преградившей им путь. На стене четко выбита какая-то надпись. Незнакомые хвостатые буквы неведомого языка смотрели на двух измученных, ободранных, грязных людей.

— Не понимаю,— растерянно бормотал Монерон.— Дьяволовы письмена существуют!.. Да это бред или сон... Разбудите меня, господин Ламанон...

Но физик вдруг хлопнул себя по лбу.

— Я понял! — закричал он.— Эту надпись сделали гуанчи.

— Какие гуанчи?

— Гуанчи — народ, живший на Тенерифе до прихода испанцев. Испанцы явились сюда триста лет назад. Гуанчи встретили их очень радушно. Но испанцы решили покорить Тенериф и обратить жителей острова в христианство. Гуанчи не хотели отдавать ни своей свободы, ни своих богов. Началась война. У испанцев были ружья, у гуанчей — деревянные копья. Испанцы истребили их всех до одного человека, не пощадив ни женщин, ни грудных младенцев. И теперь от целого народа ничего не осталось, кроме, может быть, одной этой надписи.

Ламанон старательно срисовал причудливые буквы себе в записную книжку.

Идти дальше было невозможно. Стена преграждала дорогу. Влезть на вершину Тенерифского пика по этому склону горы невозможно.

Переночевав у подножия стены, окоченев от холода, инженер и физик с рассветом тронулись в обратный путь. К полудню они добрались до того места, где их поджидали проводники с мулами.

Спускаться было почти так же трудно, как подыматься. Внизу, несмотря на тропический зной, путники долго не могли согреться. Когда они вернулись на корабль, заботливый Лаперуз велел им несколько дней не вылезать из постелей.

ЭКВАТОРИАЛЬНЫЙ ЛИВЕНЬ

Экспедиции нечего было больше делать на Тенерифе, и 30 августа оба фрегата снова вышли в открытое море. Лаперуз держал курс прямо на юг — ему нужно было обойти мыс Горн не позднее рождества.

Экватор перешли 29 сентября. К этому дню готовились задолго. По обычаю моряков, при переходе через экватор устраивается праздник.

Корабельный повар обещал угостить матросов необыкновенным обедом. Каптенармус приготовил для всех новую одежду и обувь.

Утро 29-го было душное, знойное. Люди, задыхаясь, попрятались в самые темные закоулки. Ветер ночью упал, и фрегаты сонно, медленно ползли по гладкому зеркалу океана. О празднике никто и не думал. Те, кто был свободен, лежали на койках, а занятые вяло работали, проклиная несносную духоту.

Но в полдень на горизонте появилось крохотное темное облачко.

— Гроза будет,— сказал Лаперуз.

И все вздохнули с надеждой.

Солнце стояло прямо посередине неба, над самой грот-мачтой. Люди и предметы не отбрасывали никакой тени. Но облако все росло и приближалось. Расположенный под ним край моря стал тусклым, свинцовым. Несмотря на ослепительный солнечный свет, было видно, как там сверкают молнии. Лаперуз приказал привязать к верхушке мачты длинную железную цепь и спустить один конец в воду. На «Астролябии» сделали то же самое. Это были громоотводы.

Экваториальный ливень налетает почти мгновенно. Стало темно, как ночью, вихрь закрутил корабли, и с неба хлынули целые реки воды. Казалось, будто один океан обрушился на другой. От грохота люди не слышали даже собственного голоса.

«Нельзя,чтобы столько пресной воды пропало даром,— сказал себе Лаперуз.— Нам всегда ее не хватает».

И распорядился:

— Все пустые бочки на палубу!

На палубе стоять было невозможно — ливень сбивал с ног. Стоило только на мгновение приотворить дверь, и вниз по трапу тек целый ручей. Матросам удалось выкатить на палубу двадцать пять пустых бочек. В них набралось немало пресной дождевой воды.

При каждом ударе молнии в громоотвод фрегат вздрагивал, как от пушечного выстрела. А молнии обрушивались одна за другой. Сидя в каюте, можно было подумать, что корабль находится под обстрелом целой неприятельской эскадры.

Дождь лил два часа не переставая и прекратился так же внезапно, как начался. Хлынули знойные солнечные лучи, туча сжалась в облачко и растаяла на горизонте. Палуба высохла в несколько минут. Но жар не был таким тягостным, как прежде. Дышать стало легче. Гроза всем принесла облегчение.

Повар по случаю перехода через экватор угостил всех ветчиной, припасенной специально для этого случая. Вечером вся команда «Компаса» вышла на палубу. Какой-то матрос нарядился Нептуном — древним богом морей. Так велит старинный обычай моряков. Все поливали Нептуна ведрами воды. Он бегал по палубе мокрый и сердился. Потом все ловили друг друга и обливали. Через десять минут на обоих фрегатах не было ни одного сухого человека. Офицеры принимали участие в этой игре наравне с матросами. Устав играть, моряки долго разглядывали сверкавший на небе Южный Крест — созвездие, видное только в Южном полушарии.

Экватор остался позади.

ОТВАЖНЫЙ КОМЕНДАНТ

По пути к мысу Горн Лаперуз собирался сделать еще две остановки — у острова Троицы и у берегов Бразилии.

Остров Троицы — небольшой клочок земли, затерянный в Атлантическом океане,— интересовал Лаперуза главным образом потому, что там до него не был еще ни один француз. Во Франции об этом островке знали только по описаниям португальцев и англичан. И Англия и Португалия включали остров Троицы в число своих заморских владений. Кому он принадлежал в действительности, французы и представления не имели. Не знали они, есть ли там удобная гавань, можно ли запастись пресной водой, живут ли там люди, какие там растения и животные.

Скалистые берега острова Троицы были замечены с фрегатов утром 16 октября. Унылые это были берега — обожженные солнцем бурые камни. Ни одного дерева, ни одной травинки.

Гавань, которую скоро удалось отыскать, была настолько мала, что Лаперуз не решился ввести в нее свои корабли. На берегу за гаванью возвышалась каменная башня. На башне развевался португальский флаг.

— Здесь португальцы, а не англичане,— сказал Лаперуз.

При появлении возле острова иностранных кораблей в португальском селении началась суматоха. Лаперуз видел в подзорную трубу, как суетливо открывались и закрывались двери лачуг, как по единственной уличке взад и вперед бегали фигурки в белом, как на башне появились какие-то люди, возбужденно размахивающие руками.

Решено было в гавань не входить, а послать туда шлюпку.

Командиром шлюпки Лаперуз назначил лейтенанта Бутэна, дав ему в подмогу десять матросов и ботаника дю Фрэна, который знал португальский язык.

Подъехав к берегу, Бутэн увидел странную процессию, направлявшуюся к французской шлюпке. Процессия эта состояла из двухсот человек, одетых в ночные рубашки. Кроме рубашек, на них не было ничего — ни камзолов, ни панталон, ни башмаков, ни шляп. Были это все старики да инвалиды: у одного нет руки, у другого вместо ноги деревяшка, у третьего глаз перевязан какой-то грязной тряпкой. Но каждый тащил ружье. Ружья были тяжелые, длинные, вышедшие из употребления по крайней мере за сто лет до путешествия Лаперуза.

Этой диковинной армией командовал щупленький седенький старичок. На нем единственном был военный мундир — с белыми эполетами, со звездами и золотым шитьем. Подойдя к шлюпке, он низко поклонился, прижав правую руку к сердцу.

— Господин иностранный офицер,— сказал он Бутэну дребезжащим, старческим голосом,— умоляю вас, уезжайте с моего острова. Не губите меня, старика. Я здешний комендант, и мне поручено не пускать иностранцев на остров. Но как я могу не пустить вас? Ведь единственная моя пушка заржавела. Из нее ни разу не палили с тысяча семьсот пятого года. А на прошлой неделе я устроил учение солдатам, и оказалось, что из каждых десяти ружей девять не стреляют. Ну посудите сами, разве я могу сражаться с двумя огромными фрегатами? А если я пущу вас на остров и об этом узнает начальство, меня арестуют как изменника и посадят в темницу. Войдите в мое положение, господин иностранный офицер. Пожалейте меня! Уезжайте отсюда.

Бутэн с помощью дю Фрэна объяснил коменданту, что французы приехали на остров с самыми мирными целями

и просят только разрешения собрать для коллекции растущие на острове травы, запастись пресной водой и купить провизии.

Но комендант твердо стоял на своем.

— Остров Троицы,— говорил он,— имеет для Португалии важное стратегическое значение, и мне приказано иностранцев сюда не пускать. Да и травы здесь никакие не растут — сами видите, голые камни. Вода у нас на острове такая, что свиньи и те пить ее отказываются. А провизию привозят нам раз в год из Бразилии. Не хватает нам этой провизии, мы даже собак всех съели. Что вам делать на этом голом острове? Здесь так жарко, что мои солдаты ходят в одних рубашках. Будьте милостивы, уезжайте отсюда. Не дайте мне, старику, кончить жизнь свою за решеткой.

Бутэн махнул рукой и поплыл назад к «Компасу», провожаемый низкими поклонами благодарного коменданта.

В БРАЗИЛИИ

Прежде чем отправиться в опасное длительное плавание вокруг мыса Горн, нужно было запастись пресной водой и провизией, осмотреть снасти и корпуса фрегатов.

Все это заставило французов отправиться в Бразилию — богатую португальскую колонию в Южной Америке. Лаперуз выбрал один из южных бразильских портов, город, который теперь называется Флорианополисом, а в те времена назывался Дестеро. Покинув остров Троицы, он направился прямо к нему.

Бразильский берег увидел 6 ноября. Он весь был покрыт непроходимым пальмовым лесом. В подзорные трубы видны были стаи длиннохвостых обезьян, которые кувыркались в листве и показывали кулаки проходившим судам.

В три часа заметили каменную цитадель города Дестеро. Едва фрегаты вошли в рейд, как Лаперуз приказал пушкарям:

— К пушкам!

Лаперуз приветствовал город пушечным салютом.

Бам! Бам! Бам!..— раздалось одиннадцать выстрелов. При каждом выстреле «Компас» вздрагивал всем корпусом.

Жители города Дестеро оказались вежливыми людьми. Над цитаделью взвились дымки, и спокойный воздух бухты заколебался от одиннадцати ответных залпов.

На берегу Лаперуз встретил дона Франсиско де Барраса, губернатора города. Он превосходно говорил по-французски и изо всех сил старался быть любезным. Узнав, что Лаперуз хочет купить провизию, он указал ему, где и что дешевле продается.

В городе Дестеро было всего три тысячи жителей. Жили они бедно, в маленьких домиках и занимались главным образом разведением бананов и апельсинов. Скота они держали мало, потому что поблизости не было пастбищ. Устроить пастбища было невозможно: деревья в Бразилии растут так быстро, что всякое с величайшим трудом расчищенное место в несколько месяцев зарастает снова. Но самым страшным бедствием для скота были ядовитые змеи, заползавшие из леса в самый центр города. Одного укуса такой змеи достаточно, чтобы убить здоровенного быка. Людей кое-как предохраняла обувь, но животные гибли тысячами.

Матросы «Компаса» и «Астролябии» очень страдали от жары. Всякая работа валилась у них из рук. Даже заход солнца не приносил облегчения — духота не давала спать. Запасшись водой и провиантом, починив паруса, Лаперуз поспешил отплыть в океан.

— Вон из этого пекла! — говорили моряки. — Скорее дальше на юг! Там ждут нас прохладные ветры и освежающие дожди.

19 ноября фрегаты вышли из гавани Дестеро.

ЛГУН

Прежде чем обойти мыс Горн и выйти в Тихий океан, Лаперуз попытался отыскать острова, открытые в южной части Атлантического океана капитаном Ла-Рошем.

Капитан Ла-Рош был знаменитым путешественником. Вернувшись на родину после долгого плавания, он заявил, что ему удалось открыть множество новых земель. Особенно он расхваливал острова, найденные им в Атлантическом океане.

«Мои острова необыкновенно плодородны, — говорил Ла-Рош. — Сосны и ели там толще наших дубов. А в реках столько золота, что его можно выкапывать со дна прямо лопатами. Я бы привез целый трюм драгоценных металлов, но мне пришлось так спешить...»

Ла-Роша считали новым Колумбом. Он немедленно был произведен в адмиралы. Но постепенно стало выясняться, что зéмли, которых Ла-Рош столько наоткрывал в разных частях мира, не существуют. То один, то другой путешественник убеждался, что там, где, по словам Ла-Роша, находится суша, в действительности гуляют морские волны.

Только одно открытие Ла-Роша оставалось еще непроверенным: цветущие острова на юге Атлантического океана. Ни один корабль еще не побывал там после Ла-Роша. И французское морское министерство поручило Лаперузу выяснить, существуют ли эти острова на самом деле, или хвастливый капитан изобрел их так же, как и все остальные свои открытия.

Лаперуз не верил в острова Ла-Роша, но он обязан был повиноваться министерству и решил добросовестно выполнить то, что оно ему поручило.

Из Десте́ро Лаперуз направился на юго-восток. Ла-Рош не трудился точно указывать местонахождение открытых им земель, и Лаперузу предстояло осмотреть огромную площадь океана, прежде чем окончательно удостовериться в лживости своего предшественника. Если он пропустит хотя бы одну пядь, в Европе скажут, что Ла-Рош говорил правду и что Лаперуз прошел мимо его островов, не заметив их.

Как тягостно и скучно бороздить океан без всякой цели, без всякой надежды что-нибудь найти! Корабли поворачивали сегодня влево, завтра вправо, послезавтра возвращались на старое место. «Компас» и «Астролябия» то расходились в разные стороны, то снова сходились. Лаперуз наносил весь свой курс на карту. Эта карта будет служить доказательством, что он не проглядел ничего во всей той обширной области океана, где, по словам Ла-Роша, должны находиться острова.

Стояла холодная погода с дождем и порывистым ветром.

Команда почувствовала глубокое облегчение, когда Лаперуз наконец, после полуторамесячных бесцельных скитаний, объявил, что поиски окончены, и направил фрегаты к мысу Горн

У БЕРЕГОВ ПАТАГОНИИ

14 января 1786 года мореплаватели увидели перед собой безлесный плоский берег Патагонии. Унылая степная равнина простиралась до самого горизонта. Фрегаты пошли вдоль берега, к югу. На берегу показался небольшой отряд всадников, которые что-то кричали морякам, размахивая руками.

— Неужели это патагонцы?— спросил капитана Бартоломей Лессепс.

— Да, патагонцы,— ответил Лаперуз.

Лессепс схватил подзорную трубу и стал с удивлением разглядывать всадников.

— Ничего не понимаю!— наконец произнес он.— В школе я читал много описаний разных старинных путешествий, и все путешественники былых времен, посетившие Патагонию, утверждают, что патагонцы — великаны, что самые высокие европейцы едва достигают им до пояса. А между тем эти люди, которые скачут там, на берегу, нисколько не выше нас, капитан.

Лаперуз рассмеялся.

— Не верьте старым путешественникам, Лессепс,— сказал он.— Они любили приукрасить, преувеличить. Откроют где-нибудь деревушку и называют ее городом. Увидят крокодила и, приехав домой, рассказывают, что он был длиннее корабля. Услышат где-нибудь от туземцев о золоте и уверяют, что этим золотом можно вымостить все улицы в Мадриде. Патагонцы действительно рослые и крепкие люди, и вот их превратили в великанов.

— Патагонцы — отличные наездники,— сказал профессор Дажеле, прислушавшись к разговору.— Они не расстаются с лошадьми ни днем, ни ночью, они ни одного шага не делают пешком. Дети садятся на коней с трех лет, женщины скачут не хуже мужчин. А ведь до появления европейцев они и представления не имели о том, что такое лошадь. Увидев всадника, они падали перед ним на колени, думая, что это шестиногий, двухголовый бог.

— Как же лошади к ним попали?— спросил Лессепс.— Ведь в Патагонии европейцы не живут и до сих пор.

— Двести лет назад здесь поселилось несколько испанских семейств. Испанцы привезли с собой восемьдесят шесть лошадей. Но маленькая испанская колония быстро захире-

ла. Неурожай следовал за неурожаем, земля оказалась неплодородной, и поселенцы вернулись на родину. А их лошади остались в Патагонии. Они одичали, быстро размножились и разбрелись табунами по всей степи. Патагонцы мало-помалу к ним привыкли, стали ловить и приручать.

СТРАШНЫЙ МЫС

Патагония и вход в Магелланов пролив остались позади. Фрегаты шли вдоль побережья Огненной Земли, самой хмурой страны в мире, и приближались к самой южной оконечности Америки — к страшному мысу Горн, где круглый год свирепствуют ураганы, где вечно туман и дождь, где огромные волны разбиваются о подножия угрюмых гор.

Моряки, готовясь к тяжелому испытанию, проверяли каждый канат, каждый парус, внимательно осматривали обшивку кораблей. На всех лицах появилась забота. С каждым днем все реже слышались песни и шутки.

— Чего вы все так беспокоитесь? — спрашивал Лессепс.— Мы дошли уже до Огненной Земли, а погода стоит превосходная.

Действительно, погода была неплохая, ветер дул ровный и попутный, солнце хотя и не грело, но ярко светило.

— Погода здесь обманчива,— сказал Лаперуз.— Голландский капитан Роггевейн, подходя к Огненной Земле, тоже был очарован хорошей погодой, а у мыса Горн его подхватил ураган и отнес далеко на юг. Роггевейн с величайшим трудом вывел свой корабль из полярных льдов.

— Роггевейн еще очень дешево отделался,— прибавил лейтенант д'Экюр, недавно окончивший военно-морскую школу и гордившийся своим знанием истории путешествий.— А вот английский адмирал Энсон, тот действительно мог бы рассказать вам, что такое мыс Горн. Энсон подошел к мысу Горн в 1740 году, командуя эскадрой из пяти фрегатов, а когда мыс Горн остался позади, адмирал Энсон командовал уже только двумя фрегатами — остальные три лежали на морском дне.

— Надеюсь, с нами этого не случится,— сказал Лаперуз.— Но боюсь, как бы нам не пришлось расстаться с нашими пушками. Во время бури у мыса Горн капитан Джордж Бирон побросал за борт все свои пушки, чтобы облегчить корабль.

— Шквалы у мыса Горн почти всегда сопровождаются густым туманом,— продолжал д'Экюр,— поэтому там корабли все время рискуют налететь на скалу. В 1766 году мимо мыса Горн проходили два судна: одним командовал англичанин Картрет, другим — француз Бугенвилль. При неистовом урагане стоял непроглядный туман. Картрет был вынесен к самому берегу и с величайшим трудом снялся с мели, а Бугенвилль ободрал о камни всю обшивку своего корабля.

— Мыс Горн чаще всего приходится огибать испанцам,— заметил Лаперуз.— Они, по приказанию своего короля, скрывают от иностранцев свои путешествия. Но англичане рассказывают, что весь берег Огненной Земли усыпан обломками разбитых испанских кораблей.

Ночью все поняли, за что Огненная Земля получила свое название. На темном берегу то тут, то там вспыхивали бесчисленные огоньки.

— Это туземцы жгут костры, чтобы заманить нас к себе,— сказал Лаперуз.

— Давайте завтра утром пристанем к берегу,— предложил Лессепс.

Но Лаперуз покачал головой.

— Нужно спешить, пока стоит такая хорошая погода,— сказал он.— В этих местах каждую минуту может налететь шторм. А встречаться с жителями Огненной Земли нет смысла: они погубят нас своим обжорством.

— Разве они людоеды?

— Нет, но они съедят наши корабли,— улыбаясь, сказал капитан.— Жители Огненной Земли бесконечно бедны и всегда страдают от голода. Они вечно хотят есть и едят все, что угодно. Когда здесь останавливался капитан Бугенвилль, к нему на корабль взобралось человек десять огнеземельцев. Бугенвилль угостил их кашей. В полчаса они уничтожили кашу, сваренную на обед для всего экипажа, и стали искать, нет ли еще чего-нибудь съедобного. Им попался ящик свечей, и они съели все свечи вместе с фитилями. Найдя старый матросский башмак, они разодрали его в клочья и принялись жевать кожу.

Хмурые горы загромождают Огненную Землю. На их склонах растет угрюмый лес. В ущельях лежал еще снег, несмотря на то что январь в Южном полушарии соответствует нашему июлю. Но тумана, о котором рассказывали все

путешественники, побывавшие в этой далекой стране, Лаперуз и его спутники не видели. День шел за днем, а погода была по-прежнему прекрасная.

Вот наконец и мыс Горн — черный, голый утес, изъеденный бурями. Моряки с трепетом оглядывали его зубчатую спину, отделяющую Атлантический океан от Тихого. Он казался чудовищем, подстерегающим добычу.

Но к судам Лаперуза чудовище отнеслось ласково. 1 февраля фрегаты спокойно прошли перед самым его носом, озаренные ярким солнечным светом. На юге показалось было облачко тумана, да быстро рассеялось.

Корабли вышли в Тихий океан.

ИСЧЕЗНУВШИЙ ГОРОД

«Компас» и «Астролябия» шли на север вдоль западного побережья Южноамериканского материка. Налево простирался Тихий океан, направо синели Анды — величественная горная цепь, которая тянется через всю Южную Америку.

Страна, расположенная между Тихим океаном и Андами, называется Чили. В те времена Чили была испанской колонией. Лаперуз решил зайти в южный чилийский порт Консепсион[1], чтобы отдохнуть и запастись припасами.

Консепсион, как было известно Лаперузу,— вполне европейский городок с каменными домами, церквами и мощеными улицами. Еще в школе, рассматривая картинки в учебнике географии, Лаперуз находил, что Консепсион чрезвычайно похож на его родной городок Альби во Франции. Такая же каменная крепость с зубчатыми стенами, такие же колокольни, такие же тополя, такой же базар, куда крестьяне на маленьких осликах привозят молоко из деревни. Словом, самый обыкновенный городишко, ради которого не стоило ездить на край света. Бухта перед Консепсионом описана и измерена сотнями капитанов. Известно, где нужно обогнуть мыс, где находится подводная мель, где удобнее всего бросить якорь. И нет ничего удивительного в том, что Лаперуз совершенно спокойно, без всякого волнения, вел свои корабли к такому простому и обыкновенному месту.

[1] Теперь — Консепсьон.

22 февраля 1786 года оба корабля подошли к тому самому берегу, где на карте маленьким кружочком был обозначен город Консепсион. Стояла чудесная погода — безветренная, ясная, не слишком жаркая. «Компас» первый обогнул мыс и вошел в бухту. Капитан взял подзорную трубу и стал разглядывать приближающийся берег.

Он побледнел, отставил трубу, потом снова поглядел в нее, потом снова отставил и крикнул стоявшим рядом с ним офицерам:

— Попросите ко мне господина Дажеле!

Дажеле был самым знаменитым французским астрономом того времени. Он сопровождал экспедицию Лаперуза по поручению Академии наук.

— Господин Дажеле,— обратился к нему капитан,— вы уверены в том, что правильно вычислили ход наших кораблей?

— Уверен.

— Быть может, вы ошиблись? Быть может, мы находимся на несколько градусов южнее или севернее, чем вы предполагаете?

— Что вы! — обиделся ученый.— Все мои инструменты в полной исправности. Я сам много раз проверял каждую цифру. Я не мог ошибиться даже на четверть градуса.

— Где же мы, по-вашему, находимся? — нетерпеливо спросил капитан, с досадой кусая губы.

— В бухте города Консепсиона.

— Консепсиона? А где же ваш город Консепсион? — сказал Лаперуз, подставляя к глазам астронома подзорную трубу.

Дажеле глянул в круглое выпуклое стеклышко и чуть не выронил трубы из рук.

— Не понимаю... Я не мог ошибиться... Я все проверил...

На берегу не было ни зубчатой крепости, ни каменных домов, ни колоколен. Отвесные голые скалы сверкали на солнце черными спинами. Город Консепсион исчез бесследно.

На «Астролябии» происходило то же, что и на «Компасе». Капитан де Лангль шагал по палубе с подзорной трубой в руках, напрасно стараясь разыскать исчезнувший город.

Оба корабля остановились посреди бухты.

— Посмотрите, капитан,— сказал Дажеле, передавая трубу Лаперузу.— Там, в долине, какая-то деревушка.

— Да,— сказал Лаперуз,— несколько домиков. Две церкви на двух холмах...

— Две церкви и на двух холмах! — вскричал Дажеле, вырывая из рук Лаперуза трубу.— Вы знаете, что это за деревушка?

— Нет, не знаю.

— Это Талкагуана.

— Какая Талкагуана?

— Деревня Талкагуана, расположенная возле Консепсиона. В испанских описаниях того места говорится: «Возле Консепсиона лежит деревушка Талкагуана, замечательная двумя одинаковыми церквами, расположенными на двух одинаковых холмах».

Но от этого открытия все стало еще непонятнее. Деревня возле города уцелела, а город исчез...

Дажеле заново определил долготу и широту и снова убедился, что все его вычисления были правильны.

До восьми часов вечера оба корабля лавировали в бухте. Только в сумерках сторожевой матрос увидел лодку, плывущую к «Компасу». Все выбежали на палубу. Моряки с нетерпением поджидали лодку. Всем хотелось поскорее узнать тайну исчезнувшего города.

В лодке за веслами сидело шестеро гребцов. На носу стояло два человека — один бородатый, в простой матросской одежде, другой в малиновом плаще, расшитом серебром, в широкополой шляпе, украшенной огромными черными перьями. На боку у него висела прямая шпага с золотым эфесом.

С корабля спустили трап, и оба новоприбывших взошли на палубу.

— Полковник дон Хуан-Мигуэль-Мария-Хосе Постиго,— представился Лаперузу расшитый серебром испанец, снимая шляпу и кланяясь в пояс.— А это лоцман,— прибавил он, указывая на прибывшего вместе с ним моряка,— который введет ваши корабли в порт города Консепсиона. Добро пожаловать в наш город! Король прислал из Мадрида повеление встретить вас, как испанцев.

— Дон Хуан-Мигуэль-Мария-Хосе Постиго,— смущенно сказал Лаперуз, еще раз с недоумением оглядывая пустын-

ные берега,— где же ваш город Консепсион? Я стою здесь целый день и не вижу никакого города.

— Не беспокойтесь,— ответил дон Постиго.— Город переехал на другое место.

И вот что узнал Лаперуз от испанца.

В 1751 году в Чили было землетрясение. Жители Консепсиона выбежали ночью из своих рушащихся домов и с ужасом заметили, что море медленно ползет на берег. Волны поглощали дом за домом, улицу за улицей, площадь за площадью. Перепуганные жители кинулись в горы. Утром, когда рассвело, они не нашли своего города. Он весь был проглочен морем. Уцелела только пригородная деревушка Талкагуана. На месте города образовался залив. В ясную погоду рыбаки видят в прозрачной воде этого залива дома, церкви и крепость.

— А что же стало с жителями города?— спросил Лаперуз.

— Они целый год жили лагерем на горах и оплакивали свое погибшее имущество. А потом решили выстроить новый город. Они выбрали место на берегу реки Биобио. Порт Консепсиона теперь находится в устье реки.

ЧИЛИЙСКИЕ НРАВЫ

«Компас» и «Астролябия» вошли в порт поздно ночью.

Утром к «Компасу» на яхте подъехал комендант города дон Диего Квехада. Он привез с собою в дар Лаперузу сто бараньих туш, двести свиных окороков, груды бычьего мяса и фруктов. Плащ его был расшит еще роскошнее, чем плащ дона Постиго, и кланялся он почти до самой земли.

— Наш губернатор дон Хиггинс,— сказал дон Квехада,— будет глубоко огорчен, узнав, что вы прибыли в его отсутствие. Он был бы счастлив приветствовать вас лично, но сейчас он занят войной с восставшими индейцами.

Лаперуз был чрезвычайно доволен подарками дона Квехады. Припасы, взятые из Бразилии, были уже почти съедены. Щедрые подарки испанца обеспечили всю команду мясом на несколько месяцев. Лаперузу оставалось купить только муки.

Осмотрев корабль, дон Квехада очень удивился, что все снасти целы, что в корпусе корабля нет ни одной трещины, ни одной пробоины.

— Наши корабли, обойдя мыс Горн,— сказал он,— приходят истрепанные, измятые и немедлено отправляются в ремонт.

Услышав, что Лаперуз встретил у мыса Горн спокойное море, он заявил, что это небывалый случай.

Еще больше удивил испанца здоровый вид команды.

— Неужели у вас на кораблях нет ни одного больного матроса? Неужели вас не тронула ни цинга, ни лихорадка?

— Ни одного,— гордо ответил Лаперуз.

— Вам везет,— сказал дон Квехада.— Обогнуть Американский материк и не заплатить за это ни одной поломанной мачтой и ни одним больным матросом!

Лаперуз, де Лангль и Дажеле в сопровождении нескольких офицеров съехали на берег. Захватили с собой и географа Бернизе, чтобы он составил карту нового города.

Навстречу им из города вышел весь гарнизон. Консепсион встретил Лаперуза, как вельможу. Комендант дон Квехада отвел ему половину своего дворца и упрашивал поселиться у него на все время, пока корабли будут стоять в Консепсионском порту. Лаперуз охотно согласился.

Гостеприимство и щедрость дона Квехады были сначала ему непонятны. Но потом он догадался, в чем дело.

Когда во Франции начали подготавливать экспедицию Лаперуза, французский посол при испанском дворе попросил испанское правительство оказать содействие предполагавшейся экспедиции. Испанское правительство боялось могущественной Франции и согласилось. Во все испанские порты, расположенные во всех частях света, были разосланы приказы за подписью короля, в которых предписывалось оказать Лаперузу самый лучший прием. Один такой приказ получил и дон Квехада. Дон Квехада за всю свою жизнь никогда еще не получал приказов, подписанных королем. Никогда еще в Консепсион не приходила такая важная бумага. Дон Квехада не знал, кто этот французский мореход. Он, должно быть, очень могущественный и важный человек, раз о нем пишет сам король. И дон Квехада изо всех сил старался угодить своему гостю.

Впрочем, французы скоро поняли, что дон Квехада вовсе не так щедр, как показалось вначале. Покупая зерно для кораблей, Лаперуз был поражен чилийской дешевизной. За несколько медных монеток давали огромного быка. Баранов продавали только дюжинами — один баран был так де-

шев, что в отдельности его не стоило продавать. Пшеничное зерно на консепсионском базаре стоило в восемь раз дешевле, чем во Франции. При таких ценах не мудрено быть щедрым.

Богатство этой страны поразило Лаперуза. Лошади, коровы и овцы, привезенные сюда из Европы, необыкновенно здесь расплодились. Чилийские горные пастбища были покрыты дикими и полудикими стадами. У чилийских берегов во множестве водились киты. Они бесстрашно входили в гавань Консепсиона и обливали своими фонтанами корабли.

Но, несмотря на такие природные богатства, жители в Чили были очень бедны. Шерстью своих овец они могли бы снабдить половину суконных фабрик Англии, мясом своих быков прокормить половину Европы. Но жадность испанского короля разоряла их. На всякий товар, ввозимый и вывозимый из Чили, король накладывал такие пошлины, что торговля была невозможна.

Но не одни только пошлины разоряли эту плодородную страну. В Чили было множество монастырей и монахов. Крестьяне отдавали монахам десятую часть своих доходов.

Чилийцы произошли от смешения испанцев с индейцами; чистокровные испанцы встречались только среди солдат да чиновников. Все чилийцы поражали французов своей безукоризненной вежливостью. Здороваясь и прощаясь, они кланялись в пояс, отставляли правую ногу и прижимали руку к сердцу. Лаперуз пытался подражать их поклону, но всякий раз терял равновесие и чуть не падал. Ноги не слушались его, и изысканный реверанс ему не удавался.

Через две недели после приезда Лаперуза в Консепсион губернатор дон Хиггинс вернулся с поля битвы. Дон Хиггинс был ирландцем, поступившим на испанскую службу. Почти все время он проводил в войне с индейцами. Чилийские индейцы не были уже теми мирными, беззащитными людьми, о которых рассказывали первые испанские мореплаватели. Они от испанцев научились скакать на лошадях и стрелять из ружей. Из них вышли прекрасные наездники, отличные стрелки. Отступив от моря в горы и степи, они там укрепились и почти двести лет защищали свою родину от чужеземцев. Испанцы ловили индейцев, заковывали их в кандалы и отправляли работать на серебряные рудники, где они, не выдержав непосильного труда, умирали через два-три года.

ПРАЗДНИК

Начался март. В южном полушарии приближалась зима. Нужно было собираться в путь, чтобы поспеть в Северную Америку не позже июня и приступить к поискам пролива, соединяющего Тихий океан с Атлантическим. Лаперуз собирался каждые полгода переезжать из одного полушария в другое. Это давало ему возможность избегать зимних бурь во время всего путешествия. Когда зима в Южном полушарии, он будет находиться в Северном; когда зима в Северном полушарии, он будет находиться в Южном. Вечное лето будет сопровождать его корабли.

Отбытие из Консепсиона он назначил на 15 марта. Чтобы отблагодарить гостеприимных чилийцев, решено было за день до отплытия устроить праздник. На берегу разбили палатки, расставили столы. Пригласили триста человек гостей. Тут были и губернатор со своей свитой, и дон Квехада, и дон Постиго. В празднике приняла участие почти вся команда корабля; только человек сорок было оставлено Лаперузом на судах, чтобы сторожить их и следить за порядком.

Гости съели несколько быков и выпили много бочек вина. Консепсионские дамы явились в роскошных мантильях, привезенных их прабабушками из Испании. Один ученый монах прочитал свое стихотворение, посвященное дружбе французов и испанцев. Праздник удался на славу. Когда столы опустели, все вышли на лужайку танцевать.

— Подождите, я их сейчас удивлю,— шепнул Лаперузу Дажеле.

Через минуту он вернулся, держа в руках небольшой бумажный шар.

— Сеньоры! — закричал он. — Я сейчас покажу вам последнее чудо науки. Вот этот шар, недавно изобретенный братьями Монгольфье, сейчас сам, без всякой посторонней помощи, полетит по воздуху.

Толпа затаила дыхание.

— Шар этот очень просто устроен,— продолжал Дажеле.— Видите, к нему привязана горелка. Вот я зажигаю ее. Воздух внутри шара нагревается. Теплый воздух легче холодного. Он стремится вверх и тащит за собою шар.

С этими словами Дажеле выпустил шар из рук.

Чудо науки, нерешительно покачавшись, стало медленно подыматься.

Чилийцы и матросы вскрикнули. Никто из них еще не видел воздушного шара.

Шар облетел весь город и застрял на колокольне консепсионского собора.

На другой день «Компас» и «Астролябия» снялись с якорей. Отдохнувшие, поздоровевшие моряки весело принялись за работу. На берегу дон Хиггинс, дон Квехада и дон Хуан-Мигуэль-Мария-Хосе Постиго долго махали шляпами уходящим судам.

ПРИБЫТИЕ НА ОСТРОВ ПАСХИ

Фрегаты при попутном ветре шли на северо-запад. После трехнедельного плавания, 8 апреля, мореплаватели заметили холмистый безлесный остров. Это был остров Пасхи, на котором за двенадцать лет перед тем побывал капитан Кук.

Лаперуз тоже хотел посетить этот остров. Он спешил в Северную Америку, но считал, что ради острова Пасхи можно пожертвовать одним днем. Решено было остановиться в том самом заливе, где останавливался капитан Кук.

Залив Кука нашли без труда. Он глубоко врезывается в берег и защищен от всех ветров. Фрегаты вошли в него — сначала «Астролябия», затем «Компас» — и остановились за милю от берега.

На берегу стояло шестеро мужчин. Они прыгнули в воду и поплыли к «Компасу». В воде они чувствовали себя, как на суше. Им кинули канат. Они влезли по канату на палубу и отряхнулись, словно собаки.

Одежда их состояла из веревочного пояса, к которому сзади и спереди были привязаны пучки травы.

Все население корабля вышло на палубу. Всем хотелось повидать диковинных гостей.

Островитяне были окружены целой толпой. Но это нисколько не смутило и не испугало их. Безоружные, они одиноко стояли среди множества чужеземцев и приветливо улыбались.

«Вот лучший пример того, — подумал Лаперуз, — что с туземцами нужно обращаться ласково. Кук здесь никого

не убил, никого не ограбил, и жители острова Пасхи приветливо, без всякой тревоги встречают европейцев. Если бы все путешественники были так миролюбивы, им не пришлось бы выдерживать повсюду столько кровопролитных битв».

Он решил продолжать политику капитана Кука и надавал гостям целый ворох подарков — стеклянных бус, оловянных ложек, красных тряпочек. Островитяне сразу нацепили все это на себя — бусы на шею, ложки и гребешки в волосы, тряпочки за пояс. Они очень обрадовались таким украшениям и с восторгом разглядывали друг друга. Чванно и гордо расхаживали они по палубе. Но прошло минут десять, и полученные безделушки надоели им. Они стали знаками упрашивать моряков подарить им еще что-нибудь.

Тогда Лаперуз надел на голову самому старшему из островитян широкополую матросскую шляпу. Старик запрыгал от радости. Впрочем, он не успел в ней покрасоваться. К нему подскочил другой островитянин, сорвал с его головы шляпу и напялил ее на себя. Но и ему не удалось надолго удержать добычу. Каждому хотелось завладеть шляпой. Каждый тянул ее к себе. Завязалась потасовка. Островитяне, такие дружные минуту назад, теперь без всякой жалости колотили друг друга кулаками, скаля белые зубы.

— Так его! Так его! — с хохотом подзадоривали их матросы.

Наконец шляпа утвердилась на голове самого сильного и молодого. Он стоял, сжав кулаки, готовый избить всякого, кто попробует отнять его сокровище. И остальные пятеро не решались к нему приблизиться. Они так завистливо и печально глядели на счастливца, что Лаперуз сжалился и дал каждому по такой же шляпе.

Корабль поразил островитян своей величиной. Они ходили от кормы к носу, от носа к корме, считали шаги, потом громко спорили и снова считали.

Близился вечер. Лаперуз решил ехать на берег только завтра. Но лейтенант д'Экюр, которому надоело сидеть на корабле, предложил подвезти гостей к острову на шлюпке. Лаперуз дал свое согласие, но потребовал, чтобы д'Экюр не высаживался на берег, а, остановившись от берега в нескольких шагах, выпроводил пассажиров прямо в воду.

Шлюпку спустили, д'Экюр усадил в нее островитян, и гребцы взялись за весла. Островитяне чинно уселись на скамейку, но, когда шлюпка отчалила, им надоело сидеть в тесноте. Они стали возиться, толкаться, раскачивать шлюпку. Д'Экюр прикрикнул на них. Тогда они сняли шляпы, уложили в них, как в корзинки, все свои бусы и тряпочки и один за другим попрыгали в воду.

— Стойте! Куда вы? Я вас довезу! — крикнул им вслед д'Экюр.

Но они быстро поплыли к берегу, держа свои шляпы высоко над головой, чтобы не замочить их.

Д'Экюру пришлось вернуться на фрегат.

ПОХИТИТЕЛИ ШЛЯП

На следующее утро Лаперуз и де Лангль отправились на берег в сопровождении астронома Дажеле, физика Ламанона, ботаника дю Фрэна и всех офицеров, кроме вахтенных. На всякий случай для защиты отряда от нападения Лаперуз захватил с собою восемнадцать солдат морской пехоты под начальством поручика де Вожуа. Ботаник дю Фрэн вез несколько мешков семян разных европейских огородных растений — капусты, моркови, свеклы и тыквы. В шлюпке де Лангля лежали связанные овцы, козы и свиньи. Де Лангль, подражая капитану Куку, решил подарить этих животных островитянам.

Островитяне встретили французов громкими криками. Их собралось на берегу человек шестьсот. Лаперуз с удовольствием заметил, что все они безоружны, кроме двоих-троих, которые держали в руках узловатые дубинки. Он стал искать в толпе своих вчерашних гостей и сразу узнал их по шляпам и бусам. Обладатели шляп гордо ходили среди своих соплеменников, наслаждаясь всеобщей завистью.

Выйдя из шлюпок, моряки прежде всего разбили на берегу палатку, где расположился со своими инструментами астроном Дажеле, который должен был определить по солнцу долготу острова Пасхи и проверить вычисления Кука. Островитяне вертелись, толкались и мешали работать. Лаперуз попросил их отойти от палатки хотя бы на три шага, но они не обратили на его слова ни малейшего внимания и по-прежнему напирали на французов со всех сторон.

Любопытство их было не совсем бескорыстно. Они с завистью поглядывали на чудесные шляпы, украшавшие головы матросов. И, когда один матрос зазевался, шляпа его оказалась в руке пронырливого островитянина. Матрос пустился в погоню, но вор бесследно исчез.

Через минуту шляпы были украдены еще у двух матросов. Ограбленные, не зная, что делать, испуганно смотрели на свое начальство. Если они станут драться с ворами, за воров вступятся все туземцы, придется стрелять, и начнется побоище. А если они не вернут своих шляп, им влетит за потерю казенного имущества.

Но Лаперуз разрешил их сомнения.

— Все, у кого будут украдены шляпы,— сказал он,— получат новые на корабле. Только, пожалуйста, не ссорьтесь с островитянами.

Когда палатка была готова, решили начать исследование острова. Палатки, шлюпку и астронома Дажеле оставили под охраной солдат. Остальные разбились на два отряда. Один отряд состоял из Лаперуза и офицеров «Компаса», другой — из де Лангля, офицеров «Астролябии», ботаника дю Фрэна и физика Ламанона. Лаперуз повел свой отряд вдоль берега, а де Лангль — в глубь острова. Островитяне тоже разделились: одни остались у палатки, другие побрели за де Ланглем, а несколько человек пошло с Лаперузом.

За поворотом берега Лаперуз увидел длинный, узкий и низкий сарай.

— Дом! — закричал он.

Но это был не дом, а целая деревня. Заглянув в дверь сарая, через которую пролезть можно было только на четвереньках, Лаперуз увидел по крайней мере двести соломенных лежанок. Этот сарай — общий дом не отдельной семьи, а целого племени. Построен он был из тростника — леса на острове Пасхи нет, и островитяне принуждены были обходиться без дерева.

Возле дома путешественники встретили двух старых островитянок, которых окружало несколько десятков маленьких ребят.

— Неужели у этих двух старух столько детей? — спросил Лаперуз и рассмеялся своему нелепому вопросу.

Эти старухи были не матери, а няньки. Они нянчили детей всего племени.

Вблизи жилья Лаперуз не нашел ни ручья, ни колодца. Кук в своем дневнике, хорошо известном Лаперузу, уверял, что на острове Пасхи нет никаких ручьев и островитяне пьют воду из болотистых луж, кое-где сохранившихся на дне оврагов. Из-за безводья остров Пасхи — очень неудобная стоянка для кораблей: здесь нельзя запастись пресной водой.

Еще час трудной прогулки по прибрежным камням, и Лаперуз наткнулся на новую находку. Он увидел огромные каменные статуи, описанные Куком. Статуи эти, вышиной в трехэтажное здание, стояли на пьедесталах, сложенных из гладких, обтесанных камней. Каменные великаны бесстрастно глядели в морскую даль.

Осматривая одну из статуй, Лаперуз взобрался на ее подножие. Островитянин, всюду ходивший за ним по пятам, полез туда же. Когда Лаперуз, оглядывая туловище статуи, поднял голову, островитянин содрал с него форменную капитанскую шляпу, спрыгнул и пустился бежать.

— Держи! Держи! — закричали стоявшие внизу офицеры и бросились вдогонку за вором.

Капитанская шляпа стоила не дешево, и второй такой у Лаперуза не было. Но Лаперуз решил, что раз простым матросам приходится весь день мучиться на солнце без шляп, почему же он должен ходить в шляпе? И, повинуясь приказанию капитана, офицеры вернулись к статуе, оставив дерзкому вору его драгоценную добычу.

Осмотрев статуи, Лаперуз пошел назад к палатке. Даже-ле, поручик де Вожуа и все восемнадцать солдат встретили его без шляп. Зато островитяне, толпившиеся вокруг палатки, щеголяли в шляпах, франтовато сдвинутых набекрень.

Лаперуз, не дожидаясь возвращения де Лангля, отправился на корабль. Он хотел сменить лейтенанта д'Экюра, который командовал «Компасом» во время его отсутствия. Д'Экюр, передав «Компас» капитану, поехал на берег.

— Оберните голову какой-нибудь тряпкой, а шляпу оставьте в каюте, — посоветовал ему Лаперуз, — а не то вернетесь без шляпы.

Приехав на берег в великолепном тюрбане из старых тряпок, лейтенант д'Экюр принялся расспрашивать Даже-ле обо всем, что случилось на острове с самого утра. Солдаты, прислушиваясь к разговору ученого и офицера, сов-

сем забыли о шлюпках. Островитяне этим воспользовались. Один из них забрался в шлюпку, выкрал оттуда большое ведро и помчался с ним в глубь острова. Ведро, ярко сверкавшее на солнце, казалось островитянину необыкновенной драгоценностью.

Солдаты, увидев бегущего вора, подняли крик. Ведер на фрегате и без того не хватало. Нужно непременно изловить наглого грабителя и отнять у него ведро.

Услышав громкие крики солдат, островитяне, стоявшие возле палатки, кинулись наутек вместе с вором. Д'Экюр, поручик де Вожуа и два солдата пустились вдогонку за туземцами. Долго бежали они по каменистой тропинке и уже отчаялись догнать быстроногих островитян, как вдруг те остановились.

— Отдайте наше ведро! — сердито закричал д'Экюр.

Но островитяне вместо ответа стали швырять во французов камнями. На лбу у одного солдата вскочила шишка.

— Залп в воздух! — приказал солдатам д'Экюр.

Оба солдата выстрелили в воздух. Но островитяне, не знавшие, что ружьями можно ранить и убивать людей, нисколько не испугались. Они стали прилежно собирать на тропинке камни и затем двинулись лавиной навстречу французам, колотя палкой о краденое ведро, как в барабан.

Ружья д'Экюра и де Вожуа были заряжены дробью. Они выстрелили. Дробинки разлетелись во все стороны, и раненых оказалось человек пятнадцать. Правда, раны были совсем пустячные, но вся толпа в диком ужасе пустилась бежать, оставив ведро на поле битвы.

КОРОЛЬ

А тем временем отряд де Лангля все дальше и дальше забирался в глубь острова.

Идти было трудно, потому что весь остров Пасхи усыпан камнями, о которые постоянно спотыкаешься. Путники на веревках тащили за собой коз, овец и свиней, а на спинах несли мешки с семенами. Прошло не меньше двух часов, прежде чем они наконец, к величайшему своему облегчению, добрались до обработанных полей.

Поля были очищены от камней. Камни грудами лежали в канавах и оврагах. Де Лангль подивился терпению островитян — им приходилось перетаскивать огромные камни на

собственных плечах, потому что у них не было никаких домашних животных.

В защищенных от ветра долинках островитяне сажали бананы. Но банановые деревья здесь были хилые и давали плохой урожай. Никаких земледельческих орудий у островитян не было. Они не знали даже деревянной лопаты. Де Лангль встретил женщину, занятую обработкой поля. Она копала палкой ямки в земле.

— Вот отличное место для посева! — воскликнул дю Фрэн, увидев полянку, очищенную от камней.

Развязали мешки и дю Фрэн принялся сеять морковь, репу и тыкву.

— Из этих семян выйдут растения, которые можно будет есть,— старался он объяснить островитянам, засовывая кулак в рот и двигая челюстями.

Островитяне, следовавшие за отрядом с самого берега, казалось, отлично поняли его. Они потащили его к другой полянке, удобной для посева, и попросили сеять и там. Дю Фрэн охотно исполнил их просьбу.

Вскоре они подошли к дому-деревне, такому же самому, как тот, который попался на берегу Лаперузу. Из дома вылезла целая армия голых коричневых ребятишек. За ними присматривала хромая старуха. Возле дверей де Лангль заметил несколько кур. Курица — единственная домашняя птица на острове Пасхи. Домашних животных у островитян не было совсем. Даже собак они никогда не видали.

Навстречу де Ланглю вылез седой, сгорбленный старик с палкой в руке. Увидев его, островитяне притихли. Проталкиваясь через толпу, старик колотил своей палкой по головам. Получившие удары и не думали возражать — они боялись этого старика. И де Лангль решил, что перед ним островитянский король.

Низко поклонившись, он преподнес королю в подарок козла, барана, овцу и двух свиней. Вежливо, словами и знаками, разъяснил он его величеству, какую пользу могут принести эти животные острову Пасхи. Его величество слушал, любезно улыбаясь беззубым ртом. Подаренных животных матросы привязали к тяжелому камню возле дома.

Но тут взор короля упал на кончик носового платка, торчавший у де Лангля из кармана. Король запустил к нему в карман руку, крепко сжал в кулаке платок и помчался в горы.

Де Лангль от удивления не мог вымолвить ни слова. Человек, которому он только что сделал такой подарок, человек, с которым он обошелся так ласково, человек богатый и могущественный — и вдруг украл у него носовой платок! Этого де Лангль никак не мог понять.

Оставив подаренных сбежавшему королю животных, он повел свой отряд обратно к морю. Начало уже смеркаться, когда моряки, усталые, голодные и, конечно, без шляп, подошли к палатке Дажеле.

— В шлюпки! — скомандовал де Лангль.— Надо спешить на фрегат. Завтра чуть свет мы уходим отсюда.

И действительно, на следующее утро Лаперуз приказал подымать якоря.

Выйдя на палубу, он заметил в воде возле «Компаса» тех самых шестерых островитян, которые посетили его третьего дня. Он разрешил им подняться наверх. С удивлением моряки увидели, что островитяне притащили с собой длинную веревку, сплетенную из водорослей. Не обращая ни на кого внимания, они протянули свою веревку через всю палубу от носа до кормы. Веревка была немного длиннее корабля, но они оторвали от нее лишний кусок и бросили его в море.

— Понял! — вскричал Лаперуз.— Они решили точно измерить длину нашего фрегата.

Островитяне деловито свернули свою веревку и прыгнули в воду. Ветер вздул паруса.

Остров Пасхи медленно растаял вдали.

ПО ВОДНОЙ ПУСТЫНЕ

От острова Пасхи Лаперуз направился прямо на север. До прибытия в Северную Америку ему предстояла еще одна остановка — на открытых Куком Гавайских островах.

«Всюду до меня побывал великий Кук,— с горечью думал Лаперуз.— Когда же и я открою наконец какую-нибудь землю, не известную ни одному мореплавателю?»

Та часть Тихого океана, которая лежит между островом Пасхи и Гаваями, была еще совсем неведома европейцам. Корабли Кука подошли к Гаваям совсем с другой стороны, и Лаперуз надеялся, что ему удастся открыть в этом незнакомом море новые острова.

К верхушке мачты привесили корзину. В этой корзине каждый день с утра до вечера сидел матрос с подзорной трубой. Волны то подымали, то опускали фрегат, корзина раскачивалась, как люлька, но матрос, висевший на страшной высоте, не отрывал глаз от горизонта. Когда от качки ему становилось дурно, его стаскивали вниз и в корзину сажали другого. Матросы охотно соглашались на это мучительное дело, потому что тому, кто первый заметит берег, Лаперуз обещал большую награду.

За фрегатом днем и ночью следовали рыбьи стаи. Давно уже морякам не приходилось есть свежей пищи — всё солонина да солонина. Матросы сделали удочки и в свободные часы принимались удить прямо с борта корабля. Но рыба на крючки не попадалась. Тогда придумали другой способ. Из проволоки устроили маленькие остроги и стали запускать их в рыб. Рыба шла так густо, что острога часто попадала в цель. Острогу вместе с большой бьющейся рыбой за веревку втаскивали на палубу.

Иногда рыба была так велика, что веревка не выдерживала и лопалась. Рыба уплывала, унося острогу. Но случалось, что через несколько дней эта самая рыба попадалась вторично, и моряки вытаскивали свою старую острогу из ее спины. Это очень их удивляло.

— Одни и те же рыбы плывут за нами вот уже вторую тысячу миль! — говорили они.

5 мая перешли экватор и вступили в Северное полушарие. Опять по ночам вместо Южного Креста на небе сияла Большая Медведица.

28 мая 1786 года увидели горы Гавайского архипелага. Неведомое море между островом Пасхи и Гаваями было пройдено. Лаперуз приказал снять корзину с мачты. Ему не повезло. Среди этого огромного водного пространства, куда никогда до него не заглядывали мореплаватели, он не нашел ни одного острова.

ЛАПЕРУЗ У ГАВАЙСКИХ ОСТРОВОВ

Гавайские острова, как большие зеленые клумбы, возвышались над синей гладью океана. Нежные очертания кудрявых гор дрожали в прозрачном воздухе.

Фрегаты вошли в пролив между двумя островами. Справа был остров Мауи, на котором Кук был убит, сле-

ва — остров, который Кук видел издали. Лаперуз повернул налево.

Остров был цветущим садом. Даже гул прибоя не мог заглушить пронзительного щебета птиц. Высокие пальмы кивали кораблям кудрявыми головами. С гор текли ручьи и, пробежав сквозь многолюдные деревни, впадали в море. Вокруг деревень росли бананы, посаженные прямыми рядами. Ветер доносил с берега сладкий запах цветов.

Но подойти к этому острову оказалось нелегким делом. Лаперуз нигде не мог найти бухту. А остановиться прямо посреди пролива между двумя островами было слишком опасно — порывистый сквозной ветер сорвал бы фрегаты с якорей. Даже в шлюпках нельзя было высадиться, потому что у берега бушевал прибой, с которым не справится ни одна шлюпка. Команда сжимала кулаки от досады. Особенно ручьи соблазняли моряков. Вода, взятая в Консепсионе, начала портиться, и пить ее было неприятно.

Лаперуз повел фрегат вокруг острова. Он надеялся найти бухту с другой стороны. А между тем с берега сорвалась целая флотилия быстрых лодок, нагруженных всякой всячиной: живыми свиньями, рыбой, бананами, кокосами и какими-то красными тканями. Лодки пытались пристать к кораблям. Однако, едва они подходили к «Компасу» или «Астролябии», как волны, поднятые кораблем, переворачивали их кверху днищем. Но гавайцы, как и все полинезийцы, удивительные пловцы. Они снова переворачивали свои лодки, спасали тонущих свиней, вылавливали кокосы и опять неслись за фрегатами.

Фрегаты обогнули остров. Едва они обошли мыс, вид острова совершенно изменился. Тут не было ни лесов, ни ручьев. Куда ни кинешь взор — всюду одни голые бурые камни. Только у редких крохотных деревушек торчали тощие стволы пальм да зеленела хилая травка. На этом острове все потоки текли с гор в одну сторону, оставляя другую безводной. За какой-нибудь час наши путешественники из пышного, благоухающего, напоенного жизнью сада попали в иссушенную солнцем пустыню.

Но зато здесь Лаперузу без труда удалось найти удобную гавань. Уже стемнело, когда «Компас» и «Астролябия», войдя в нее, бросили якоря.

Тотчас же фрегаты были окружены лодками. Особенно много собралось их возле «Компаса». Гавайцы целыми толпами лезли на палубу, таща с собой свои товары.

Лаперузу не хотелось пускать на корабль гавайцев, убивших капитана Кука. Он боялся их. Наступила ночь — уследить за ними в темноте будет очень трудно. Торговлю можно начать и завтра.

Выйдя на палубу, Лаперуз оглушительно закричал в рупор:

— Табу! Табу!

Это слово Лаперуз прочитал в дневнике Кука. Кук говорит, что все полинезийцы боятся слова «табу» больше всего на свете. Все страшное и священное, все, к чему нельзя прикасаться, они называют «табу».

— Табу! Табу! — кричал Лаперуз.

И гавайцы попрыгали с палубы в свои лодки. Через десять минут в бухте наступила полная тишина.

Наутро они явились снова. Лодки едва держались на воде — столько в них было товаров. Разговаривать на фрегатах стало невозможно: визг свиней заглушал все слова.

Лодки прибывали с самых отдаленных частей острова и даже, быть может, с других островов. Лаперуз по-прежнему не пускал гавайцев на палубу. Они сидели в лодках и, как на базаре, громко выкрикивали свои товары. Французы, конечно, не упустили такого удобного случая запастись свежими съестными припасами.

Гавайцы пренебрежительно относились к стеклянным бусам и пестрым тряпочкам. Такой хлам они соглашались брать только в подарок, но не в уплату за товар. Им подавай железо — ножи, топоры, обручи от бочек. За железо они согласны были отдать все, что угодно. Также очень ценили они маленькие зеркальца. Этих зеркалец — величиной чуть побольше пятака — Лаперуз за два часа продал несколько тысяч.

В полдень Лаперуз приказал прекратить торговлю. Было закуплено уже более трехсот живых свиней, для которых пришлось устраивать на кораблях особые свинарни. Кладовые ломились от кокосов и бананов.

Лаперуз не собирался долго оставаться на Гавайских островах. Он спешил в Северную Америку. Но, прежде чем покинуть бухту, он решил узнать, нельзя ли здесь поблизости запастись пресной водой. Нужно было совершить экскурсию на берег.

Помня трагическую гибель капитана Кука, Лаперуз, несмотря на миролюбивый вид туземцев, старался быть как можно осторожнее. На берег отправились четыре шлюпки. В двух шлюпках, шедших впереди, сидели солдаты морской пехоты с ружьями наготове. Они должны были оборонять две другие шлюпки, в которых ехали оба капитана, ученые и офицеры.

Высадившись на берег, солдаты построились полукругом, чтобы защищать шлюпки от нападения с любой стороны. Но гавайцы, во множестве столпившиеся на берегу, оказали французам самый дружеский прием. Один из них, высокий красавец, одетый в красную мантию, держа в руке деревянное копье, выступил вперед. Подойдя к Лаперузу, он воткнул копье каменным наконечником в землю и произнес речь. Пока он говорил, никто из гавайцев не раскрывал рта, не двигался с места. А говорил он не меньше получаса. Лаперуз из его речи, конечно, ничего не понял.

Кончив говорить, гаваец снял с себя мантию и, поклонившись, передал ее Лаперузу.

Толпа восторженно закричала.

Лаперуз догадался, что ему оказана высокая честь. Он не хотел быть неблагодарным. Сняв свою шпагу, он прицепил ее к поясу гавайца.

Воду Лаперуз пошел отыскивать сам, взяв с собой шестерых солдат. Капитан де Лангль и другие офицеры остались возле шлюпок. Местность вокруг бухты безлесная, открытая, и, если с Лаперузом что-нибудь случится, ему всегда можно будет помочь.

Но с Лаперузом ничего не случилось. Пройдя мимо деревушки, возле которой бегали дети и хрюкали свиньи, он нашел глубокий колодец, на дне которого было немного вонючей солоноватой воды. Этой грязной мутью пользовалось все население бухты. Брать такую воду на корабль не стоило, потому что она была нисколько не лучше той, которая еще хранилась в трюме.

Невдалеке от колодца начинался склон высокой горы. За этой горой находится цветущая страна, где шумят потоки. Но переход через эту крутую каменистую гору займет пять или шесть часов. А воды с того берега без лошадей не дотащишь никак.

— Нам здесь делать больше нечего,— сказал Лаперуз.— Мы сегодня же уедем отсюда. До Америки нам придется пить несвежую воду.

Погуляв по берегу часа два, Лаперуз вернулся на корабль.

Вечером фрегаты вышли в море.

МЕЛЬНИК

Экспедиция была обеспечена провизией чуть ли не на целый год. Трюмы загромождали мешки с чилийской пшеницей, а за перегородками на палубах визжали гавайские свиньи. Но экипаж страдал от недостатка воды. Несколько сот свиней выпивали столько воды, что бочки с пресной водой стали быстро пустеть. Людям воду выдавали по порциям. И вода эта пахла болотом.

С хлебом дело обстояло еще хуже. Обходя мыс Горн, Лаперуз заметил, что в холодном климате мука очень быстро покрывается плесенью. Поэтому в Чили он вместо муки купил несколько тонн пшеничного зерна, которое портится гораздо медленнее. Он полагал, что очень нетрудно будет толочь это зерно в ступке. Но оказалось, что для того, чтобы натолочь муки на всю команду, нужно громыхать ступкой с утра до вечера, и мука получалась скверная. Хлеб выходил липкий, тяжелый, плохо пропеченный. Недоеденный хлеб приходилось отдавать тем же свиньям, и матросы начали роптать.

— Свиней поят и кормят, а человек сиди голодный и не смей попросить вторую кружку воды!

Тогда Лаперуз распорядился зарезать свиней.

Свиные туши разрубили на части, посолили и сложили в трюме. Вместо свежего мяса матросы теперь получали солонину, но зато могли пить воды сколько угодно.

Хлебные затруднения тоже были скоро разрешены. Но разрешил их не Лаперуз, а простой матрос с «Астролябии» по имени Жак.

Этот Жак был самый незаметный и самый скромный из всех матросов «Астролябии». Деревенский парень, впервые попавший на корабль, потешал моряков своей неуклюжестью. Матросы считали его дураком, издевались над ним. Ему постоянно давали самую грязную и неприятную работу, где требовалась не сообразительность, а только сила.

Недели через две после отбытия с Гавайских островов этот самый Жак, увидев на палубе капитана де Лангля, подошел к нему. Де Лангль, не привыкший к тому, чтобы с ним заговаривали простые матросы, нахмурил брови. Но у Жака было такое простодушное и доверчивое лицо, что капитан не мог рассердиться.

— Что тебе надо? — спросил он его.

— Дома я работал на мельнице...— начал Жак.

— Да, я вижу, что ты не моряк, а мельник,— перебил его де Лангль.

Матросы, столпившиеся вокруг, засмеялись. «Мельниками» моряки называют неуклюжих растяп, которые в первый раз выходят в море и не знают морского дела.

— Да, я мельник,— серьезно и даже гордо ответил Жак.— Я хотел купить мельницу, но у меня не хватило денег, и вот мне пришлось уйти в море на заработки. У вас здесь не умеют молоть муку. Где это видано, чтобы зерно толкли в ступке? Если хотите, чтобы у вас был хороший хлеб, я вам построю мельницу...

— Где же ты построишь мельницу? — спросил де Лангль.— На волнах?

Матросы хохотали.

— Нет, на палубе,— невозмутимо ответил Жак.

Но, к удивлению всех, де Лангль не смеялся.

— Как же ты построишь мельницу?

— На кухне есть два больших точильных камня. Из них выйдут хорошие жернова. А крылья можно сделать из досок.

Де Лангль задумался. Да, довольно забавный будет вид у «Астролябии», гордости французского военного флота, с мельничными крыльями на палубе! Будь они в Бресте или в Марселе, где Лангль умер бы со стыда, если бы ему пришлось командовать фрегатом с таким украшением. Но здесь их не увидит никто, кроме туземцев... А ведь хороший хлеб так нужен!

— Строй,— сказал де Лангль.

И Жак принялся строить. К вечеру под фок-мачтой завертелись мельничные крылья, а на другой день матросы получили к ужину прекрасно выпеченные булки.

— Ура! — кричала команда «Астролябии».— Качать Жака, качать!

И Жак полетел вверх.

На специально присланной шлюпке его, гордого и счастливого, отвезли на «Компас», чтобы он и там выстроил такую же мельницу.

Дул сильный попутный ветер. Корабли быстро шли на север. Тропический зной остался позади. Небо покрылось тучами. Несмотря на то что стоял июнь, Лаперузу пришлось раздать матросам шерстяные фуфайки.

23 июня с «Компаса» заметили снежную вершину горы Ильи. Гора Ильи находится в Северной Америке, недалеко от Аляски. До Лаперуза ее видели всего два мореплавателя — русский капитан Беринг и англичанин Джемс Кук. Эта гора так высока, что заметить ее можно с огромного расстояния. Лаперузу пришлось плыть еще двое суток, прежде чем он увидел берег.

Берег был скалистый, поросший густым сосновым лесом. Море перед берегом было так мелко, что со дна торчали утесы, вокруг которых ревели и пенились буруны. Подойти к берегу невозможно — корабли налетят на мель. Пришлось остановиться в двух милях от береговых скал. Нужно было во что бы то ни стало найти хорошую гавань.

Но это оказалось не легким делом. Хотя до берега было всего две мили, моряки очень смутно различали его очертания. Берег был скрыт туманом. Над туманом возвышалась только снежная вершина горы Ильи.

Корабли медленно пошли вдоль берега. Лаперузу пришло в голову, что шлюпка могла бы подойти к берегу гораздо ближе, чем корабль. Быть может, с шлюпки удастся заметить какой-нибудь залив, какую-нибудь бухту. И решено было спустить шлюпку.

Шлюпкой командовал лейтенант д'Экюр. Д'Экюру тоже не удалось близко подойти к берегу, потому что бушующие буруны преградили ему путь. Попади шлюпка в такой бурун — и ее мигом разобьет в щепки о камни. Но все же берег был виден с шлюпки гораздо яснее, чем с корабля. Берег подымался крутой, скалистый. Гавани здесь не было. А между тем гавань была необходима. Нужно было отдохнуть и запастись водой, прежде чем начать поиски пролива, соединяющего океаны.

И семь суток корабли Лаперуза медленно ползли вдоль берега на север. А между кораблями и берегом шныряла шлюпка, с которой следили за каждым мыском, за каждым изгибом береговых скал. Лейтенант д'Экюр еще в морской школе прославился своей храбростью. Эта репутация оста-

лась за ним и впоследствии. Он заставлял свою шлюпку проходить так близко от ревущих бурунов и водоворотов, что даже привыкшие ко всему гребцы-матросы бледнели от страха. Но д'Экюр смеялся над их трусостью и нарочно подводил шлюпку к самому краю клокочущей пены. Брызги летели ему в лицо. С раннего утра стоял он на носу шлюпки, пристально вглядываясь в туманные очертания берега, и возвращался на корабль только в сумерки.

— Гавани нет! — спокойно докладывал он Лаперузу, обедал и шел спать, чтобы назавтра снова весь день шнырять вдоль берегов.

Но 2 июля д'Экюр вернулся на «Компас» гораздо раньше обыкновенного. До сумерек оставалось еще несколько часов, когда он поднялся по трапу на борт и вошел в каюту капитана.

— Гавань найдена,— сказал он, сверкая в лицо Лаперузу задорными глазами.— Здесь море входит в глубь материка. Это либо бухта либо...

— Либо что?

— Либо пролив, соединяющий Тихий океан с Атлантическим.

— Странно,— сказал Лаперуз.— Все это побережье исследовано капитаном Куком. В описании его путешествий говорится, что здесь он нашел совершенно ровный берег, без всяких бухт.

Перед ним на столе лежала карта западного побережья Северной Америки, составленная капитаном Куком. Берег, перед которым сейчас находились корабли капитана Лаперуза, был обозначен на карте прямым и ровным, без малейшей впадины.

— Капитан Кук либо не заметил этой бухты,— сказал д'Экюр,— либо нарочно не обозначил ее на карте.

«Что, если д'Экюр прав? — подумал Лаперуз.— Что, если эта бухта выведет нас в Атлантический океан?»

Он резко спросил д'Экюра:

— А могут корабли войти в бухту? Вы уверены, что мель не преградит нам дорогу?

— Почти уверен, капитан. Полоса бурунов перед входом в бухту прерывается. Следовательно, там глубокое место. Этот проход, разделяющий две мели, не слишком широк, но все же оба наши фрегата свободно поместятся в нем.

— Измерьте точно ширину и глубину прохода между мелями,— приказал Лаперуз.

Для измерения входа в бухту были отправлены две шлюпки. Одной командовал лейтенант д'Экюр, другой — лейтенант Бутэн.

Вместе с Бутэном поехал и географ Бернизе, чтобы составить карту, с помощью которой легче будет войти в бухту.

Бутэн по возрасту был старше д'Экюра, но д'Экюр числился старшим лейтенантом, а Бутэн младшим. Произошло это оттого, что д'Экюр был дворянином, имел связи при дворе, окончил аристократическую морскую школу, а Бутэн дослужился до лейтенанта с самых малых должностей благодаря своим личным достоинствам.

Загремели уключины, и обе лодки быстро понеслись к узкому проходу между белыми гребнями бурунов.

Через час д'Экюр и Бутэн вернулись на палубу.

— Более удобного прохода не бывает,— доложил капитану д'Экюр.— Войти в бухту проще и безопаснее, чем в Брестский порт.

— Вы забываете течение, господин д'Экюр,— перебил его Бутэн.— Течение будет относить корабли назад, в море. А ветер падает. При слабом ветре нелегко сладить с течением.

— Оставьте,— сказал д'Экюр.— Течение почти незаметно.— Смешно о нем говорить.

Бутэн покачал головой, но не стал спорить.

Решено было немедленно идти в бухту. Дали знать капитану де Ланглю, и оба корабля гуськом вошли в проход между мелями. Проход был ясно виден. В нем была темная, глубокая вода. А по бокам клокотала зеленая пена, из воды торчали каменные глыбы. Мелкие места были так отчетливо отделены от глубоких, что, казалось, даже ребенок мог провести здесь корабль.

Нужно было торопиться, потому что через час начнет темнеть. Вслед за «Компасом», в нескольких саженях от него, шла «Астролябия». Ветер падал с минуты на минуту, паруса, еще недавно туго надутые, поникли.

— Если ветра не будет,— сказал Лаперуз,— мы на всю ночь застрянем в этом проклятом горле.

Но скоро его стало тревожить другое. Он вызвал д'Экюра.

— Неужели вы не знали, лейтенант,— сказал он ему,— что корабли не в состоянии идти против такого могучего течения при слабом ветре? Нас относит, мы почти не движемся вперед. Если ветер исчезнет совсем, нас либо вынесет назад, в открытое море, либо разобьет о подводные камни. Неужели вы не заметили течения?

Д'Экюр смутился.

— Право, капитан, я не понимаю, что произошло. Когда я находился здесь, течения почти не было. Лейтенант Бутэн говорил мне что-то о течении, но оно было так слабо...

Лаперуз задумался.

— Сейчас время отлива,— сказал он.— Вода из бухты уходит в море. А так как путь ей преграждает мель, она вся устремилась нам навстречу через этот проход. Вы были здесь два часа назад. Тогда отлив только начинался, и течение было слабое. Теперь оно будет все усиливаться.

Фрегаты вошли в самое узкое место прохода. Паруса судорожно захлопали в последний раз и поникли — ветер исчез. «Компас» на секунду застыл на месте и стал медленно пятиться кормой. Мало-помалу движение становилось все быстрее. С исчезновением ветра перестал действовать руль. Лаперуз опасался, что «Компас» налетит на «Астролябию». Но, к счастью, «Астролябию» тоже понесло назад. Едва оба корабля были вынесены из прохода в открытое море, как снова подул ветер.

Но о новой попытке войти в бухту нечего было и думать — начало быстро темнеть, а в темноте не отличишь глубоких вод от мелких.

Всю ночь провели корабли под парусами в открытом море. Прошло уже десять суток с тех пор, как путешественники впервые увидели этот берег. Десять суток видели они лужайки, где можно отдохнуть, ручьи, где можно набрать свежей воды, хорошие места для охоты, и все это было для них недосягаемо! За эти десять суток экипаж обоих кораблей выбился из сил. Вблизи берега управление кораблем гораздо труднее, чем в открытом море, потому что нельзя идти прямо, все время нужно менять курс. А частая перемена курса заставляла матросов постоянно передвигать паруса. В течение десяти суток люди не успевали выспаться, не успевали поесть. Вонючую питьевую воду опять выдавали по порциям.

И на следующее утро, едва рассвело, Лаперуз снова попытался войти в бухту.

Утром начался прилив. У входа в бухту на этот раз их ждет попутное течение. И Лаперуз снова направил свои корабли к узкому коридору между бурунами.

Теперь не течение мешало ему, а ветер. Ветер дул с берега. Против ветра управлять кораблем очень трудно, и фрегаты долго не могли попасть в узкое горло прохода.

Наконец они вошли — впереди «Компас», позади «Астролябия». И течение подхватило их.

Сначала они двигались медленно, потому что ветер толкал их обратно в море. Лаперуз приказал опустить паруса, и корабли потащило в бухту. Проход становился у́же, течение сильнее. Они уже неслись, как вихрь, по извилистой темной дорожке. В нескольких метрах от них со дна торчали камни, возле которых клокотали пенистые водовороты. Об управлении судами нечего было и думать. «Компас» летел вперед, вертясь, как волчок. «Астролябию» тащило боком.

И вдруг перед ними из воды вырос утес, преградив им дорогу. Моряки закричали от ужаса. Остановиться было невозможно. Утес едва подымался над поверхностью моря, и волны свободно переплескивались через его вершину. Немудрено, что д'Экюр и Бутэн, побывавшие на шлюпках только в самом начале прохода, не могли заметить такой низкий утес.

Гибель казалась неизбежной. Но возле самого утеса течение сделало крутой поворот. Повинуясь течению, «Компас» обогнул роковой утес, поцарапав о его шершавую спину обшивку левого борта. Как молния, пролетел он по серебряной гладкой поверхности просторной бухты и, круто завернув, остановился невдалеке от лесистого берега.

«Астролябия» проделала тот же самый маневр, в том же самом месте обогнула утес, потом, качаясь, пританцовывая, пронеслась через всю бухту и остановилась рядом с «Компасом».

В первую минуту никто не мог опомниться от счастья. У многих на глазах были слезы. По правде сказать, все они считали себя уже погибшими во время головокружительного полета по извилистой, узкой дорожке между подводными глыбами.

Лаперуз приказал опустить якоря.

Из-за вершин исполинских сосен то там, то здесь вырывались клубы дыма. Берег был населен.

Жителей пришлось дожидаться недолго. Легкие длинные лодки понеслись к кораблям. Бухта наполнилась гулом голосов. Индейцы кричали, размахивали руками, пели. Французов они нисколько не боялись. Не спрашивая разрешения, они со всех сторон лезли на корабль, и скоро на палубе «Компаса» их набралось человек восемьдесят. Многие из них явились с женами.

Женщины очень заботились о своей наружности. У каждой нижняя губа была проколота насквозь, и в отверстии торчала деревянная ложка. От этого украшения рты их были выпячены вперед вершка на два. Лица свои они мазали известью, глиной и салом.

Мужчины тоже были изрядные франты. Всюду, где только можно — в уши, в нос,— они вставляли птичьи перья. Без жалости протыкали они себе кожу, чтобы всунуть в отверстие перо.

И мужчины и женщины были одеты в тюленьи шкуры.

Индейцы явились вовсе не из пустого любопытства. Их нисколько не интересовали ни белые, ни корабли. Они приехали торговать. Оружия они не привезли с собой никакого, и намерения у них безусловно были самые мирные. Но кражу они, как и жители острова Пасхи, не считали враждебным поступком. С самым миролюбивым видом вытаскивали они гвозди из палубных досок и, приветливо улыбаясь, залезали в карманы матросов.

— Что с ними делать? — восклицал Лаперуз, разглядывая своих непрошеных гостей, спокойно расположившихся на палубе.

Лаперуз чувствовал себя как в западне. В эту бухту не только трудно проникнуть — выйти из нее, пожалуй, будет еще труднее. А леса вокруг бухты полны индейцев, которые, если им не угодишь, могут, чего доброго, завладеть фрегатами.

И Лаперуз решил завязать с индейцами дружественные деловые отношения. Он объяснил им, что приехал в их страну для торговли.

Индейцам это очень понравилось. Они навезли на корабль множество тюленьих и медвежьих шкур, груды све-

жей рыбы. В уплату они требовали только железа. Нет, им не нужны ни бусы, ни цветные тряпки, приводившие в такой восторг жителей острова Пасхи. Они люди деловые, практические, практичнее даже гавайцев, им подавай гвозди, топоры, ножи, железные обручи. Сами добывать железо они не умели. Они изготовляли свои орудия из камня и кости. Тем более ценили они железные предметы — за десяток гвоздей охотно отдавали большую котиковую шкуру.

В воровстве они были не так разборчивы. Крали они решительно все, что попадало под руку. Сорвет какой-нибудь ловкач веревку с палубы, прыгнет в воду и исчезнет. А предложи ему такую самую веревку за маленькую рыбку — ни за что не продаст. Они разбили стекла в капитанской каюте и растащили их по осколкам.

Корабли нуждались в небольшой починке. Особенно поистрепались паруса — в них зияли дыры, которые необходимо было зашить. Произвести эту работу на корабле очень трудно, а свозить паруса на берег Лаперуз не решался: индейцы там все растащат.

К счастью, посреди бухты находился маленький лесистый островок. Возле него было настолько глубоко, что корабли могли подойти почти вплотную. На этот-то островок, находившийся под защитой обоих фрегатов, Лаперуз свез свои паруса.

На островке был прохладный ключ с прекрасной свежей водой. Этой водой наполнили опустевшие за время плавания бочки. В какие-нибудь три дня моряки воздвигли около ключа обсерваторию, кузницу и мастерскую для починки парусов.

Обсерваторией назывался простой дощатый сарай с отверстием в крыше для телескопа. Астроном Дажеле перенес в сарай телескоп и проводил там все ночи.

Впрочем, одну ночь он все же провел на корабле. Небо было пасмурное, облачное. Он решил, что оставаться в обсерватории бессмысленно, и уехал на «Компас». Все сооружения французов на островке постоянно охранялись небольшими отрядами морской пехоты, потому что индейцы нередко пускались вплавь через бухту и доплывали до островка без всякого труда. В эту ночь обсерваторию, кузницу и мастерскую сторожили двенадцать солдат под командой двух молодых офицеров — Лористона и Дарбо.

Офицеры расставили солдат под открытым небом, а сами легли спать в обсерватории. Они разделись, разложили на земляном полу свои мундиры и сделали из них постели, чтобы было мягче. Возле себя они положили свои ружья и спали до утра.

Утром, открыв глаза, Дарбо с удивлением заметил, что он лежит на голой земле. Его мундир бесследно исчез.

Он растолкал Лористона.

Лористон вскочил и заорал:

— Где мой мундир? Где мое ружье?

Оба офицера в недоумении глядели друг на друга.

— Нас обокрали индейцы,— сказал Лористон.— Но ведь мы спали на мундирах. Как же им удалось нас не разбудить?

Дарбо пожал плечами.

Несчастные офицеры выскочили в одном белье из обсерватории. Солдаты, стоявшие на часах, отдали им честь.

— Вы видели здесь кого-нибудь ночью?— спросил их Лористон.

— Никак нет!

Лористона и Дарбо, завернутых в одеяла, отвезли на «Компас» под дружный хохот всего экипажа.

СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

К 12 июля починка парусов была кончена, и Лаперуз собрался уходить из этой неприветливой бухты. До сентября ему предстояло еще осмотреть ту никому не ведомую часть североамериканского побережья, которая лежит между местами, исследованными Куком, и владениями испанцев в Калифорнии. А потом, согласно инструкции морского министерства, он должен был пересечь Тихий океан, чтобы будущим летом приступить к исследованию берегов Азии. Времени оставалось мало, и Лаперуз торопился.

Но лейтенант д'Экюр был недоволен. Честолюбивый и отважный, он мечтал о необыкновенных открытиях, о небывалых подвигах.

— Мы не можем покинуть эту бухту, не осмотрев ее как следует,— говорил он Лаперузу.— Я почти убежден, что в этой бухте начинается пролив, соединяющий Тихий океан с Атлантическим.

— Оставьте, д'Экюр,— отмахивался от него Лаперуз.— Где тут может быть пролив? Ведь вся бухта лежит перед нами как на ладони.

— Тот край бухты, который находится за островком, нам совершенно неизвестен,— настаивал д'Экюр.— Он всегда скрыт туманом.

— Там то же, что и здесь: берег, сосны, камни. Над этим туманом я видел вершины гор.

— Не будьте так уверены, капитан. Пролив, соединяющий океаны, должно быть, очень узок. Мы легко можем его не заметить. Вспомните, как узок Магелланов пролив.

И, увидев, что Лаперуз колеблется, он прибавил:

— Отложите наш отъезд еще на один день. Завтра я берусь на шлюпке добраться до того края бухты. Тут всего три-четыре мили. К вечеру я вернусь, и, если ничего не найду, послезавтра мы тронемся в путь.

И Лаперуз согласился.

На следующее утро стояла прекрасная погода. Впервые за все пребывание экспедиции в Северной Америке солнце выглянуло из-за туч.

Д'Экюр радовался приятной прогулке на лодке. Остальные офицеры завидовали ему. Лаперузу пришлось согласиться отправить с д'Экюром не одну лодку, а целых три — две с «Компаса» и одну с «Астролябии». В них разместились все желающие.

В самой большой шлюпке, кроме д'Экюра, сидело десять матросов. Во вторую сели Маршенвилль и Бутервилье — лейтенанты с «Астролябии». Они взяли с собой восемь матросов. Самая маленькая шлюпка досталась Бутэну, младшему лейтенанту «Компаса».

К Бутэну напросился пассажиром Бартоломей Лессепс.

Прогулка началась необыкновенно весело. Впереди неслась шлюпка д'Экюра. Затем шлюпка Маршенвилля и Бутервилье. За ними едва поспевали Бутэн и Лессепс.

Все яснее вырисовывались горы в дальнем углу бухты. «Пролив, соединяющий океаны, будет назван проливом д'Экюра, а не Лаперуза,— думал д'Экюр.— Я открою этот пролив, а не Лаперуз. Лаперуз мне только мешает». Сердце его радостно билось, и он то и дело поторапливал гребцов.

Берег, к которому они стремились, приближался с каждым ударом весел.

Вода в бухте была спокойная и гладкая, как зеркало, и моряки очень удивились, увидев перед собой белые гребни волн. Гребни эти бесились и клокотали на чрезвычайно узком пространстве, а за ними и перед ними простиралась лазурная гладь.

Подъехав ближе, моряки увидели, что это была длинная, усеянная каменными глыбами и перерезавшая всю бухту мель, о которую с грохотом разбивалось какое-то подводное, невидимое на поверхности течение. Мель была не сплошная, в ней кое-где чернели глубокие впадины. Но в этих впадинах бурлили могучие водовороты.

Шлюпки остановились.

— Надо поворачивать,— сказал Бутэн.

— Ни за что!—крикнул д'Экюр.— Я не вернусь, пока не найду пролива.

— Да там нет никакого пролива,— возразил Бутэн.— Отсюда уже все видно. Там только горы да лес.

— Не спорьте!—ответил д'Экюр.

Он был старшим лейтенантом и имел право поставить младшего лейтенанта на место. Упрямство и тщеславие подхлестывали его.

— Едем!—приказал он.— А если вы трусите, Бутэн, я разрешаю вам вернуться.

И шлюпка д'Экюра врезалась в клокочущую пену.

Ее сразу закрутило и понесло. Несколько мгновений она держалась на поверхности. Потом корма высоко поднялась в воздухе, а нос погрузился в воду. Ревущая пучина поглотила ее. Там, где только что чернела шлюпка, полная людей, теперь бурлила белая пена.

Маршенвилль, стиснув зубы, поспешил на помощь утопающим.

— Остановитесь!—закричал Бутэн.— Их все равно не спасти!

Но Маршенвилль считал долгом чести не оставлять товарищей в беде. Он не был так опытен, как старый Бутэн, и не видел всей опасности, грозившей ему.

Шлюпку Маршенвилля выбросило на торчащий из воды камень, и она перевернулась.

Тогда наконец и Бутэн крикнул:

— Вперед!

Он не хотел, чтобы его считали трусом.

Поток подхватил маленькую валкую лодчонку и понес, раскачивая, в пенистый, бурлящий ад.

Лессепс, бледный от ужаса, схватился обеими руками за скамейку. Они неслись так быстро, что в ушах у него свистело.

Их протащило над тем самым местом, где погиб д'Экюр. Водоворот уже успел поглотить всех несчастных, и на поверхности воды не было никого. Затем их повлекло к тому камню, где разбилась шлюпка Маршенвилля. Матросы бросили весла. Рулевой закрыл глаза. Но шлюпка промчалась на расстоянии дюйма от камня и, описав широкую дугу, вылетела из грохочущей пены назад, в спокойную, гладкую воду.

Они были спасены.

Лессепс перевел дух и глянул в лицо Бутэну. Нет, лицо Бутэна не выражало ни страха, ни радости. Одно только глубокое изумление прочел он в глазах лейтенанта.

— Мы не могли не погибнуть,— растерянно сказал Бутэн.— Наша шлюпка самая неустойчивая из всех трех. Как мы остались живы? Это чудо! Я ничего не понимаю.

Печальные вести привез Бутэн Лаперузу. Они лишились трех офицеров и восемнадцати матросов.

Это было первое крупное несчастье, постигшее экспедицию.

— Бежать, бежать из этой проклятой бухты!— в отчаянии кричал Лаперуз.

Но, прежде чем бежать, решено было воздвигнуть памятник погибшим товарищам. За это дело взялся инженер Монерон. Он обтесал на островке возле обсерватории большой камень и выбил на нем слова:

ЗДЕСЬ, В ЭТОЙ БУХТЕ, ПОГИБ ДВАДЦАТЬ ОДИН МОРЯК.
ПУТНИК, КТО БЫ ТЫ НИ БЫЛ,
ОПЛАЧЬ ВМЕСТЕ С НАМИ ИХ УЧАСТЬ!

Выйти из бухты было так же трудно, как и войти в нее. Но и на этот раз морякам удалось невредимо пробраться сквозь буруны.

С тех пор матросы, люди очень суеверные, стали утверждать, что шлюпка Бутэна спаслась только оттого, что в ней находился Лессепс. Они были убеждены, что сама судьба оберегает Лессепса от всех несчастий.

Короткое северное лето подходило к концу, но тем не менее Лаперуз хотел еще месяц посвятить изучению берегов Северной Америки.

Выйдя из проклятой бухты, которой было дано название Французского порта, фрегаты направились на север. Но после двухнедельного плавания, убедившись, что берега вполне точно нанесены на карту Куком, Лаперуз снова повернул на юг.

Он понял, что Кук никого не обманывал. Кук действительно не нашел Северо-Западного пролива.

Чтобы раз навсегда покончить с вопросом о Северо-Западном проходе, он решил осмотреть напоследок береговую полосу между Французским портом и владениями испанцев в Калифорнии. Там Кук не был. Эта часть американского побережья в те времена была совсем неизвестна европейцам.

Корабли двигались очень медленно, потому что приходилось заносить на карту каждый мыс, каждый залив, каждый прибрежный островок. Земля была населена — об этом свидетельствовали многочисленные столбы дыма, вырывавшиеся из-за леса. Но французы ни разу не высаживались на берег.

Во второй половине сентября корабли достигли Калифорнии, которая была уже хорошо известна испанцам.

Итак, теперь и Лаперуз убедился в том, в чем еще до него убедился Кук: пролива, пересекающего Северную Америку и соединяющего Атлантический океан с Тихим, не существует.

Лаперуз выбрал лучшую гавань Калифорнии — Монтерейскую бухту.

Возле Монтерейской бухты наши мореплаватели встретили два больших военных корабля. Это были фрегаты, шедшие под испанским флагом. Французы, больше полугода не видевшие ничего, кроме воды и дремучих лесов, очень обрадовались. Испанцев сигналом попросили остановиться. Лаперуз с несколькими офицерами сел в шлюпку и направился к ближайшему испанскому фрегату. Испанцы приняли гостей самым любезным образом. Капитан отвел их к себе в каюту.

— Куда вы сейчас идете? — спросил Лаперуз.

— Нас послали сюда, чтобы доставить припасы нашему гарнизону в Калифорнии,— ответил испанец,— а теперь мы плывем на юг, сначала в Перу, потом в Чили.

Оказалось, что капитан сам уроженец Консепсиона и там живет вся его семья.

— Передайте от меня привет дону Хиггинсу и дону Квехаде,— попросил Лаперуз.

Ему без труда удалось уговорить испанцев подождать, пока он напишет письмо во Францию. В этом письме Лаперуз вкратце изложил свои приключения на острове Пасхи, на Гаваях и в Америке. Вместе с ним все французы писали письма, радуясь возможности дать весточку о себе родным.

На берегу Монтерейской бухты Лаперуз нашел маленькую испанскую крепость, в которой находился гарнизон из двухсот человек. Хотя испанцы давно уже считали Калифорнию своим владением, они не решались удаляться от крепости даже на милю. В окрестных лесах бродили индейцы, бесстрашные охотники и воины, не признававшие власти Испании.

Экспедицию встретили с почетом. Испанцы жили в этой дикой стране, как в ссылке. Белых женщин среди них не было, и почти все солдаты были женаты на индианках. Два фрегата, привозившие им раз в год провизию, были их единственной связью с остальным миром. Они жили в постоянном страхе, что индейцы восстанут, возьмут штурмом крепость и истребят всех их поголовно.

В свободное от сражений и военных учений время испанцы занимались земледелием. Они вспахали довольно большое поле, находившееся под защитой крепостных пушек, и засеяли его пшеницей. Урожай получился неслыханный. В привозном хлебе маленькая колония больше не нуждалась.

Осмотрев вместе с Ламаноном почву Калифорнии, Лаперуз пришел в изумление.

— Какое блестящее будущее у этой страны! — воскликнул он.— Такая почва в состоянии прокормить много миллионов людей.

И он не ошибся. Калифорния теперь одна из самых богатых и цветущих областей Соединенных Штатов. Там расположены два огромных города — Лос-Анджелес и Сан-Франциско.

Скоро Лаперузу удалось познакомиться и с калифорнийскими индейцами. Гуляя по лесу вместе с де Ланглем, Бутэном и двумя испанскими офицерами, Лаперуз на лесной лужайке заметил стадо оленей. Олени спокойно щипали траву.

— Тсс! — сказал один из испанцев. — Они страшно пугливы. Если мы сделаем еще хотя бы шаг, они убегут.

Олени находились на таком расстоянии, что никакая пуля достигнуть их не могла. Но вдруг Лаперуз заметил одного оленя, который был ближе других. Он прицелился.

— Не стреляйте, капитан, — прошептал Бутэн, хватая его за руку. — У этого оленя человеческие ноги.

Действительно, олень был странный. Сзади у него вместо оленьих ног были голые человеческие ноги.

— Это индеец-охотник, — объяснили испанцы. — Он надел на себя оленью шкуру, чтобы стадо подпустило его к себе. У него под шкурой спрятаны лук и стрелы.

Человек-олень медленно шел по лужайке, тыча в землю мордой, украшенной широкими рогами, — он притворился, что щиплет траву. Стадо не обращало на него никакого внимания. Вот он уже бродит между настоящими оленями, высматривая, которого убить, а они не двигаются с места. Взвилась стрела, и самый крупный олень упал мертвым в траву. Тут только остальные поняли обман и умчались.

Охотник сбросил шкуру. К нему подбежали несколько женщин и потащили оленя в лес.

Лаперуз догнал их. Индейцы эти принадлежали к племени, находившемуся в союзе с испанцами, и встретили его очень дружелюбно. Скоро их собралась целая толпа, человек в триста. Лаперуз объяснил им, что хочет завязать с ними торговлю и будет охотно покупать у них шкуры зверей. Индейцы обрадовались и на следующее утро привезли целые вороха лисьих, медвежьих и оленьих шкур. Они охотно отдавали их за гвозди, бусы, пуговицы и даже за глиняные горшки. Лаперуз старался купить как можно больше шкур, потому что знал, что во Франции за эти шкуры дадут большие деньги.

В НЕВЕДОМОМ МОРЕ

22 сентября фрегаты покинули Монтерейскую бухту и вышли в море.

Экспедиция оставила берега Америки и отправилась наперерез через весь Тихий океан к берегам Азии, в Китай.

Никогда еще до тех пор ни одно судно не совершало плавания между Северной Америкой и Китаем. Вся эта огромная часть океана была совершенно не исследована. Мореплавателям предстояло путешествие в десять тысяч километров по новым для европейцев водам.

— Надеюсь, нам хоть тут повезет,— говорил Лаперуз,— и мы откроем какие-нибудь значительные земли.

Опять на мачту повесили корзину и посадили в нее матроса с подзорной трубой. Путь держали прямо на восток. Неделя тянулась за неделей, а земли не встречали. Паруса и снасти беспрестанно напоминали о том, что фрегаты покинули Европу уже тринадцать месяцев назад. Канаты лопались ежедневно, матросы не успевали чинить паруса. Экспедиция за тринадцать месяцев произвела большую научную работу, сделала множество наблюдений, но все же ей не удалось открыть ни пролива, соединяющего океаны, ни какой-нибудь дотоле неизвестной земли.

Легко себе представить, с каким нетерпением глядели моряки на матроса, сидевшего в корзине. Но кончился сентябрь, прошел весь октябрь, половина дороги до Китая осталась уже позади, а вокруг фрегатов по-прежнему простирался безбрежный океан. Нигде не было видно ни малейшего признака земли.

Наконец 5 ноября с мачты раздался долгожданный возглас:

— Земля! Земля!

Вся команда «Компаса» выбежала на палубу. С «Астролябии», шедшей сзади, тоже уже заметили землю.

Но скоро обрадованных моряков постигло разочарование: открытая ими земля оказалась просто большим утесом, одиноко торчавшим из вод океана. В длину он имел не больше мили. В честь Неккера, одного из самых могущественных министров королевской Франции, Лаперуз назвал

утес «остров Неккера». На всем острове Неккера не было ни одного дерева, ни одного ручья. Решено было на него не высаживаться, чтобы не терять попусту времени, а плыть дальше.

Море было спокойно. Вечером, когда стемнело, казалось, что корабли несутся по воздуху — так беззвучно было вокруг. Внезапно Лаперуз, стоявший на капитанском мостике, расслышал впереди слабый, чуть внятный плеск.

Что это?

Как будто волны плещутся о берег.

И вдруг во мраке он различил смутные очертания скалы. Она находилась в нескольких десятках шагов от «Компаса», летевшего к ней на всех парусах.

Лаперуз приказал рулевому сделать крутой поворот. Команда кинулась к парусам. «Успеем повернуть или не успеем?» — думал Лаперуз.

Грузный корпус фрегата стал медленно поворачиваться. Скала с каждой секундой становилась все ближе. И все же им удалось повернуть. Они прошли от скалы так близко, что камни слегка оцарапали левый борт.

— Мы чудом избежали гибели,— сказал Лаперуз.— Если бы море сегодня было хоть немного бурливей, я бы издали расслышал шум волн, набегавших на скалу, и нам не пришлось бы так рисковать. Благодаря этому предательскому спокойствию мы чуть не отправились на дно океана.

— Хорошо, что «Астролябия» шла не следом за нами, а сбоку,— сказал лейтенант Бутэн,— а то ей пришлось бы сделать такой же крутой заворот, и неизвестно, удалось ли бы ей выпутаться из беды.

Лаперуз назвал скалу, чуть было не погубившую его корабли, «Риф французских фрегатов». Он точно обозначил ее на карте, чтобы все будущие путешественники знали, где их подстерегает опасность.

КИТАЙСКИЕ ПИРАТЫ

В середине декабря неведомая часть океана осталась позади, и фрегаты вступили в воды, часто посещаемые европейскими судами, торговавшими с Китаем.

К удивлению всего экипажа, Лаперуз приказал канонирам постоянно дежурить у пушек и велел привести фрегат в боевую готовность.

— Зачем? — спросил любопытный Лессепс.

— Я опасаюсь, как бы на нас не напали,— ответил Лаперуз.

— Кто же может на нас напасть? Китайцы? Но отношения между Францией и Китаем самые мирные...

— У нас мирные отношения с правительством китайского императора,— ответил Лаперуз,— но не с китайскими пиратами. Китайские пираты — враги китайского императора и враги европейских купцов, торгующих с Китаем.

— Неужели какие-то жалкие разбойники осмелятся вызвать на бой два сорокапушечных фрегата — «Компас» и «Астролябию», гордость французского военного флота? Одни только англичане, пожалуй, решились бы помериться силой с нами. Нет, капитан, если здесь действительно есть пираты, они подымут все паруса и постараются исчезнуть как можно скорее...

— Не будьте так уверены, господин Лессепс,— сказал профессор Дажеле.— Китайские пираты гораздо могущественнее, чем вы думаете. Они вовсе не разбойники, а мятежники, повстанцы, восставшие против помещиков крестьяне. У них есть прекрасно вооруженный флот, состоящий из многих десятков кораблей, отбитых у китайского правительства и разных европейских торговых компаний. Пустынные островки у берегов Китая они превратили в свои крепости. Португальцам, голландцам и англичанам часто приходится им уступать свои корабли. Китайские власти трепещут перед ними. Пираты нередко высаживаются на берег, вступают в бой с регулярными китайскими войсками и побеждают. Знаете ли вы, каким образом португальцы завладели китайским портом Макао?

— Нет, не знаю,— ответил Лессепс.

— Португальцы первые из всех европейских народов завели торговлю с Китаем. Они стремились устроить в Китае колонию, но китайцы не соглашались уступить им ни клочка земли. Как раз в это время пираты истребили весь китайский флот, высадились на берег и стали брать один город за другим. Их дружины угрожали даже самому Пекину, и император испугался. «Выручите,— взмолился он к португальцам.— Избавьте меня от мятежников, и я дам вам в награду все, что вы пожелаете». В те времена у пиратов не было еще европейских кораблей. Их флот состоял из одних китайских джонок. Португальцы внезапно напали на них, по-

ловину истребили, половину разогнали. За эту победу китайский император уступил Португалии тот кусок земли, где стоит сейчас город Макао.

— Это была единственная победа португальцев над пиратами,— заметил Лаперуз.— Во всех дальнейших сражениях всегда побеждали пираты.

Хотя путешественники уже не надеялись открыть какую-нибудь землю, на мачте по-прежнему сидел матрос. Он должен был предупредить моряков о приближении пиратов. Но море было пустынно. Только в самом конце декабря матрос встревожил Лаперуза громким криком:

— Впереди видны паруса!

Однако тревога оказалась напрасной. Нет, это не пираты. Это мирные рыбачьи лодки, плавающие повсюду у китайских берегов. Рыбаки выезжали на ловлю целыми эскадрами, по сорок — пятьдесят лодок вместе. Чем дальше, тем чаще они попадались. Лаперуз иногда подзывал то одну, то другую лодку и за самую скромную плату покупал у рыбаков свежую рыбу.

Лессепс очень удивлялся, видя в лодках не только мужчин, но и женщин и маленьких детей. Были лодки, в которых находились даже собаки, козы, куры, петухи. Странно слышать «ку-ка-ре-ку» среди океана!

— У этих рыбаков нет другого дома, кроме лодок,— объяснил Лессепсу Дажеле.— Они с семьями и со всем своим хозяйством проводят всю жизнь на лодках в море и сходят на берег только для того, чтобы продать рыбу.

— Неужели они не боятся пиратов? — спросил Лессепс.

— Нет, не боятся. Китайские пираты никогда не трогают рыбаков.

НЕЖДАННОЕ БОГАТСТВО

1 января 1787 года вдали увидели берег Китая, а на другой день фрегаты вошли в гавань Макао. Путь между Калифорнией и Китаем был пройден в три с половиной месяца.

Макао — китайский город, захваченный португальцами,— расположен на трех холмах. На вершине каждого холма было построено по крепости. Пушки этих крепостей держали в страхе весь город, населенный главным образом китайцами. Португальцы обращались с китайцами как с рабами, разоряли их налогами, пошлинами и штрафами, за-

ставляли бесплатно на себя работать и поэтому постоянно опасались восстания. В крепостях жили солдаты-индийцы, привезенные из португальской колонии Гоа в Индии. Индийцы не знали китайского языка, и поэтому португальцы не опасались, что они перейдут на сторону китайцев.

В Макао в каждом квартале был католический храм или монастырь. Католические священники и монахи изо всех сил пытались обратить китайцев в христианство. Но это им не удавалось. Соглашались креститься только разные проходимцы и жулики, чтобы добиться всяких льгот и покровительства властей. Но, несмотря на то что большинство китайцев не было католиками, все они без различия должны были отдавать десятую часть своих доходов католическим монастырям. И монахи в Макао были богаче купцов.

Едва фрегаты вошли в гавань, их окружили лодки таможенных надсмотрщиков. Они потребовали у Лаперуза крупной суммы денег за право остановиться в порту Макао. Напрасно Лаперуз уверял, что морское министерство Португалии разрешило экспедиции бесплатно останавливаться во всех португальских портах. Надсмотрщики были неумолимы.

Проспорив с ними целый день, Лаперуз съехал на берег и отправился к губернатору. Губернатор принял его очень ласково и тотчас же приказал таможне оставить французскую экспедицию в покое.

Тогда на фрегаты явились купцы. Они оказались еще надоедливее таможенников.

— Продайте мне ваш товар,— шептал каждый Лаперузу.— Моя фирма заплатит вам лучше всех.

— Да у нас нет никакого товара,— отвечал Лаперуз.— Мы не торговцы, а ученые. Мы приехали сюда вовсе не для торговли.

Но португальские купцы смеялись ему в ответ. Нет, они не дураки, чтобы поверить, будто французы совершали такое трудное и длинное путешествие в Китай совершенно бескорыстно. Убежденные, что капитан обманывает их, желая набить цену своим товарам, они старались втереться в доверие экипажа, угощали матросов, пытаясь выведать, какие богатства хранятся в трюмах фрегатов. И через несколько дней по городу распространился слух, что французы привезли с собой из Америки груз драгоценных мехов.

Тогда к Лаперузу явился купец Хильярос, самый богатый человек в Макао.

— Я покупаю у вас все ваши меха,— заявил он.— В Китае нет пушных зверей, и богатые китайцы ценят мех на вес золота. За медвежьи, оленьи и лисьи шкуры я вам дам в восемь раз больше, чем вам заплатят в Париже. Скажите, какие у вас меха и сколько их?

Лаперуз протянул торговцу список шкур, полученных в Америке у индейцев в обмен на гвозди и обручи. И Хильярос предложил ему за них огромную сумму.

Через час весь экипаж обоих фрегатов был созван на палубу «Компаса». Матросы и солдаты построились рядами под командой своих офицеров. Лаперуз устроил им смотр и в заключение сказал:

— Мне удалось продать добытые в Америке меха. Эти меха я считаю общим достоянием экспедиции. Мы все — офицеры и простые матросы, ученые и солдаты — одинаково переносили лишения и рисковали жизнью. Поэтому вырученные деньги должны быть разделены поровну между всеми, без различия чинов. На долю каждого приходится по пятидесяти португальских пиастров.

Пятьдесят пиастров! Этим бедным людям не снилось такое богатство.

Лаперуз продолжал:

— Нам предстоит долгий трудный путь. Мы не выполнили еще и половины того, что поручило нам министерство. Кто знает, вернемся ли мы когда-нибудь на родину. Мало ли какие несчастья могут случиться с нами во время плавания! Если мы возьмем наши деньги с собой, они могут погибнуть вместе с нами, и наши семьи их никогда не получат. Приняв все это во внимание, я решил передать вырученные деньги в шведский банк, находящийся в Макао. Этот банк имеет отделение в Париже. Когда мы вернемся в Париж, нам выдадут наши деньги. А если мы в Париж не вернемся, их выдадут нашим женам и детям.

ТАРТАРИЯ

Из гавани Макао «Компас» и «Астролябия» вышли 5 февраля 1787 года и, посетив принадлежавшие тогда испанцам Филиппинские острова, направились к северу вдоль азиатских берегов.

Лаперуз держал путь в таинственное Японское море, где не был еще ни один европеец.

Японское море расположено между островами Японии и Азиатским материком. О его существовании в Европе знали по японским и китайским картам. Но карты эти так отличались одна от другой, что доверять им не было никакой возможности.

Фрегаты прошли мимо китайского острова Тайвань и вошли в Корейский пролив. За Корейским проливом начинается Японское море. Тут открытия посыпались на них одно за другим.

Прежде всего они наткнулись на остров, которого не было даже на японских и китайских картах. Остров оказался густонаселенным и хорошо обработанным. Лаперуз назвал его островом Дажеле. На остров моряки не высаживались, но занесли на карту его берега и мели, расположенные вокруг него. Это заняло много времени.

Покинув остров Дажеле, Лаперуз направился к западному побережью Японского моря. Неведомый западный берег этого моря носил у тогдашних географов название «Тартария». Европейцы знали эту страну только по названию. Даже китайцы и японцы имели о ней самые смутные понятия.

Лаперуз уже много дней плыл на запад, а берег все не показывался. Если верить китайским картам, он давно уже должен был находиться посреди суши, но вокруг по-прежнему простиралось необозримое море. Это служило новым доказательством того, как мало можно было верить картам азиатских географов. Лаперуз уже сомневался, существует ли Тартария или она всего только вымысел японских и китайских мудрецов.

Но 11 июня он увидел впереди темно-синюю полоску берега. Тартария не была вымыслом.

Новооткрытую землю приветствовали грохотом пушек.

Фрегаты Лаперуза подошли к берегу немного севернее того места, где впоследствии возник русский порт Владивосток. Берег был покрыт дремучим лесом, за которым подымались высокие горы. Но из-за густых древесных вершин не вырывалось ни одного дымка. Ни одной просеки, ни одной тропинки, ни одного возделанного клочка земли нельзя было заметить в этом краю. Край этот — теперь советский Дальний Восток — в те времена был почти необитаем.

Моряки стремились как можно скорее высадиться на берег, но нигде не могли найти подходящую бухту. И, к довершению всего, вдоль берега тянулись мели, преграждавшие путь кораблям. А послать к берегу шлюпки Лаперуз не решался — после катастрофы в Америке он стал осторожнее и не позволял шлюпкам отходить от кораблей на большое расстояние.

Фрегаты медленно поползли вдоль берега на север. Воздух был так чист и прозрачен, что моряки различали каждый камень, каждое дерево. Лаперуз и Бернизе трудились над составлением карты береговой полосы.

Всем хотелось как можно скорее ступить на эту никогда еще не хоженную землю. Но только 23 июня удалось им отыскать удобную бухту.

Едва якоря коснулись дна, все шлюпки полетели к берегу. Дремучий лес подступал к самому морю. Деревья здесь были те же, что и в Европе. Но нигде еще морякам не приходилось видеть таких свежих и ярких оттенков листвы. На берегу бухты паслось большое стадо оленей. Заметив людей, высадившихся совсем близко от них, олени не проявили ни малейшего беспокойства и продолжали пастись как ни в чем не бывало. Они видели людей впервые и поэтому нисколько не боялись их. И, только когда грянули выстрелы, они убежали.

На опушку вылез огромный бурый медведь. Увидев возле воды сборище двуногих, он потянулся, зевнул, почесал лапой за ухом и медленно побрел по своим делам. Пущенная ему вслед пуля пролетела мимо, и он не обратил на выстрел ни малейшего внимания.

Но доверчивее всех оказались птицы. Они садились матросам прямо на плечи и спокойно клевали зерна у них из рук. Одни только дикие гуси, улетавшие зимой в теплые края к берегам Китая, знали, что от человека лучше держаться на приличном расстоянии.

Речка, впадавшая в бухту, кишела рыбой. Моряки расставили там сети и в несколько часов наловили больше двадцати пудов.

Возле бухты моряки насыпали курган. На вершине кургана поставили столб и к столбу прибили доску с надписью, в которой указали год, месяц и число посещения этого побережья фрегатами Лаперуза.

27 июня корабли покинули бухту.

Несколько дней они шли вдоль берега на север, потом повернули на северо-восток.

6 июля они увидели гористую землю, заросшую сосновыми лесами. Это был остров Сахалин, которого до тех пор не видел еще ни один европеец. О существовании его знали только по японским картам, где он всякий раз был обозначен по-иному и, следовательно, неверно. Из этих карт нельзя было даже понять, является ли эта земля островом или полуостровом.

Сахалинские горы с кораблей казались еще выше и отвеснее. Самую высокую из них назвали «пиком Ламанона». Кое-где на берегу виднелись низкие бревенчатые хижины, и из-за леса вздымались дымки. Значит, Сахалин далеко не так пустынен, как соседняя Тартария.

Удобную бухту нашли почти сразу, и корабли бросили якоря. На берег поехал капитан де Лангль с несколькими офицерами. Возле того места, где они высадились, оказались две хижины. Де Лангль направился к ним, держа в руках ценные подарки — топоры и бусы. Перед хижинами в землю были вбиты колья, на которых торчали отрубленные медвежьи головы.

— Сахалинским медведям живется не так привольно, как тартарским,— сказал де Лангль, входя в открытую дверь хижины.

Но в хижинах не было ни души. Туземцы, очевидно, покинули их совсем недавно, потому что зола в очагах была еще теплая. Должно быть, их напугал грозный вид кораблей.

Де Лангль оставил подарки в хижинах и собирался уже возвращаться на корабль, как вдруг встретил на берегу семерых мужчин, одетых в долгополые халаты, сплетенные из тонко нарезанной древесной коры. Это были сахалинские гиляки. Ни обуви, ни шапок гиляки не имели. Только один седой длиннобородый старик, у которого болели глаза, носил нечто вроде фуражки с козырьком: козырек защищал его больные глаза от солнца.

Гиляки встретили моряков очень приветливо. Де Лангль стал разговаривать с ними знаками и был удивлен их понятливостью. Он объяснил им, что хочет знать очертания

берегов Сахалина. Тогда старик взял палку и начертил на песке карту. Точность этой карты была, конечно, очень приблизительной. И все же из нее можно было понять, что Сахалин — остров, а не полуостров.

У Сахалина корабли простояли несколько дней. Гавань, где они остановились, была названа гаванью де Лангля. Покинув гавань де Лангля, «Компас» и «Астролябия» направились вдоль сахалинского побережья на юг. Лаперуз хотел определить южную точку новооткрытого острова. Это ему удалось. Лаперуз выяснил, что Сахалин тянется почти до острова Хоккайдо — самого северного из островов Японии.

Он провел свои фрегаты узким проливом, отделяющим Сахалин от Хоккайдо и вышел в Охотское море. Пролив между Сахалином и Хоккайдо был назван проливом Лаперуза.

В ГОСТЯХ У РУССКИХ

Корабли шли к северо-востоку и приближались к русским владениям на полуострове Камчатка. Там экспедиции предстояло расстаться с Бартоломеем Лессепсом, который должен был сухим путем, через Сибирь доставить в Париж отчет о путешествии Лаперуза.

Скоро заметили длинную цепь безлюдных Курильских островов. Здесь, между островами Симушир и Уруп, Лаперузу посчастливилось найти до тех пор никому не известный пролив, который дал ему возможность выйти из Охотского моря в Тихий океан. Пролив этот он в честь своего корабля назвал проливом «Буссоль», что по-французски значит «Компас».

5 сентября увидели берег Камчатки. На черных утесах уже лежал снег.

Два дня спустя фрегаты вошли в Авачинскую бухту — самую удобную гавань на Камчатке. В глубине губы стоял русский городок Петропавловск. Вход в Авачинскую губу узок, но очень глубок. А сама губа так широка и просторна, что в ней без труда могли бы разместиться все корабли французского и английского флотов. Высокие береговые скалы служат надежной защитой от ветров, и даже в самую страшную бурю стоящие в губе суда защищены от волн и вихрей.

Городок Петропавловск состоял из нескольких десятков бревенчатых изб и маленькой деревянной церкви. Изба губернатора была чуть побольше остальных. Лаперуз, войдя в гавань, по обычаю приветствовал город одиннадцатью пушечными выстрелами. На берегу в ответ одиннадцать раз охнула маленькая пушечка.

Петропавловцы встретили гостей приветливо. Этот крохотный, заброшенный на край света городок не был избалован частыми посещениями гостей.

Жители Петропавловска готовы были по целым дням разглядывать какого-нибудь курьера, приехавшего к губернатору из Охотска. Естественно, что появление блестящих иностранных моряков, повидавших весь свет, было настоящим праздником для скучающих горожан.

Губернатор передал Лаперузу письма, прибывшие из Парижа через Сибирь. Письма эти написаны были очень давно, потому что почта через Сибирь шла в те времена не меньше года.

Именитейшие жители города устроили бал, на который пригласили всех французских офицеров. Бал состоялся в избе губернатора. Гости расселись на деревянных нарах. На балу присутствовали все петропавловские дамы — тринадцать женщин. Только три из них были русские, все остальные — камчадалки. Разговор сначала не клеился, потому что один только губернатор говорил по-французски. Но потом появился Лессепс, который заговорил на ломаном русском языке. Он бессовестно коверкал слова, но все же его понимали, и он мог служить переводчиком.

— Я бил ф Петербург,— сказал Лессепс.— Я знаком ваша царица Катерина!

Начались танцы. Жители Петропавловска не умели танцевать, как танцуют в Париже, и поэтому французам поплясать не пришлось. Но зато остальные гости плясали вволю. Они плясали только одну пляску — русскую,— и плясали до полуночи, к великому удовольствию французов, которым она очень понравилась. Потом стали просить камчадалов показать свои пляски. Те охотно согласились.

На другой день Бартоломей Лессепс, захватив письма Лаперуза, покинул экспедицию и отправился в дальний путь. Дорога с Камчатки в Петербург была самой длинной сухопутной дорогой в мире. Чтобы проскакать ее всю из конца в конец, нужно было потратить по крайней мере год. В Пе-

тербурге Лессепс должен был сесть на корабль и поехать во Францию.

Лессепс весело прощался со своими товарищами по путешествию. Море уже успело ему надоесть. Он радовался, что через год снова увидит блестящий петербургский двор Екатерины II.

— До свиданья! — весело говорил Лессепс, собираясь в дорогу. — Годика через два мы встретимся в Париже.

— Прощайте! — отвечали ему. — Кто знает, суждено ли нам когда-нибудь увидеться!

23 сентября подняли паруса, и корабли вышли в море. Скалы Камчатки растаяли вдали.

ЦИНГА

С Камчатки Лаперуз направился прямо на юг.

Экспедиции предстояло выполнить последнее поручение, данное ей морским министерством: исследовать берега Австралии. В Северном полушарии надвигалась зима, нужно было снова спешить в Южное, чтобы застать там лето.

Решено было пересечь Тихий океан с севера на юг по прямой линии, никуда не заходя, чтобы не терять времени. Шел уже третий год с тех пор, как наши путешественники покинули Францию. Моряки устали, стосковались по семьям, по родине. Матросы не были уже так веселы и усердны, как вначале. Офицеры надоели друг другу, начались ссоры, недовольство. А до конца путешествия оставалось еще по крайней мере два года: год уйдет на исследование берегов Австралии и год — на возвращение домой. Немудрено, что Лаперуз спешил.

В ноябре фрегаты в третий раз пересекли экватор. Устроенные по этому случаю торжества и игры шли вяло, без оживления. Утомленным матросам не хотелось ни петь, ни плясать.

Утром 1 декабря к Лаперузу подошел судовой врач. Лицо у доктора было мрачное, озабоченное.

— Капитан, — сказал он, — восемь человек придется снять с работы. У них началась цинга.

Болезнь впервые посетила корабли. До сих пор за все время путешествия еще никто ничем не болел, кроме легкой простуды да насморка. Цинга — очень страшная бо-

лезнь. У человека пухнут десны, вываливаются зубы, отнимаются руки и ноги.

Больные не могли работать, и это сразу отразилось на всем экипаже. Уже в Америке после гибели двадцати одного моряка на кораблях ощущался недостаток рабочих рук. Теперь, с болезнью восьми матросов, на здоровых свалилось столько работы, что они с трудом с нею справлялись.

ОДНОГЛАЗЫЙ

9 декабря рано утром заметили землю. Это был архипелаг Самоа — кучка зеленых, веселых островов, разбросанных среди синего океана.

Острова Самоа открыл в 1722 году голландский мореплаватель Якоб Роггевейн.

Спутники Лаперуза, два месяца не видавшие суши, с завистью глядели на островитян, которые валялись в траве, купались в прохладных ручьях под сенью исполинских кокосовых пальм.

— Остановимся здесь хоть на денек,— приставали к Лаперузу офицеры.— Надо дать команде отдохнуть. Может, и больным станет легче, если они побывают на твердой земле в такой здоровой и приятной местности.

Лаперуз спешил в Австралию и не хотел терять даже часа. Но офицеры так упрашивали его, что он согласился.

Решено было высадиться на остров Мануа, потому что на нем никогда еще не был ни один европеец. Кудрявые головы кокосовых пальм приветливо кивали утомленным морякам. Маленькие быстрые птички весело щебетали, кружась вокруг мачт.

Как всюду, навстречу фрегатам тотчас же понеслись лодки островитян. Жители Самоа — полинезийцы и очень похожи на таитян, гавайцев и новозеландцев. Завязалась торговля. Островитяне навезли бананов, ананасов, кокосовых орехов, свиней, кур, рыбы. Они смело влезали на палубу; ни у кого не было никакого оружия, даже дубин. В обмен на свои товары они требовали тряпок и бус — железо было им незнакомо, и они относились к нему равнодушно.

После обеда Лаперуз с отрядом человек в сорок отправился на берег. А де Лангль с географом Бернизе и десятью матросами поплыл на шлюпке вдоль острова, чтобы занести его берега на карту.

Лаперузу и его спутникам надоел пустынный океан. Раем показался им цветущий, плодородный, богатый остров. На берегу их встретила толпа веселой детворы.

— Пойдемте в глубь острова! — кричали офицеры. — Оттуда не видно надоевшего моря.

Лаперуз оставил шлюпку под охраной четырех матросов и пошел со своим отрядом по единственной улице деревушки. Деревушка эта ничем не отличалась от деревень Гавайских островов — такие же соломенные хатки, похожие на перевернутые корзины, такие же жирные свиньи. Жители тоже почти не отличались от гавайцев и показались французам еще более привлекательными.

В деревне оставались только женщины, дети и старики: все мужчины на лодках шныряли вокруг фрегатов, стараясь что-нибудь продать.

Островитяне поразили Лаперуза своим необыкновенным здоровьем. Но, увидев отвратительную язву на ноге одной девушки, Лаперуз понял, что этот чудесный край посещает проказа.

За деревней началась апельсиновая роща, полная сочных плодов и пестрых хохлатых попугаев. Длинными рядами росли банановые деревья, с которых свисали тяжелые гроздья бананов. Поразительно плодородие этой земли! Сотая часть этих бананов и апельсинов шла в пищу человеку, десятая часть — в пищу свиньям, а все остальное сгнивало и превращалось в чернозем.

Окруженные голой шумной толпой, французы дошли до подножия холма, поднимавшегося в середине острова, и повернули назад.

А четыре матроса, оставленные сторожить лодку, в это время изнывали от жары. Лодка стояла на самом солнцепеке, и тропическое солнце жгло без всякой жалости. Они поминутно поливали друг друга водой, но от этого нисколько не становилось легче. А между тем шагах в десяти от лодки росло большое тенистое дерево, под ветвями которого можно было укрыться от зноя. И матросы решили сторожить лодку поочередно: один будет сторожить, трое — лежать под деревом.

Тот, которому пришлось сторожить первому, уселся на носу лодки, глядя в сверкающее море. Жар и блеск утомили его. Он закрыл глаза. И вдруг за спиной он услышал шорох.

Обернувшись, он увидел огромного островитянина, который стоял посреди лодки, размахивая веслом. Один глаз его злобно блестел, другого глаза не было.

— Брось весло! — сказал сторож.

Но тот захохотал и пошел, шагая через скамейки, ему навстречу. Он замахнулся веслом над головой матроса. Матрос увернулся от удара, свистнул и кинулся на врага с кулаками. Начался кулачный бой.

Они вертелись в узком пространстве между двумя скамейками. Француз оказался неплохим бойцом, но островитянин был сильнее. Два голых мальчика, разинув рты, следили за побоищем.

Француз ослабевал.

Но ему на помощь неслись уже три товарища. Сильные руки обхватили буяна сзади. Он был мигом поднят на воздух. Моряки раскачали его и швырнули в воду.

ВОДА И КРОВЬ

Вернувшись на «Компас» с прогулки, Лаперуз застал у себя в каюте капитана де Лангля.

— Ну, как вы проехались, де Лангль? — спросил Лаперуз.

— Превосходно,— ответил де Лангль, весело улыбаясь.— Остров объехать кругом нам не удалось, он слишком велик, но зато мы открыли очаровательную маленькую бухточку, в которую впадает быстрая речонка. Эта бухта вон там, за тем мысом. Вода в речке отличная, известковая, гораздо вкуснее той, которую мы набрали на Камчатке. Нашу воду пить нельзя — она протухла в трюме и пахнет болотом. Нам не мешает сделать новый запас воды.

— Мы запасемся водой в Австралии,— сказал Лаперуз.— Нельзя терять больше ни одного дня. Сегодня же вечером мы должны сняться с якоря. Воды, взятой на Камчатке, нам хватит еще недели на три.

— Не могу с вами согласиться,— настаивал де Лангль.— Мы здесь потеряем еще один день, но зато наши больные скоро поправятся, потому что свежая вода при цинге — лучшее средство. С больной командой мы рискуем потерять гораздо больше времени. Если болезнь станет развиваться, мы застрянем где-нибудь на полдороге, потому что некому будет работать.

Лаперуз задумался. Цинга не на шутку тревожила его. Слова де Лангля, пожалуй, не лишены основания. Больные, побывавшие сегодня на берегу, заявили, что чувствуют себя гораздо лучше.

— А удобно ли в вашей речке запастись водой? — спросил он.

— Удобнее места не сыщешь,— ответил де Лангль.— Глубокая, просторная бухта, защищенная со всех сторон от ветра. Все наши шлюпки свободно разместятся в ней. Да и от деревни довольно далеко, так что островитяне не слишком станут надоедать своим любопытством. Мы наполним бочки обоих кораблей за какие-нибудь три часа. Я сам берусь руководить всей работой.

— Хорошо,— сказал Лаперуз,— будь по-вашему. Я согласен. Вы достаточно опытный моряк, и я не стану с вами спорить. Мы снимемся с якоря завтра вечером.

На другой день, с раннего утра, закипела работа. Из трюмов обоих фрегатов выкатили тяжелые бочки с протухшей водой и вылили ее за борт. Пустые бочки сложили в огромные, неповоротливые шлюпки, специально для этого предназначенные. В одной такой шлюпке помещалось пятнадцать бочек.

Работа была нелегкая. Островитяне, во множестве приехавшие на корабли со своими товарами, мешали и путались под ногами. Но матросы трудились прилежно, потому что радовались возможности снова побывать на твердой земле.

В два часа дня, после обеда, все три шлюпки отправились в путь. Во главе отряда стоял сам капитан де Лангль. Он командовал первой шлюпкой. Командирами двух других шлюпок были назначены лейтенанты Бутэн и Мутон. В шлюпку Бутэна сел неутомимый Ламанон. Цинготных больных усадили в шлюпку к Мутону. Всего во всех трех шлюпках было пятьдесят матросов-гребцов, в том числе и те четверо, которые вчера подрались с одноглазым великаном. Для защиты отряда от нападения де Лангль захватил с собой шесть бравых морских солдат под начальством поручика де Вожуа. Итак, за водой вместе с де Ланглем отправилось около семидесяти человек.

Весело тронулись в путь. Матросы дружно налегли на весла. Де Лангль указывал дорогу. В полчаса обогнули мыс, и фрегаты скрылись из виду.

— Где же бухта? — спросил Бутэн, приближаясь к капитанской шлюпке.

Капитан де Лангль в недоумении оглядывал берег. Неужели эта узкая полоска воды, отделенная от моря непроходимыми рифами, — та самая удобная полноводная бухта, которую он видел вчера утром? Да ведь в эту мелкую заводь и не войти, а если войдешь, так, пожалуй, не выберешься.

Матросы перестали грести. Все глядели на де Лангля, ожидая, что он скажет. Но де Лангль молчал.

— Придется повернуть назад, — произнес лейтенант Мутон.

— Повернуть назад невозможно, — сказал Бутэн. — Ведь мы вылили из бочек всю воду. Как же мы без воды доберемся до Австралии?

— Тут есть и другие ручьи, — сказал кто-то.

— В других ручьях так мало воды, что нам придется простоять здесь две недели, чтобы наполнить все наши бочки, — ответил Бутэн.

Положение действительно было не из приятных. Де Лангль осрамился перед своими подчиненными. Он сразу понял, что произошло. Вчера он проезжал тут утром во время прилива, когда бухта была полна воды. А теперь отлив, бухта обмелела, рифы, заграждающие вход, выступали на поверхность. Все это понятно, но как он, морской волк, с детства плавающий по океанам, мог совершить такую пустую и глупую ошибку?

Чтобы окончательно не уронить своего достоинства, де Лангль властно приказал:

— Вперед!

Шлюпки должны вернуться с пресной водой, иначе он не посмеет показаться на глаза Лаперузу.

Между рифами действительно оказался узкий проход, сквозь который шлюпки гуськом вошли в бухту. В бухте воды было едва по пояс. Прежде чем добраться до устья речонки, капитанская шлюпка дважды садилась на мель, и матросы прыгали в воду, чтобы руками протолкнуть ее дальше.

Хотя до деревни было довольно далеко, но на берегу стояло человек сто стариков и женщин. Они все чего-то ждали и неодобрительно поглядывали на гостей.

Де Лангль соскочил на прибрежный песок. Он расставил полукругом шестерых солдат с ружьями наготове, приказав им не подпускать островитян к месту наливки ближе чем на десять шагов.

— Но без моей команды не стрелять! — распорядился он. — Кто выстрелит самовольно, сядет в карцер.

Шлюпки остановились в том самом месте, где узкая, мелкая речонка впадала в бухту. Вода оказалась вкусная, свежая, но, к сожалению, ее было слишком мало. Для того чтобы наполнить сорок пять сорокаведерных бочек, придется проторчать здесь полдня.

Ближе всех к берегу стояла капитанская шлюпка. Рядом с нею — шлюпка Бутэна. Рядом с бутэновской шлюпкой, борт к борту, — шлюпка Мутона. Загремели ведра, закипела работа.

Между тем толпа на берегу все прибывала. Женщины с ребятами на руках одна за другой тащились по тропинке из деревни. Солдаты выбились из сил. Женщины со всех сторон наседали на них, стараясь поближе пробраться к шлюпкам. Только удавалось прогнать одну островитянку, как на ее место пролезало десять. Где шестерым солдатам справиться с несколькими сотнями любопытных, ничего не боящихся женщин!

Отлив продолжался, и бухта скоро настолько обмелела, что ее всю можно было перейти пешком, не замочив колен. Шлюпки не могли уже сдвинуться с места. Нечего было и думать о том, чтобы уйти из этой западни раньше, чем начнется прилив. А прилив начнется часа через два.

Женщины между тем всё прибывали и прибывали. Они шли к берегу бухты вовсе не для того, чтобы поглазеть на французов. Не любопытство влекло их сюда. Они чего-то ждали.

Де Лангль только тогда понял, чего ждут все эти старики, женщины и дети, когда в бухту с веселым гиканьем влетела дюжина длинных пирог. Бухта служила островитянам портом. Это был великолепный порт, потому что пирога могла плыть, даже если воды всего какой-нибудь фут. Пироги были доверху наполнены французскими товарами — раскрашенным холстом, стекляшками, зеркальцами, медными пуговицами, оловянными ложками. Да, Лаперуз неплохо торговал сегодня, пока де Лангль возился с водой.

За первой дюжиной пирог появилась вторая, за нею третья. Воздух звенел от криков. На берегу начался настоящий базар — островитяне перепродавали друг другу французские тряпки, украшали ими своих жен, наперебой хвастали добычей.

Работать стало почти невозможно. С появлением мужчин толпа уже не обращала на солдат никакого внимания. Островитяне бесцеремонно вскакивали в шлюпки. Матросам с трудом удалось выбросить их за борт. Две пироги поплыли вверх по речонке и замутили веслами всю воду. Пришлось на четверть часа прекратить работу и ждать, пока ил снова осядет на дно.

Вода начала медленно, едва заметно, подыматься. Моряки облегченно вздохнули. Прилив принесет им освобождение.

А на берег прибывали всё новые и новые толпы. Это из дальних деревень приходили островитяне перекупать французские товары. Вокруг шлюпок сгрудилось не менее двух тысяч человек. Солдаты, расставленные де Ланглем на берегу, были оттеснены в воду. Когда островитян просили подвинуться и не мешать работать, они скалили зубы. Они уже не скрывали своей враждебности к французам.

В толпе появился одноглазый великан, напавший вчера на матроса, сторожившего шлюпку. Он не интересовался ни тряпками, ни стекляшками — он шел прямо к берегу, неся в руке большой камень. Толпа расступилась перед ним. Говор смолкал при его приближении.

Он остановился, взмахнул рукой — камень взлетел и упал в воду. Одноглазый промахнулся.

Солдаты подняли ружья.

— Не стрелять! — закричал де Лангль.

Он хотел во что бы то ни стало избежать кровопролития. Выдержать бой с двумя тысячами островитян невозможно. У многих матросов нет ружей. Шлюпки стоят на мели и не в состоянии сдвинуться с места. Фрегаты находятся по ту сторону мыса, и Лаперуз не может помочь.

— Не стрелять! — снова крикнул он.

Солдаты опустили ружья.

Тотчас же град камней посыпался им на головы. Солдаты падали, обливаясь кровью. Их начальник, поручик де Вожуа, помчался по мелководью к капитанской шлюпке.

Человек триста сорвалось с берега и понеслось за ним вдогонку, разбрызгивая воду.

— Пли! — закричал де Лангль.

Матросы побросали ведра и, толкаясь, мешая друг другу, стали доставать ружья, сложенные под скамейками.

Де Лангль выстрелил первый и промахнулся.

Де Вожуа упал возле самой капитанской шлюпки. Череп его был раскроен камнем. Падая, он схватился за камзол де Лангля и стащил капитана из шлюпки в воду.

Сотни рук разорвали де Лангля на части.

Так погиб капитан де Лангль.

Камни посыпались в капитанскую шлюпку. Матросы падали за борт. Тот, кто падал в сторону островитян, уже не вставал. Спаслись только те, что упали в проход между капитанской шлюпкой и шлюпкой Бутэна.

— Пли! — закричал Бутэн.

Грянуло несколько ружей. Одноглазый взмахнул руками и упал. С ним попадало еще шесть или семь человек.

— Пли! — крикнул лейтенант Мутон.

Снова залп, и островитяне отступили.

Но толпа с берега напирала по-прежнему. Задние ряды давили на передние. Сейчас будет новая атака, а кремневые ружья так скоро не зарядишь, на зарядку уйдет несколько минут.

И вдруг Бутэн почувствовал, что его шлюпка шевелится. Прилив поднял ее и закачал на волнах. Море принесло им освобождение.

— За весла! — скомандовал Бутэн.

Но матросы схватились за весла, не дожидаясь команды. Шлюпка лейтенанта Мутона уже неслась впереди прямо к узкому проходу между рифами. Шлюпка Бутэна помчалась за ней. Грести оказалось нелегко, потому что обе шлюпки были переполнены ранеными, которые лежали под скамьями, обливаясь кровью. Моряки напрягали все силы, чтобы скорее вырваться в открытое море.

Островитяне пустились бежать вокруг бухты, чтобы взобраться на рифы, прежде чем шлюпки французов успеют выйти в море.

Мутону удалось опередить бежавших. Он провел свою шлюпку сквозь пролив прежде, чем они вскарабкались на рифы. Но зато Бутэну не посчастливилось. В проливе его

шлюпка подверглась ураганному обстрелу булыжниками с обеих сторон.

Островитяне были искусные камнеметатели. Каждый из них без труда мог швырнуть двухфунтовый булыжник на двадцать — тридцать шагов. Тяжелые камни посыпались в шлюпку, кроша весла, скамьи и бочки, проламывая черепа.

Одним из первых упал Ламанон, пораженный камнем в голову. Бутэн кинулся к нему, но ученый был уже мертв.

Вряд ли хоть один человек остался бы жив, если бы лейтенант Мутон не дал залпа по рифам из своей шлюпки. Островитяне отступили, и шлюпка Бутэна вышла в море. На ней оставалось не больше десяти человек, способных держать весла. Раненые громко стонали, мертвецы лежали вповалку. У Бутэна была сломана правая рука.

С капитаном де Ланглем за водой отправилось около семидесяти человек. А на фрегаты вернулось только сорок девять, да и те почти все израненные и искалеченные.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

В конце января 1788 года вдоль восточного побережья Австралии шло небольшое судно под английским флагом.

В судне этом не было ничего достопримечательного, кроме трюма. Трюм действительно был не похож на трюмы других судов. Его пересекали вдоль и поперек чугунные решетки.

Командовал этим судном Артур Филипп. Он отвез в Австралию каторжников, которых британское правительство решило поселить в этой далекой, пустынной стране. Так Англия использовала открытия Кука.

Капитан Артур Филипп теперь налегке возвращался домой.

Чугунные клетки, в которых недавно томились заключенные, опустели. Каторжники бродили теперь по бескрайним австралийским равнинам, добывая себе пропитание охотой.

Капитан Филипп не был на родине больше года и очень спешил. Путешествие началось благополучно, ветер дул попутный.

Однажды утром, разглядывая горизонт в подзорную трубу, капитан Филипп заметил два больших фрегата, которые быстро шли ему наперерез. Капитан Филипп был смущен. Он не слыхал, чтобы британское правительство собиралось посылать военные суда в австралийские воды. Но, заметив на фрегате французский флаг, капитан смутился еще больше. Англия и Франция за последние десятилетия много раз воевали друг с другом. Последняя война окончилась всего четыре года назад. Быть может, за то время, что он не был на родине, война вспыхнула вновь? Капитан Филипп глянул на жерла многочисленных орудий французских фрегатов, потом на две свои старые пушки и решил, что дело его плохо.

А между тем с фрегатов уже заметили корабль капитана Филиппа и направились прямо к нему. Что делать? Удрать? Но быстроходные фрегаты без труда догонят его. Попытка к бегству, пожалуй, разозлит французов. Капитан Филипп во всем положился на судьбу, убавил ход и стал ждать.

Через полчаса, поручив управление кораблем своему штурману, он сел в шлюпку и отправился в гости на фрегат «Компас». Спустили трап. Поднявшись на палубу, капитан Филипп опытным взором моряка сразу заметил, что на французском фрегате не все благополучно. Почему на таком огромном военном корабле такая немногочисленная команда? Недостаток рабочих рук ощущался и в неубранной, немытой палубе и в перепутанных, плохо закрепленных канатах. Какие изможденные, усталые лица у матросов, какая у них изношенная одежда!

Но капитан Филипп ничего не сказал французам. Он привык держать свои соображения при себе.

— Вас просит к себе капитан Лаперуз,— обратился к нему пожилой офицер, рука которого была забинтована и подвешена к груди.

Филипп прошел вслед за лейтенантом Бутэном в капитанскую каюту.

По радостному лицу Лаперуза капитан Филипп понял, что Англия и Франция находятся в мире.

— Вы едете на родину, капитан Филипп?—спросил Лаперуз по-английски.

Лаперуз во время последней войны побывал в английском плену и там научился говорить на английском языке.

— Да, я возвращаюсь из Австралии в Ливерпуль,— по-французски ответил Филипп.

Капитан Филипп во время последней войны побывал во французском плену и там научился (правда, далеко не в совершенстве) говорить по-французски.

— У меня к вам просьба,— сказал Лаперуз.— Будьте так любезны, отвезите в Европу мои письма.

— С удовольствием.

— Вы очень меня обяжете,— продолжал Лаперуз.— Прежде чем отправиться домой, я должен осмотреть берега Австралии, посетить Новые Гебриды и острова Дружбы. На это уйдет по крайней мере год. Вы вернетесь в Европу на целый год раньше, чем я. А я обещал морскому министерству при каждом удобном случае оповещать его о моем плавании и о моих открытиях.

Взглянув в глаза своему гостю, Лаперуз понял, о чем тот думает. Капитан Филипп думал, что, если фрегаты еще год побудут в Тихом океане, они никогда не вернутся домой.

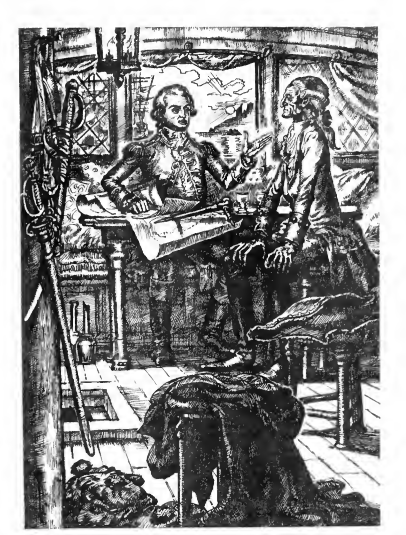
— Нас постигли большие несчастья,— продолжал Лаперуз.— Мы потеряли пятьдесят человек, и всё самых лучших моряков. Вместе с ними погиб и командир «Астролябии» капитан де Лангль. Теперь «Астролябией» командует один из лейтенантов. Вот уже два месяца нас не оставляет цинга. «Компас» скоро превратится в больничную палату. Здоровые выбились из сил, недосыпают, недоедают и все же не могут справиться со своей работой. А отдохнуть им удастся только на родине—через два года. Но мы не унываем. Мы знаем, что плавание вокруг земного шара—не увеселительная прогулка. Мы либо выполним возложенные на нас поручения, либо погибнем. Ведь мы не унываем, Бутэн?

— Не унываем, капитан,— ответил Бутэн.

Капитан Филипп пообедал на «Компасе», распил с Лаперузом заветную бутылку бургундского, хранившуюся в кладовой фрегата, взял пакет с письмами и отправился к себе на корабль.

Письма он добросовестно доставил в Европу.

Это была последняя весть, которую прислал о себе капитан Лаперуз. С тех пор в Европе ничего не слыхали ни о капитане Лаперузе, ни о его фрегатах.

АДМИРАЛ БЕЖИТ ОТ РЕВОЛЮЦИИ

МЕЧТЫ О СЛАВЕ

Прибыв в Лондон, капитан Артур Филипп передал письма Лаперуза Британскому Адмиралтейству.

Лорды Адмиралтейства не торопились отправлять их в Париж. Англия после путешествия Кука смотрела на все тихоокеанские земли как на свои будущие колонии. Отношения с Францией были скверные. За последние десятилетия англичане несколько раз воевали с французами и теперь готовились к новой войне.

Письма Лаперуза были в Лондоне вскрыты и тщательно изучены. Это изучение заняло много месяцев. И только после этого их отправили по адресу во Францию.

А между тем во Франции произошли необычайные события. Власть короля, дворян и церкви заколебалась. Началась революция.

14 июля 1789 года толпа парижских ремесленников и рабочих взяла приступом крепость-тюрьму Бастилию. Были отменены все дворянские привилегии. Дворяне толпами бежали за границу. Напуганные революцией монархи принимали их радушно и обещали им поддержку в борьбе с восставшим французским народом. Вся Европа угрожала войной революционной Франции.

Где уж тут было помнить о капитане Лаперузе, исчезнувшем в Тихом океане!

Но один человек не забывал о нем. Этот человек был адмирал д'Антркасто, тот адмирал д'Антркасто, который сам хотел плыть в Тихий океан вместо Лаперуза. Лаперуз не вернулся в срок, и д'Антркасто решил, что с ним случилось несчастье.

Письма Лаперуза, привезенные капитаном Филиппом, попали наконец, после долгих мытарств, во французское Географическое общество. Прочитав их, ученые увидели, что уже тогда, когда письма эти писались, экспедиция находилась в катастрофическом положении. Решено было разыскать исчезнувшую без вести экспедицию и, если возможно, оказать ей помощь. На этом особенно настаивал ботаник Ла-Биллардьер, друг физика Ламанона, убитого жителями Самоа вместе с капитаном де Ланглем.

Ла-Биллардьер был знаком со многими членами Национального собрания и уговорил их поднять вопрос о помощи Лаперузу. Национальное собрание 9 февраля 1791 года постановило отправить в Тихий океан два корабля – фрегат «Поиск» и бриг «Надежду» – и поручить им отыскать экспедицию Лаперуза.

Узнав об этом постановлении, адмирал д'Антркасто всполошился. Он хотел, чтобы его назначили начальником кораблей, посланных на розыски Лаперуза. Впрочем, к Лаперузу д'Антркасто не питал никаких симпатий.

Д'Антркасто был контрреволюционером. Он со злобой следил за успехами революции. Он приходил в бешенство при мысли, что теперь офицерами могут быть люди простого происхождения. Он ненавидел революцию и боялся, что она не пощадит и его. Он понимал, что ему не мешает убраться из Франции, пока не поздно, убраться куда угодно, хотя бы в Тихий океан.

Но Тихий океан привлекал его и сам по себе. Он был убежден, что стоит ему попасть в этот океан, как он сразу откроет множество богатых, никому не ведомых земель. Пока он будет плавать по Тихому океану и открывать новые земли, король с помощью иностранных государей раздавит революционеров, вернет дворянам их земли, и все пойдет по-старому. Возвратившись, адмирал д'Антркасто будет пользоваться славою великого мореплавателя до конца своих дней.

И он немедленно решил использовать все свои связи, чтобы его назначили начальником отправляющихся в Тихий океан кораблей. Связи у него были огромные. В морском министерстве еще сидели старые королевские чиновники. Мысль отдать оба корабля под начальство адмирала д'Антркасто им очень понравилась.

Адмирал выбрал себе помощников – таких же монархистов, как он сам. Капитаном брига «Надежды» он назначил своего приятеля Гюона де Кармадека. А старшим лейтенантом на фрегате «Поиск» был лучший друг адмирала – маркиз д'Орибо. Так он подобрал и всех остальных офицеров. Сторонниками революции на обоих кораблях оказались только простые матросы да ботаник Ла-Биллардьер, сопровождавший д'Антркасто по постановлению Географического общества.

Лето 1791 года ушло на сборы в путь. Это лето было полно бурных событий, и д'Антркасто торопился. Король сделал попытку бежать за границу, чтобы стать во главе эмигрантов, подготовлявших войну. Переодетый лакеем, он вместе со своей семьей выехал тайком из Парижа в старой карете и помчался по направлению к границе. Но недалеко от границы местные жители узнали его, задержали и отправили обратно в Париж. Народ волновался и требовал низвержения короля-изменника. Якобинский клуб, в котором собирались революционеры, составлял петиции, воззвания, призывал к борьбе. Ходили толки о провозглашении республики. Положение сторонников старого режима с каждым днем становилось все хуже.

И д'Антркасто спешил.

28 сентября 1791 года «Поиск» и «Надежда» под начальством адмирала д'Антркасто вышли из Бреста в открытое море на розыски кораблей Лаперуза, покинувших этот порт шесть лет назад.

НА ВЕРШИНЕ ТЕНЕРИФСКОГО ПИКА

Едва берега Франции скрылись из виду, как всем стало ясно, что адмирал д'Антркасто не потерпит у себя на корабле разговоров о революции. Сразу же было строго запрещено всякое обсуждение политических событий. Обращение офицеров с матросами круто изменилось. Они не называли их больше гражданами, как в Бресте, они кричали на них и за малейшее непослушание сажали в карцер. Часто устраивались молебны, на которых экипаж должен был просить бога даровать долголетие римскому папе и французскому королю.

В середине октября «Поиск» и «Надежда» прибыли к острову Тенериф. Ла-Биллардьер решил во что бы то ни стало взобраться на вершину пика.

— Меня письменами дьявола не остановишь,— говорил он.— Монерон и Ламанон слишком полагались на своих проводников. А мне проводники не нужны.

В спутники себе он выбрал здоровенного матроса, и они вдвоем налегке отправились в путь. Для восхождения они воспользовались не тем склоном пика, по которому карабкались их предшественники, а противоположным. Это очень удлинило дорогу, потому что два дня им пришлось

проблуждать у подошвы горы, но зато выбранный ими склон оказался гораздо более пологим.

Добравшись до соснового леса, они вступили в полосу густого тумана. В двух шагах они не видели друг друга. Туман этот был большой тучей, нависшей над островом. Усталые, озябшие, промокшие до костей, они взбирались все выше и выше и наконец выбрались из тучи. В синем небе над ними сверкала лысая острая вершина пика. Под ними клубилось облако, похожее на клокочущий океан.

— Глядите! Глядите! — в страхе закричал матрос. — Нас здесь сторожат великаны. Недаром испанцы внизу говорили, что вершина этой горы заколдована.

Ла-Биллардьер обернулся. В первую секунду он и сам был испуган. В воздухе под ним реяли два огромных великана, ростом в километр.

— Это наши тени! — вскричал ученый, оправившийся наконец от изумления. — Наши тени легли на облако. На таких исполинских горах это часто случается. Видишь, я подымаю ногу — и великан подымает ногу, я подымаю руку — и великан подымает руку.

Действительно, великан поднял сначала полуверстовую ногу, потом полуверстовую руку. Матрос рассмеялся и принялся прыгать, заставляя своего огромного двойника принимать самые забавные позы.

Налюбовавшись этим веселым зрелищем, оба путника полезли дальше. Часто отвесные скалы преграждали им путь, но всякий раз им удавалось найти какую-нибудь боковую тропинку, по которой можно было двигаться вверх. Они на четвереньках ползли по каменным карнизам, боясь глянуть вниз, в пропасть. Они с разбегу перепрыгивали через ущелья.

Лес кончился. Кругом были мох да камни. На многих камнях они находили высеченные гуанчами надписи. Ла-Биллардьер тщательно перерисовывал их к себе в тетрадку.

После четырехдневного восхождения им, несмотря на все трудности, удалось — первыми из всех европейцев — достигнуть вершины Тенерифского пика.

Три дня спустя, полумертвые от голода и усталости, они вернулись на «Поиск». Путешествие к вершине горы заняло больше недели.

23 октября корабли д'Антркасто покинули остров Тенериф и направились к мысу Доброй Надежды — самой южной оконечности Африки.

17 января 1792 года «Поиск» и «Надежда» вошли в гавань Капштадта[1].

В гавани стоял большой торговый английский корабль, на корме которого была надпись «Сириус». «Сириус» уже готовился к отплытию и подымал паруса. Увидев входящие в гавань французские корабли, командир «Сириуса» капитан Гэнтер решил посетить адмирала д'Антркасто. Таков был обычай: капитаны судов, стоящих на одном рейде, наносят друг другу визиты. И едва французы бросили якорь, как на «Поиск» явился капитан Гэнтер. Он привез адмиралу в подарок ящик вина.

Д'Антркасто, человек надменный и гордый, встретил гостя учтиво, но холодно. Капитан Гэнтер попробовал завязать разговор, но д'Антркасто отвечал односложно и с явной неохотой. Тогда замолчал и Гэнтер. Просидев полчаса в адмиральской каюте и не сказав почти ни слова, английский капитан попрощался.

Ла-Биллардьер вышел его провожать.

— Скажите, какая цель вашего плавания? — спросил его на палубе англичанин.— Если это, конечно, не тайна.

— Совсем не тайна,— ответил Ла-Биллардьер.— Мы отправлены на розыски пропавших кораблей Лаперуза. Попутно мы рассчитываем заняться научными исследованиями и открытиями.

Капитан Гэнтер задумался, ничего не сказал, сел в шлюпку и уехал. Через полчаса «Сириус» покинул Капштадтскую гавань и отправился в Англию.

Д'Антркасто поехал в город, чтобы посетить голландского губернатора. Вернувшись на «Поиск», он вызвал к себе капитана Гюона де Кармадека и Ла-Биллардьера.

— Господа,— сказал д'Антркасто,— губернатор передал мне письмо, оставленное для меня одним французским судном месяц назад. Письмо это необходимо обсудить. Вот оно:

[1] Теперь — Капстадтскую (Кейптаунскую).

«Адмирал!

В Калькутте мне сообщили очень важное известие. Некий Гэнтер, капитан английского торгового судна «Сириус», плывя в прошлом году мимо островов Адмиралтейства, видел там островитян, одетых в мундиры моряков французского флота. У меня явилась мысль, что несчастный капитан Лаперуз погиб у Адмиралтейского архипелага и фрегат его был разграблен туземцами. Считаю долгом поставить вас об этом в известность.

Командующий военными и морскими силами Франции в Ост-Индии генерал Сен-Феликс».

— Невероятно! — вскричал Гюон де Кармадек, когда д'Антркасто кончил читать. — Каким образом Лаперуз мог попасть к островам Адмиралтейства? Ведь в бумагах, привезенных капитаном Филиппом, ясно указано, что Лаперуз собирался сначала осмотреть берега Австралии, потом отправиться к островам Дружбы, а оттуда — к Новым Гебридам. Да так было ему предписано и инструкцией морского министерства. Адмиралтейский архипелаг расположен к северу от Новой Гвинеи, и туда Лаперузу было совсем не по пути.

— Я хорошо знал капитана Лаперуза, — сказал д'Антркасто, бледнея от гнева. — От него можно ждать всего, что угодно. Не стоит слишком доверять его словам. Он мог сказать, что едет на юг, а отправиться на север.

— Не стану с вами спорить, адмирал, — возразил Гюон де Кармадек, — но до встречи с капитаном Филиппом Лаперуз весьма точно исполнил инструкцию морского министра.

— Признаться, я не слишком доверяю письму генерала Сен-Феликса, — заметил Ла-Биллардьер. — Сен-Феликс не видел капитана Гэнтера. Он пишет по слухам. Капитан Гэнтер только что был здесь. Почему он ничего не сказал о французских мундирах на островах Адмиралтейства?

— Капитан Гэнтер не знал, что мы посланы на розыски Лаперуза, — возразил д'Антркасто.

— Нет, знал, — возразил Ла-Биллардьер.

— Откуда?

— Я сам ему сказал.

Д'Антркасто рассердился.

Дальнейший спор был невозможен. Отдохнув и запасшись провизией, французские моряки 16 февраля покинули Капштадтскую гавань и вышли в Индийский океан.

Бурей, дождями, порывистым ветром встретил корабли Индийский океан. А им предстояло пересечь его в самом широком месте. Д'Антркасто держал курс на остров Тасмания.

До Тасмании плыли больше двух месяцев. Моряки падали от усталости. Д'Антркасто опасался, что на судах начнется цинга. Реи ломались, паруса лопались. Обшивка обоих кораблей требовала серьезного ремонта.

И только 24 апреля, когда впереди появились лесистые горы Тасмании, угрюмые лица матросов несколько повеселели.

Но Тасмания была населена народом, не знавшим ни земледелия, ни скотоводства. Запастись провизией здесь было невозможно. Тасмания могла предоставить морякам только дрова и пресную воду.

Берег не дал путешественникам даже отдыха. Нужно было немедленно приниматься за починку судов. Из гигантских эвкалиптов приготовляли новые мачты. Корпуса кораблей проконопатили и просмолили. Паруса свезли на берег и заштопали. Все эти работы заняли больше трех недель. И, несмотря на это, для полной починки суда следовало бы ввести в верфь.

17 мая «Поиск» и «Надежда» снова вышли в открытое море. Через месяц они были уже у берегов Новой Каледонии. Там удалось наменять у туземцев кокосов и плодов хлебного дерева и благодаря этому прекратить начавшуюся было цингу.

9 июля увидели гористые Соломоновы острова, заросшие до самых вершин лесом. Экспедиция передвигалась от одного острова к другому, всюду останавливаясь, но нигде не высаживаясь на берег.

Это сердило Ла-Биллардьера, неутомимого исследователя, которому для собирания растений и животных необходимо было побывать на берегу. Но д'Антркасто считал, что задача мореплавателя состоит в открытии новых земель, а не в собирании птичьих чучел и разговорах с туземцами, которых он презирал до глубины души. Честолюбивый адмирал метил прямо в Колумбы и на меньшее не соглашался. Но, как назло, Америки ему не попадались.

На кораблях снова свирепствовала цинга. Не помогли даже свежие фрукты. У Соломоновых островов кинули в воду несколько трупов.

Наконец «Поиск» и «Надежда» прибыли к островам Адмиралтейства.

На берегу толпились чернокожие островитяне и знаками приглашали французов посетить их. Ла-Биллардьер разглядывал островитян в подзорную трубу. Он старался заметить на них остатки французских мундиров, о которых писал в своем письме генерал Сен-Феликс. Но туземцы все до единого были голы. Только бедра свои они обертывали пестрой рогожкой.

Спустили шлюпку. Д'Антркасто поручил начальство над шлюпкой лейтенанту д'Орибо. В эту шлюпку сел и Ла-Биллардьер, захватив с собой бусы и ножи для мены.

— Запрещаю вам высаживаться на берег! — крикнул им вслед д'Антркасто.— Остановитесь от берега в ста шагах, и, если туземцы захотят начать с вами торговлю, пусть они добираются до вас вплавь.

— Но нам необходимо высадиться,— возразил Ла-Биллардьер.— Как же, не высаживаясь, мы можем узнать что-нибудь о Лаперузе?

— Делайте то, что вам приказывают! — ответил адмирал.— Я не желаю ради Лаперуза рисковать жизнью вверенных мне людей.

Нужно было повиноваться. Напрасно туземцы махали руками и зазывали к себе европейцев. Шлюпка остановилась в ста шагах от берега и не двигалась дальше ни с места. Ла-Биллардьер стал издали показывать им бусы. В толпе появился человек, голова которого была украшена венком из мелких ракушек, нанизанных на веревку. Это был вождь.

Все расступились перед ним. Он дал одному из своих подданных кокосовый орех и, как догадался Ла-Биллардьер, приказал ему вплавь доставить этот орех на шлюпку. Посланный с ужасом глядел то на вождя, то на европейцев. Мало ли что могут сделать с ним в своей шлюпке страшные белые люди. Но вождь не привык, чтобы ему возражали. Он хлопнул труса палкой по животу, тот прыгнул в воду и доставил орех в шлюпку.

Ла-Биллардьер наградил дрожавшего от страха посланца связками бус и дюжиной ножей. Туземец снова прыгнул

в воду и поплыл к берегу. На берегу вождь сразу завладел всеми подарками и обвесил себя ими с головы до ног.

Вернувшись на «Поиск», Ла-Биллардьер стал умолять д'Антркасто разрешить туземцам доступ на палубу судна.

— Может быть, нам здесь удастся получить от них какие-нибудь сведения о Лаперузе,—говорил он.

Но д'Антркасто теперь почти не скрывал, что он вовсе не стремится найти Лаперуза. Он отправился к островам Адмиралтейства, ибо это был предлог побывать в малоизвестных частях океана. Он надеялся открыть какие-нибудь неведомые земли и этим открытием прославить свое имя. Но ему не повезло. Он ничего не открыл и только измучил долгим плаванием своих подчиненных. А Тасмания, Новая Каледония и Соломоновы острова были уже до него знакомы европейцам.

— Стану я пускать этих грязных воров на палубу,— ответил он.— Они только запакостят мне весь корабль.

ВНОВЬ ПО ВОЛНАМ

Покружив возле островов Адмиралтейства, д'Антркасто повел свои корабли на запад, к Индонезии. 6 сентября «Поиск» и Надежда» вошли в гавань голландской колонии на острове Амбоина.

Около половины команды страдало цингой. Моряки находились в плавании почти год. Они нуждались в продолжительном отдыхе. Кроме того, необходимо было починить суда, совершенно истрепавшиеся.

Голландские власти гостеприимно приняли французов. Экспедиция провела на Амбоине целый месяц. Цинга прекратилась в несколько дней.

В порту оказалась маленькая верфь, которая взяла на себя починку судов. Чтобы обеспечить свою экспедицию продовольствием, д'Антркасто закупил множество кур, гусей, уток, коз, свиней, баранов, ямса и тыкв.

Одного не было на Амбоине — муки. А взятая из Франции мука давно уже вышла. Дальнейшее плавание предстояло совершить без хлеба.

В октябре французские корабли покинули гостеприимную Амбоину.

— Хорошо,— говорил д'Антркасто Ла-Биллардьеру,— пусть будет по-вашему. Мы плывем сначала в Австралию,

потом к островам Дружбы, потом к Новым Гебридам. Никто не станет меня упрекать, что я не посетил тех мест, где мог погибнуть Лаперуз.

Лаперуз встретился с капитаном Филиппом у восточного побережья Австралии.

Естественнее всего было начать розыски именно с восточного побережья. Но д'Антркасто направился к западному.

Восточное побережье Австралийского материка было уже исследовано Куком, а западное посещали только голландцы, да и то полтораста лет назад, и не оставили о нем почти никаких сведений. И честолюбивый адмирал повел свои корабли к западному побережью, хотя искать там Лаперуза было бессмысленно.

Австралийский берег заметили 8 декабря. Но подойти к нему оказалось невозможным: вдоль берега тянулась полоса подводных рифов, мелей и водоворотов. Даже в открытом море было небезопасно — всюду то там, то здесь из воды торчали черные утесы.

«Поиск» и «Надежда» медленно тащились к югу. Берег издали казался узкой синей полоской. На таком расстоянии не только нельзя было производить никаких наблюдений над страной, но даже карту приходилось составлять лишь приблизительно.

Погода с каждым днем становилась все хуже и хуже. Ветер крепчал, волнение усиливалось. Наконец разразилась настоящая буря. Буря у берегов гораздо опаснее, чем буря посреди океана. Особенно у таких скалистых, диких берегов. Моряки с минуту на минуту ждали, что их разобьет о какой-нибудь риф.

К счастью, офицеру Леграну удалось заметить бухту, вход в которую был свободен от рифов.

Корабли лавировали перед бухтой всю ночь и наконец вошли в нее.

Бухту назвали портом Леграна.

Высадившись на берег, французы увидели песчаную пустыню, где невозможно было запастись даже пресной водой. А в пресной воде на судах ощущался большой недостаток. Моряки развели костер из сухих водорослей и просидели на берегу четыре дня, пока не кончилась буря.

Едва волнение утихло и в облаках показалось солнце, «Поиск» и «Надежда» покинули порт Леграна и пустились в дальнейшее плавание.

Опять вдоль берега потянулись рифы, мешавшие производить наблюдения.

Даже через подзорную трубу нельзя было рассмотреть, лес ли на берегу или пустыня, есть ли там реки, люди, животные.

Тысячу шестьсот километров прошли суда д'Антркасто вдоль западного побережья Австралии без всякой пользы.

6 января 1793 года капитан Гюон де Кармадек заявил адмиралу, что на «Надежде» осталось всего восемь бочек пресной воды.

«Поиск» находился почти в таком же положении. Д'Антркасто оставил негостеприимную Австралию и отправился в Тасманию, богатую водой и лесом.

25 января измученные жаждой моряки снова увидели горы Тасмании. «Поиск» и «Надежда» бросили якоря в той же бухте, что и в прошлом году.

Высадившись на берег, моряки кинулись прежде всего к ручью — пить. Потом наполнили водой все пустые бочки.

Затем принялись кое-как залечивать раны, нанесенные днищам кораблей австралийскими рифами. Эти работы заняли больше месяца.

1 марта д'Антркасто вторично оставил Тасманию и повел свои корабли к островам Дружбы, на которых Лаперуз собирался побывать в первую очередь.

РЕВОЛЮЦИЯ НАСТИГАЕТ АДМИРАЛА

Д'АНТРКАСТО У ОСТРОВОВ ДРУЖБЫ

Но д'Антркасто плыл к островам Дружбы вовсе не ради Лаперуза.

Острова, названные Куком островами Дружбы и известные в то время европейцам только по описаниям капитана Кука, были самым плодородным и населенным местом во всей западной части Тихого океана.

Экспедиция д'Антркасто после Тасмании уже не страдала от жажды, но на смену жажде явился голод. От запасов провианта, сделанных на Амбоине, остались крохи.

Заросшая лесом и населенная голодными островитянами Тасмания не могла предоставить морякам ничего, кроме ракушек. И, чтобы не умереть с голоду, им оставалось одно — на всех парусах нестись к островам Дружбы. 23 марта с кораблей был уже виден этот цветущий архипелаг. Вид обработанных полей, засаженных бананами и засеянных ямсом, привел моряков в восхищение. В подзорную трубу были видны многолюдные деревни, вокруг которых паслись стада жирных свиней.

«Поиск» и «Надежда» остановились возле острова Танготабу, в той самой гавани, где останавливался Кук.

Целая флотилия нагруженных фруктами лодок окружила корабли. Несмотря на недовольство адмирала, островитяне заполнили палубу обоих судов. Эти голые светло-желтые красавцы, как обезьяны, лазали по канатам и бесстрашно прыгали в воду.

Голодные матросы набросились на бананы и тут же их поедали. Купленных свиней сразу зарезали, и скоро из корабельных кухонь стал доноситься приятный запах жареной свинины.

Островитяне в уплату за товары требовали бус и ножей. Моряки отдали островитянам множество этих драгоценностей, привезенных из Европы.

Трюмы — ненасытные утробы кораблей — поглощали тонны плодов и орехов.

На другой день Ла-Биллардьер стал умолять д'Антркасто отпустить его на берег. Адмирал сначала не соглашался, но потом, вспомнив, как гостеприимно встречали жители этих островов капитана Кука, разрешил ему отправиться вместе с небольшим отрядом офицеров и матросов.

На берегу, ободренные ласковым приемом жителей, французы разбрелись во все стороны.

Ла-Биллардьер сейчас же забрался в рощу и стал собирать листья и травы. Но ему не удалось как следует заняться этим делом.

Среди французов, съехавших на берег, был кузнец — здоровяк и силач. За поясом он носил кинжал с позолоченной рукояткой. Этот кинжал своим блеском сразу привлек внимание островитян, и они предлагали за него кузнецу несколько свиней. Но кузнец очень дорожил своим кинжалом и ни за что не хотел с ним расстаться. Он пошел гулять один вдоль бухты, с интересом разглядывая бамбуковые до-

мики туземцев. Но едва он отошел от своих товарищей шагов на двадцать, как к нему подбежал молодой островитянин, выхватил у него из ножен кинжал и пустился наутек.

Рассвирепевший кузнец догнал вора и стал бить его кулаком по лицу. Их окружила толпа островитян. Кто-то замахнулся дубиной и ударил кузнеца по голове.

Кузнец упал, обливаясь кровью, и умер.

Несколько матросов, заметив это убийство, выстрелили в толпу из ружей. Один островитянин взмахнул руками и свалился.

Все французы кинулись к шлюпкам. Островитяне угрюмо собирали камни, готовясь к нападению. Ла-Биллардьер прыгнул в лодку последним. Град камней посыпался с берега. Моряки уже не надеялись живыми добраться до корабля.

Это сражение заметил с «Поиска» д'Антркасто. Он тотчас же приказал зарядить пушку картечью и выстрелить в толпу. Пушечный выстрел убил трех островитян. Перепуганная толпа бросилась бежать, берег опустел, и шлюпки благополучно ушли.

Ла-Биллардьер не надеялся больше побывать на берегу и очень сожалел об этом. Но островитяне за ночь одумались и решили, что ссориться с моряками не стоит. На следующее утро к д'Антркасто явился король островитян Тубо и привез с собой связанного островитянина, того самого, который убил кузнеца.

— Убей этого разбойника, повелитель кораблей,— сказал он, передавая адмиралу своего провинившегося подданного,— и давай помиримся. А вот нож, который он отнял у твоего младшего брата.

С этими словами он бросил к ногам д'Антркасто позолоченный кинжал кузнеца. Островитяне считали всех белых моряков братьями; адмирал был старший брат, а его подчиненные — младшие братья.

Трюмы кораблей были полны еще только наполовину. Нужно было во что бы то ни стало закупить у туземцев как можно больше провизии, поэтому адмирал и сам стремился к миру.

Не желая возбуждать к себе излишней ненависти, он решил проявить милосердие и подарил преступнику жизнь.

Связанного островитянина в присутствии всех высекли ремнем и отпустили.

Мир был восстановлен. Снова завязалась торговля. Но адмирал никого из своих подчиненных не пускал на берег.

Спустя несколько дней д'Антркасто заявил, что завтра корабли уходят.

Король Тубо решил на прощание устроить праздник в честь своих гостей. Адмирал и все его «братья» получили приглашение явиться на берег, чтобы принять участие в плясках и увеселениях.

Д'Антркасто после долгих колебаний принял приглашение короля, но потребовал от Тубо, чтобы праздник происходил на маленьком мысе, который находился как раз под пушками «Надежды». Если островитяне окажутся изменниками, капитан Гюон де Кармадек уничтожит их орудийным огнем.

Французы съехали на берег в пяти шлюпках. Ла-Биллардьер решил в празднестве участия не принимать. Он улизнул в лес собирать растения.

На мысе собралось много тысяч человек. Они расселись в траве широким полукругом. Французам, во главе с адмиралом, предоставили почетное место — по левую руку короля.

Справа от короля находился оркестр, игравший на странных инструментах. Инструменты эти состояли из тростей разной длины, которые звучали, когда ими били по земле.

Сначала выступили певцы, которые пели то поодиночке, то хором. Потом начали плясать. В пляске приняли участие многие французские матросы. Проплясав часа три, утомленные островитяне уселись на траву и занялись изготовлением кавы.

Французы от кавы отказались. К полуночи туземцы все до единого были пьяны и улеглись спать на траву. Ла-Биллардьер вернулся из леса, и д'Антркасто приказал всем ехать на корабли.

Следующим утром, 6 апреля 1793 года, «Поиск» и «Надежда» покинули острова Дружбы и вышли в открытое море.

За завтраком Ла-Биллардьер спросил адмирала:

— Вы разговаривали вчера с королем?

— Да,— ответил д'Антркасто.— Я отлично стал понимать его знаки.

— А вы спросили, не заходил ли сюда лет пять назад капитан Лаперуз?

— Нет, не спросил.

— Почему?

— Я забыл,— ответил адмирал.

ОСТРОВ ПОИСК

Д'Антркасто снова повел свои корабли к Новой Каледонии. Зачем ему понадобилось вторичное посещение этого острова, неизвестно. В Новой Каледонии капитан Гюон де Кармадек заболел тропической лихорадкой и через два дня умер.

Д'Антркасто назначил начальником «Надежды» лейтенанта д'Орибо.

Покинув Новую Каледонию в начале мая, адмирал повел свои корабли к Новым Гебридам.

Новые Гебриды — вулканические острова, открытые Куком. Они еще не показались на горизонте, а мореплаватели уже видели столбы дыма, вырывавшиеся из кратеров.

«Поиск» и «Надежда» медленно плыли от острова к острову. Островитяне, такие же черные, как жители Соломоновых островов, зазывали путешественников к себе. Но д'Антркасто не нуждался в провизии и ни за что не хотел высаживаться на берег. Естественно, что ему и тут не удалось собрать никаких сведений о капитане Лаперузе.

К северу от Новых Гебрид моряки заметили остров, не обозначенный на картах Кука. Кук, очевидно, его не заметил. Честь открытия этого острова принадлежала адмиралу д'Антркасто.

Адмирал был очень доволен. Наконец-то его планы об открытии неведомых земель начали исполняться!

— Пристанем к берегу,— предложил Ла-Биллардьер.— Этот остров никому не известен. Нужно узнать, какие люди его населяют, какие там водятся звери, какие растут растения. Нам необходимо внимательно исследовать его.

— С меня довольно и того, что я открыл этот остров,— надменно ответил адмирал.— А исследуют его пусть другие.

Д'Антркасто назвал новооткрытый остров «Поиск» — по имени своего корабля. И поплыл дальше.

БОЛЕЗНЬ И ВОССТАНИЕ

Между тем на корабле опять появилась цинга. На этот раз больным не помогали ни лекарства, ни свежая пища. Каждый день заболевали новые и новые моряки.

д'Антркасто, уже посетивший все места, где надеялись найти Лаперуза, считал себя вправе закончить свое путешествие. Он и сам был болен цингой и мечтал возможно скорее добраться до какого-нибудь места, где жили европейцы.

Европейцев можно было найти в Индонезии, превращенной голландцами в свою колонию. Чтобы добраться до Индонезии, нужно было плыть несколько месяцев, но другого выхода не было.

И экспедиция отправилась на запад, к Индонезии.

Началось одно из самых страшных плаваний, известных в истории путешествий. К цинге присоединилась тропическая лихорадка. Чтобы зараза не передавалась дальше, д'Антркасто приказал складывать всех безнадежно больных в темный, удушливо жаркий трюм, кишевший крысами. Матросы, боясь, что их заживо похоронят в трюме, скрывали свою болезнь до тех пор, пока могли держаться на ногах.

Нередко они, почувствовав внезапное головокружение, срывались с мачт в воду. Здоровых почти не оставалось, некому было работать, и корабли, грязные, истрепанные, почти не подвигались вперед.

Каждый день умирало пять-шесть человек. Трупы выволакивали из трюма и швыряли в море. За судами неотступно следовала стая акул, терпеливо поджидавшая своей ежедневной порции человечьего мяса.

Отчаяние овладело моряками. Матросы отлично понимали, что экспедиция не принесла, в сущности, почти никаких результатов. Чего же ради они терпят такие страдания, чего же ради они жертвуют своей жизнью? Снова вспыхнули заглохшие было разговоры о революции. «Офицеры и сам адмирал — сторонники короля,— рассуждали матросы.— Они просто удрали из Франции, чтобы сохранить свою жизнь. А до наших мучений им нет никакого дела. Ведь мы, простые люди, не дворяне и не аристократы, для них все равно что рабочий скот. Если мы все подохнем, они огорчаться не станут».

Недовольство на судах росло с каждым днем. Матросы не доверяли своему начальству и не исполняли приказаний. Офицеры расправлялись с ними карцером и плеткой. А карцер и плетка усиливали ропот.

«Поиск» и «Надежда» миновали Соломоновы острова и медленно ползли вдоль северного берега Новой Гвинеи. Д'Антркасто был болен тремя болезнями сразу — цингой, лихорадкой и кровавым поносом. Он уныло смотрел, как выбрасывали за борт мертвецов. Неужели и ему придется стать добычей акул?

Скорей бы добраться до голландских колоний! Только там ему удастся выздороветь.

Его сердило, что корабли движутся так медленно. Особенно раздражала его «Надежда». Она ползла, как улитка, и «Поиску» постоянно приходилось ее поджидать. Д'Антркасто решил бросить «Надежду» и уйти вперед на «Поиске». Но моряки «Надежды», боявшиеся остаться без всякой помощи у диких берегов Новой Гвинеи, напрягли все усилия, прибавили ход и ни на шаг не отставали от «Поиска».

14 июля 1793 года оба корабля подошли к острову Вайжеу[1], где среди нищих туземцев жило несколько голландцев-поселенцев. Адмирала немедленно свезли на берег.

Но на другой день д'Антркасто скончался.

Начальство над экспедицией принял лейтенант д'Орибо, командовавший «Надеждой» после смерти капитана Гюона де Кармадека.

Д'Орибо, увидев, что на бедном островке Вайжеу нельзя рассчитывать ни на какую помощь, решил вести свои корабли в порт Сурабайю[2], принадлежавший голландцам и расположенный на острове Ява. Сурабайя тогда была уже большим городом, в гавани которого постоянно толпилось множество кораблей.

До Явы плыли почти три месяца. Болезнь не оставляла команду судов. По-прежнему швыряли в воду трупы, по-прежнему жирели акулы, следовавшие за кораблями. Наконец 28 октября 1793 года «Поиск» и «Надежда» вошли в долгожданный порт Сурабайю. До Явы добралась только треть моряков, отправившихся из Франции в плавание с д'Антркасто.

Здоровые, нагрузив шлюпки больными, съехали на берег. Там они сразу же услышали потрясающие новости: во Франции казнен король и провозглашена республика.

[1] Теперь — остров Вайгео.
[2] Теперь — порт Сарабая.

Обрадованные, возбужденные матросы бросились назад, на корабли, и разорвали в клочья белое королевское знамя.

— Я вас всех сгною в тюрьме!— кричал д'Орибо, размахивая кулаками.— Я вас вздерну на реи!

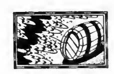
— Бей королевских собак!— отвечали матросы.— Да здравствует свобода!

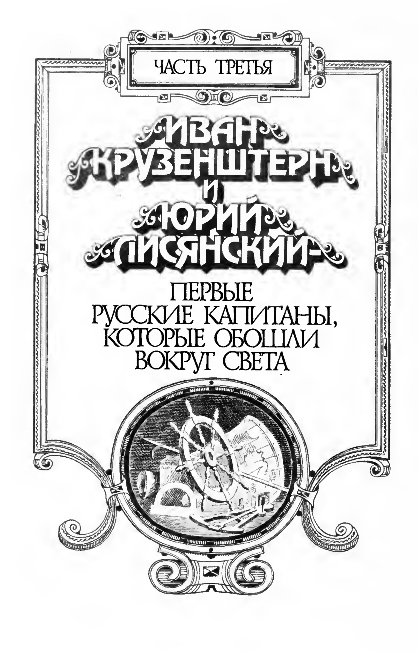
Ла-Биллардьер присоединился к восставшим.

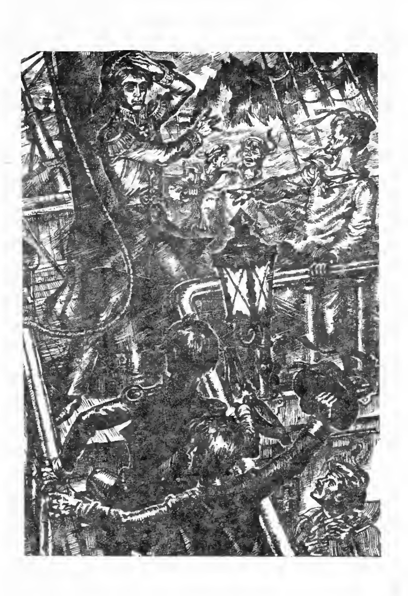
Но д'Орибо и офицерам удалось бежать и спрятаться во дворце голландского губернатора. Голландские власти, узнав о восстании на французских кораблях, всполошились. Революционная волна, пожалуй, распространится по всему острову, и тогда конец голландскому владычеству на Яве. Голландия, как и все остальные европейские страны, находилась в состоянии войны с Французской республикой и поддерживала французских монархистов. Губернатор приказал войскам и флоту во что бы то ни стало овладеть восставшими кораблями.

После короткого кровопролитного боя измученные болезнями и лишениями матросы сдались. Их арестовали, зачинщиков расстреляли, а остальных посадили по разным тюрьмам Индонезии. Во время сражения коллекции, собранные трудолюбивым Ла-Биллардьером, погибли почти полностью. Сам Ла-Биллардьер попал на родину только через много лет.

Так кончилась экспедиция адмирала д'Антркасто.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ИВАН КРУЗЕНШТЕРН И ЮРИЙ ЛИСЯНСКИЙ —
ПЕРВЫЕ РУССКИЕ КАПИТАНЫ, КОТОРЫЕ ОБОШЛИ ВОКРУГ СВЕТА

РОССИЯ ВЫХОДИТ В ОКЕАНЫ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ МОРЯК

Два знаменитых русских мореплавателя, Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский, подружились еще в морском кадетском корпусе.

В царствование Екатерины II морской кадетский корпус, где учились мальчики, из которых готовили военных моряков, находился в Кронштадте. Крузенштерн был старше Лисянского почти на три года, но эта разница в возрасте нисколько не мешала им дружить. Их объединяла одна общая мечта: они оба мечтали совершить кругосветное путешествие.

Жадно слушали они предания о славных походах отважных русских моряков — Семена Дежнева, Беринга, Чирикова, братьев Харитона и Дмитрия Лаптевых. В те времена русский флот был уже могущественным флотом, а русские моряки — опытными моряками. Немало замечательных открытий совершили они в Ледовитом океане, в Охотском море, в северной части Тихого океана. На протяжении XVIII века русский военный флот выиграл много сражений и в Балтийском море, и в Черном, и в Средиземном, но всё это были воды Северного полушария, сравнительно близкие. Еще ни один русский корабль ни разу не пересек экватор, не совершил плавания вокруг земного шара.

Там, в тропических и южных морях, в далеких океанских просторах, плавали корабли Англии, Голландии, Франции, Испании, Португалии, но не России. Англичане, французы, голландцы, испанцы, плавая по этим южным морям, покоряли далекие земли, грабили их, обращали жителей в рабство и торговали рабами. Из-за этих земель они постоянно ссорились между собой и старательно оберегали их от иностранцев.

В морском корпусе ходили неясные слухи, будто императрица Екатерина собирается отправить русский корабль в кругосветное плавание. На чем основаны эти слухи и достоверны ли они, никто не знал. Однако многие утверждали, что главой этой экспедиции будет назначен отважный морской офицер Григорий Иванович Муловский, один из опытнейших моряков русского флота. И Крузенштерн с Лисянским мечтали познакомиться с Муловским и упросить его взять их с собой.

Крузенштерну скоро удалось познакомиться с Муловским, но при таких обстоятельствах, когда ни о каком кругосветном плавании нечего было и думать.

Шведский король Густав III в 1788 году объявил войну России и весь свой могучий флот направил к русским берегам. Шведы надеялись, разгромив русский флот, вернуть себе все те земли на побережье Балтийского моря, которые отнял у них Петр I.

Русское правительство стало спешно готовить эскадру для отражения нападения шведского флота. Выяснилось, что на русских военных кораблях не хватает офицеров. И пришлось ряд воспитанников морского кадетского корпуса досрочно произвести в мичманы.

Четырнадцатилетний мичман Юрий Лисянский попал на фрегат «Подражислав», а семнадцатилетний мичман Иван Крузенштерн — на линейный корабль «Мстислав», которым командовал Григорий Иванович Муловский.

Во главе русской эскадры стоял адмирал Грейг, опытный, заслуженный моряк, отличившийся еще в Чесменском бою, когда был сожжен турецкий флот. Обе эскадры — и русская и шведская — встретились 6 июля 1788 года в Финском заливе, в пятидесяти километрах к западу от высокого скалистого острова Гогланд.

Силы были равные. Погода стояла жаркая, почти безветренная, и это очень затрудняло движение кораблей. Эскадры построились двумя линиями — одна против другой. Грянули пушки, и началось ожесточеннейшее сражение, вошедшее в историю под именем Гогландского боя.

Много часов длился этот бой, и, несмотря на равные силы, победа досталась русским. Один из крупнейших шведских кораблей, «Принц Густав», сдался в плен, а остальные корабли шведской эскадры, едва стемнело, обратились

в бегство. Но и русским недешево досталась эта славная победа. Они потеряли в Гогландском бою более трехсот человек убитыми и более шестисот ранеными. И одним из самых пострадавших кораблей был «Мстислав», на котором служил мичман Крузенштерн.

Адмирал Грейг в своем донесении особо отметил мужество команды «Мстислава». Искалеченный ядрами шведских пушек, еле управляемый, «Мстислав» до конца не вышел из боя. Палубы его были залиты кровью, вода сквозь пробоины хлынула в трюмы, и все же он шел за адмиральским кораблем и принял участие в преследовании шведской эскадры, попытавшейся скрыться. Потом повсюду долго повторяли слова, сказанные командиром «Мстислава» Муловским:

«Пока мой корабль держится на воде, он не отстанет от своего адмирала».

На «Мстиславе» были убиты и ранены почти все офицеры, и самый младший из офицеров, мичман Крузенштерн, сделался помощником командира корабля. Спасаясь от преследования, шведская эскадра укрылась в морскую крепость Свеаборг. Адмирал Грейг решил запереть ее в Свеаборге, не дать ей оттуда выйти. Свеаборг оказался для шведов ловушкой. Русский флот до поздней осени сторожил их там, не выпуская ни одного корабля.

Во время этой долгой осады, когда «Мстислав» без конца, днем и ночью, бороздил водную ширь под Свеаборгом, Крузенштерн сблизился со своим командиром. И больше всего сблизила их все та же мечта — совершить кругосветное плавание.

Однажды Крузенштерн спросил у Муловского:

— Говорят, Григорий Иванович, вам обещано было, что вы поведете русский корабль вокруг света. Правда ли это?

— Правда,— ответил Муловский.— Не очень твердо обещали, но разговоры такие были. Быть может, если бы не помешала война, я бы уже готовился к отплытию.

— А после войны поплывете?

— Буду добиваться. Разрешат — поплыву.

— А меня с собой возьмете?

Муловский улыбнулся.

— Вас первого назначу к себе на корабль,— сказал он.

Гогландский бой, в сущности, решил судьбу войны. Шведам стало ясно, что победить Россию и отнять у нее прибалтийские земли — задача для них непосильная. И все же война продолжалась еще целых два года. «Мстиславу» пришлось участвовать еще во многих стычках и сражениях. И в одном из этих сражений, в конце 1789 года, был убит славный командир «Мстислава» Григорий Муловский.

Крузенштерн чувствовал себя осиротевшим. Он потерял друга и руководителя.

3 августа 1790 года был наконец подписан мир. К этому времени у девятнадцатилетнего Крузенштерна была уже слава опытного, заслуженного моряка. Корабли вернулись на Кронштадтский рейд. Здесь, в Кронштадте, Крузенштерн снова встретился со своим другом Юрием Лисянским, тоже побывавшим во многих сражениях, выросшим и возмужавшим.

— Не слышал ли ты,— спросил он его,— не собираются ли послать корабль в кругосветное плавание?

— Нет, не слыхал,— ответил Лисянский.

Со смертью Муловского русское правительство окончательно отказалось от этого плана. Крузенштерну предстояло до конца своих дней мирно и однообразно служить в Кронштадте.

А Крузенштерн был неукротимо любознателен. Никогда не чувствовал он себя удовлетворенным тем, что знал и видел, постоянно ему хотелось знать и видеть еще и еще. Он мечтал повидать весь мир, а судьба складывалась так, что ему не удавалось выйти за пределы Балтийского моря. Он любил свою родину, он любил славу русского флота — и мечтал умножить ее отважными подвигами на далеких морях. Он любил свое искусство моряка и хотел совершенствоваться в нем. Но, чтобы совершенствоваться, нужно плавать, а все то, чему можно было научиться на Кронштадтском рейде, он уже знал.

Но вот в 1793 году русское правительство решило отправить несколько наиболее способных молодых моряков в Англию для усовершенствования в мореходном деле. Услышав об этом, Крузенштерн подал просьбу, чтобы и его отправили вместе с ними, и получил согласие. Так попал он в Англию, в большой портовый город Гуль.

С этого дня начались его необычайные приключения.

Отправляясь в Англию, он затаил одну мечту. Он решил побывать в Индии, которая в те времена была английской колонией.

Однако скоро он убедился в том, что именно в Индию попасть труднее всего. Из всех своих заморских владений Англия больше всего дорожила Индией и старательно следила, чтобы туда не проник ни один иностранец.

Приезду молодых русских офицеров английское правительство было радо. Англия вела войну с Францией, и боевые действия происходили главным образом на морях. Русские ехали в Англию, чтобы поучиться у англичан, а англичане были счастливы, что им удастся поучиться у русских. Англичане отлично знали, что у всех этих молодых русских офицеров за плечами огромный опыт победоносной морской войны со Швецией.

Крузенштерна приняли мичманом на английский фрегат. И фрегат этот отправился вовсе не в Индию, а в Канаду: оберегать английские владения на реке Святого Лаврентия от французов и их союзников — американцев.

У берегов Канады Крузенштерн провел почти два года, участвовал во многих сражениях и был произведен в лейтенанты. Война кончилась, и фрегат получил приказание плыть назад, в Англию. Но у берегов Соединенных Штатов он налетел на скалу и разбился.

Крузенштерна спасли американские рыбаки. Так оказался он в Соединенных Штатах Америки.

Соединенные Штаты были тогда совсем еще молодой страной. Всего несколько лет назад стали они самостоятельным государством — после долгой и трудной войны за независимость. Американцы ненавидели англичан, от владычества которых только что избавились. Но, узнав, что Крузенштерн не англичанин, они отнеслись к нему хорошо.

Долго странствовал он по стране, из города в город, и наконец попал в Филадельфию, тогдашнюю столицу Соединенных Штатов. И Джордж Вашингтон, первый американский президент, пригласил его к себе и беседовал с ним.

Дело в том, что военный флот Соединенных Штатов в то время был мал и слаб. Соединенные Штаты для развития своего флота прежде всего нуждались в опытных моряках, но своих моряков было у них мало, а англичанам они не доверяли. Крузенштерн не был англичанином и имел боль-

шой морской и боевой опыт участника двух войн — России со Швецией и Англии с Францией. Вашингтон знал об этом и предложил ему поступить на службу в американский флот.

Крузенштерн находился в положении безвыходном: у него не было ни денег, ни возможности уехать, и ему ничего не оставалось, как согласиться. Он поставил только одно условие: пусть его назначат на такой корабль, который направляется в какое-нибудь дальнее плавание.

Американские корабли в те времена не часто совершали дальние плавания, но как раз один из них собирался идти из Бостона в Караибское море[1], к Антильским островам. Это было не особенно далеко, но давало возможность побывать в тропиках, где Крузенштерн не бывал никогда. Обласканный президентом, Крузенштерн поехал в Бостон и поступил на корабль.

Крузенштерн побывал на острове Барбадос, в Караибском море, повидал тропические леса, негров-невольников, под бичами надсмотрщиков обрабатывавших плантации сахарного тростника, и вернулся в Бостон. Служба в американском флоте ему не понравилась. Учиться ему здесь было нечему, да и в Индию на американском корабле не попадешь.

В Индию можно было попасть только из Англии. В Бостоне как раз стоял английский военный корабль, который собирался вернуться в Англию. И капитан этого корабля согласился взять с собой Крузенштерна.

К тому времени война между Англией и Францией возобновилась. И едва они вышли из Бостона, как на них напали два французских военных корабля. Начался бой, потом артиллерийская перестрелка, которая продолжалась полтора месяца, пока все три корабля, сражаясь, не перешли через весь Атлантический океан и не добрались до английских берегов.

Корабль, на котором находился Крузенштерн, вошел в гавань полуразрушенным — в него во время пути попало шестнадцать ядер.

В Англии Крузенштерну советовали вернуться в Россию — английское правительство больше в нем не нужда-

[1] Теперь — Карибское море.

лось. Но Крузенштерн не торопился возвращаться — он еще не побывал в Индии.

Из Англии в Индию уходило много судов, но ни одно из них не соглашалось взять Крузенштерна. Англичане считали, что русскому моряку в Индии делать нечего. Тогда Крузенштерн придумал хитрый план: поехать сначала в Южную Африку, на мыс Доброй Надежды. В те времена все корабли, отправлявшиеся из Европы в Индию, огибали Африку, и мыс Доброй Надежды находился как раз на половине пути. Расчет Крузенштерна строился на том, что многие корабли, идущие в Индию, вынуждены у мыса Доброй Надежды пополнять свою команду, потому что во время долгих плаваний моряки часто гибнут. А в Южной Африке моряков мало, и английские капитаны волей-неволей будут сговорчивее.

Крузенштерн нанялся в Англии на торговый корабль, идущий в Южную Африку. Возле мыса Доброй Надежды был расположен город Капштадт, в те времена еще совсем небольшой. В Капштадте Крузенштерн сошел с корабля и стал ждать.

В гостинице он познакомился с двумя английскими офицерами, которые тоже мечтали попасть в Индию на каком-нибудь проходящем мимо судне. Через несколько дней на Капштадтском рейде появился английский фрегат «Птица». Он шел из Ливерпуля в Индию, но у африканских берегов половина его команды умерла от малярии. Капитан решил набрать в Капштадте новых моряков. Он с радостью согласился взять не только двух английских офицеров, но и их товарища Крузенштерна, несмотря на то что тот иностранец. Крузенштерн и оба английских офицера сейчас же отвезли на фрегат свои вещи и вернулись в город погулять, потому что «Птица» отходила только на следующий день.

Утром Крузенштерн встретил возле порта обоих англичан, собиравшихся в Индию вместе с ним, и они сказали ему:

— Отказывайтесь! Это гроб, а не корабль. Мы узнали совершенно достоверно, что он едва держится на воде. Мы уже и вещи свои перевезли назад, на берег.

Крузенштерн выслушал их и поехал за своими вещами.

Капитан встретил его на фрегате и сказал:

— Я рад, что вы не оказались таким же трусом, как ваши товарищи, и решились ехать со мной.

После этих слов у Крузенштерна не хватило духу признаться капитану, что он тоже приехал за своими вещами. И он остался на фрегате.

И они совершенно благополучно доплыли до Калькутты, которая в те времена была столицей британских владений в Индии. Но, когда в калькуттском доке осматривали фрегат, сбежался чуть ли не весь город. Оказалось, что в днище фрегата была пробоина. В пробоине этой застрял, как пробка, обломок скалы и спас моряков от неминуемой гибели. Обломок держался в дыре едва-едва, малейший толчок мог выбить его вон.

В Индии Крузенштерн прожил около двух месяцев. Его тянуло все дальше и дальше. Он поступил на корабль, который направлялся в Индокитай. В Индокитае он заболел тропической лихорадкой, провалялся несколько недель на полу в малайском госпитале и еле выжил. Когда он поправился, ему посоветовали как можно скорее покинуть страну с таким вредным климатом и вернуться в Европу. Но до Европы было далеко, а до Китая близко. Не мог же он пропустить такой случай и не побывать в Китае.

Китайское правительство не пускало европейские корабли в китайские порты. Разбойничьи нравы западноевропейских держав хорошо были известны китайцам хотя бы по хозяйничанью англичан в Индии и голландцев в Индонезии. Но португальцам еще в XVI веке удалось завладеть в Южном Китае портом Макао, возле Кантона. Макао был центром всей европейской торговли с Китаем. И Крузенштерн отправился в Макао.

В Макао он прожил целых полгода, изучая китайские нравы, присматриваясь к торговле. С каждым днем его все больше тянуло на родину. Он чувствовал, что пора возвращаться.

Из Макао шел в Англию корабль. У Крузенштерна была уже слава первоклассного моряка, и капитан охотно взял его к себе в помощники. Крузенштерн прибыл в Англию, а из Англии – в Росиию. Была уже осень 1799 года.

Слава Крузенштерна, опередив его, достигла Кронштадта, Петербурга. Молодые русские моряки с восхищением смотрели на вернувшегося путешественника. Приключения его были так удивительны, что многие отказывались им верить. Шутка ли – одинокий молодой человек без всякой помощи со стороны правительства, без денег, из одной

только любознательности, объездил Америку, Африку, Индию, Китай и благополучно вернулся на родину.

— Уж не тот ли это Иван Крузенштерн, который в Гогландской битве был на «Мстиславе» у Муловского? — спрашивали моряки постарше.

— Тот самый.

— А что он теперь собирается делать?

— Он обратился к правительству с просьбой отправить его на русском корабле в кругосветное плавание...

Слыша об этом, все с сомнением качали головой.

Пока Крузенштерн странствовал, императрица Екатерина II умерла и русским императором стал ее сын Павел, угрюмый и жестокий деспот. Все знали, что он не любил никаких просьб и проектов. А к поданной в правительство просьбе Крузенштерна был приложен подробный проект организации и подготовки кругосветного путешествия. Вельможи Павла не осмелились решать сами и отнесли просьбу и проект к императору. Павел прочитал и воскликнул:

— Что за чушь!

РУССКАЯ АМЕРИКА

Однако в Петербурге нашлись люди, которым проект Крузенштерна вовсе не показался чушью.

Это были купцы из так называемой Российско-Американской компании, основанной для торговли с русскими владениями в Северной Америке.

В те времена Россия владела на тихоокеанском побережье Северной Америки обширными землями. Эти владения включали в себя полуостров Аляску и прилегающие к нему многочисленные острова. На эти земли Россия имела бесспорные права, так как открыли их в 1741 году два русских мореплавателя — Беринг и Чириков. По следам Беринга и Чирикова туда двинулись отважные русские охотники за пушным зверем, которых тогда называли промышленниками. В той части Америки пушного зверя было видимо-невидимо, и вслед за промышленниками туда двинулись купцы. Они скупали у промышленников и индейцев меха и продавали им соль, хлеб, порох. Многие из этих купцов разбогатели, особенно один купец, родом из города Рыльска, Григорий Иванович Шелехов.

Шелехов был человек умный, талантливый, подлинный русский патриот. Он не только торговал, но и заботился об укреплении власти России в этой далекой стране, об улучшении жизни русских поселенцев. Он составлял подробные карты, строил крепости, основывал школы. Императрица Екатерина прослышала о его деятельности и вызвала его в Петербург. В Петербурге Шелехов выдал свою дочь и наследницу замуж за одного из екатерининских вельмож. И сейчас же стал сколачивать с другими купцами компанию для расширения торговли с русскими владениями в Америке.

Это и была Российско-Американская компания. До начала ее деятельности Шелехов не дожил — он умер в 1795 году, а через несколько месяцев умерла и покровительствовавшая ему Екатерина. Вступивший на престол Павел, подозрительный, невежественный и не любивший все, чему покровительствовала его мать, долго не соглашался утвердить устав компании. Прошло несколько лет, прежде чем его удалось убедить, и Российско-Американская компания была официально разрешена только в 1799 году, незадолго до возвращения Крузенштерна.

Проект Крузенштерна, поданный им императору Павлу, сразу стал известен руководителям компании и взволновал их чрезвычайно. Да и как было не взволноваться, когда в проекте Крузенштерна были два утверждения, основанные на его собственном опыте, которые сулили компании огромное увеличение ее барышей. Во-первых, Крузенштерн утверждал, что провоз груза из Европы в Русскую Америку морем вокруг Африки или Америки обойдется во много раз дешевле, чем провоз того же груза сухим путем, через Сибирь, как возили до сих пор. Во-вторых, он утверждал, что за купленную в Америке пушнину в Китае заплатили бы гораздо дороже, чем в Европе. Это доказал капитан Лаперуз, который так дорого продал в Макао привезенные из Америки меха. Но особенно важно было первое его утверждение. Чтобы понять всю его важность, нужно знать, каков был в XVIII веке единственный известный путь в Русскую Америку.

Вот как ездили туда из Петербурга или из Москвы.

Весной садились в коляску и, меняя лошадей через каждые сто верст, неслись на восток. В июне переезжали через Волгу, в июле — через Уральские горы, в августе были на

берегах Оби. Переправлялись через Обь, затем через Енисей и прибывали к первому снегу в Иркутск. Здесь ждали, пока установится настоящая зима, садились в сани и неслись по замерзшему руслу Лены до Якутстка. В Якутск прибывали в январе и оставались там до весны, потому что путешествие по тайге зимой невозможно. Весной — распутица, половодье, ехать тоже нельзя. Дожидались июня и на оленях отправлялись в дальнейший путь по лесным тропинкам. К августу были в Охотске, на берегу Охотского моря.

Сухопутное путешествие кончалось, начиналось путешествие морское. В ужасе разглядывал путешественник крохотные суденышки, паруса, сшитые из лоскутков, канаты, связанные из обрывков. Путешественнику объясняли, что паруса, канаты, гвозди и якоря для этих кораблей привезены обозами в Охотск из Петербурга через Волгу, Урал, Обь, Енисей, Иркутск и Якутск. Чтобы уложить на возы такие крупные вещи, их в Петербурге разрывали и разламывали на части, а в Охотске сшивали, связывали и сковывали вновь. Провоз одного пуда из Петербурга в Охотск стоил целое состояние.

Пускаться в море на этих судах корабельщики решались только в июле, когда стоит тихая погода, потому что даже средней силы ветер рвал лоскутные паруса на части.

В июле подымали паруса, переплывали Охотское море и в сентябре попадали на Камчатку. На Камчатке снова зимовали и только следующим летом отправлялись через Берингово море в Америку.

Русский купец, потратив несколько лет своей жизни, приезжал в Америку, скупал там меха за бесценок. Потом, потратив еще несколько лет, возвращался с этими мехами в Петербург и продавал их в шестьсот раз дороже. Но, подсчитав свои прибыли и убытки, купец с ужасом убеждался, что дорога съела почти все его барыши.

Нетрудно себе представить, как волновались купцы Российско-Американской компании, когда познакомились с подсчетами Крузенштерна, неопровержимо доказывавшими, что проезд из Петербурга в Русскую Америку сухим путем, через Сибирь, гораздо труднее, длительнее и, главное, несравненно дороже, чем проезд морем мимо мыса Горн — южной оконечности Америки, или мыса Доброй Надежды — южной оконечности Африки.

Сам Крузенштерн в действительности мало интересовался доходами Российско-Американской компании. Он был настоящим моряком и любил море, путешествие, славу России. Неугомонный, беспокойный, предприимчивый, он не в силах был долго сидеть на одном месте. Он понимал, что без помощи Российско-Американской компании ничего не добьется, и растравлял воображение купцов мечтами о несметных богатствах только для того, чтобы они поддержали его проект.

Но всем планам Крузенштерна был нанесен жестокий удар, когда Павел, прочитав проект, воскликнул: «Что за чушь!» Купцы отчаялись и махнули рукой — все их мечты рухнули.

Однако Крузенштерн не терял надежды. Он был не из тех, кто отчаивается. Он твердо верил в свою удачу. Служа на корабле, который и зиму и лето стоял в Ревельском порту, он посылал письмо за письмом в Адмиралтейство. В этих письмах он на все лады доказывал великую пользу, которую принесет русскому флоту исполнение его проекта: кругосветное плавание будет великолепной школой для русских матросов и морских офицеров.

«Они там, в Петербурге, еще передумают, — говорил он друзьям. — Я умею ждать и дождусь».

И, действительно, дождался.

В 1801 году импетарор Павел был убит. В заговоре участвовал его сын Александр, который вступил на престол под именем императора Александра I. Российско-Американская компания сейчас же обратилась за помощью к новому императору.

Купцы на этот раз повели дело гораздо тоньше: они предложили важнейшим вельможам и самому Александру стать членами их компании и сулили им необыкновенные выгоды. И вельможи и Александр согласились.

Это была своего рода взятка, которая решила все. Не станет же император мешать делам компании, членом которой он сам состоит!

Проект утвердили. Казначейство выдало деньги на покупку двух кораблей. Иван Федорович Крузенштерн был произведен в чин капитан-лейтенанта и назначен начальником экспедиции. В выборе помощников ему предоставили полную свободу — он мог сам, никого не спрашивая, навербовать команды для своих кораблей. И путь, которым пой-

дут его корабли вокруг света, предоставили выбрать ему самому.

«Не теряйте времени,— писали Крузенштерну из морского департамента.— Его императорское величество хочет, чтобы вы немедленно принимались за дело».

В ПУТЬ

Крузенштерну было тридцать два года, он недавно женился и вскоре должен был стать отцом. Тяжело было надолго расставаться с семьей. Жена плакала и не хотела его отпускать. Но отступать он не собирался — наконец-то мечта всей его жизни начала осуществляться!

Прежде всего нужно было решить, кто будет командовать вторым кораблем. И Крузенштерн сразу вспомнил о своем старом друге — Юрии Федоровиче Лисянском.

Лисянский, так же как и Крузенштерн, был уже к этому времени капитан-лейтенантом. Так же как и Крузенштерн, он побывал за границей — правда, не столь долго и не столь далеко. Так же как и Крузенштерн, он считался одним из самых опытных и образованных молодых офицеров русского флота. Крузенштерн не был уверен, будет ли Лисянский доволен, если его старый товарищ станет его начальником.

Он пригласил Лисянского к себе и спросил его напрямик:

— Хочешь поехать под моим начальством вокруг света?

— Хочу,— ответил Лисянский не раздумывая.

— Хорошо,— сказал Крузенштерн.— Одним кораблем буду командовать я, а другим ты.

Они вдвоем принялись подбирать моряков для своих кораблей. Но тут возникли новые затруднения: некоторые адмиралы заявили, что русские моряки не годятся для такого трудного плавания.

— Надо нанять английских матросов,— советовали они.— У англичан есть опыт и привычка. С нашими матросами дальше Балтийского моря не поплывешь. Пусть флаги на кораблях будут русские, а матросы — англичане.

Но Крузенштерн не соглашался.

— Какой же пользы мы добьемся, если на наших кораблях поплывут англичане? — возражал он.— Я видывал в море и русских и англичан и знаю, что русский моряк спра-

вляется с бурями не хуже англичанина, а порою даже лучше.

В конце концов ему удалось настоять на своем. Команды обоих кораблей он набрал из русских моряков. Только троих иностранцев пригласил Крузенштерн с собой в путешествие. И все трое были ученые: замечательный швейцарский астроном Горнер и два немецких естествоиспытателя — Тилезиус и Лангсдорф. Крузенштерн написал им письма, и они с радостью согласились принять участие в экспедиции.

Тем временем правительство дало экспедиции еще одно поручение: отвезти в Японию русского посла.

Япония, расположенная так близко от русских владений на Дальнем Востоке, была в то время русским почти неизвестна. Японцы не пускали к себе европейцев. Для одной только Голландии делали они исключение — голландские корабли имели право заходить в японский порт Нагасаки.

Россия тоже хотела добиться этого права для своих кораблей. Торговля с таинственной Японией сулила большие выгоды. Да и нужно было собрать сведения о таком близком и, по слухам, могущественном соседе. И русское правительство решило отправить на одном из кораблей Крузенштерна посла к японскому императору для переговоров об условиях будущей торговли.

Послом Александр I назначил камергера Николая Петровича Резанова.

Николай Петрович Резанов был тот самый вельможа, который женился на дочери купца Григория Шелехова, основателя Российско-Американской компании. После смерти Шелехова он, его наследник, оказался одним из крупнейших пайщиков компании и был чрезвычайно заинтересован в предстоящей экспедиции. Он очень обрадовался возможности поехать с Крузенштерном — ему хотелось самому присмотреть за торговыми операциями.

Человек он был неглупый и понимал, что с пустыми руками ехать в Японию нельзя. По его настоянию Александр приказал приготовить подарки для японского императора.

Тут, кстати, вспомнили о том, что в России есть несколько японцев. К Алеутским островам, где жили русские звероловы, в 1793 году было принесено бурей заблудившееся японское рыбачье суденышко. Оно разбилось о береговые скалы, но рыбаков русские спасли. С Алеутских островов

этих японских рыбаков перевезли в Иркутск и там поселили.

И вот теперь о них вспомнили.

— Нужно бы взять этих японцев с собой и отправить на родину,— говорил Резанов.— Этим мы докажем свое желание жить с Японией в дружбе, и японское правительство лучше нас встретит.

И в Иркутск помчались курьеры — за японцами.

Наконец оба корабля, предназначенные для экспедиции, прибыли на Кронштадтский рейд. Это были крупные парусные шлюпы — один в четыреста пятьдесят тонн, другой в триста семьдесят. Предстояло дать им имена. Крузенштерн решил назвать большой корабль, командовать которым будет он сам,— «Надеждой».

«Всех моряков ведет в путь надежда»,— говорил он.

А второй корабль, командовать которым поручили Лисянскому, назвали «Невой».

В Кронштадт начали прибывать моряки, будущие спутники Крузенштерна. Первым своим помощником на «Надежде» Крузенштерн назначил опытного моряка Макара Ивановича Ратманова. Лейтенантами были Федор Ромберг, Петр Головачев и Ермолай Левенштерн. Кроме того, на «Надежде» оказалось и два совсем молоденьких офицера: мичман Фаддей Беллингсгаузен и мичман Отто Коцебу. Никто тогда, конечно, не мог предвидеть, что именно этим двум самым младшим спутникам Крузенштерна предстояло в дальнейшем, много лет спустя, прославить свои имена и сделаться гордостью русского флота. Никто не подозревал, что придет время, когда Коцебу и Беллинсгаузен будут сами водить корабли вокруг света, а Беллинсгаузен к тому же откроет целый материк — тот Южный материк, который не удалось открыть Куку,— Антарктиду.

Лисянскому было разрешено самому выбрать себе помощников, и он взял на «Неву» двух лейтенантов — Павла Арбузова и Петра Повалишина.

Матросов Крузенштерн выбирал с особенной осторожностью. Первое его условие заключалось в том, чтобы матрос ехал добровольно. В те времена русские матросы были крепостные и посылались на корабли большей частью против своего желания. Крузенштерн знал, что такие матросы для трудного и долгого плавания не годятся. Он брал только желающих и даже назначил им жалованье,

случай в России совсем небывалый,— сто двадцать рублей в год. Желающих оказалось очень много. Их всех осмотрел доктор Эспенберг, судовой врач «Надежды», и выбрал только самых здоровых.

Ученые Горнер, Тилезиус и Лангсдорф тоже приехали уже в Кронштадт. 10 июня 1803 года корабли начали торопливо грузить. Это было дело нелегкое и требовавшее немало времени: кроме запаса провизии на три года, нужно было еще взять с собой товары Российско-Американской компании и подарки для японского императора. Провизия состояла из нескольких тысяч бочек солонины и сухарей. Все остальное, необходимое для прокормления команды, Крузенштерн собирался покупать в разных портах по дороге. На Камчатку и на Аляску Российско-Американская компания отправляла с Крузенштерном шесть тысяч пудов железа, спирт, ружья, порох и много других вещей. Все это к 6 июля было погружено в трюмы. Корабли могли бы уже выйти в море, но не хватало подарков, японцев и посла.

Посол Резанов прибыл со свитой только 20 июля. Он привез с собой подарки — огромные драгоценные зеркала в золотых рамах. Зеркала эти нужно было поместить на «Надежде» с большой осторожностью, чтобы они не разбились и не испортились в пути.

Посла сопровождала свита. Состояла она, как написано было в постановлении коллегии иностранных дел, из «благовоспитанных молодых людей». Вот их имена: майор Фредерици, надворный советник Фос, художник Степан Курляндцев, доктор медицины Бринкин и гвардии поручик граф Федор Иванович Толстой.

Все были очень озадачены, узнав, что молодого графа Федора Толстого причислили к «благовоспитанным людям». Он был, пожалуй, самым неблаговоспитанным молодым человеком во всем Петербурге. Задира, скандалист, пьяница и картежник, граф Федор Толстой знаменит был тем, что очень часто дрался на дуэлях. Стоя под дулом пистолета, он проявлял необыкновенную храбрость. Он славился как отличный стрелок и стрелял в своих противников без всякого сожаления.

Кроме доктора Бринкина и художника Курляндцева, всем этим «благовоспитанным молодым людям» на корабле было нечего делать. Всех их вместе с сундуками и денщиками нужно было разместить по лучшим каютам. Кру-

зенштерну, конечно, совсем не нравилось иметь на корабле столько бесполезных пассажиров, но приходилось подчиняться. Он еще надеялся, что хоть японцы не приедут из Иркутска.

Однако через несколько суток курьеры, загнав по пути немало лошадей, примчали в Петербург пятерых японцев. Их перевезли в Кронштадт и поместили на «Надежде» в одной каюте.

Наконец все готово. Ждать уже больше нечего. На «Надежде» находилось шестьдесят пять человек, на «Неве» — пятьдесят четыре. Можно трогаться в путь.

Подул легкий ветерок с востока. Оба корабля медленно вышли в море.

Было это 7 августа 1803 года.

В ТИХИЙ ОКЕАН

ВОКРУГ МЫСА ГОРН

На знакомом пути до Англии оба корабля встретила сильная буря. Это было как бы испытание, посланное в самом начале путешествия,— испытание, которое и корабли и люди вынесли с честью. Достигнув Англии, они зашли в маленький порт Фалмут.

6 октября оба корабля покинули Фалмут, вышли в Атлантический океан и направились к югу. Несмотря на то, что надвигалась осень, с каждым днем становилось теплее.

19-го увидели огромную остроконечную гору, подымавшуюся, как казалось, прямо из вод океана. На вершине ее сверкали полосы снега. Не верилось, что там может быть снег, потому что моряков мучила жара и они давно уже работали в одних рубашках.

Это был Тенерифский пик.

Вечером того же дня «Надежда» и «Нева» вошли в гавань городка Санта-Крус — столицу острова Тенериф и всех Канарских островов. Это был маленький сонный испанский городок с белыми домиками и плохо вымощенными узкими улицами, полный пьяных монахов, оборванных нищих, ослов, коз, свиней.

Вот что Крузенштерн записал в своем дневнике о Санта-Крусе:

«Всеобщая бедность народа и толпы тучных монахов, шатающихся ночью по улицам, возбуждают отвращение. Нищие обоего пола и всех возрастов, покрытые рубищами и носящие на себе знаки всех болезней, наполняют улицы вместе с монахами.

Инквизиция господствует здесь, как и во всех владениях испанских, и притом, по уверению многих, с великою строгостью для человека, свободно мыслящего. Ужасно жить в таком месте, где злость инквизиции и неограниченное самовластие губернатора действуют в полной силе, располагающей жизнью и смертью каждого гражданина. Здешний гражданин не имеет ни малейшей свободы...»

Крузенштерн запасся в Санта-Крусе пресной водой, свежим мясом, овощами, прекрасным тенерифским вином, дал погулять и отдохнуть своим морякам.

26 октября оба корабля опять вышли в море.

Ровно через месяц, 26 ноября, корабли перешли через экватор и вступили в Южное полушарие. Это был первый случай за всю историю русского флота, когда русские корабли пересекли экватор. Никогда прежде русским морякам не приходилось заплывать так далеко от родины.

Переход через экватор решили отпраздновать, как требует старинный морской обычай, издавна соблюдаемый на всех флотах мира. Одного веселого матроса, Павла Курганова, имевшего, по словам Крузенштерна, «отменные способности и дар слова», нарядили Нептуном — древним богом морей, прицепили ему длинную бороду из пакли и дали в руки большие трехзубые вилы. Нептун произносил грозные речи; его дразнили, он гонялся за всеми с ведром, обливал водой, махал трезубцем. Кончилось это все плясками под звездным тропическим небом.

18 декабря увидели берег Бразилии. В те времена Бразилия была португальской колонией. Крузенштерн повел свои корабли вдоль берега к югу и через два дня ввел их в гавань бразильского города Дестеро. Восемнадцать лет назад эту же гавань посетил Лаперуз.

«Надежда» одиннадцатью пушечными выстрелами приветствовала город, и городская крепость ответила ей салютом из одиннадцати выстрелов.

В Дестеро экспедиция задержалась на целых полтора месяца, потому что, едва корабли вошли в гавань и стали на якорь, выяснилось, что грот-мачта «Невы» слегка накренилась и треснула. Продолжать путешествие с такой мачтой было невозможно — ее нужно было заменить новой. А в окрестностях Дестеро совсем не было мачтового дерева. Крузенштерну удалось договориться с бразильскими купцами, которые подрядились доставить подходящую мачту издалека. А это, конечно, должно было занять много времени.

Крузенштерна поразил жалкий вид португальских солдат. «Солдаты,— записал он,— несмотря на то что из Бразилии посылают в Лиссабон ежегодно множество алмазов, уже многие годы сряду не получают жалованья».

В ожидании мачты Крузенштерн поселил большую часть своих моряков на берегу. Губернатор, встретивший русских очень приветливо, предоставил им свою загородную виллу, где они могли отдыхать в полном покое. Ученые занялись изучением природы, а остальные гуляли по окрестностям и отдыхали.

Новый год офицеры встретили в гостях у губернатора. Странно было встречать Новый год в такую жаркую, душную ночь. В Южном полушарии январь — самый жаркий месяц года.

В Бразилии множество попугаев и длиннохвостых обезьян. Попугай там такая же обычная птица, как у нас ворона или воробей. Крузенштерн для забавы купил полдюжины попугаев самых необычайных цветов, посадил их в большую клетку и отправил на свой корабль. А граф Федор Толстой достал обезьяну, приручил ее и с ней не расставался.

Окрестности Дестеро кишели бесчисленными ядовитыми змеями. «Я нередко удивлялся многим из наших спутников,— записал в своем дневнике Лисянский,— которые не подвергались никакому несчастному случаю, каждый день гоняясь за бабочками. Здесь их несметное множество, и наипрекраснейших в свете. Губернатор уверял меня, что посылаемые им курьеры в Рио-де-Жанейро во избежание укуса ядовитых змей, лежащих иногда поперек дороги целыми стадами, принуждены бывают скакать на лошадях верхом с возможной скоростью... Из насекомых более всех забавляли нас огненные мухи... Взяв в руки трех из них, мож-

но читать книгу ночью. Мне самому случилось однажды с помощью такой мухи отыскать в темноте платок. Этими светящимися насекомыми столь наполнены здешние места, что от вечерней до утренней зари повсюду бывает довольно светло».

В конце января привезли наконец новую мачту, и корабельные плотники начали ее устанавливать. Скоро все было готово. 4 февраля 1804 года корабли покинули гавань Десперо и направились дальше к югу.

Крузенштерн очень торопился. Мыс Горн можно обойти только в летние месяцы — декабрь, январь и февраль. В остальное время года здесь свирепствуют ураганы.

С каждым днем становилось все холоднее. Матросы опять удивлялись: приближался март, по русским представлениям — весенний месяц, а погода портилась, тепло исчезало.

Начались бури. Волны подымали корабли и швыряли их в разные стороны. Нередко «Нева» и «Надежда» теряли друг друга из виду. Пока им удавалось всякий раз находить друг друга, но, кто знает, не придется ли им длительное время плыть врозь. Когда наступило наконец затишье, продолжавшееся всего несколько часов, Крузенштерн направился на шлюпке к «Неве».

— Нам надо условиться, где мы встретимся, если туман и буря разлучат нас надолго,— сказал он капитану Лисянскому.— Кораблям, вероятно, придется обходить мыс Горн поодиночке.

Обсудив положение, капитаны назначили местом свидания остров Пасхи в Тихом океане.

— Но если у острова Пасхи вы «Надежды» не найдете,— сказал Крузенштерн,— ищите нас у острова Нукагива. Этот остров совсем не исследован, и нам необходимо там побывать.

Едва Крузенштерн вернулся на «Надежду», буря разбушевалась с новой силой. «Нева» исчезла в крутящемся тумане и больше не появлялась. Сквозь мрак и холод «Надежда» продолжала свой путь к югу.

Наконец, 3 марта, увидели мыс Горн, огромную черную, голую скалу, о которую разбивались пенистые волны — гребни их были выше корабельных мачт. Осторожно, медленно «Надежда» обошла эту скалу и вышла в Тихий океан.

— Проскочили! — сказал Крузенштерн с облегчением.

Крузенштерн назначил Лисянскому встречу возле острова Пасхи, но обстоятельства сложились так, что заходить к острову Пасхи оказалось невыгодным. В южной части Тихого океана «Надежду» долго не оставляли бури, сильно задержали ее и отнесли далеко на запад от первоначально намеченного курса. Чтобы подойти к острову Пасхи, пришлось бы возвращаться к востоку против сильного встречного ветра и потерять много времени. И Крузенштерн решил идти прямо к острову Нукагива и там ждать «Неву». Он очень спешил, потому что задержался в Бразилии дольше, чем предполагал, а осенью хотел быть уже в Японии.

Запасы пресной воды, взятой в Дестеро, подходили к концу, и Крузенштерн распорядился, чтобы никто на корабле не смел выпивать больше одной кварты в день. «Надежда» шла по неведомой части Тихого океана, где никогда еще не был ни один корабль. Днем на салинге, а ночью на бушприте беспрестанно сидел матрос и смотрел, не видно ли земли.

Крузенштерн обещал вознаграждение тому, кто первый увидит землю. Но проходили дни и ночи, а кругом ничего не было, кроме волн.

17 апреля 1804 года перешли южный тропик. Еще через двадцать дней, 7 мая, увидели наконец берега Нукагивы.

Остров Нукагива, один из Маркизских островов, был впервые замечен американским капитаном Ингрегэмом в 1791 году, за тринадцать лет до того, как его посетил Крузенштерн. Ингрегэм был невежественный торгаш и, посетив остров, не узнал о нем почти ничего. А Крузенштерну хотелось исследовать Нукагиву.

Остров казался густым темно-зеленым садом. В зелени разбросаны были розовые, оранжевые, белые пятна — деревья, покрытые яркими цветами. Крузенштерн и его спутники много слыхали о прелести тропических тихоокеанских островков, но такой пышности и красоты не ожидали.

«Надежда» шла вдоль берега, держась от него на расстоянии трех миль. Легкий ветерок приносил на корабль пряный и сладкий запах леса. Крузенштерн осматривал берег в подзорную трубу. Он искал бухту, обозначенную на карте Ингрегэма под именем бухты Анны-Марии. Среди деревьев

видел он крохотные, едва заметные фигурки голых людей, бегавших, прыгавших, размахивавших руками.

Из-за мыса появилась длинная узкая лодка. Было в ней шестеро гребцов. Она быстро неслась к кораблю. Как большинство полинезийских лодок, она имела так называемый противовес, то есть бревно, плывущее рядом с нею и прикрепленное к ней палками; это бревно не давало лодке перевернуться. Сидевшие в лодке люди были голы, и Крузенштерн принял их всех за туземцев. Он очень удивился, когда туземец, находившийся на носу, вдруг поднял над собою развевающийся белый флаг.

В Европе белый флаг — знак мира. Но народы других частей света, как было известно Крузенштерну, знака этого не понимали. Немудрено, что моряки удивились, увидев белый флаг в лодке туземцев.

Лодка подошла вплотную к кораблю. Крузенштерн приказал бросить конец. Человек, державший белый флаг, вскарабкался по канату на палубу.

Голый, в одной только коротенькой юбочке, сплетенной из травы, он подошел к Крузенштерну, низко поклонился и проговорил на чистом английском языке:

— Меня зовут Робертс. Я здешний житель. К вашим услугам, капитан.

Тут только Крузенштерн заметил, что человек этот белый. Вернее, был когда-то белым, потому что тропическое солнце обожгло его тело и покрыло темным загаром. Но все же он был гораздо светлее коричневых островитян, сидевших в лодке. Команда «Надежды» с любопытством разглядывала странного гостя.

— Вы здешний житель? — удивленно спросил Крузенштерн. — Как же вы сюда попали?

— Буду с вами откровенен, — ответил Робертс с поклоном. — Восемь лет назад я сбежал с английского военного корабля, проходившего мимо этого острова. Мой капитан много раз бил меня по лицу. После года службы у меня осталось только семь зубов. — Он открыл рот и показал беззубые челюсти. — Надеюсь, сэр, вы не отправите меня обратно в Англию. Я могу быть вам здесь очень полезен.

Крузенштерн, служивший в английском флоте, хорошо знал, как жестоко обращаются на английских кораблях с матросами. Знал он также, что пойманного беглого матроса ждет в Англии виселица.

— Какую же пользу вы можете нам принести? — спросил он.

— Большую пользу, — убежденно ответил белый островитянин. — Во-первых, я могу служить вам лоцманом и ввести ваш корабль в бухту Анны-Марии, а дело это для человека, не знающего прохода между рифами, очень нелегкое. Во-вторых, я свободно говорю на языке здешних жителей и могу служить вам переводчиком. И, в-третьих, я нахожусь в самых близких родственных отношениях с королем. И вы понимаете, сэр, что от меня отчасти зависит, как вас встретят туземцы.

Робертс сейчас же бойко вскочил на капитанский мостик рядом с Крузенштерном и повел корабль меж розовых коралловых рифов в бухту Анны-Марии. Он показывал Крузенштерну глубокие безопасные места, и Крузенштерн видел, что без его помощи, пожалуй, трудно было бы ввести «Надежду» в бухту.

Пришлось признать, что Робертс может приносить пользу — он был хорошим лоцманом. Но был у него и бросавшийся в глаза крупный недостаток — необыкновенная болтливость. Истосковавшись по родному языку, он теперь трещал без умолку.

— Здесь на острове живет еще один белый, — говорил он. — Француз. Тоже беглый матрос. Негодяй, каких свет не видел. Заклинаю вас, капитан, остерегайтесь этого человека. Он непременно явится к вам, будет предлагать свои услуги. Но вы не верьте ни одному его слову и гоните в шею.

«Робертс боится конкуренции», — подумал Крузенштерн и спросил:

— Почему же он негодяй, этот француз? Что он такого негодного сделал?

— Он каждую минуту делает тысячи пакостей! — заговорил Робертс, приходя в ярость. — Он хочет меня убить. Он хочет поссорить меня с островитянами.

— Вы с ним единственные европейцы на острове, — сказал Крузенштерн. — Это должно было бы сблизить вас. Отчего вы с ним не помиритесь?

— Вы не знаете, что это за человек! — возразил Робертс. — Я сам вначале рассуждал, как вы, и много раз предлагал ему мириться. Но разве можно жить с ним в мире, если он все время норовит тебя зарезать исподтишка!

«Надежда» благополучно прошла между рифами и стала на якорь посреди бухты. Мгновенно с берега к кораблю вплавь кинулось несколько сот островитян.

Они чувствовали себя в воде свободно, как на суше, разговаривали, плескались, двигались с необыкновенной быстротой и легкостью. Никогда еще русским морякам не приходилось видеть таких отличных пловцов. Они тащили к кораблю на продажу кокосовые орехи, плоды хлебного дерева и бананы. Даже с тяжелым грузом они плавали как рыбы.

— А нельзя ли здесь купить свиней? — спросил Крузенштерн Робертса.

Команда «Надежды» много месяцев питалась одной солониной и мечтала о свежем мясе.

— Свиней тут мало, и островитяне ими очень дорожат,— ответил Робертс.— Боюсь, что они вам их продавать не станут.

Крузенштерн поручил вести торговлю с островитянами лейтенанту Ромбергу и доктору Эспенбергу. Они показали островитянам несколько железных топоров. Островитяне в воде подняли радостный крик, потрясая над головами кокосовыми орехами и бананами. Но Робертс, по просьбе доктора Эспенберга, объяснил им, что топоры они могут получить в обмен на свиней, а за фрукты им будут давать обломки железных обручей от старых бочек. Обручам они тоже обрадовались и охотно давали за них фрукты. Эспенберг и Ромберг спускали им с палубы куски железа на канатах. Островитяне отвязывали железо и привязывали к канатам свои товары. Торговали они вполне честно.

Подобно людям каменного века, они изготовляли все свои орудия только из камня, из дерева, из кости. Добывать металлы они не умели и поэтому железом дорожили чрезвычайно. «За кусок обруча,— пишет Крузенштерн,— давали они обыкновенно по пяти кокосов или по три и по четыре плода хлебного дерева. Они ценили такой железный кусок весьма дорого... Малым куском железного обруча любовались они, как дети, и изъявляли свою радость громким смехом. Выменявший такой кусок показывал его другим, около корабля плавающим, с торжествующим видом, гордясь приобретенною драгоценностью. Чрезмерная радость их служит ясным доказательством, что они мало еще имели случаев к получению сего высоко ценимого ими металла».

Торговля продолжалась уже несколько часов, а свиней никто не привозил.

Крузенштерн убедился, что Робертс был прав: свежим мясом запастись в Нукагиве было очень трудно.

В четыре часа дня от берега отошла большая лодка, полная мужчин, и поплыла к «Надежде».

— Кто это? — спросил Крузенштерн у Робертса.

Русские видели, что лодок у островитян очень мало и что они предпочитали двигаться по морю вплавь. От берега до корабля было совсем недалеко, и любой островитянин мог переплыть это расстояние без всякого труда. Крузенштерн удивился, увидев островитян, которые ради такого короткого путешествия сели в лодку.

— Это едет к вам король Тапега,— сказал Робертс.

Едва лодка подошла к кораблю, спустили трап. Тапега взобрался на палубу вместе со свитой.

Ему было лет сорок пять. Он носил такую же юбочку, как остальные островитяне, но все его тело и лицо были покрыты татуировкой, изображавшей листья, странных птиц и гроздья бананов. На вельможах, сопровождавших его, тоже были узоры, но не такие пышные и густые.

Крузенштерн повел короля и его приближенных к себе в каюту. В каюте они держали себя важно и чинно. Крузенштерн подарил королю нож и двадцать аршин красной материи. Тапега сейчас же обмотал свое туловище материей, как катушку обматывают ниткой.

В капитанской каюте было большое зеркало, висевшее на стене. Это зеркало поразило и восхитило островитян. После нескольких неудачных попыток влезть в него они стали заглядывать в щель между зеркалом и стеной, стараясь разглядеть, что там находится. Король Тапега обрадовался своему отражению в зеркале и с наслаждением рассматривал себя, подымая ноги, руки, приседая, строя рожи. Крузенштерн с трудом оторвал его от этого занятия.

«Портрет жены моей, написанный масляными красками, обратил особенно на себя их внимание,— пишет Крузенштерн.— Долгое время занимались они оным, изъявляя разными знаками свое удивление и удовольствие. Кудрявые волосы, которые, вероятно, почитали они великою красотою, нравились каждому столько, что всякий на них указывал».

В соседней каюте висела клетка, где жили попугаи, купленные в Бразилии. Эти попугаи понравились им еще больше, чем зеркало. Они никогда не видели таких пестрых красивых птиц. Особенно понравились им красные загнутые, словно крючки, клювы. Король произнес несколько слов, обращаясь к Робертсу.

— Тапега просит вас подарить ему одного попугая,— сказал Робертс.— Но я, сэр, не советую дарить ему. Он любит выпрашивать.

— Пусть берет,— сказал Крузенштерн.— Но спросите его раньше, не собирается ли он съесть этого попугая. Я дам ему птицу только с тем условием, что он будет о ней заботиться.

Но король есть попугая не собирался. Напротив, он стал подробно расспрашивать, чем его надо кормить, и по всему было видно, что он хочет его сохранить. Крузенштерн подарил ему маленького попугая. Тапега взял его в руки с величайшей осторожностью.

Когда снова вышли на палубу, Крузенштерн показал королю пушки и спросил через Робертса, знает ли король, что это такое.

— Знаю,— ответил король.— Это гром, который разрушает деревни.

«Здешним жителям, по-видимому, пришлось уже испытать на себе действие этого грома»,— подумал Крузенштерн.

— Этот гром не принесет тебе никакого вреда, Тапега,— сказал он королю,— если твои люди не будут обижать нас.

— Мои люди никогда не обижают чужестранцев,— ответил король с достоинством,— но бывает так, что чужестранцы обижают моих людей.

Крузенштерн отвел Робертса в сторону и спросил его:

— Откуда у них такие сведения о пушках?

— Лет пять назад сюда заходил один английский корабль,— ответил Робертс.— Он остановился у противоположного берега острова. Капитан этого корабля хотел, чтобы островитяне доставляли ему провизию даром. И, конечно, ничего не получил. Тогда он послал своих матросов на остров отбирать бананы и свиней. Но островитяне побили матросов камнями и заставили их вернуться на корабль. Капитан, обозленный, велел палить из всех пушек и унич-

тожил две деревни. Островитяне хорошо запомнили канонаду — горы дрожали даже на этой стороне острова.

Стало темнеть. Король начал собираться домой. Крузенштерн обещал завтра приехать к нему в гости. Они расстались дружески.

В ГОСТЯХ У КОРОЛЯ

На другой день, рано утром, к кораблю подошла лодка. Двое островитян привезли Крузенштерну в подарок от Тапеги большую свинью. Свинья, связанная, была втащена с помощью канатов на палубу. Наконец-то Крузенштерн мог накормить свою команду свежим мясом! Это была первая свинья, которую удалось достать на Нукагиве. Он отлично понимал ценность королевского подарка — ведь островитяне не соглашались менять своих свиней даже на железные топоры.

Через час Крузенштерн поехал на берег, чтобы отдать королю визит. Заодно он хотел поискать речку, где можно было бы запастись пресной водой.

Всем хотелось ехать вместе с капитаном. Каждый мечтал погулять по твердой земле. Крузенштерн собирался сначала взять с собой только посла Резанова, двух лейтенантов и шестерых вооруженных матросов под начальством поручика Федора Толстого для охраны, но, увидев, как были огорчены остальные, он решил захватить с собой еще человек пятнадцать.

— Как вы думаете, Робертс,— спросил он англичанина, который теперь не отходил от него,— не опасно ли оставлять корабль под защитой такой маленькой команды? Ведь почти все едут на берег...

Вокруг корабля по-прежнему барахталось в воде множество туземцев.

— А вы объявите корабль табу,— посоветовал Робертс,— и никто не посмеет коснуться корабля.

Крузенштерн слышал о действии на полинезийцев — жителей тихоокеанских островов — таинственного слова «табу». Об этом рассказано у многих путешественников. Табу можно было наложить на все, что угодно: на жилище, пищу, оружие, человека. Ни один островитянин не решался даже близко подходить к предмету, заколдованному словом «табу». Это суеверие помогало жрецам властвовать

над народом. Одно смущало Крузенштерна: может ли он объявить табу, если это право предоставлено только жрецам?

— Вы выше, чем жрец: вы святой,— объяснил ему Робертс.— Островитяне твердо уверены, что корабли белых приходят к ним с облаков, где живут боги.

Табу над «Надеждой» было объявлено так: Крузенштерн вышел на палубу с рупором под мышкой и замахал рукой, чтобы привлечь внимание плававших в бухте людей. Когда они все оглянулись на него, он поднес рупор ко рту и трижды громко проревел замогильным голосом:

— Табу! Табу! Табу!

И указал рукой на свой корабль.

А чтобы «табу» было крепче, он, по совету Робертса, велел выстрелить из пушки холостым зарядом.

Островитяне очень перепугались, и Крузенштерн даже пожалел, что послушался совета Робертса. Они все бросились к берегу.

Впрочем, испуг их был непродолжителен, и бухта снова наполнилась плавающими. Но к кораблю они больше в тот день не подплывали.

Отправлявшиеся в гости к королю отошли от корабля на двух шлюпках. Командование «Надеждой» на время своего отсутствия Крузенштерн передал Ратманову. Ратманов сам мечтал посетить остров, но ему пришлось остаться.

На берегу моряков встретила толпа в несколько тысяч человек. Стало немного жутко. Но островитяне встретили русских моряков весело и дружелюбно. Приходилось страдать только от их чрезмерного любопытства: каждый островитянин старался не только осмотреть моряка поближе, но и потрогать.

Крузенштерн искал глазами в толпе короля. Но Тапега не пришел на берег встречать гостей.

— Он встретит вас у дверей своего дома,— объяснил Робертс.— Здесь такой обычай.

Вместо себя король прислал высокого, красивого островитянина, который подошел к Крузенштерну и заявил, что он будет служить чужестранцам проводником. Это был важный вельможа — королевский огнезажигатель. Жители Нукагивы, чтобы добыть огонь, терли одну палочку о другую. Никакого другого способа они не знали. Зажигание огня — тяжелая, ответственная работа, требовавшая боль-

щого умения. И вельможа, зажигавший огонь в королевской хижине, был очень важным человеком.

Крузенштерн прежде всего хотел найти место, где можно наполнить бочки пресной водой. Оставив у вытащенных на берег шлюпок четырех вооруженных матросов и приказав им не заводить никаких ссор с туземцами, он попросил Робертса отвести его к речке. Робертс и королевский огнезажигатель повели маленький отряд по узкой тропинке, вокруг которой росла трава в человеческий рост. Необыкновенная пышность растительности на Нукагиве поражала русских. Лес, переплетенный лианами, казался непроходимым. Путников опьянял пряный запах цветов и гниющих плодов.

Наконец моряки, сопровождаемые огромной шумной толпой любопытных островитян, не отстававших от них ни на шаг, подошли к устью светлой маленькой речки. Набирать воду здесь было удобно и просто: речка впадала в ту самую бухту, где стоял корабль. Чтобы не терять даром времени, Крузенштерн попросил отвести себя сейчас же к королю.

Минут через двадцать они увидели несколько десятков круглых тростниковых хижин без окон, с маленькими дверцами, войти в которые можно было только низко согнувшись. У околицы гостей встретил статный седой старик с перевязанным глазом. Это был дядя короля Тапеги, прославленный воин, потерявший глаз в бою с воинами соседнего племени. Он повел Крузенштерна и его спутников через деревню к жилищу короля.

Хижина Тапеги ничем не отличалась от остальных жилищ деревни. У дверей прибывших встретил наконец сам король. Он ввел в свой тростниковый дворец Крузенштерна, Резанова, Головачева, Ромберга, Эспенберга и Робертса. Остальные русские и все островитяне принуждены были остаться на дворе: русские потому, что дворец не мог всех их вместить, а островитяне потому, что королевское жилище для простых людей было табу.

В хижине короля на циновках сидела вся королевская семья, состоявшая главным образом из женщин. Королева и ее дочери, уже взрослые, носили ту же одежду, что и мужчины, но тело их не было покрыто татуировкой. Зато руки были измазаны до локтей чем-то черным, и Крузенштерну в первую минуту показалось, будто это перчатки.

Гостей усадили на циновки рядом с хозяевами. Женщины приветливо улыбались. Они с необыкновенным вниманием разглядывали шитые золотом мундиры офицеров. Крузенштерн подарил им несколько блестящих пуговиц, ножей и маленьких зеркалец. На пуговицы они почти не обратили внимания, ножи передали королю и огнезажигателю, а в зеркальца долго с удовольствием смотрелись.

Посидев немного, все встали, вышли из хижины, вошли под большой соломенный навес, находившийся во дворе, и там снова уселись на циновках. Под навесом было гораздо просторнее, чем в хижине. Тут поместились все русские, приехавшие с корабля, и близкие королю островитяне.

Навес служил королевской семье столовой. Жители Нукагивы никогда не ели у себя в хижинах, а либо под открытым небом, либо под соломенными навесами, защищающими от дождя и солнца. Англичанин Робертс, как оказалось, часто обедал под навесом короля, потому что был женат на одной из многочисленных королевских дочерей.

Принесли груды расколотых кокосовых орехов, бананов и горячих дымящихся плодов хлебного дерева. Тапега усердно потчевал гостей. Островитяне ели долго, много и молча. Видно было, что они считали еду очень важным делом. К королевскому столу не подали мяса, и Крузенштерн еще раз убедился, какой драгоценностью считали островитяне свиней, единственных своих домашних животных.

После обеда Крузенштерн встал, поблагодарил, попрощался, пригласил короля почаще заезжать на корабль и направился со всеми своими спутниками к берегу. Король проводил их до своей хижины, дядя короля — до конца деревни, а королевский огнезажигатель пошел с ними и дальше.

— Как бедно живет ваш король! — сказал Крузенштерн Робертсу, который шел рядом с ним. — Жизнь простых островитян, я вижу, мало отличается от королевской.

Робертс засмеялся.

— Королевство Тапеги состоит из одной деревушки, — сказал он. — На Нукагиве всего пять деревушек, и в каждой — свой король.

Моряков сопровождала вся деревня — мужчины, женщины и ребятишки.

В толпе Крузенштерн заметил человека очень странной внешности. Человек этот, как все островитяне, был гол до пояса, но носил не короткую юбку, как туземцы, а дырявые парусиновые матросские штаны. Черная борода его паклей падала на голую грудь, усы были франтовато закручены колечками кверху, а волосы взбиты в огромный грязный ком. Вообще человек этот показался гораздо грязнее и неопрятнее остальных жителей Нукагивы, которые часто плещутся в море и очень чисты.

— Кто это? — спросил Крузенштерн у Робертса.

Робертс нахмурился, и лицо его искривилось от злости.

— Это француз Кабри, сэр,— сказал он,— тот самый негодяй, о котором я вам рассказывал. Сделайте вид, будто вы его не заметили, капитан, а то он к вам привяжется и не отстанет.

Присмотревшись, Крузенштерн заметил, что человек с черной бородой действительно белый. Но кожа его была покрыта таким слоем грязи, что он казался даже темнее островитян.

— Он глядит на вас, сэр,— проговорил Робертс.— Он хочет, чтобы вы его позвали. Отвернитесь.

И Робертс показал своему врагу кулак.

Но Крузенштерн вовсе не собирался становиться в этой вражде на сторону Робертса. Ему хотелось помирить обоих европейцев, живущих на острове. И, не обращая внимания на недовольство англичанина, он поманил Кабри к себе.

Француз подошел и поклонился.

— Добрый человек,— заговорил с ним Крузенштерн по-французски,— расскажите, как вы живете. Не могу ли я вам чем-нибудь помочь, и почему вы ненавидите вашего соседа?

Вместо ответа Кабри стал с яростью бранить Робертса и осыпать его самыми отборными французскими и английскими ругательствами.

— Не верьте ему, сударь, это коварный человек. Он родственник людоеда Тапеги и сам людоед. Они собираются завлечь вас в укромное местечко, убить и съесть...

Робертс выхватил из-за пояса нож, и дело могло бы кончиться плохо, если бы Крузенштерн не схватил англичанина за руки. Он стал объяснять им, как невыгодно ссориться и как было бы хорошо для них обоих, если бы они стали друзьями. Он долго и упорно уговаривал их помириться. Наконец они угрюмо подали друг другу руки. Но, едва француз немного поотстал, Робертс сказал Крузенштерну вполголоса:

— Это ненадолго, сэр. Вот увидите, еще сегодня он сделает мне какую-нибудь гадость.

И действительно, едва Робертс отошел на минуту в сторону, к Крузенштерну подошел француз и заговорил шепотом:

— В двадцати милях отсюда, в море, есть пустынная скала. Отвезите туда этого гнусного англичанина, сударь, прошу вас.

Крузенштерн рассердился.

— Стыдитесь! — сказал он.

— Так вы отказываетесь отвезти его на скалу? — дерзко спросил Кабри.

— Отказываюсь.

— Хорошо же, капитан, вы в этом раскаетесь.

Француз пошел прочь, потом обернулся, погрозил Крузенштерну кулаком и крикнул:

— Я вам отомщу! — И бросился бежать.

ВСТРЕЧА КОРАБЛЕЙ

Вернувшись на берег, Крузенштерн нашел свои шлюпки в полной сохранности. Матросы, сторожившие их, сидели рядом в тени большого дерева и курили. Они рассказали, что за время отсутствия капитана их никто не тревожил. Крузенштерн вместе со всеми своими спутниками отправился на корабль. Там тоже все было в порядке.

— Лейтенант Ромберг, — сказал капитан, — я хочу сегодня начать запасаться пресной водой. Возьмите баркас, захватите несколько пустых бочек и поезжайте с десятью матросами к устью той речки, которую мы с вами видели. До темноты осталось еще четыре часа, и вы успеете съездить туда и обратно.

Лейтенант Ромберг отошел на корабельном баркасе и скоро скрылся за узким мысом. Но, к удивлению Крузенштерна, через час он вернулся.

— Что случилось? — спросил озабоченный Крузенштерн.— Отчего вы так рано?

— Все в порядке,— ответил Ромберг.

— Почему вы привезли пустые бочки?

— Все наши бочки полны, капитан,— сказал Ромберг и рассмеялся.

Он рассказал, что едва они вошли в устье, бросили якорь и начали погружать ведра в воду, как в реке появилось множество туземцев, которые подплыли к баркасу, сбросили с него все сорокаведерные бочки и потом подняли их назад полными до краев. В несколько минут была проделана работа, которая заняла бы у моряков не меньше двух часов.

— Их было человек пятьсот,— рассказывал Ромберг.— Каждую бочку тащило двадцать силачей. Поглядели бы вы, какие среди них есть здоровяки! Каждого можно было бы в гвардию сдать. Сначала я испугался, но потом увидел, что они просто на редкость добродушный и услужливый народ.

Отправляясь снова за водой, Ромберг захватил с собой несколько дюжин железных обручей в подарок своим неожиданным помощникам.

До темноты он успел еще дважды съездить к устью речки и вернуться.

Следующим утром, 10 мая, часов около одиннадцати, на корабль приплыл островитянин, который заявил Робертсу, что он прислан к Крузенштерну от короля. Крузенштерн приказал немедленно пустить королевского посла на палубу. Тапега прислал этого островитянина сказать Крузенштерну, что с гор сегодня на рассвете видели далеко в море большой корабль, который идет прямо к Нукагиве.

— Тапега твой друг,— сказал островитянин.— Он решил предупредить тебя заранее. Ведь, может быть, на том корабле твои враги.

Робертс оказался прекрасным переводчиком, и с его помощью разговаривать было легко.

— Поблагодари короля за дружбу,— ответил Крузенштерн королевскому послу,— но передай ему, что у меня нет врагов и я никого не боюсь.

Крузенштерн сразу догадался, какой корабль островитяне видели с гор. Это безусловно была «Нева», которая, не найдя «Надежды» у острова Пасхи, спешила к Нукагиве.

Зная, как трудно войти в бухту Анны-Марии без лоцмана, Крузенштерн послал навстречу «Неве» шлюпку под командой лейтенанта Головачева. В шлюпке этой отправился и Робертс.

Через три часа «Нева» стала на якорь рядом с «Надеждой».

Вся команда «Надежды» была очень рада появлению «Невы», которую не видела с самого мыса Горн. Когда оба корабля находились вместе, все чувствовали себя гораздо спокойнее.

У каждого офицера и матроса «Надежды» были на «Неве» приятели, свидание с которыми всех обрадовало.

Капитан Лисянский вошел в каюту Крузенштерна.

— Ну как? — спросил Крузенштерн.

— Все благополучно, — ответил Лисянский. — Ни одной сломанной реи, ни одного больного матроса.

Оба капитана обнялись и расцеловались.

— Мы прибыли к острову Пасхи, где вы собирались нас подождать, — докладывал Лисянский начальнику экспедиции, — обошли остров кругом, но «Надежды» нигде не нашли. Войти в залив я не решился, потому что дул сильный западный ветер, при котором лавировать было очень трудно. Я послал на берег шлюпку под начальством лейтенанта Повалишина. Повалишин расспросил знаками островитян и узнал у них, что «Надежда» на остров Пасхи не заходила. Он купил у них немного бананов и вернулся на корабль. Я понял, что вы решили ждать нас у Нукагивы, и, нигде больше не задерживаясь, поспешил прямо сюда.

МЕСТЬ ФРАНЦУЗА

На другой день случилось происшествие, которое нарушило спокойное течение жизни на обоих кораблях и едва не вызвало серьезные последствия.

Утром в гости к Крузенштерну приехал Тапега.

Король и королевский огнезажигатель теперь каждый день бывали на «Надежде». Особенно охотно проводили они время с графом Федором Толстым.

Оказалось, что королевский огнезажигатель владеет еще одним искусством — искусством татуировать. Это он татуировал всех юношей в королевстве Тапеги. И молодой граф, желая поразить своих приятелей в России, попросил огнезажигателя покрыть ему узорами грудь и спину.

Он пообещал огнезажигателю большой топор, и тот принялся за работу. Острой раковиной рассекал он кожу графа и смазывал ранки соком какого-то растения. Боль была мучительная, но граф мужественно терпел, стиснув зубы. Ранки вспухли, однако через несколько дней опухоль спала и на теле графа появились узоры: птицы, кольца, змеи, листья.

Тапегу на корабле больше всего привлекало большое зеркало в капитанской каюте. Перед этим зеркалом он простаивал по многу часов, приседая, двигая руками и меняя выражение лица. Крузенштерн так привык к этому занятию короля, что не обращал на него никакого внимания и спокойно работал в его присутствии за письменным столом: писал судовой журнал, изучал карты, проверял вместе с профессором Горнером астрономические наблюдения.

На следующее утро после прибытия «Невы» Тапега, войдя в капитанскую каюту, застал Крузенштерна за бритьем. С удивлением глядел он, как предводитель белых мазал себе щеки мылом и потом водил по ним острой сверкающей бритвой. Но особенно понравилась ему пахучая вода, которой Крузенштерн после бритья вымыл себе лицо. Жители Нукагивы тоже умели бриться, но брились они острыми раковинами и дело это занимало много времени. Увидав, с какой легкостью и быстротой бреются белые, Тапега захотел и сам испытать этот способ бритья. Он попросил, чтобы его побрили.

Крузенштерн позвал матроса, исполнявшего на «Надежде» обязанности парикмахера, и велел ему побрить короля. Тапега сел в кресло. Матрос принялся за работу. На лице Тапеги во время бритья было выражение полного счастья.

— Еще, еще! — шептал он, когда его обрызгали душистой водой.

Между тем Крузенштерну надо было ехать на «Неву», к капитану Лисянскому. После некоторого колебания он решил оставить Тапегу в каюте — очень уж жалко было лишать короля удовольствия любоваться собою в зеркале.

Тапега был человек смирный, и Крузенштерн спокойно уехал, попросив Ратманова присматривать за ним.

Когда Крузенштерн прибыл на «Неву», оказалось, что капитан Лисянский с офицерами и несколькими матросами собрался ехать на берег, шлюпка уже была спущена на воду. Увидев своего начальника, Лисянский решил остаться. Но Крузенштерн, зная, как моряки, несколько месяцев пробывшие в море, тоскуют по земле, попросил его ехать. Он обещал Лисянскому дождаться его возвращения.

Шлюпка помчалась к берегу. Моряки с радостью думали о том. что сейчас под ногами будет суша, что они погуляют в лесу. Зная из рассказов Крузенштерна о миролюбии островитян, они не взяли с собой никакого оружия — ведь лейтенант Ромберг тоже ездил за водой безоружным. Едва под лодкой заскрипел песок, все с наслаждением выпрыгнули на берег, разглядывая высокие пальмы, и сразу же увидели толпу островитян, выходившую из леса им навстречу. Вид этой толпы несколько удивил их: она состояла исключительно из мужчин и двигалась молча.

— Странно! — воскликнул Лисянский. — Иван Федорович ничего не говорил нам о том, что здешние жители носят при себе оружие.

Действительно, у каждого островитянина было в руках длинное узкое копье. На каждом копье был острый наконечник — либо каменный, либо выточенный из кусочков железных обручей, недавно купленных у русских.

Моряки поджидали приближавшихся островитян благодушно и немного растерянно. Им все еще не приходило в голову, что те могут напасть на них. Они опомнились, только когда уже были со всех сторон окружены толпой, со зловещей медлительностью подымавшей копья.

— В шлюпку! — скомандовал Лисянский.

Но было поздно. Кольцо сомкнулось, и выбраться из него было невозможно. Копья поднялись в воздух и застыли в вытянутых руках. Островитяне медлили. Они как будто ждали, чтобы кто-нибудь первый решился и начал.

Наконец какой-то здоровяк взмахнул копьем над головой стоявшего с краю матроса. Матрос нагнулся.

— Оставь! Не смей! — кричал Лисянский по-русски, в отчаянии подскакивая к дерзкому зачинщику и надеясь остановить его хоть криком.

Но тут сквозь толпу островитян торопливо протискался человек, необыкновенно взволнованный на вид. Он храбро расталкивал локтями всех попадавшихся ему на пути.

Лисянский узнал его: это был их вчерашний лоцман — англичанин Робертс.

Робертс что-то крикнул островитянину, собиравшемуся заколоть матроса, и тот опустил копье. Тогда Робертс о чем-то заговорил пылко и быстро, и все островитяне закричали вокруг.

Воспользовавшись замешательством, моряки пробрались к своей шлюпке, влезли в нее и оттолкнулись от берега. Робертс, яростно споря, тоже отступал к воде. Островитяне злобно кричали на него, но копья не подымали — он был свой. Наконец, оттесненный к самому краю берега, Робертс повернулся, прыгнул в воду и поплыл. Он догнал шлюпку вплавь.

— Я очень вам благодарен,— сказал Лисянский, пожимая ему руку.— Вы вмешались как раз вовремя. Без вашей помощи мы были бы убиты. Но скажите, что случилось? Отчего они, до сих пор такие кроткие и дружелюбные, вдруг решили нас убить?

Робертс нахмурился.

— Что сделал капитан Крузенштерн с Тапегой? — вместо ответа спросил он.

— С королем? Не знаю, не слышал.

— Островитяне утверждают, будто Тапега закован в цепи и заперт,— сказал Робертс.— Мне это кажется очень странным: до сих пор капитан Крузенштерн так ласково обращался с ним. Старейшины, родственники Тапеги, очень раздражены и жаждут мести.

Шлюпка подошла к «Неве». Крузенштерн, выслушав рассказ Лисянского и Робертса, взволновался.

— Я оставил Тапегу у себя в каюте,— сказал он,— и, конечно, ни в какие цепи его не заковывал. Мы расстались самым дружеским образом. Может быть, Ратманов заковал его без меня? Нет, тут что-то не так... Ратманов не мог сделать такую глупость.

Он сейчас же сел в шлюпку и помчался вместе с Робертсом к «Надежде».

Бухта была пуста — островитяне, постоянно плававшие в ней и продававшие морякам кокосовые орехи, исчезли.

Это был дурной знак.

Взойдя на палубу «Надежды», Крузенштерн вызвал Ратманова.

— Что вы сделали с Тапегой? — спросил он его.

— С Тапегой? — удивился Ратманов. — Ничего я с ним не сделал.

— Вы заковали его в цепи?

— Да что вы, капитан! И не думал!

— А как он вел себя здесь без меня?

— Как всегда, — ответил Ратманов. — Вертелся перед зеркалом.

Крузенштерн обернулся к Робертсу.

— Вот видите, друг мой, — сказал он, — все это ложь. — И опять спросил Ратманова: — А где он сейчас?

— Он только что уехал, капитан.

— Вы расстались с ним мирно?

— Вполне мирно. Ему надоело в каюте, он вышел, улыбнулся мне ласково, сел в свою лодку и уехал.

— Я понял! — вдруг воскликнул Робертс, хлопнув себя ладонью по лбу. — На острове пущен ложный слух нарочно, чтобы поссорить островитян с вами. И я знаю, кто этот слух пустил.

— Кто? — спросили в один голос Крузенштерн и Ратманов.

— Кабри! — сказал Робертс злобно. — Я вам говорил, капитан, что от этого человека можно ожидать всего, что угодно.

Как бы то ни было, дело обстояло скверно. «Надежда» уже успела набрать почти столько пресной воды, сколько ей было нужно, но бочки «Невы» были еще пусты. В случае ссоры не только нечего было надеяться на помощь туземцев, но опасно было посылать шлюпку в устье реки. А как продолжать путешествие без пресной воды?

Крузенштерн понимал, что нужно помириться с островитянами во что бы то ни стало. Впрочем, он надеялся, что король, благополучно вернувшись с корабля, рассеет ложный слух.

Крузенштерн спустился в кают-компанию обедать, а Робертс отправился на берег. Он обещал вернуться часа через три и рассказать, что там происходит.

Во время обеда Крузенштерну сообщили, что на палубу прибыл Тапега с французом и одним островитянином, кото-

рый привез свинью для продажи. Крузенштерн и все офицеры сейчас же прервали обед и вышли на палубу.

Тапега улыбался благодушно, как всегда, даже еще благодушнее. Видно было, что он привез островитянина со свиньей, чтобы помириться. Он знал, как нуждаются моряки в свежем мясе. Но француз Кабри, стоявший рядом с ним, был угрюм и смотрел на капитана с мрачным высокомерием. Крузенштерн сердился на него за то, что он распустил ложные слухи, и сначала хотел прогнать его, но сдержался.

Ему даже стало немного жаль этого грязного, озлобленного человека. В конце концов, может быть, слухи распустил вовсе не он. Мало ли чего не скажет Робертс о человеке, которого так ненавидит.

Островитянин что-то проговорил. Кабри хмуро перевел его слова Крузенштерну.

— Он хочет за свою свинью получить такую же красивую птицу, как та, что вы дали Тапеге.

Крузенштерну вовсе не хотелось расплачиваться за свиней попугаями — он надеялся привезти их в Россию. Но на этот раз он решил согласиться. Он рассчитывал этим попугаем купить не только свинью, но и мир.

— Передайте ему, что я согласен,— сказал он французу.

Кабри промолвил что-то островитянину, и тут случилась вещь совсем необъяснимая. Островитянин схватил свою свинью, лежавшую на палубе со связанными ногами, и швырнул в воду. Затем прыгнул вслед за ней. Поймав там тонущую свинью, он быстро поплыл к берегу, таща ее за собой.

— В чем дело? — воскликнул удивленный Крузенштерн.— Ведь я согласился дать ему попугая! Крикните ему, чтобы он вернулся,— сказал он Кабри.— Попросите Тапегу приказать ему вернуться!

Француз проговорил что-то, обращаясь к Тапеге, и король громко закричал какие-то повелительные слова вслед уплывающему за свиньей островитянину. Но тот, вместо того чтобы вернуться, еще быстрее поплыл к берегу.

Тапега и француз внезапно спрыгнули вниз, в королевскую лодку, и стремительно отошли от корабля.

Никто ничего не понял. Офицеры недоуменно переглядывались.

— Тапега, верно, поехал ловить непослушного островитянина,— сказал лейтенант Головачев.

— Нет,— возразил лейтенант Ромберг,— королевская лодка поплыла вправо, а островитянин со свиньей — влево. Король и не думает его догонять. Мне показалось, что Тапега приказал своему подданному не возвращаться на корабль, а плыть от корабля.

— Мне тоже так почудилось,— сказал Крузенштерн. Ратманову пришла в голову совсем новая мысль.

— Вы знаете,— проговорил он задумчиво,— мне кажется, тут опять виноват француз. Что, если он неверно переводил слова Ивана Федоровича, нарочно перевирал их?

Крузенштерн ничего не ответил. Но он чувствовал, что Ратманов, пожалуй, прав.

Вечер начался беспокойно. На острове в сумерках вдруг вспыхнули костры — один, другой, пятый, двадцатый! — и так по всему берегу. Это было совсем необычно — до сих пор островитяне всегда ложились спать едва стемнеет и по ночам огня не зажигали. На обоих кораблях ясно слышали звуки каких-то странных песен, которые доносились с берега.

Всем островом, казалось, овладело лихорадочное возбуждение.

Часов в одиннадцать к «Надежде» подплыл Робертс. Он влез по якорному канату на палубу. Крузенштерн вышел из каюты, чтобы поговорить с ним. Вид у Робертса был хмурый и недовольный.

— Зачем вы прогнали Тапегу и его приятеля с корабля? — спросил он.

— Я их не прогонял,— ответил Крузенштерн.

Он рассказал Робертсу, как приезжали на корабль король с французом и островитянином, который хотел продать свинью, и что произошло дальше.

Робертс удивился.

— А Тапега говорил мне совсем другое,— сказал он.— По его словам, вы отказались дать за свинью попугая и выгнали их всех с корабля, запретив возвращаться!

Наконец-то все выяснилось! Ратманов был прав: француз неправильно переводил островитянам слова Крузенштерна.

— Что же мне теперь делать? — спросил Крузенштерн.— Нам необходимо помириться с Тапегой, иначе «Нева» останется без воды.

Робертс задумался.

— Дело плохо,— проговорил он наконец.— Но попытаемся завтра утром все уладить. Сейчас островитяне очень возбуждены: они пляшут вокруг костров и поют военные песни. Но к утру они устанут, притихнут, и их боевой пыл пройдет. Я уверен, что Тапега вовсе не хочет с вами ссориться — ведь он всякий раз получает от вас столько подарков и дружба с вами ему очень выгодна. Если будет хоть малейший предлог для мира, он охотно помирится. Мы сделаем так: я переночую у вас на корабле, а на рассвете пойду к Тапеге и расскажу, как его обманул этот проклятый француз. Если Тапега смягчится, я дам вам знать, и тогда вы поезжайте к нему. Но непременно с подарками. Привезите королеве еще одно зеркальце, это подействует лучше всего.

ПРОГУЛКИ ПО ОСТРОВУ

Робертс исчез с корабля на рассвете. Все ждали, когда наконец он даст знать, как идут переговоры. Многие, напуганные вчерашними военными песнями островитян, сомневались в успехе. В полдень Робертс вернулся. Он улыбался.

— Поезжайте,— сказал он Крузенштерну.— Все улажено!

После вчерашнего нападения на шлюпку было бы, конечно, безрассудно ехать невооруженным. Моряки отправились на остров в двух шлюпках — одна под начальством Крузенштерна, другая под начальством Лисянского. В каждой шлюпке были лейтенант и десять матросов с ружьями. Робертс находился с Крузенштерном.

На берегу было пусто и тихо. Все островитяне попрятались. Крузенштерн оставил девять матросов под командой лейтенанта сторожить шлюпки. Остальные пошли вслед за Робертсом в деревню.

Робертс повел их новой дорогой.

Отряд с трудом пробирался через густую, пышную траву. Перешли вброд несколько ручейков. Лес, переплетенный лианами, пришлось обходить, так он был густ.

Моряков поразили высота стволов и изобилие плодов кокосовых пальм и хлебных деревьев.

За лесом начинались деревенские поля, огороженные плетнями, сделанными из прутьев какого-то особого дерева, совершенно белых и сверкающих на солнце. Поля эти засажены были растением таро, корень которого съедобен, и бананами.

Пройдя поля, отряд вошел в деревню и зашагал между тростниковыми хижинами.

Островитяне угрюмо смотрели на моряков из дверей своих хижин, но путь им никто не преграждал.

Вот наконец и королевская хижина. Навстречу им вышел, как и в прошлый раз, Тапега.

Он радостно улыбался. Лицо его не выражало ничего, кроме приветливой любезности. Видно было, что Робертс добросовестно выполнил возложенное на него дипломатическое поручение и король считал мир уже восстановленным.

Крузенштерн, Лисянский, Робертс и лейтенант Арбузов прошли вслед за королем в хижину и сели на циновки рядом с женщинами. Крузенштерн стал сейчас же раздавать подарки: все получили еще по зеркальцу, а королева сверх того несколько аршин желтой материи. Тапеге Крузенштерн привез офицерскую саблю, которую тот принял с восторгом. О вчерашнем раздоре никто не сказал ни слова, как будто его никогда и не было.

Посидев с гостями несколько минут, Тапега предложил всем пообедать, но Крузенштерн, поблагодарив, отказался. Он попросил Тапегу показать островитянское кладбище, так называемый морай. Описание кладбищ на тихоокеанских островах Крузенштерн читал в книгах путешественников и очень хотел увидеть их сам. Тапега охотно согласился отвести моряков к семейному королевскому мораю, где покоились останки его предков. Все вышли из хижины.

На дворе Крузенштерну показали внучку Тапеги, шестимесячную девочку его старшего сына. Дети короля и его сыновей в младенчестве считались богами, и островитяне воздавали им божеские почести. Крохотный божок жил в отдельной хижине, которая была табу для всех, кроме матери и теток. Хижина служила ему храмом. Только достигнув десятилетнего возраста, ребенок королевской фамилии переставал быть богом и мог переселиться в хижину своих родителей. Крузенштерн погладил по головке девоч-

ку, сосавшую кулачок, и этим очень обрадовал ее бабушку — королеву.

Тапега повел гостей в сторону гор, находящихся посередине острова. Робертс объяснил Крузенштерну, что все мораи островитяне устраивают обычно у подошвы какой-нибудь горы.

Дорога поднималась вверх, тропическое солнце жгло немилосердно, путники изнывали от жары и скоро утомились. Наконец они подошли к зеленому, почти отвесному горному склону. Тапега ввел их в небольшую рощу. Оказалось, что эта роща и есть королевский морай.

Моряки содрогнулись от удушающего трупного запаха. Среди веток деревьев были построены навесы из тонких жердей. На этих навесах лежали человеческие черепа и кости. Жители Нукагивы не зарывали своих мертвецов в землю, а клали их на деревья, среди ветвей. Мясо съедали хищные морские птицы, а кости оставались.

Посередине рощи стояли статуи в человеческий рост, сделанные из дерева. Тапега объяснил, что статуи эти изображают его прапрадедов, давно уже ставших богами. Тут же находился высокий столб, обвитый доверху листьями кокосовой пальмы и белой материей. Крузенштерн хотел дотронуться до этого столба, но Робертс вовремя сказал ему, что столб табу и трогать его нельзя. Невдалеке от столба и статуй находилась хижина жреца, охранявшего морай. Тапега позвал его, но из хижины никто не откликнулся. Жреца не было дома.

Тогда Тапега предложил морякам войти в хижину и там отдохнуть. Но моряки просидели там недолго. Запах тления был нестерпим, и они поспешили выйти из этой кладбищенской рощи.

Тапега попрощался — ему надо было вернуться в деревню. Он расстался с Крузенштерном самым дружеским образом и обещал скоро приехать на корабль. Робертс повел моряков кратчайшей дорогой к берегу.

Но солнце жгло так, что все вскоре взмолились о тени и отдыхе. Тогда Робертс заявил, что тут совсем рядом находится его дом, и пригласил всех к себе. Моряки охотно приняли это приглашение.

Робертс повел их в лес, и скоро они вышли на небольшую лесную полянку, посреди которой стояла одинокая тростниковая хижина.

Жилище Робертса ничем не отличалось от жилищ островитян. Навстречу гостям вышла молодая женщина с ребенком на руках. Это была жена Робертса, родная дочь Тапеги. Робертс ласково улыбнулся сыну, и ребенок протянул к нему ручки.

— Ваш сын тоже бог? — спросил Крузенштерн. — Ведь он внук короля.

— Нет, он не бог, — ответил Робертс смеясь. — Дети королевских сыновей — боги, но дети королевских дочерей — простые смертные.

Гости вошли в хижину и уселись на циновках. В углу стоял медный чайник и лежало ружье; только эти две вещи указывали на европейское происхождение хозяина; вся остальная утварь была такая же, как во всех других хижинах Нукагивы. Жена Робертса научилась от мужа нескольким английским словам и сейчас же попробовала пустить их в ход, но ничего связного ей сказать не удалось, и она смущенно умолкла.

Отдохнув и освежившись холодным кокосовым молоком, моряки снова пустились в путь. Робертс вывел их на берег как раз к тому месту, где стояли шлюпки. Здесь все было в полном порядке. Матросы спокойно покуривали свои трубки; их с самым добродушным видом окружали островитяне, пришедшие на берег, едва стало известно, что мир заключен.

Вернувшись на «Неву», капитан Лисянский немедленно послал шлюпку за водой. Через час шлюпка вернулась с полными бочками — островитяне сами наполнили их. Все шло по-старому.

Крузенштерн объявил, что экспедиция тронется в дальнейший путь, едва «Нева» вдоволь запасется водой. «Надежда» давно уже была готова к отплытию, и команда ее последние два дня стоянки у берегов Нукагивы провела в прогулках и поездках на шлюпках вдоль берега.

Во время одной из таких поездок лейтенанту Головачеву, командовавшему шлюпкой, удалось открыть неизвестный до тех пор географам залив, который был больше и глубже бухты Анны-Марии. Залив этот он назвал именем знаменитого русского моряка Чичагова. На берегу залива Чичагова стояла деревня, побольше и побогаче той деревни, в которой правил Тапега. Был здесь свой король, встретивший Головачева очень ласково. О Тапеге он отзывался

презрительно: деревня Тапеги могла выставить в бою только восемьсот воинов, а деревня залива Чичагова — тысячу двести.

Головачев заметил, что хижины здесь гораздо новее на вид, чем хижины деревни Тапеги, стены которых были покрыты плесенью и начали подгнивать. Это удивило его.

— Ваша деревня, видно, недавно построена? — спросил он короля.

— Нет, она построена давно,— ответил король,— но недавно ее разрушили громом твои братья, белые люди, и нам пришлось строить ее заново.

Головачев догадался, что это одна из тех двух деревень, которые разрушил капитан английского корабля, когда островитяне отказались дать ему провизию даром.

В окрестностях Головачев нашел несколько небольших ям, которые могли быть только следами пушечных ядер.

Головачев решил возвратиться сушей. Он отправил шлюпку прежним путем, а сам вместе с тремя спутниками пошел к бухте Анны-Марии пешком, через пустынную центральную часть острова. Целый день бродили они в горных ущельях, среди дикого тропического леса, такого густого, что иногда им приходилось прорубать себе дорогу топором. Усталый, измученный, прибыл поздно вечером Головачев на «Надежду».

— Ложитесь спать, лейтенант,— сказал ему Крузенштерн.— Завтра мы выходим в море.

Англичанин Робертс сопровождал моряков во всех их прогулках по острову. Он оказал экспедиции много важных услуг. Собираясь сняться с якоря, Крузенштерн хотел как-нибудь отблагодарить Робертса.

— Поезжайте с нами, Робертс,— сказал он ему.— На обратном пути мы будем плыть мимо Англии, и я отправлю вас на родину.

— Что вы! — закричал Робертс в ужасе.— Там беглых матросов заковывают в кандалы и отправляют на виселицу!

— Это верно,— согласился Крузенштерн.— Но у меня в Англии много влиятельных знакомых, и я мог бы похлопотать за вас. Неужели вы совсем не тоскуете по родине, по родному языку, по большим городам?

— Нисколько,— ответил Робертс.— На родине я был беден, бездомен, вечно голоден. Мне приходилось работать по пятнадцати часов в сутки, жевать черствый хлеб, жить

на чердаке. А здесь я свободен и сыт, я сам себе господин, у меня есть дом и семья. Уверяю вас, капитан, я отсюда никогда не уеду. Я был бы вполне счастлив, если бы черт унес куда-нибудь этого проклятого француза, который вечно делает мне пакости. Но на такое счастье невозможно надеяться.

Крузенштерн задумался.

— Что же я могу предложить вам, Робертс?—сказал он наконец.— Я дал бы вам денег, но, боюсь, на Нукагиве они вам не пригодятся. Просите у меня сами чего хотите.

— Сначала я хотел попросить пороху и пуль, сэр, потому что у меня есть ружье и нет зарядов,—ответил Робертс.— Но потом я подумал, что мне никогда не придется стрелять из ружья: зверей, чтобы охотиться, здесь нет, островитяне относятся ко мне отлично, а Кабри—трус и никогда не посмеет открыто напасть на меня. Нет, капитан, благодарю вас. Я ходил с вами по острову потому, что это было для меня развлечением. Никакой награды мне не нужно.

И все же Крузенштерну удалось, хотя и невольно, оказать Робертсу услугу.

17 мая 1804 года на рассвете «Надежда» и «Нева» подняли якоря. Ветер дул порывистый, постоянно менявший направление, и выйти из узкого, загроможденного коралловыми рифами горла бухты Анны-Марии оказалось очень трудно. Только к вечеру оба корабля были в открытом море. Едва стемнело, к Крузенштерну подошел лейтенант Ромберг и доложил, что в старых парусах, сложенных на палубе, матросы нашли человека, который забрался туда, вероятно, еще накануне вечером.

— Кого? Нукагивского островитянина?—спросил Крузенштерн.

— Нет, капитан,—ответил Ромберг,—белого.

Крузенштерн был удивлен таким открытием и приказал немедленно привести этого человека к себе. Но он удивился еще больше, когда человек этот оказался французом Кабри.

Кабри повалился Крузенштерну в ноги.

— Простите, капитан, простите!—закричал он.— Меня оклеветал враг. Я всегда был искренним вашим другом.

— Зачем вы без разрешения забрались на мой корабль?—строго спросил Крузенштерн.

— Я знал, что вы откажетесь взять меня. Я был оклеветан и не имел возможности оправдаться,— продолжал Кабри.— А на Нукагиве оставаться я больше не мог, потому что мой враг собирался погубить меня, едва вы покинете остров.

— Как же он собирался вас погубить?

— Он хотел застрелить меня из ружья.

Крузенштерн усмехнулся, вспомнив, что у Робертса нет ни крупинки пороха.

— Смилуйтесь, капитан, не бросайте меня в воду! — умолял Кабри.— Я не хочу даром есть хлеб, я буду работать вместе с матросами. Вы, кажется, плывете сейчас на Гавайские острова. Высадите меня там. Я согласен жить где угодно, лишь бы мой враг был далеко.

Крузенштерн принужден был оставить француза на корабле. Впрочем, он был даже рад этому: он отблагодарил Робертса.

ГАВАЙСКИЕ ОСТРОВА

Оба корабля плыли теперь к Гавайским островам. Там им предстояло разлучиться надолго: Крузенштерн решил отправить «Неву» к Аляске, а сам на «Надежде» держать путь к Камчатке.

Такое разделение кораблей должно было намного ускорить решение многочисленных задач, стоявших перед экспедицией. В то время, когда «Надежда» будет находиться в Японии, «Нева» посетит русские владения в Америке.

25 мая вторично пересекли экватор и опять вошли в Северное полушарие. Дул ровный попутный ветер. Он смягчал тропическую жару, погода стояла теплая, мягкая и приятная. Стаи летучих рыбок взлетали на воздух вокруг кораблей. Моряки, отдохнувшие на Нукагиве, работали усердно и охотно.

В свободное время офицеры «Надежды» развлекались рассказами француза Кабри. Крузенштерн заставил его вымыться, постричься, побриться, одеться в матросский костюм. Но, когда он начинал говорить, все удивлялись диким суевериям этого европейца.

Он твердо верил в колдовство и разные заговоры. На груди у него висел волшебный талисман, который он надел перед отъездом с острова для того, чтобы Крузенштерн не

бросил его в море. Талисман состоял из кожаного мешочка, в котором лежали два свиных зуба. А чтобы талисман действовал верней, он положил в мешочек еще маленький медный крестик.

Он был глубоко убежден, что только благодаря этому талисману Крузенштерн оставил его на корабле.

Моряки особенно охотно слушали его рассказы о том, как он разными волшебными способами старался извести своего врага — Робертса.

— Эй, Кабри,— просили они его,— расскажи нам, как ты нагонял на Робертса болезнь.

— Да, я решил нагнать на Робертса болезнь,— начинал Кабри.— Для этого мне нужна была его слюна. Я пошел к Робертсу и притворился, что хочу помириться с ним. Он пожал мне руку. Тогда я угостил его гнилым бананом. Банан был горький, и Робертс начал плеваться. Один его плевок попал на траву. Я сейчас же сорвал листик с плевком и отнес к себе в хижину. А там у меня уже был припасен волшебный порошок, который я достал у жреца, живущего в морае. Я смешал слюну Робертса со щепоткой порошка, зашил смесь в мешочек, сплетенный из древесной коры, и зарыл потом этот мешочек в землю. Человек, слюна которого зарыта вместе с волшебным порошком в землю, начинает болеть и в конце концов после долгих мучений умирает.

— Ну что же, Робертс заболел?

— Нет! — печально восклицал Кабри.— Но я знаю, отчего он не заболел. Он сам волшебник, и на него никакое волшебство не действует.

Во время этого плавания между Нукагивой и Гаваями произошла неприятная история с Федором Толстым. Крузенштерн давно уже неодобрительно относился к дерзким проделкам молодого графа, но тут Толстой выкинул штуку, которая окончательно вывела капитана из терпения.

Толстой вез из Бразилии обезьяну. Обезьяна смешила весь экипаж любовью к подражанию. Она бродила за Толстым по пятам и делала все, что делал он: тасовала карты, разливала вино по бокалам, сосала трубку. Этим граф воспользовался для злой шутки.

Однажды утром вместе с обезьяной вошел он в капитанскую каюту. В каюте никого не было. Толстой взял ле-

жавший на столе лист чистой бумаги, полил его чернилами и ушел, оставив свою обезьяну в капитанской каюте.

Через полчаса Крузенштерн, зайдя к себе в каюту, увидел там обезьяну, которая сидела на столе и аккуратно поливала чернилами его судовой журнал, лист за листом. Все драгоценные записи капитана о путешествии были испорчены. Их нужно было писать заново.

Крузенштерн сразу догадался, чьи это проделки. Он вызвал к себе Толстого и объявил ему, что на Камчатке высадит его на берег.

7 июня с корабля увидели землю. Это был самый южный и самый большой из Гавайских островов. Раньше всего заметили огромную гору Мауно-Лоа, возвышающуюся посреди острова. Вершина ее была скрыта в облаках.

В конце дня, перед сумерками, моряки увидели лодку, плывшую к «Надежде». Все выбежали на палубу встречать гостей.

В лодке сидели двое — мужчина и женщина. По виду они совсем не отличались от жителей острова Нукагива, но одеты были лучше: кроме юбочек, на них были еще рубашки из желтой бумажной материи. Они привезли с собой для продажи несколько дюжин кокосовых орехов, гроздь бананов и довольно тощего поросенка.

Впустив гостей на палубу, Крузенштерн вызвал Кабри, надеясь, что французу, знавшему язык жителей Нукагивы, удастся сговориться с гавайцами. Кабри заговорил очень бойко, но гавайцы ничего не поняли. Оказалось, что хотя и жители Нукагивы и жители Гаваев полинезийцы, но говорят они на разных наречиях. Гавaец, с недоумением выслушав Кабри, вдруг заговорил на ломаном английском языке.

— Кто вас научил говорить по-английски? — спросил Крузенштерн, совсем сбитый с толку.

— У нас в деревне есть английская церковь и белый жрец,— ответил гаваец.— Он велит нам ходить в церковь, учит говорить по-английски. А кто не ходит в церковь, у тех он отбирает землю.

Крузенштерн понял, что речь идет об английском миссионере.

Минуло уже двадцать шесть лет с тех пор, как Кук открыл Гавайские острова, и восемнадцать лет с тех пор, как их посетил Лаперуз. За это время в жизни гавайцев произошли большие изменения.

Приступили к торговле. Крузенштерн приказал принести два топора и маленькое зеркальце. Гаваец презрительно сморщился и сказал, что этого мало. За такую цену он даст два-три кокосовых ореха, не больше. Крузенштерн прибавил еще топор и еще зеркальце, но гаваец и на это не согласился.

Он рассказал, что к их острову каждый год подходят несколько европейских кораблей и все они привозят топоры, зеркальца и бусы. Крузенштерн дал ему сверх того несколько аршин полотна. Это гавайцу понравилось больше. И все же он не согласился отдать поросенка. Он просил сукно.

— К сожалению, у нас на корабле нет сукна,— ответил Крузенштерн.

Он говорил правду.

— А это что?— воскликнул гаваец, хватая Крузенштерна за рукав его капитан-лейтенантского расшитого золотом мундира.

Крузенштерн рассмеялся и объяснил гавайцу, что он не может отдать ему мундир.

Долго еще торговались.

Наконец гаваец уступил. Он продал поросенка, кокосовые орехи и бананы за полдюжины топоров, два зеркальца и десять аршин полотна.

— Немного нам удалось купить сегодня,— сказал Крузенштерн, посылая покупки повару.— Этого поросенка не хватит и на ужин. Авось завтра повезет больше.

На на другой день совсем не повезло. Долго не появлялись лодки. Наконец после обеда к «Надежде» подошли две-три, но гавайцы, сидевшие в них, узнав, что на корабле нет сукна, сейчас же стали грести к берегу. Из всех европейских товаров жители Гавайских островов теперь ценили только сукно.

— Миссионер запрещает нам ходить голыми и велит всем одеться в суконное платье,— объясняли они.— Вот нам и приходится все отдавать за сукно.

Это была мера, чрезвычайно выгодная английским суконным фабрикантам.

— Мы зря сюда пришли и только напрасно потеряли время,— сердился Крузенштерн.— Высадим здесь своего пассажира и завтра же тронемся в дальнейший путь.

Он позвал Кабри и велел ему собираться.

— Я сейчас исполню ваше желание и отправлю вас в шлюпке на берег,— сказал он ему.

Но француз опять бросился на колени.

— Не губите, капитан! — причитал он.— Там, где есть английский миссионер, есть и французский. А он схватит меня, несчастного беглого матроса, и отправит в кандалах во Францию.

Крузенштерн подумал, что Кабри, пожалуй, прав. Он не питал злобы к этому невежественному человеку. Кроме того, француз был неплохим матросом.

— Ладно,— сказал он ему.— Оставайтесь. Я высажу вас на Камчатке.

Вечером Крузенштерн отправился на «Неву» поговорить с капитаном Лисянским. Оба капитана заперлись в каюте. Кораблям предстояло опять разлучиться, и на этот раз разлука должна была продолжаться больше года. Лисянский внимательно слушал своего командира.

Вот каков был план Крузенштерна.

Пока «Надежда» будет находиться на Камчатке, отвозить в Японию посла, исследовать еще неведомые берега Сахалина, «Нева» посетит русские колонии в Америке, выгрузит там товары Российско-Американской компании и наполнит свои трюмы мехами. В сентябре будущего года оба корабля встретятся в Китае, в португальском порту Макао. Там моряки продадут меха и проверят, насколько может быть выгодна торговля с Китаем.

Было уже очень поздно, когда Крузенштерн, крепко пожав Лисянскому руку, сел в шлюпку и вернулся на «Надежду».

Утром корабли расстались во второй раз. «Надежда» пошла на северо-запад, «Нева» — на северо-северо-восток.

КАМЧАТКА

13 июля с «Надежды» увидели наконец гористый берег Камчатки. Сосновые и пихтовые леса покрывали склоны гор, на вершинах которых блестел снег.

Моряки обрадовались этой угрюмой стране — все-таки это была окраина их родины, там жили русские люди.

Следующим утром корабль вошел в Авачинскую губу и остановился против города Петропавловска. Но в то время он только назывался городом — на самом деле это была

небольшая русская деревушка, состоявшая из шестидесяти изб и трех деревянных казенных строений.

Число жителей в Петропавловске едва достигало ста восьмидесяти человек, причем женщин было не больше двадцати пяти, а остальные — мужчины, главным образом солдаты.

Моряки обрадовались, услышав снова родной язык, и почувствовали себя опять на родине, хотя от Европейской России отделяло их пространство во много тысяч верст.

Крузенштерн прежде всего занялся выгрузкой на берег товаров, присланных Российско-Американской компанией для Камчатки. Эта работа заняла целых две недели. Потом принялись за починку снастей и парусов, сильно истрепавшихся во время такого длинного путешествия. Снасти пришлось заменить новыми, на парусах поставили крепкие заплаты.

12 августа из Нижнекамчатска прискакал камчатский губернатор генерал Кошелев. От Нижнекамчатска до Петропавловска семьсот верст, но губернатор так соскучился в своей дикой дальней губернии, так хотел повидать гостей, прибывших из России, что проделал весь путь по непроходимым дебрям в две недели. Приезд губернатора был очень кстати: без его распоряжений морякам трудно было бы добыть в Петропавловске запас провизии, которого хватило бы на путешествие в Японию и обратно.

Губернатор приказал доставить на корабль мяса и свежей рыбы.

— Ешьте скорей, пока не испортилось,— говорил он Крузенштерну.— Посолить рыбу впрок нам нечем. Соль на Камчатке — драгоценность и редкость: фунт стоит четыре рубля, да и по такой цене никто не отдаст.

Недостаток соли помешал Крузенштерну запастись провизией в нужном количестве. Большая часть рыбы, взятой на Камчатке, скоро протухла, и ее пришлось выбросить. В пути из Петропавловска в Японию моряки по-прежнему питались петербургской солониной и петербургскими сухарями. И, только пока стояли в самом Петропавловске, могли вволю питаться свежей рыбой и свежим мясом.

На Камчатке в составе пассажиров «Надежды» произошли некоторые изменения: «благовоспитанные молодые люди» доктор Бринкин и художник Курляндцев, которым

путешествие успело надоесть, решили ехать в Петербург сухим путем, через Сибирь.

Кроме того, в Петропавловске Крузенштерн оставил одного из своих японцев, француза Кабри и поручика графа Толстого.

Японец этот сам умолял Крузенштерна оставить его в России. Он уверял, что в России ему жилось гораздо лучше, чем в Японии, и просил, чтобы ему разрешили вернуться в Иркутск. Крузенштерн согласился.

А француз Кабри поступил к камчатскому губернатору в лакеи. В те времена у русских бар считалось модным иметь лакея-француза, и губернатор был очень доволен.

Граф Федор Толстой изо всех сил стремился примириться с Крузенштерном, но Крузенштерн оказался непреклонным. Ему не нужен был такой спутник. Он списал Толстого с корабля и взял вместо него поручика Кошелева, младшего брата камчатского губернатора.

Федор Толстой не слишком был этим удручен. Оставленный в Петропавловске, он через некоторое время съездил на купеческом судне на Аляску, пожил среди американских индейцев, посетил Алеутские острова и тем полностью удовлетворил свою страсть к приключениям. Вернувшись в Петербург через Сибирь, он много лет хвастал своей татуировкой и своими похождениями.

ЯПОНИЯ

ПРИБЫТИЕ

30 августа 1804 года «Надежда» вышла из Петропавловска и направилась к югу Японии.

Погода стояла бурная, мрачная, холодная. Шторм свирепствовал не переставая, в течение двух недель солнца не видели ни разу. В носовой части корабля обнаружили течь, которую никак нельзя было заделать в открытом море. Приходилось беспрерывно откачивать воду, и эта дополнительная работа изнуряла моряков.

15 сентября наконец выглянуло солнце, буря немного улеглась, стало гораздо теплее.

28 сентября с корабля заметили берег острова Кю-Сю[1], на юго-западном побережье которого расположен японский порт Нагасаки. Большой остров этот горист и прорезан многочисленными заливами, глубоко вдающимися в сушу.

Португальцы, испанцы и голландцы издавна делали попытки завладеть Японией. Но японцы, разгадав их намерения, решили отделить свою страну от всего остального мира и не допускать в нее иноземцев. В 1638 году японским правительством был издан закон, который гласил:

«На будущее время, доколе солнце освещает мир, никто не смеет приставать к берегам Японии, хотя бы он даже был послом, и этот закон никогда не может быть никем отменен под страхом смерти».

Но так как японские помещики нуждались в европейских товарах, пришлось из этого правила сделать исключение. Голландским купеческим судам разрешалось заходить в Японию, впрочем, только в один японский порт — в Нагасаки.

Таково было постановление японского правительства, чрезвычайно выгодное для голландских купцов, которым вовсе не хотелось иметь конкурентов и делить барыши с купцами других стран.

Владельцы и капитаны торговых голландских судов знали, что такое положение не может продолжаться вечно, что японское правительство поймет когда-нибудь выгоду торговли с другими государствами и отменит свое постановление. Поэтому голландцы старались изо всех сил помешать иностранным судам ходить в Японию и тщательно скрывали свои географические карты от других мореплавателей.

Вот уже почти двести лет голландцы посылали в Нагасаки свои корабли, а другие европейские народы не знали ни очертаний японских берегов, ни рифов и мелей, расположенных в море вокруг них.

В распоряжении Крузенштерна были чрезвычайно неточные японские и китайские карты, добытые одним французским мореплавателем у китайских географов. Японцы и китайцы в те времена не умели составлять настоящие географические карты — они чертили их на глазок, как

[1] Теперь — остров Кюсю.

вздумается, без указания широты и долготы. Земли, расположенные далеко друг от друга, они рисовали иногда рядом, а земли, расположенные рядом, попадали у них подчас на разные концы карты. Конечно, ни один моряк не мог руководствоваться в своем плавании такими картами. И Крузенштерну приходилось идти не только почти неведомым путем, но и составлять при этом подробную карту берегов, которой могли бы пользоваться мореплаватели будущих времен.

Особенно измучили русских моряков заливы острова Кю-Сю. Каждый из этих длинных заливов Крузенштерн принимал сначала за пролив. Ему не раз казалось, что Кю-Сю не остров, а целый архипелаг небольших островов, отделенных друг от друга узкими проливами. Для того чтобы проверить это с достоверностью, ему приходилось входить в каждое углубление берега. Но всякий раз, разочарованный, он возвращался обратно, в открытое море, потому что найденные им проливы в конце концов преграждались горами и оказывались заливами.

Не меньше неприятностей доставили ему многочисленные маленькие островки, расположенные вокруг Кю-Сю. На японских картах они были указаны далеко от берега, потому что японские корабли были хуже европейских и всякое морское путешествие казалось японцам очень далеким. А между тем эти островки часто отделялись от берега узкими проходами, в которых кораблю угрожали отмели и подводные камни. Несмотря на жаркую летнюю погоду, ветер дул сильный, порывистый, и «Надежду» швыряло из стороны в сторону.

Все находившиеся на корабле с любопытством разглядывали японский берег. Япония в то время была для европейцев загадочной страной, о которой ходили разные необычайные слухи и рассказы.

Нигде на берегах Японии моряки не видели никаких стад — ни лошадей, ни коров, ни овец; по-видимому, японский крестьянин возделывал поля своими руками, без помощи домашних животных.

С моря хорошо были видны дороги. Дороги эти, проложенные совершенно прямо, как по мерке, уходили вдаль, насколько хватал взор. Каждая дорога была ровно обсажена двумя рядами высоких деревьев.

В заливах и бухтах моряки видели множество лодок — должно быть, рыбачьих. Крузенштерну хотелось поближе познакомиться с жителями страны, и он знаками предлагал рыбакам взойти на корабль. Но рыбаки, увидев русский корабль, начинали изо всех сил грести к берегу: они знали, что всякий японец, который осмелится заговорить с иностранцами без разрешения начальства, будет наказан.

Японцы, которых Крузенштерн вез из России, увидев берега своей родины, сначала немного повеселели. Но когда до Нагасаки было уже совсем недалеко, они вдруг снова стали мрачны и печальны. Какую встречу готовят им их соотечественники? Японцам в те времена было запрещено покидать родину. Как доказать, что они попали в Россию не добровольно? В Нагасаки у них не было ни знакомств, ни связей, так как родом они были из северной Японии.

8 октября рано утром «Надежда» вошла в большой залив, на берегу которого расположен город Нагасаки. К кораблю подошла лодка, и на палубу поднялся японский чиновник. Он был без шапки, в шелковом цветном кимоно до пят.

Чиновник долго и прилежно кланялся всем, нагибаясь почти до полу. Посол Резанов с помощью своих японцев стал задавать ему вопросы, но чиновник по-прежнему кланялся, бормоча что-то невнятное. Потом сам стал спрашивать, что за корабль, какому государству принадлежит и зачем прибыл в Японию. Узнав, что перед ним находится посол, он быстро поклонился еще раз пятьдесят, слез к себе в лодку и уехал.

Через час, когда до Нагасаки было уже совсем близко, на корабль прибыл другой чиновник, кланявшийся не меньше первого. Он уже ничего не спрашивал и был нем как рыба. Очевидно, он исполнял в порту обязанности лоцмана, потому что стал рядом с Крузенштерном и начал показывать ему, как войти в гавань. А когда «Надежда» вошла в гавань, он указал, где стать на якорь.

Город из гавани не был виден, потому что гавань окружена высокими холмами, и Нагасаки расположен немного отступя от берега. На холмах моряки сразу заметили сложные укрепления — форты, крепости, батареи. В случае надобности японцы могли с трех сторон обстрелять из пушек находившиеся в гавани суда.

Гавань была полна кораблей. Всюду, куда ни взглянешь, виднелись мачты и развевающиеся по ветру флаги. Вокруг «Надежды» стояли китайские джонки, прибывшие из Китая с грузом шелка, и много японских судов; в большинстве это были просто широкие, вместительные лодки с навесом, защищавшим гребцов от солнца. Лодки, украшенные различными вымпелами и знаменами, поспешно кружили по гавани. Стояли здесь и довольно крупные парусные японские суда, с обширной палубой, покрытые черной тканью, вооруженные пушками, но их было немного. Вдали, на другом конце гавани, Крузенштерн разглядел два-три корабля под голландскими флагами. По внешнему своему виду корабли были не военные, а купеческие и притом не очень крупные. Среди всех судов Нагасакской гавани «Надежда» была самым большим.

Едва «Надежда» стала на якорь, чиновник, исполнявший обязанности лоцмана, уехал на берег. Но через полчаса к «Надежде» снова причалила японская лодка. Теперь на палубу взошло сразу десять человек. Новоприбывшие держали себя совсем иначе, чем те два японца, которые приезжали раньше на корабль. Они не только никому не кланялись, но даже, казалось, никого не замечали. Крузенштерн, встретивший их, попытался с ними заговорить, но они, к его удивлению, ничего ему не ответили. Безмолвно, не спросив разрешения, они спустились по трапу в кают-компанию. Начальники сели на диван, а слуги поставили перед ними по ящику с маленькими курительными трубками и по небольшому чугунному котелку с горячими углями. Каждый начальник взял трубку, разжег ее угольком и закурил. Но трубки были так малы, что, сделав две-три затяжки, приходилось класть их обратно в ящики и брать новые. Все трубки набили табаком еще до приезда на корабль.

Изумленный таким бесцеремонным поведением гостей, Крузенштерн вызвал Резанова и двух японцев, бойко говоривших по-русски.

Но на поклон посла начальники тоже не обратили внимания. Так, в полном безмолвии, курили они минут десять. Наконец один из начальников что-то сказал вполголоса своему подчиненному. Тот выслушал своего господина, согнувшись пополам и опустив руки до полу. Пока начальник говорил, он с почтительным шипением втягивал в себя

воздух. Потом выпрямился и, обращаясь к Крузенштерну, произнес несколько слов по-голландски.

Тогда все разъяснилось. Подчиненные были переводчики с голландского языка на японский, а начальники – офицеры, которым нагасакский губернатор поручил наблюдение за портом. Такое странное поведение японцев было обычной японской церемонией: знатный японец должен сначала посидеть, покурить и только минут через десять может начать разговор.

Крузенштерн во время своих далеких странствий по свету, а особенно во время своего пребывания в Капштадте, у мыса Доброй Надежды, выучился немного говорить по-голландски и мог теперь кое-как объясняться с японскими офицерами через их переводчиков.

Начался разговор. Едва Крузенштерн произнес первую фразу, как переводчик толкнул его легонько в спину, давая ему понять, что, разговаривая с такими важными лицами, нужно кланяться. Но Крузенштерн продолжал говорить, стоя совершенно прямо. Японские офицеры слушали его с каменными, ничего не выражавшими лицами.

Он рассказал о цели своего приезда в Нагасаки и о желании русского правительства заключить с Японией торговый договор. Узнав, что Резанов – посол, японцы, сидевшие на диване, слегка поклонились ему не вставая.

Крузенштерн спросил, когда Резанову можно будет ехать в столицу Японии для переговоров, когда команде «Надежды» разрешат сойти на берег и как поступить с японцами, привезенными из России. Но вместо ответа японские офицеры стали задавать ему вопросы о путешествии, совершенном «Надеждой». Они показали при этом, что познания их в географии довольно обширны: им было, например, известно, что Тенериф – один из островов Канарского архипелага и что Дестеро находится в Бразилии.

— Как вы шли из Камчатки в Нагасаки: вдоль восточного берега нашей страны или вдоль западного? – спросили они его.

— Вдоль восточного,— ответил Крузенштерн.

Японцы, казалось, были довольны: они разрешали голландцам подъезжать к Нагасаки только с востока, а западное побережье Японии тщательно скрывали от европейцев. Но от ответов на вопросы Крузенштерна они уклонились, сказав, что вечером доложат обо всем нагасакскому губер-

натору и губернатор все решит. Они просили русских без позволения губернатора не съезжать на берег и не посещать других судов, стоящих в гавани. А о поездке Резанова в столицу говорить еще рано, потому что это может решить только сам император.

Моряки, находившиеся в это время на палубе, с интересом разглядывали лодку, в которой приехали гости. Лодка, привязанная канатами к кораблю, не была пустой. Там под навесом шевелились какие-то люди. Сквозь щели навеса моряки «Надежды» разглядели там людей, одетых в европейские мундиры.

Через полчаса на палубу из кают-компании вышел японский переводчик и, подойдя к борту, громко крикнул людям в лодке по-голландски:

— Господа, вам разрешается взойти на корабль!

Разрешение было дано не Крузенштерном, а японскими офицерами, которые распоряжались теперь на «Надежде», как на своем собственном корабле.

Из лодки по трапу поднялись на палубу четыре важных голландца. Они приехали в гости вместе с японцами, но должны были из почтения к японским офицерам полчаса просидеть в лодке. Спустившись в кают-компанию, они даже не взглянули на Крузенштерна и Резанова, а остановились прямо против японцев, сидевших на диване.

Голландцы поклонились дивану, опустив лысые головы ниже колен и коснувшись руками пола. Только тогда обернулись они к русским, пожали им руки и представились. Это были: директор голландской фактории в Нагасаки Дуф, его секретарь, два капитана стоявших в гавани голландских кораблей и важный голландский чиновник барон Пабст. Крузенштерн предложил им сесть. Голландцы опасливо взглянули на японских офицеров, потоптались немного и наконец, набравшись храбрости, решились усесться на стульях.

Директор Дуф говорил по-английски. Крузенштерн очень обрадовался этому: он может поговорить с ним о чем захочет, а японцы их не поймут.

— Отчего вы так унижаетесь перед японцами? — спросил Крузенштерн.

— А как же иначе? — сказал Дуф. — Хочешь торговать с японцами, так подчиняйся их правилам и терпи. Если из вашего посольства выйдет какой-нибудь толк, вы будете

унижаться не меньше нас. Впрочем, не думаю, чтобы господина Резанова пустили в столицу Японии. Вероятнее всего, вас выпроводят отсюда ни с чем, как выпроводили англичан, приходивших в Нагасаки лет пять назад...

Крузенштерн не особенно доверчиво слушал пророчество Дуфа: было ясно, что голландцы не хотят допустить русских конкурировать с ними в Японии. Ему казалось, что Дуф просто пугает его, и он заговорил с голландскими капитанами. Разговор скоро наладился — капитанам было интересно поговорить с таким опытным моряком, как Крузенштерн. Они охотно рассказывали ему о своих плаваниях вокруг Африки, по Индийскому океану, среди островов Индонезии. Но, как только Крузенштерн заводил разговор о Японии, где они бывали много раз, капитаны начинали путаться, сбиваться, отвечать невпопад. Они упорно скрывали свои знания от иностранцев.

Наконец гости собрались уезжать. Японские офицеры поднялись все с теми же каменными и надменными лицами. На прощание они объявили, что завтра «Надежду» посетят секретари губернатора и начальник города. Крузенштерн очень обрадовался этому известию: он надеялся, что важные особы, собирающиеся посетить корабль, привезут с собой разрешение морякам съезжать на берег и сообщат наконец что-нибудь о предполагаемой поездке русского посла в город Иеддо, столицу Японии, к японскому императору. Но при этом офицеры прибавили несколько совсем неутешительных слов — они заявили, что секретари губернатора отберут у команды «Надежды» все ружья и весь порох.

— Наше правительство не желает, чтобы в Нагасакской гавани находились вооруженные иностранцы,— сказали они.— Когда вы будете уезжать отсюда, мы вам вернем и ваши ружья и ваш порох.

Крузенштерн сильно встревожился и спросил директора Дуфа:

— Скажите, директор, голландские корабли, приходя в Нагасаки, тоже отдают весь свой порох японцам?

— Конечно,— ответил голландец.— Мы отдаем не только порох, но даже шпаги. Иначе нас ни за что бы сюда не пустили.

И лодка отошла, увозя гостей.

На другой день в четыре часа к кораблю подошло несколько лодок, груженных рыбой, пшеном и живыми гуся-

ми. Крузенштерн подумал, что провизия эта привезена на продажу, и стал знаками справляться о цене. Но японец-переводчик, находившийся в одной из лодок, объяснил ему, что рыба, крупа, гуси присланы нагасакским губернатором в подарок русским морякам и денег за них платить не нужно. Все на корабле очень обрадовались такому подарку, потому что давно уже не ели свежей пищи.

Через час приехали новые гости, в небольшой барке, разукрашенной цветными флажками. Барку эту тащили на буксире четыре лодки. Гости — секретари губернатора и начальник города — взошли на палубу в сопровождении многочисленной свиты, среди которой было несколько музыкантов, беспрерывно бивших в литавры. Крузенштерн повел гостей в кают-компанию. Они держали себя совершенно так же, как приезжавшие вчера офицеры: начальники сели на диван и закурили, а подчиненные остались стоять. Среди подчиненных было несколько переводчиков, и минут через десять Крузенштерну удалось начать разговор.

Прежде всего он, конечно, спросил, когда русскому послу будет разрешено ехать в Иеддо. Но японцы заявили, что на этот вопрос может ответить только правительство и им самим ничего не известно.

— Губернатор еще вчера послал в Иеддо курьера с сообщением о вашем прибытии,— сказали они.

Крузенштерн спросил, далеко ли от Нагасаки до Иеддо и сколько времени потребуется курьеру, чтобы съездить туда и обратно, но ответ получил явно преувеличенный и неопределенный.

— Очень далеко. Вам придется подождать полтора-два месяца.

Крузенштерн знал, что Япония, в сущности, невелика и в ней не может быть очень больших расстояний. Но японцы всякий раз отвечали ему так, что он не мог себе представить географию их государства. Очевидно, расположение своих городов они считали военной тайной.

Тогда Крузенштерн стал просить, чтобы русским морякам разрешили гулять по берегу и чтобы послу Резанову позволили до получения ответа из Иеддо жить в городе.

— Мы это обсудим. Мы передадим вашу просьбу губернатору. Мы ничего вам не можем сейчас обещать,— твердили японцы.

Так же не дали они никакого ответа на вопрос, что делать с их соотечественниками, привезенными из России. Секретари губернатора были важные господа и брезгливо морщились, когда с ними заговаривали о нищих рыбаках, потерпевших крушение у русских берегов.

— Пусть пока поживут у вас на корабле,— говорили они.— Если посол поедет в Иеддо, он захватит их с собой. А если посол в Иеддо не поедет, мы еще успеем решить, что с ними делать.

Побеседовав полчаса, секретари губернатора потребовали, чтобы им выдали весь порох и все ружья, находившиеся на корабле. Крузенштерн колебался, не зная, как поступить. Но, посоветовавшись с Ратмановым и Ромбергом, он решил согласиться на требования японцев: ведь все равно в этой гавани, окруженной японскими батареями, «Надежда» при столкновении с японцами была бы разнесена, уничтожена, даже если бы ей оставили порох. Одного только он хотел добиться во что бы то ни стало — чтобы не отбирались ружья у шести матросов, составлявших почетную стражу посла. После долгих споров японцы уступили — шестерым матросам оставили их ружья и немного зарядов. Весь остальной порох и все остальные ружья были свалены на барку и увезены.

— И все же с нами поступили милостивее, чем с голландцами,— улыбаясь, сказал Ратманов Крузенштерну.— У нас не отобрали наши шпаги.

Прощаясь с гостями, Крузенштерн попросил их послать на корабль какого-нибудь купца, у которого он мог бы покупать провизию для команды, пока «Надежда» стоит в Нагасаки.

— Одни только голландцы имеют право покупать провизию и товары у наших купцов,— ответил первый секретарь губернатора.— С Россией у нас нет еще торгового договора, и вы ничего здесь покупать не имеете права. Все, что вам понадобится, губернатор будет присылать бесплатно.

Японские чиновники уехали вместе со свитой, но теперь «Надежду» чуть ли не каждый день стали посещать разные высокопоставленные особы, и Крузенштерн скоро привык принимать гостей.

Моряки давно уже заделали течь в днище своего корабля, и «Надежда» была готова к выходу в море. Но недели

шли за неделями, а дело почти не двигалось с места. Прошло полтора месяца, прежде чем губернатор наконец согласился удовлетворить просьбу Крузенштерна и разрешил морякам гулять по берегу. Но, конечно, он не позволил им ходить куда угодно. Для прогулок русских моряков на берегу среди пустырей было отведено место в сорок шагов длины и двадцать шагов ширины. Место это обнесли широким крепким забором и поставили кругом вооруженную стражу. Моряки могли там гулять по измятой траве вокруг единственного дерева. Причем, когда шлюпка «Надежды» отвозила моряков в это место для гулянья, ее всякий раз сопровождала целая флотилия лодок, полная солдат. Естественно, что подобные предосторожности отбивали всякую охоту выходить на прогулку, и клочок суши, отведенный русским морякам, пригодился только одному человеку — астроному Горнеру, который отвез туда свой телескоп и устроил временную обсерваторию.

— Там, по крайней мере, нет качки,— объяснил Крузенштерну Горнер.— С качающейся палубы очень трудно смотреть на звезды в телескоп.

Резанову переселиться на берег разрешили еще позже. Японцы все отговаривались тем, что они не могут подыскать помещения, достойного такой важной особы, как русский посол.

В конце концов через два месяца после приезда японцы выполнили эту просьбу Крузенштерна. Они выбрали на самом берегу небольшой двухэтажный домик, стоявший особняком от других, и обнесли его со всех сторон толстым, крепким забором. Забор этот отгораживал дом даже от моря. Единственные ворота, прорубленные в заборе, выходили к воде и запирались большим замком, ключ от которого находился у начальника японской стражи. Когда забор был готов, Крузенштерна известили, что посол может переехать в дом.

Крузенштерн никогда прежде не бывал в японских домах и поэтому, приехав осмотреть будущее жилище посла, очень удивился. У японцев нет никакой мебели, и дом внутри был совершенно пуст. Комнаты отделялись друг от друга большими ширмами из плотной бумаги, которые свободно передвигались с места на место. Благодаря этим передвижным стенкам, живущие в доме могли по желанию придавать своим комнатам любую форму.

С двигающимися стенками Крузенштерн кое-как еще примирился, но с отсутствием мебели он примириться не мог. По его приказанию в дом посла привезли с «Надежды» стулья, столы и кровать.

Переезд Резанова в его новое жилище совершился 17 декабря. Японцы, к удивлению моряков, обставили этот переезд с чрезвычайной торжественностью и оказали русским в этот день множество неожиданных почестей. Какой-то богатый японский князь, живший в Нагасаки, прислал послу для путешествия на берег свою яхту. Никогда еще русские не видали судна, отделанного с такой роскошью: стены кают были покрыты блестящим лаком, лестницы сделаны из красного дерева, пол всюду устлан драгоценными коврами, занавески перед дверьми вытканы золотом, а по бортам всего судна висели огромные шелковые разноцветные флаги с какими-то надписями. Едва Резанов вместе со своей свитой спустился в яхту, как на носу ее был поднят русский флаг. Яхта плыла в сопровождении нескольких сотен разукрашенных лодок. В лодках сидели музыканты, которые играли на странных японских инструментах.

Так въехал русский посол в свой дворец. Но, как только он оказался внутри, его заперли на замок. И впоследствии всякий раз, когда Крузенштерн ездил к послу и когда посол ездил на «Надежду» к Крузенштерну, приходилось вызывать привратника и отпирать ворота. Жить с послом имело право только определенное число людей, и каждый вечер остававшихся на берегу русских пересчитывали.

На другой день после переезда посла японские чиновники заявили Крузенштерну, что губернатор поручил им перевезти с корабля в дом посла подарки, которые русский царь прислал японскому императору. Так как подарки эти заключались главным образом в огромных драгоценных зеркалах, не помещавшихся ни в какой лодке, для перевозки их пришлось соорудить плот из толстых бревен. Положив зеркала на плот, японцы почему-то закрыли их ворохами красных, необычайно дорогих сукон.

— Стоит ли на упаковку тратить такие сукна,— сказал им Крузенштерн.— Зеркалам ничего не сделается, если вы их покроете просто рогожей.

Но чиновники пришли в ужас от его слов. Покрывать подарки, предназначенные для императора, рогожей — это кощунство!

От этих чиновников Крузенштерн узнал, что, если император согласится принять подарки русского царя, эти зеркала будут отнесены из Нагасаки в Иеддо на руках.

— Нельзя иначе! — восклицали японцы. — Два года назад китайский император прислал в подарок нашему императору слона, и наш император приказал отнести этого слона из Нагасаки в Иеддо на руках.

— И отнесли? — спросил Крузенштерн.

— Отнесли! — ответили японцы.

Время шло, а русские все никак не могли узнать, примет император посла или не примет. Японцы уверяли, что ответ из Иеддо еще не получен.

Моряки изнывали от скуки и безделья. Им запретили встречаться даже с голландцами. Директора Дуфа Крузенштерну не удалось повидать больше ни разу. Однажды голландский корабль, собиравшийся покинуть гавань и поднявший якоря, подошел случайно совсем близко к «Надежде». На капитанском мостике этого корабля Крузенштерн увидел одного из капитанов, которые приезжали к нему в гости вместе с Дуфом. Поднеся ко рту рупор, Крузенштерн громко пожелал отъезжающему капитану счастливого пути, но голландец ничего не ответил и отвернулся. Крузенштерн рассердился, но потом, узнав, что японцы строжайше запретили голландцам разговаривать с русскими, он понял, что капитан иначе поступить не мог.

Как-то рано утром в гавань пришли еще три голландских корабля. На «Надежду» приехал японский офицер и предупредил, что новоприбывшие будут сейчас салютовать Нагасакской крепости пушечными выстрелами.

— Не примите этот салют на свой счет, — сказал он, — и не вздумайте отвечать салютом.

Предупреждение было вздорное, потому что русские все равно не могли палить из пушек, не имея ни крупинки пороха. Голландцы начали салютовать и стреляли в течение шести с половиною часов. Крузенштерн насчитал четыреста выстрелов. В те времена, по международным обычаям, судно, приходившее в порт дружественной страны, должно было салютовать самое большее тринадцатью выстрелами. Каково же было удивление Крузенштерна, когда на четыреста выстрелов голландских кораблей японская крепость не ответила ни одним!

Живя на корабле, Крузенштерн, конечно, не мог узнать много о жизни и обычаях японцев. Но кое-что он все же узнал и записал. Вот отрывок из его записей:

«Одеяние японцев состоит из короткого верхнего платья с широкими рукавами и из узкого нижнего, длиною по самые пяты, которое подобно одежде европейских женщин, с тою притом разницей, что внизу гораздо у́же и для ходьбы очень неудобно. Богатый отличается от бедного тем, что первый носит одежду из шелковой, а последний — из простой толстой ткани. Верхнее платье обыкновенно черное, однако носят и цветное. Праздничное по большей части пестрое.

У многих на верхнем платье вышит фамильный герб величиной с большую монету. С одного взгляда по гербу можно узнать, к какому семейству принадлежит тот или другой знатный японец. Женщины до замужества носят отцовский герб, а после замужества — герб мужа. Величайшая почесть, которую князь или губернатор кому-либо оказывает, состоит в подарке верхнего платья со своим гербом. Получивший такое отличие носит свой фамильный герб на нижнем платье. Посланнику нашему твердили много раз о великом счастье, которое ждет его, если император подарит ему платье, украшенное гербом императорским.

Зимою носят японцы часто по пяти и по шести одно на другое надетых платьев. Но из сукна и из мехов не видел я ни одного, хотя в январе и феврале бывает погода очень суровая.

Странно, что японцы не умеют обувать ног своих лучше. Их чулки, длиною до половины икр, сшиты из бумажной ткани. Вместо башмаков носят они одни подошвы, сплетенные из соломы, которые придерживаются ремешками, надетыми на большой палец. Полы в их комнатах покрыты всегда толстым сукном и тонкими рогожами. И потому японец, входя в дом, скидывает с ног свои подошвы. Знатные не чувствуют неудобства такой бедной обуви, потому что они почти никогда не ходят, а сидят весь день подогнувши ноги. Но простой народ, составляющий, может быть, девять десятых всего населения, конечно, должен терпеть от того много в зимние месяцы.

Голова японца, обритая до половины, не защищается ничем ни от жары в двадцать пять градусов, ни от холода в один и два градуса, ни от пронзительных северных ве-

тров, дующих во все зимние месяцы. Во время дождя только носят они зонтик. Крепко намазанные помадою, лоснящиеся волосы завязывают на макушке в пучок, который наклоняется вперед. Уход за волосами должен стоить японцу много времени. Он не только ежедневно их намазывает и чешет, но ежедневно же и подстригает. Бороды своей японцы не стригут и не бреют, а выдергивают по волоску щипчиками, чтобы не скоро росло. Эти щипчики вместе с металлическим зеркальцем каждый японец держит в карманной своей книжке.

Японцы так чистоплотны, что в этом отношении им нельзя сделать никакого упрека, несмотря на то что рубашек, без которых мы не можем представить себе никакой телесной опрятности, они не носят. Судя по всему нами примеченному, кажется, что соблюдение чистоты есть свойство, общее всем японцам всех сословий.

31 марта и 1 апреля японцы справляли праздник. Он состоял в том, что родители дарили своим дочерям разные игрушки. Посвящая такой детской забаве два дня, японцы считают ее очень важной. Когда наступил этот праздник, они даже и к нам прислали переводчика с просьбой прекратить временно на корабле все работы».

ДИПЛОМАТИЯ

Только с середины февраля 1805 года начали появляться первые, вначале неясные, сведения о том, какая судьба ожидает русское посольство.

На корабль однажды приехали японские чиновники с переводчиками и объявили, что из Иеддо в Нагасаки императором отправлен уполномоченный, которому поручено вести переговоры с русским послом. По их словам, уполномоченный находился в пути. Он очень важный сановник, настолько важный, что имел право смотреть императору на ноги.

— Почему на ноги? — удивился Крузенштерн.

Японцы объяснили ему, что обыкновенные подданные их императора должны в его присутствии лежать ничком на полу и могут при этом смотреть только в пол. И лишь самые важные японские вельможи, разговаривая с императором, имеют право смотреть ему на ноги. Одним импера-

торским родственникам, и то в исключительных случаях, разрешается глядеть на живот своего повелителя.

Крузенштерн стал догадываться, что Резанову не придется ехать в Иеддо. Вряд ли император отправил такого важного сановника только для того, чтобы сопровождать русского посла в пути. Очевидно, ему поручено вести переговоры с послом в Нагасаки.

Скоро это предположение подтвердилось. 20 марта японцы официально сообщили Крузенштерну, что сановник, посланный императором, переговорит с послом обо всем здесь, в Нагасаки. Приезд сановника ожидался со дня на день.

30 марта он наконец приехал в Нагасаки вместе со свитой, состоящей из восьми вельмож. Ему отвели дом недалеко от дома русского посла.

Сейчас же начались переговоры между Крузенштерном и японцами о том, какими церемониями должна сопровождаться дипломатическая встреча представителей двух держав. Японцы хотели, чтобы, здороваясь, русский посол поцеловал ногу уполномоченного их императора. В конце концов сговорились на том, что Резанов поздоровается с японским сановником по-европейски, легким наклоном головы, но зато явится без башмаков, без шпаги и будет сидеть на полу.

Первая встреча состоялась 4 апреля. Резанова вынесли из его дома на носилках, покрытых балдахином. За носилками следовали пешком пять человек — майор Фредерици, поручик Кошелев, советник Фос, доктор Эспенберг и лейтенант Левенштерн. Это была свита посла. Перед носилками шел матрос и нес знамя.

Эта встреча была еще не деловая, и устроили ее только для того, чтобы представители обеих держав познакомились друг с другом. Сказав друг другу несколько вежливых слов и взаимно справившись о здоровье, Резанов и японский сановник расстались.

Вторая встреча, деловая, должна была состояться на следующий день, 5 апреля.

Резанова во второй раз внесли под балдахином в дом сановника. После новых приветствий и изъявлений вежливости приступили к делам. Представитель японского правительства прочитал длинное, чрезвычайно торжественное

послание, подписанное японским императором. Переводчики перевели слова послания на голландский язык.

В послании японский император запрещал впредь русским судам посещать японские порты и отказывался подписывать какой бы то ни было торговый договор. Мало того, он не хотел даже принять привезенные ему из России подарки.

В японской ответной грамоте говорилось:

«Могущественный государь российский посылает посланника и множество драгоценных подарков. Приняв их, властелин японский должен бы, по обычаям страны, отправить посольство к императору России с подарками, столь же ценными. Но существует запрещение жителям и судам оставлять Японию. К тому же Япония не столь богата, чтобы ответить равноценными дарами. Следовательно, властелин японский не может принять ни посланника, ни подарки».

Итак, первое русское посольство в Японию должно было вернуться на родину, ничего не добившись.

Впрочем, в послании своем японский император был очень любезен. Он обещал бесплатно снабдить русский корабль на два месяца провизией и сверх того дарил русским морякам две тысячи мешков соли, две тысячи маленьких шелковых ковриков и сто мешков пшена.

Провизию, соль, пшено, шелковые коврики — все это японцы доставили на корабль в несколько дней. Резанов покинул свой дом и вернулся на корабль вместе с зеркалами, которых никому не пришлось нести на руках в Иеддо.

Несчастные японцы, привезенные из России, получили наконец право оставить корабль и сойти на берег. С огорчением покидали они «Надежду». Родина встретила их неприветливо, они не скрывали, что опасаются за свое будущее.

18 апреля 1805 года «Надежда» вышла из Нагасакской гавани.

АЙНЫ

— Возвращайтесь на Камчатку вдоль восточных берегов Японии,— говорили Крузенштерну японцы перед отъездом.— Вдоль западных берегов мы иностранцам плавать не позволим.

Оказавшись снова в открытом море, моряки вздохнули с облегчением. Тяжелый семимесячный гнет кончился, они опять чувствовали себя на свободе. Здесь Крузенштерн не обязан был слушаться японских приказаний. И, отойдя верст на пятьдесят от Нагасаки, он внезапно решил идти на север запрещенным путем, как раз вдоль западных берегов Японии.

Он, в сущности, ничем не рисковал. Порох ему перед отъездом вернули, и пушки «Надежды» были теперь так же опасны для врагов, как прежде. Он видел в Нагасаки японский флот и знал, что у японцев нет ни одного судна, способного тягаться с «Надеждой» в быстроте и силе,— значит, нечего опасаться погони. Испортить таким непослушанием дипломатические отношения между Японией и Россией он тоже не боялся, потому что японцы сами не хотели иметь с Россией никаких дипломатических отношений. А привлекательного в этом пути было очень много.

Во-первых, этим путем не проходил еще ни один европейский мореплаватель, кроме Лаперуза, который держался все время возле берегов Азиатского материка и поэтому мог сообщить очень мало сведений о Японии. Западное побережье Японии было известно только по японским и китайским картам, а Крузенштерн уже имел случай судить об их точности. Даже число главных островов Японского архипелага вызывало в те времена споры географов.

Во-вторых, путь этот вел к острову Сахалин, который тогда был, пожалуй, одним из самых неисследованных мест земного шара. Кроме Лаперуза, никто из европейцев Сахалина не посещал. Лаперуз исследовал только небольшую часть побережья Сахалина. Он утверждал, что Сахалин — остров. Но многие географы того времени не соглашались с ним и утверждали, что Сахалин не остров, а полуостров, соединенный с Азиатским материком узким перешейком.

В-третьих, этот путь был, по предположению Крузенштерна, короче пути вдоль извилистых восточных берегов Японии. И понятно, что Крузенштерн не хотел упускать случай пройти этим путем.

«Надежда» под всеми парусами вошла в Корейский пролив.

20 апреля увидели остров Цусима, лежащий в самом конце Корейского пролива. Занеся тщательно берега Цуси-

мы на карту, Крузенштерн вывел свой корабль в Японское море и направился дальше на север. Сначала он из осторожности старался держаться в открытом море, вдали от берегов, но потом, достигнув 39° северной широты, решил свернуть к востоку и поискать берег Японии.

1 мая снова увидели землю. Это был, безусловно, остров Хондо[1], самый большой из островов Японии. Берег вдавался в море длинным мысом, на котором стояла дымящаяся гора — большой вулкан. «Надежда» обогнула мыс и пошла дальше к северу, не теряя уже берега из виду, но осторожно держась от него на довольно большом расстоянии. Впрочем, ничего опасного морякам заметить не удалось — море было пустынно, а северная часть Хондо, загроможденная горами, казалась необитаемой.

Через два дня увидели на берегу маленький японский городок, расположенный в цветущей долине. Поля вокруг городка были так же усердно обработаны, как на Кю-Сю. На склонах холмов росли небольшие темно-зеленые рощи. В устье речки возле городка стояло много больших лодок. Очевидно, жители этого побережья занимались рыболовством.

Крузенштерн не хотел попадаться на глаза японцам и, увидя городок, повернул от берега. Но в городке успели заметить большой иностранный корабль. Японцы послали ему вдогонку шесть лодок, в каждой из них сидело человек по тридцать. Ветер в тот день был очень слабый, и лодки, мчавшиеся на всех веслах, догоняли корабль. Крузенштерн приказал на всякий случай зарядить пушки. Он не знал, какие намерения у людей, гнавшихся за ним. Наконец лодки поравнялись с кораблем. Крузенштерн крикнул им в рупор несколько учтивых японских приветствий, которым научился в Нагасаки, но японцы ничего не ответили. Они обошли на своих лодках вокруг корабля и направились обратно к берегу. Очевидно, русский корабль показался им очень большим и они решили с ним не связываться.

На другой день к вечеру Крузенштерн увидел наконец Цугарский пролив[2], отделяющий Хондо от Хоккайдо, самого северного острова Японии. Точное положение этого пролива не было тогда еще известно европейцам, и поэто-

[1] Теперь — остров Хонсю.
[2] Теперь — пролив Цугару (Сангарский).

му Крузенштерн истратил весь следующий день на изучение его. Затем, войдя опять в Японское море, он отправился дальше, к северу, вдоль западных берегов острова Хоккайдо.

Здесь уже были совсем неведомые края. Каждый мыс, каждый залив был для него неожиданностью. Однажды ему даже почудилось, что он открыл новый пролив, который разделяет Хоккайдо на две части. Если бы это было так, пришлось бы признать, что Хоккайдо не один, а два острова. Двое суток потратила «Надежда» на исследование предполагаемого пролива. Но в конце концов оказалось, что это не пролив, а большой залив, врезающийся в сушу.

10 мая «Надежда» наконец достигла самой северной точки острова Хоккайдо и вошла в пролив Лаперуза, который отделяет Хоккайдо от Сахалина. Погода стояла туманная, и сахалинский берег не был виден.

За все плавание вдоль берегов Хоккайдо Крузенштерн ни разу не заметил на этом острове человеческого жилья и пришел к выводу, что этот большой японский остров почти необитаем. А если так, то кто ему может помешать высадиться на берег?

И он стал искать подходящую бухту.

Бухта нашлась очень скоро, вполне подходящая для стоянки. Но в одном Крузенштерн ошибся. Хоккайдо был обитаем. Когда «Надежда» обогнула мыс и вошла в бухту, навстречу ей попалась небольшая лодочка, в которой сидел человек.

— Это не японец,— сказал Ратманов, смотревший в подзорную трубу.

Действительно, человек, сидевший в лодке, был совсем не похож на японца. Японцы выщипывают свои бороды, а у него была большая черная борода лопатой. Японцы во всякую погоду ходят без шляп, а голову человека в лодке покрывала широкая конусообразная соломенная шляпа. Японцы носят шелковые кимоно, а одежда человека в лодке состояла из собольих шкур. Видом своим он напоминал скорее камчадала, чем японца. Лодка его была полна рыбы.

— Это, вероятно, мохнатый айн,— предположил Крузенштерн.

О мохнатых айнах в Европе узнали от католических монахов-иезуитов, которые в XVII веке приехали в Японию, чтобы сделать японцев христианами. Изгнанные из Японии

иезуиты рассказывали, что на севере Японии живет особый народ — мохнатые айны. Мохнатыми этих людей называли будто бы оттого, что все тело их покрыто шерстью, как у животных. Так как Хоккайдо самый северный из японских островов, вполне естественно было предположить, что жители его, не похожие на японцев,— мохнатые айны.

Крузенштерн замахал человеку в лодке рукой, прося его приблизиться к кораблю. Но тот изо всех сил стал грести к берегу и скрылся в тумане.

Впрочем, как только «Надежда» стала на якорь, ее окружило несколько десятков лодок; в каждой из них сидел человек с такой же бородой и в такой же соломенной шляпе. Крузенштерн знаками пригласил их всех на палубу, и они сразу же забрались по канатам, таща на спинах кули с рыбой. Поклонившись несколько раз до полу, как кланяются японцы своим начальникам, они выпрямились, благодушно улыбаясь в широкие бороды.

— Айн? — спросил их Крузенштерн.

— Айн, айн! — радостно закричали бородачи.

Рыбу они отдали русским в подарок, не попросив за нее ничего взамен. Но Крузенштерн непременно хотел что-нибудь им подарить. Он приказал принести на палубу множество мелких европейских вещей. Айны с удивлением и восторгом разглядывали бусы, ножи, топоры, посуду. Но больше всего им понравились блестящие медные пуговицы. Они подбрасывали их в воздух, передавали из рук в руки, хохотали. И Крузенштерн долго не мог растолковать своим гостям, что он дарит им эти драгоценные пуговицы в полную собственность. Айны не верили такой щедрости, отдавали пуговицы назад и, когда наконец убедились, что могут взять их с собой, очень обрадовались. Зажав пуговицы в своих больших кулаках, они попрыгали в лодки и уехали на берег.

Морякам очень хотелось погулять по твердой земле. Последний раз они нагулялись вволю в Петропавловске — девять месяцев назад. С тех пор они были почти безвыходно заперты на своем корабле. И теперь, когда «Надежда» стала на якорь, все мечтали поскорее съездить на берег, хотя это было небезопасно: Хоккайдо все-таки японская территория.

Оставив корабль на попечение Ратманова и взяв с собой моряков и ученых, Крузенштерн сел в шлюпку. Шлюпка

понеслась к берегу, скрытому туманом. Возле самого берега путь ей преградили клокочущие буруны, пройти сквозь которые было очень опасно. Но тут на помощь явились айны на своих маленьких мелкосидящих лодках.

Айны ловко, без всякого вреда для себя, проскакивали сквозь бурлящую пену, где всякая европейская лодка неминуемо опрокинулась бы. Окружив корабельную шлюпку, они пересадили в свои лодки моряков и перевезли их вполне благополучно через буруны на берег.

На берегу Крузенштерна прежде всего поразил глубокий снег. Был уже май, а в мае снега не сыщешь даже в местах, расположенных гораздо севернее, чем Хоккайдо, например в Архангельске. Снег, покрывший Хоккайдо, только начинал подтаивать, так что нечего было надеяться, что он весь растает раньше начала июня. Этот глубокий рыхлый снег очень огорчил моряков: он лишал их возможности как следует погулять. Им оставалось только бродить по нескольким узким тропинкам, протоптанным между избами.

Изб было пять. Они стояли на берегу под соснами, похожие на избы русских крестьян: стены были сделаны из толстых, потемневших от времени бревен, крыши соломенные, трубы глиняные. Ничем они не напоминали легкие японские домики, построенные из тонких досок и картона. От русских изб их отличали только окна, сделанные не из стекла или слюды, а из прозрачных тюленьих пузырей. Возле каждой избы был сарай, где хранилась копченая рыба.

Айны стали наперебой зазывать гостей в свои избы. Крузенштерн зашел в одну из них. В избе не было никакой мебели, и вся семья — десять человек — сидела на полу и обедала. Обед состоял из рыбы и рисовой каши. Хозяева стали упрашивать гостей отобедать вместе с ними, и моряки, чтобы их не обидеть, съели немного лососины. Крузенштерн сразу заметил, что вся посуда у айнов японская и, безусловно, привезена сюда с юга японцами. На стене висело шелковое японское одеяние, которое айны носят, вероятно, летом, когда в мехах становится слишком жарко.

— Я очень хочу посмотреть шерсть, которая растет у них на теле, сказал лейтенант Головачев, обращаясь к Крузенштерну.— Как вы думаете, капитан, нельзя ли попросить их раздеться?

Крузенштерн и сам был очень этим заинтересован. Кто же не хочет посмотреть такую диковину — человека, на те-

ле которого растет шерсть! И он стал упрашивать молодого айна на минуту снять его меховую шубу. Тот был очень удивлен, никак не мог понять, для чего он должен раздеваться, но в конце концов уступил. Оказалось, что шуба из собольих шкур была надета прямо на голое тело. Он сбросил ее.

— Где же шерсть? — воскликнул удивленный Головачев.— На нем растет не больше шерсти, чем на нас с вами, капитан!

Действительно, никакой шерсти на теле айна не оказалось.

Они заставили его несколько раз повернуться, осмотрели грудь, спину, плечи, но ничего не нашли. Самая обыкновенная человеческая грудь, самая обыкновенная человеческая спина, без всякой шерсти.

Крузенштерн раздал всем обедавшим подарки, главным образом пуговицы, и моряки вернулись на корабль. Через буруны их опять перевезли в своих лодках благодушные айны.

На корабле Крузенштерна ждал новый гость — только что с берега приехал японский офицер.

Крузенштерн встретил японца на палубе и поклонился ему как мог приветливее. Японец тоже учтиво поклонился, но сделал страшное лицо, махнул рукой на юг и проговорил, надувая щеки:

— Бум-бум! Бум-бум! Бум-бум!

Это «бум-бум» он повторял до тех пор, пока Крузенштерн не догадался, что он хочет сказать, будто с юга скоро придут японские корабли и прогонят русских пушками. Крузенштерн дал ему понять, что японских кораблей он не боится и что прибыл к острову Хоккайдо с мирными намерениями.

Разговаривать с японцем Крузенштерну помог Резанов, который за семь месяцев жизни в Нагасаки выучил довольно много японских слов. Японец спросил, из какого государства прибыли моряки, и, когда узнал, что из России, вдруг закричал с радостью, ко всеобщему удивлению:

— Карашо! Карашо! Понимай русс — карашо!

Оказалось, что сюда, в эту бухту, несколько лет назад уже приходил русский корабль из Охотска — должно быть, торговый. Этот офицер встречался с русскими моряками,

тоже уговаривал их уехать и запомнил несколько русских слов.

Крузенштерн повел своего гостя в кают-компанию. От обеда японец решительно отказался, но чашку чаю он выпил охотно.

Он рассказал, что живет обычно в Матсумае, японском городе на юге Хоккайдо, а сюда приезжает только на лето, чтобы следить за торговлей между айнами и японскими купцами. Айны выменивают свою рыбу у японцев на крупу, чай, посуду, железные вещи. По его словам, раньше весь Хоккайдо был заселен айнами, но теперь японцы переселились в южную его часть с острова Хондо и загнали всех айнов на север.

Крузенштерн хотел сделать своему гостю подарок. Он предложил ему поношенный офицерский мундир, довольно большое зеркало и саблю.

Но японец отказался принимать подарки.

— Если мое начальство увидит у меня эти вещи, оно подумает, что я пустил вас сюда за взятку,— объяснил он кое-как знаками и словами.— А пустил я вас сюда потому, что не могу же я один сражаться с военным кораблем!

Впрочем, он до самого конца усердно упрашивал Крузенштерна отплыть и пугал его своим «бум-бум». Крузенштерн обещал, что уйдет, как только рассеется туман. Он прибавил, что собирается плыть к Сахалину, и спросил японца, известна ли ему такая земля.

— Конечно,— ответил японец.— Она отсюда совсем близко и даже видна в ясную погоду. Там сейчас много наших купеческих кораблей.

Но из более подробных расспросов Крузенштерн выяснил, что японцам известен только южный берег Сахалина, а о более дальних его частях они ровно ничего не знают.

Крузенштерн добросовестно выполнил обещание, данное японскому офицеру, и 13 мая, когда наконец рассеялся туман, «Надежда» покинула остров Хоккайдо.

ИССЛЕДОВАНИЕ САХАЛИНА

14 мая вошли в залив Аниву, на южном побережье Сахалина. Этот берег не отличался от северной оконечности Хоккайдо и был только немного лесистее. Жили тут такие же айны, и управляли ими японские офицеры.

«Всеобщий господствующий у здешних жителей обычай,— рассказывает в своих записках Крузенштерн,— заключается в том, что в каждом доме воспитывают молодого медведя (по крайней мере, я и офицеры видели медведей в каждом без исключения доме, в коем только быть случалось). Живет он в углу жилой избы и, конечно, должен быть беспокойнейшим сочленом семейства. Одному из наших офицеров желалось купить себе такого молодого медведя. Он давал за него суконный сюртук. Хотя айны ценят сукно весьма дорого, потому что и японцы не могут их снабжать сукном, однако владевший медведем не хотел расстаться со своим воспитанником».

Крузенштерн повел свой корабль сначала на восток, потом на север и вошел в другой сахалинский залив, называемый заливом Терпения, расположенный севернее Анивы. Сведения о нем были очень неточные. Крузенштерн исследовал и занес на карту все берега залива. Японцы сюда еще не проникли, и местность была совсем дикая. Здесь, по-видимому, тоже жили айны, но, заметив моряков, они убегали в леса.

Покинув залив Терпения, «Надежда» направилась далее к северу, держась восточного берега Сахалина. Шли медленно, потому что берег был совсем неизвестный и каждую его извилину нужно было заносить на карту. Но 26 мая путь им преградил густой плавучий лед. Пробиться сквозь него не было никакой возможности. И Крузенштерн стал решать, как ему быть: ждать ли здесь, пока лед растает, и тогда продолжать исследование берегов Сахалина, или, оставив Сахалин, сейчас же идти на Камчатку.

Самому ему не хотелось бы покидать Сахалин, но Резанов спешил в Петропавловск, чтобы поскорее послать оттуда извещение в Петербург о результатах своих переговоров с японцами.

После долгих колебаний Крузенштерн наконец принял такое решение: плыть, не задерживаясь, на Камчатку, оставить там Резанова и сразу же вернуться на Сахалин, чтобы продолжать исследование его берегов.

5 июня «Надежда» вошла опять в Петропавловский порт.

Трудно себе даже представить, в какой восторг пришли жители Камчатки, узнав, что в трюме «Надежды» находится две тысячи мешков соли. Подарок японского императо-

ра пришелся как нельзя более кстати. Крузенштерн приказал отвезти все эти мешки на берег для бесплатной раздачи жителям.

Петропавловцы, иногда целыми годами обходившиеся без соли, теперь были обеспечены ею на несколько лет.

Резанов отправил в Петербург длинное, подробное сообщение обо всем, что случилось с ними в Японии, а сам, теперь уже не в качестве посла, а в качестве одного из совладельцев Российско-Американской компании, сел на купеческое судно и отправился через Берингов пролив в русские владения в Америке, чтобы произвести там ревизию. Потом он поехал в Петербург обычным в то время путем, через Сибирь, но по дороге заболел и умер в Красноярске.

Выгрузка соли и починка снастей задержали «Надежду» в Петропавловске на целый месяц. Только 5 июля вышла она в море и направилась опять к Сахалину. Впервые за все путешествие на ней не было ни пассажиров, ни лишнего груза, и это очень облегчало плавание.

16 июля подошли к берегу Сахалина, как раз в том месте, где были почти два месяца назад. Лед давно растаял, и море было чисто. Вокруг корабля плескалось множество тюленей.

Началось медленное плавание вдоль восточного сахалинского берега к северу. Каждую бухту, каждый залив нужно было отметить на карте. Эта кропотливая, трудная работа отнимала много времени. Земля, то заросшая лесом, то засыпанная голым песком, была совершенно пустынна. Моряки нигде не встречали человеческого жилья.

8 августа добрались наконец до самого северного сахалинского мыса. Крузенштерн назвал его мысом Елизаветы. Обогнув этот мыс, «Надежда» пошла к югу вдоль северо-западного берега Сахалина.

Но моряки понимали, что обойти весь Сахалин кругом им не удастся, потому что осенью они должны уже быть в Китае, где их будет ждать «Нева». Они остановились на несколько дней в маленьком заливе, который назвали по имени своего корабля заливом Надежды, и запаслись там пресной водой.

Таким образом, Крузенштерну не удалось обойти Сахалин кругом, и вопрос о том, является ли Сахалин островом или полуостровом, оставался нерешенным. Этот вопрос был решен только сорок четыре года спустя другим заме-

чательным русским путешественником — адмиралом Невельским.

Из залива Надежды отправились обратно на Камчатку.

30 августа Крузенштерн в третий раз ввел свой корабль в Петропавловский порт.

Короткое северное лето уже подходило к концу. С каждым днем погода становилась все холоднее, дождливее и ветренее. Крузенштерн хотел уйти из Петропавловска до наступления осенних бурь, но приготовления к длинному, опасному путешествию вокруг Азии и Африки заняли больше времени, чем он предполагал. Пять недель ушло на проверку и починку снастей, парусов, на закупку провизии. А между тем приближалась ранняя камчатская зима.

В конце сентября в Петропавловск из Аляски пришло торговое судно Российско-Американской компании. Капитан этого судна приехал на «Надежду» в гости.

— Не встречались в Америке с «Невой»? — спросил его Крузенштерн.

— Нет, не встречались, — ответил капитан. — Но должен вам сообщить, что, по слухам, которые ходят среди русских промышленников на Аляске, команде «Невы» пришлось где-то выдержать сражение с индейцами. А чем кончилось это сражение, не могу вам сказать.

После такого известия Крузенштерн стал еще поспешнее готовиться к отплытию.

В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

СТРАШНЫЕ СЛУХИ

Теперь вернемся к 10 июня 1804 года, к тому дню, когда возле Гавайских островов капитан Лисянский попрощался со своим начальником и другом капитаном Крузенштерном и «Нева» разлучилась с «Надеждой».

«Надежда» направилась прямо к Камчатке, а «Нева» задержалась у Гавайских островов еще на несколько дней, потому что Лисянский хотел во что бы то ни стало запастись съестными припасами, так как не знал, удастся ли ему это сделать у американских берегов. Он долго и довольно безуспешно торговался с гавайцами, требовавшими от него

сукна или по крайней мере парусины за каждый кокосовый орех, и вдруг за одним из мысов заметил стоявший на якоре небольшой купеческий корабль под флагом Соединенных Штатов Америки.

Часа через два на «Неву» прибыли в гости два американца — капитан корабля и его помощник. Лисянский встретил их любезно, по-товарищески, как принято между моряками. Он познакомил их с лейтенантами Повалишиным и Арбузовым и пригласил в кают-компанию пообедать.

Обед прошел оживленно. Американцы казались людьми простыми, добродушными и откровенными. Они рассказывали о своем плавании из Бостона к Гавайским островам вокруг мыса Горн. Русские моряки, тоже недавно обогнувшие мыс Горн, рассказали им о плавании «Невы» и «Надежды». Это был профессиональный разговор, очень любопытный для каждого моряка.

— А куда вы теперь направляетесь? — спросил один из американцев.

Лисянский ответил, что «Нева» направляется к русским владениям на северо-западном побережье Америки. В этом не было никакой тайны, и Лисянский не считал нужным скрывать свои намерения.

— Куда же вы собираетесь зайти раньше: к острову Кадьяк или в Ситкинский залив? — продолжал спрашивать американец.

Дело в том, что у русских владений в Америке было в то время как бы два центра: один на большом острове Кадьяк, а другой значительно восточнее, в заливе Ситка. Остров Кадьяк был освоен русскими промышленниками давно, еще во времена Шелехова, а в Ситкинский залив русские проникли значительно позже. Но Лисянский знал, что в 1799 году Баранов, управляющий владениями Российско-Американской компании, построил на берегу Ситкинского залива крепость Архангельскую.

Лисянский ответил, что еще не принял окончательного решения, но что, пожалуй, раньше пойдет в Ситку, а уж потом на Кадьяк.

Американцы многозначительно переглянулись.

— А вы ничего не слыхали?.. — начал было один из них.

— О чем?

— Да нет, мы сами ничего не знаем...

Они, казалось, жалели, что проговорились. Но так как Лисянский настаивал, они передали ему страшный слух: будто в 1802 году индейцы напали на поселения русских возле Ситкинского залива, всё сожгли и разрушили и уничтожили всех до одного человека.

Увидев, какое впечатление произвел их рассказ, они сразу же стали отказываться от своих слов.

— Мало ли что болтают... Раз вы ничего не слыхали, значит, ничего и не было... Ведь вы покинули Петербург через год, в 1803 году... А уж в Петербурге знали бы...

Но Лисянский отлично понимал, что за такой короткий срок, как один год, никакое известие из Русской Америки не могло дойти через Берингов пролив, Камчатку, Охотское море, Сибирь и Урал до Петербурга. Он расспрашивал американцев, стараясь добиться от них подробностей, но они ничего больше не знали или не хотели сказать и только бранили индейцев.

— Мы хорошо с ними знакомы,— говорили они.— Это неблагодарный народ, который нужно истребить весь. Вы, русские, в своих владениях слишком мягко поступаете с ними. Вот теперь вы наказаны за свою мягкость.

Американцы пообедали, попрощались и уехали. Проводив их, лейтенант Повалишин сказал:

— Они, кажется, гораздо больше знают об этом деле, чем говорят.

Лисянский ничего не ответил, но в этот день окончательно решил, что «Нева» пойдет сначала к острову Кадьяк...

Плавание «Невы» было вполне благополучно, и ничего особенно любопытного во время него не произошло. Впрочем, в пути Лисянский сделал одно довольно важное наблюдение. Он заметил, что в этой части Тихого океана между жарким климатом и холодным нет почти никакого перехода. Оба климата непосредственно соседствуют друг с другом. Стоит отойти немного к северу от тропических Гавайских островов, и сразу попадаешь в полосу сырых туманов и ледяных ветров. Ночью 30 июня температура упала до одного градуса выше нуля. «Среди лета мы нашли глубокую осень,— записал Лисянский в своем дневнике.— Судя же по широте, климат должен был бы быть подобным тому, какой мы имеем в южной части Европы».

Высокий каменистый берег острова Кадьяк увидели 10 июля. На холмах еще лежал снег. На безлесных пустынных склонах кое-где рос низкий кустарник. «Нева» двинулась к главному поселку острова, называвшемуся гаванью Святого Павла. Основал этот поселок Шелехов и дал ему имя своего корабля, который назывался «Святой Павел».

Но войти в гавань Святого Павла оказалось совсем не просто. Над морем стлался туман, а от острова тянулись длинные каменистые мысы, и обходить их в тумане нужно было очень осторожно. До входа в гавань добрались только утром 13 июля. Берег был скрыт дымкой, двигаться приходилось почти наугад. И тут, возле самой гавани, «Нева» едва не погибла.

Из узкого горного ущелья на острове вырвался внезапный шквал, налетел на «Неву» и стремительно понес ее к огромному черному камню, торчавшему из воды. Этот камень, похожий на громадный горб, русские поселенцы прозвали Горбуном. В ясную, тихую погоду Горбун был безопасен, но при ветре и в тумане он становился страшен. «Нева» пронеслась в нескольких саженях от его черных крутых боков, возле которых кипел и пенился бурун. Одно мгновение гибель казалась неизбежной, и моряки с трудом поверили в свое спасение даже после того, как Горбун был уже позади.

Внезапный шквал, едва не погубивший «Неву», на несколько секунд разорвал пелену тумана, и в двух-трех милях от себя моряки заметили крупный трехмачтовый корабль, который на всех парусах шел из гавани Святого Павла курсом в открытое море. Лейтенант Арбузов схватил подзорную трубу.

— Юрий Федорович! — удивленно крикнул он Лисянскому. — А ведь на этом корабле флаг Соединенных Штатов!

Лисянский взял у Арбузова подзорную трубу и глянул сам. Да, сомневаться невозможно, Арбузов прав. Но зачем заходил корабль Соединенных Штатов в русскую гавань Святого Павла?

Теперь они уже видели и всю бухту, и крепость, и поселок. Нетрудно было догадаться, почему именно это место выбрал Шелехов для поселка, — здесь по берегам рос еловый лес. Для постройки домов необходим был лес, а на каменистом голом Кадьяке лес рос только возле этой бухты.

Крепость салютовала «Неве» одиннадцатью пушечными выстрелами. И множество странных кожаных лодок понеслось навстречу кораблю.

Лисянский и его спутники видели такие лодки впервые. Это были байдары — замечательное изобретение алеутов, отважного маленького народа, населявшего примыкавшие к Аляске острова, в том числе и остров Кадьяк. Остовы байдар состояли из деревянных обручей, обтянутых тюленьей кожей. Байдара была сверху так же водонепроницаема, как с боков и снизу. Гребец, вооруженный двухлопастным веслом, садился на дно байдары, просунув ноги в узкое отверстие. Кожаные края отверстия туго затягивались вокруг пояса гребца, и внутрь байдары не могло попасть ни капли воды. Огромные океанские волны перекатывались через байдару, не причиняя ни малейшего вреда ни ей, ни гребцу. Гребец к тому же надевал на себя камлейку, сшитую из не пропускающих воду тюленьих кишок, и потому, сколько бы его ни окатывало волнами, оставался сухим.

Бывали и большие байдары, с двумя и тремя отверстиями, в которые садилось одновременно два-три гребца. На своих легких, быстроходных, безопасных байдарах алеуты совершали громадные морские путешествия, посещая многочисленные острова, раскинувшиеся между Азией и Америкой в северной части Тихого океана.

Вместе с байдарами к «Неве» двигался и большой бот, в котором сидело несколько мужчин. Бот подошел к «Неве» вплотную, и пассажиры его, встреченные Лисянским, поднялись на палубу. Это были русские охотники за пушным зверем, или, как в те времена говорилось, промышленники. Один из них шел впереди, и Лисянский принял его за Баранова, правителя всех поселений Российско-Американской компании. Но он ошибся. Это был всего только помощник Баранова, служащий компании, по фамилии Бандер.

При громких криках «ура» Бандер от имени жителей Кадьяка торжественно поздравил Лисянского с благополучным прибытием. «Каждый может себе вообразить,— записал Лисянский в своем дневнике,— с каким чувством надлежало мне принять это поздравление, видя, что я первый из русских, предприняв столь трудный и дальний путь, достиг места своего назначения, не только не имея на своем корабле ни одного человека больного, но с людьми, кото-

рые были еще здоровее прежнего. Все это приводило меня в радостное восхищение».

После такого долгого плавания Лисянский и его спутники мечтали пожить на твердой земле, отдохнуть.

— А где же Баранов? — спросил Лисянский у Бандера.

Лицо Бандера помрачнело.

— Воюет, — ответил он.

— В Ситкинском заливе?

— А! Вы уже всё знаете! — воскликнул Бандер с удивлением.

— Значит, это правда?

Бандер кивнул головой.

— Но почему индейцы напали на крепость? — спросил Лисянский.

— Это осталось загадкой, — сказал Бандер. — У нас с ними были самые сердечные отношения. Мы ничего у них не трогали, не вмешивались в их жизнь, и торговля с нами была для них чрезвычайно выгодна.

Бандер вкратце рассказал Лисянскому, как на русскую крепость Архангельскую, построенную на берегу Ситкинского залива, напали шестьсот вооруженных ружьями индейцев. Крепость стойко оборонялась, но индейцы каким-то образом проникли внутрь, подожгли стоявшие в крепости деревянные избы и, пользуясь своим численным превосходством, взяли крепость приступом. Они убили всех находившихся в крепости русских и кадьякцев — мужчин, женщин и детей — и разграбили склад Российско-Американской компании, в котором хранилось две тысячи бобровых шкур.

— Подробностей этого дела мы не знаем, — сказал Бандер в заключение, — потому что никто не остался в живых.

Произошло это два года назад. И, по словам Бандера, в течение минувших двух лет Баранов готовился к походу, чтобы вернуть России Ситкинский залив. Месяц назад его отряд двинулся в путь на четырех кораблях Российско-Американской компании и на трехстах байдарах. В отряде было сто двадцать русских и восемьсот кадьякцев. Кроме того, Баранов предполагал, что к нему присоединятся несколько индейских племен, с которыми он заключил союз.

— Но больше всего он, признаться, рассчитывал на вас и на ваш корабль, — сказал Бандер. — С тех пор как мы узна-

ли, что к нам должен прийти русский военный корабль, мы воспрянули духом. Баранов оставил для вас письмо.

И Бандер протянул Лисянскому запечатанный конверт.

В письме Баранов просил командира русского военного корабля, не задерживаясь, двинуться ему на помощь, в Ситкинский залив.

И Лисянский понял, что здесь ни ему, ни его спутникам отдохнуть не удастся.

— А что это за американский корабль стоял у вас в бухте? — спросил он, между прочим, Бандера.

— А, этот, который сегодня ушел? — сказал Бандер равнодушно. — Им командует шкипер О'Кейн. Его задержали встречные ветры, и он шесть недель простоял у нас, в гавани Святого Павла. Вчера наши островитяне заметили с гор «Неву», и я сказал американскому капитану, что сюда прибывает русский корабль, совершающий плавание вокруг света. Я думал, ему интересно будет встретиться с вами, а он сегодня на рассвете вдруг поднял паруса и ушел. И ветер как будто не переменился...

— А куда он направляется? — спросил Лисянский.

— К себе в Бостон, должно быть, — ответил Бандер. — Впрочем, я не любопытствовал...

ЗАЛИВ СИТКА

Как ни спешил Лисянский в Ситкинский залив, «Неве» удалось покинуть Кадьяк только через месяц. Весь этот месяц занимались разгрузкой товаров, присланных из Петербурга, и ремонтом корабля, который как-никак обошел уже полмира. И разгрузка и ремонт подвигались медленно — на Кадьяке не хватало рабочих рук, всех работоспособных мужчин Баранов увел с собой в поход.

Готовясь к плаванию в Ситку, Лисянский старался собрать как можно больше сведений о нападении индейцев на русскую крепость, чтобы попытаться понять причины этого события и лучше разобраться в сложившейся обстановке. Большинство русских, с которыми он говорил, считали нападение индейцев ровно ничем не вызванным, беспричинным. По их словам, отношения с индейцами, жившими на берегу Ситкинского залива, были самые хорошие, настолько хорошие, что русские ничего не опасались. И оставалось совершенно загадочным, почему индейцы

внезапно совершили такой вероломный поступок и лишили себя торговли с русскими, приносившей им большие выгоды.

Но вскоре Лисянский разыскал человека, которому все случившееся не казалось столь загадочным. Человек этот был кадьякский алеут, по имени Савва.

Это был опытный охотник, лет уже пятидесяти, но на редкость моложавый и крепкий. По-алеутски он звался как-то иначе, а Саввой назвал его русский поп при крещении. Бо́льшую часть своей жизни Савва прожил с русскими и говорил по-русски, как русский. С Шелеховым он был дружен, гордился этой дружбой и часто в разговоре поминал его, называя попросту Григорием Ивановичем. С Барановым он тоже был в хороших отношениях и хвалил его, но несколько свысока — молод еще, дескать. Савва был в числе тех кадьякских алеутов, которых Баранов поселил в крепости Архангельской на берегу Ситкинского залива. Спастись ему удалось только благодаря случайности — во время нападения на крепость он находился в лесу, где охотился на лисиц. Возвращаясь, он увидел дым над крепостью, услышал военные песни индейцев и обо всем догадался. Лесами добрался он до селения соседнего индейского племени, враждовавшего с племенем, напавшим на крепость. Оставшиеся верными русским, индейцы помогли ему добраться до русского торгового поста в заливе Якутат, а оттуда он на байдаре вернулся к берегам своего родного Кадьяка.

Савва был единственным жителем крепости Архангельской, оставшимся в живых, и потому Лисянский особенно внимательно прислушивался к его словам.

В рассказах его постоянно упоминались тайон Котлеан и три английских матроса. Тайонами в тех местах называли алеутских и индейских вождей. Котлеан был главным тайоном индейцев, живших на берегах Ситкинского залива. Именно он командовал индейцами, совершившими нападение на крепость Архангельскую. Но кто были три английских матроса? Откуда они взялись?

— Удрали с английского корабля,— объяснил Савва.— Английский корабль приходил сюда за котиковыми шкурами. Капитан бил матросов, и три матроса удрали.

Лисянский вспомнил беглого английского матроса Робертса, которого они встретили на Нукагиве. Каково, зна-

чит, служить в английском флоте, если во всех концах мира английские матросы бегут со своих кораблей.

— Они удрали со своего корабля,— продолжал Савва,— и хотели попасть в американский город Бостон, откуда приходят сюда американские корабли. Но до Бостона очень далеко, и американские капитаны не соглашались везти их туда бесплатно. Тогда они пошли к Баранову и стали просить, чтобы он взял их на службу.

— И Баранов взял?

— Взял, конечно. Как не взять. У нас кораблей все больше, а в опытных моряках нехватка. Взял и отправил в крепость Архангельскую. В Архангельской мы с ними и пожили и повидали, чтó они за люди.

— А чтó они за люди?— спросил Лисянский.

Савва задумался, стараясь подыскать слово поточнее.

— Дикие люди, сударь, совсем дикие.

— Дикие?— удивился Лисянский.

— Дикие, как волки. Дружества не понимают, обязанностей не признают. Своих англичан боятся, русских не любят, алеутов и индейцев презирают. Дружить они старались только с американцами, упрашивали взять их в Бостон, но и американцев ругали, жаловались, что те не берут, потому что им за проезд заплатить нечем.

Савва помолчал, подумал и сказал:

— Однако у них нашлось чем заплатить. Однако они заплатили.

— Чем же они заплатили?— спросил Лисянский.

— Нашей крепостью. Архангельской.

— Позволь, позволь!— закричал Лисянский.— Ведь на крепость напали индейцы. При чем же здесь американцы?

Савва усмехнулся.

— Это верно, сударь,— сказал он, снисходя к непонятливости Лисянского,— напали индейцы. Американская шхуна в целых десяти милях за мысом стояла, чтобы никто потом не мог сказать, что у них на глазах убивали женщин и детей, а они не пытались помочь. Верно, напали индейцы. Зачем индейцам было нападать, однако? Ведь если так посмотреть, все это нападение — глупость одна была, для них же самих беда и разорение. Ну чем тайон Котлеан прельстился, чтó он захватил в нашей крепости? Ну, две пушки чугунные, почти что без ядер, ну, ружей штук пятьдесят, ну, топоры, обручи железные... Так ведь эти топоры да обручи

и так им достались бы, они для мены привезены были... Ну, захватили рыбы вяленой, ну, склад с бобровыми шкурами... А что они с этими шкурами делать будут, если они с русскими поссорились? У них шкур и так достаточно, было бы кому их продать... Им ведь вот как дружба с русскими выгодна была, они русские товары тем племенам продавали, которые далеко от моря живут. Купят топор за одну шкурку, продадут за двадцать... А теперь дружбе конец и торговле конец... Неужто вы верите, сударь, что тайон Котлеан такой глупый человек?

— Зачем же он такую глупость сделал, если он не глупый человек? — спросил Лисянский.

— А потому, что ему столько посулили, что он не побоялся поссориться с русскими, — сказал Савва.

— Посулили, говоришь? А что ему могли посулить?

— Это, сударь, легко отгадать. Первое — посулили ему, что сами будут покупать у него меха вместо русских. Однако одного такого посула было бы ему мало, он и слушать не стал бы. А второе — посулили ему, что купят у него две тысячи бобровых шкур из русского склада. Тут большая выгода. Получалось, что индейцы одни и те же шкуры два раза продавали: один раз продали русским, а теперь американцам продадут... Однако и на этот посул Котлеан не пошел бы, не стал бы он из-за бобровых шкур ссориться с русскими... Значит, ему такое посулили, о чем он больше всего мечтал...

— А о чем он больше всего мечтал? — спросил Лисянский.

— Он? Известно о чем: об оружии.

— Об оружии? — переспросил Лисянский.

— Ну да. Ружья, пушки, свинец, ядра — вот чего хотелось тайону Котлеану. Шестьсот ружей у него, как видите, было. Но ему нужны были тысячи ружей...

— Для охоты?

— Для войны.

— С кем же он хотел воевать?

— Со всем миром. Но раньше всего с индейцами, которые живут у залива Якутат. И с индейцами, которые живут на реке Медной. И с индейцами, которые живут у Чугатского залива. Он хотел завоевать их и стать властелином всей этой страны. Сначала он надеялся, что Баранов ему поможет, но Баранов друг всех племен и не хочет, чтоб их заво-

евал тайон Котлеан. И стал Котлеан разговаривать с американцами, а те посулили ему всё, если он нападет на Архангельскую...

— А при чем тут три английских матроса?

— Три английских матроса впустили индейцев в крепость,— сказал Савва.

И прибавил:

— И теперь они, конечно, в Бостоне.

Этот разговор с Саввой взволновал Лисянского. Он вовсе не был уверен, что старый алеут прав. Напротив, он очень сомневался, он полагал, что в рассказе Саввы гораздо больше фантазии, чем правды. Действительно, легко ли поверить, что американские моряки и торговцы способны на такой коварный, предательский поступок! Однако слов Саввы Лисянский забыть не мог, и порой ему казалось, что старый охотник пролил все-таки некоторый свет на это темное дело...

15 августа 1804 года «Нева» вышла из гавани Святого Павла и двинулась в сторону залива Ситка. Ветер был попутный, западный.

19 августа впереди заметили мыс Эчком, за которым расположен вход в Ситкинский залив. Ветер упал, и «Нева» двигалась медленно. Только к вечеру поравнялась она наконец с мысом. На закате солнца один из матросов доложил Лисянскому, что в заливе виден какой-то крупный трехмачтовый корабль. Крупных кораблей у Баранова быть не могло, и потому крупный корабль, внезапно обнаруженный внутри Ситкинского залива, вызвал всеобщее любопытство.

Лейтенант Арбузов разглядывал неизвестный корабль в подзорную трубу.

— Юрий Федорович! — крикнул он Лисянскому.— А ведь это старый наш знакомый.

— Знакомый?

— Это корабль американского шкипера О'Кейна! Мы с ним встретились, когда входили в гавань Святого Павла на Кадьяке!

Лисянский взял подзорную трубу у Арбузова. Да, сомневаться было невозможно. Это был корабль О'Кейна, месяц назад покинувшего остров Кадьяк. Полагали, что он отправился на родину, а оказывается, он здесь, в заливе Ситка!

Что ему надо? Чего ради он проводит целое лето возле берегов русских владений в Америке?

Но солнце зашло, и все потонуло во мраке.

В залив «Неве» удалось войти только на следующее утро. Залив Ситка очень обширен, изрезан мысами и состоит из нескольких бухт. «Нева» не пыталась приблизиться к стоявшему на якоре американскому кораблю и бросила якорь на большом от него расстоянии.

Берега показались Лисянскому необыкновенно пустынными. «Не видно было нигде не только ни одного человека,— записал он,— но даже ни малейшего знака, чтобы в этих местах было какое-либо жилище. Взорам нашим повсюду являлись леса, которыми покрыты все берега. Сколько мне ни случалось встречать необитаемых мест, но они никоим образом не могут сравниться с этими своей дикостью и пустотой».

Самым удивительным было то, что нигде не удалось обнаружить ни Баранова, ни его войска. Впрочем, вскоре оказалось, что в одной из бухт стоят два судна Российско-Американской компании — «Александр» и «Екатерина». Ими обоими командовал штурман Петров, который не замедлил явиться на «Неву» к Лисянскому. От Петрова Лисянский узнал, что ни Баранов, ни его войско до Ситкинского залива еще не добрались, хотя покинули Кадьяк уже два месяца назад. Алеутские байдары, на которых двигалась рать Баранова, шли не напрямик через море, как «Нева», а вдоль выгнутого широкой дугой южного берега Аляски, и подолгу останавливались во всех заливах, где Баранов договаривался с тайонами союзных индейских племен о том, какую помощь они ему окажут. Всё новые и новые отряды воинов примыкали к войску Баранова, и войско все росло, а так как всему этому множеству людей в пути нужно было питаться, то приходилось делать длительные остановки для охоты и рыбной ловли. «Александр» и «Екатерина» были посланы Барановым вперед и находились в Ситкинском заливе уже десять дней. Прибытия Баранова и его главных сил нужно было ожидать со дня на день.

Петров, хорошо знавший эти места, объяснил Лисянскому, что берега залива вовсе не так уж пустынны. Стоя на палубе, он показал Лисянскому ту бухту, возле которой находилась разрушенная Архангельская крепость; за стволами деревьев можно было разглядеть обгорелые срубы. За-

тем он показал тот мыс, за которым расположена была главная деревня ситкинских индейцев. Петров утверждал, что ситкинские индейцы давно раскаиваются в том, что́ они натворили, но уверены, что русские будут мстить, не ждут себе пощады и потому сражаться будут отчаянно.

— Глядите, пиро́га! — воскликнул лейтенант Арбузов.

Действительно, из-за мыса, за которым находилась деревня индейцев, вынырнула пирога. В пироге находилось всего три человека — двое гребли, третий стоял на носу и смотрел вперед. Видно было, как развевались орлиные перья, украшавшие его голову.

— А ведь я этого молодца знаю! — воскликнул Петров, разглядывая лодку в подзорную трубу.— Это старший сын тайона Котлеана!

— А куда они направляются? — спросил Арбузов.

Но это сразу стало ясно — лодка направлялась к кораблю О'Кейна. Обойдя американский корабль, она подошла к тому борту, который не был виден с «Невы».

— Нужно постараться перехватить их на обратном пути,— сказал Лисянский.

Он приказал спустить на воду самый быстроходный бот «Невы» и посадить в него шестерых самых лучших гребцов-матросов под начальством лейтенанта Арбузова. Ждать пришлось недолго. Сын тайона Котлеана пробыл у О'Кейна не больше сорока минут. Пирога с тремя индейцами отделилась от американского корабля и понеслась к мысу. И в то же мгновение бот «Невы» помчался ей наперерез.

Началась погоня.

Все, кто был на «Неве», не отрываясь следили за ботом и пирогой. Безусловно следили за ними и все, кто был на корабле О'Кейна. Тайно следили за ними и тысячи глаз из безмолвных береговых лесов.

Это было состязание в скорости. При каждом дружном взмахе весел бот словно делал прыжок вперед. Так он и двигался по глади залива — стремительными рывками. Два пенистых бурунчика клокотали у его носа, разрезавшего воду. Однако индейцы тоже были великолепными гребцами. Расстояние между ботом и пирогой уменьшалось. Но уменьшалось оно медленно. Гораздо быстрее уменьшалось расстояние между пирогой и мысом.

Было уже ясно, что пирога к мысу подойдет первой. Сын Котлеана поднял ружье и выстрелил в своих преследователей. Звук выстрела далеко и звонко разнесся над водной ширью. Загремели выстрелы, и с бота над водой поплыли пороховые дымки. Но пирога уже скрылась за мысом.

Дойдя до мыса, Арбузов остановился. Преследовать дальше было безрассудно — там, за мысом, находилось селение, и горсточка моряков не могла принять бой со всем племенем. Бот вернулся к «Неве».

Лисянский посетил оба судна Российско-Американской компании — «Александра» и «Екатерину». Они были очень малы, и Лисянский подивился, как люди отваживались выходить на них в океанское плавание. С сожалением смотрел он на их сшитые из лоскутов паруса, на связанные из обрывков канаты. Особенно встревожила его слабость их вооружения. Правда, на каждом из них было по четыре небольших пушки. Но такой незначительный запас пороха и ядер, что любая из этих пушек могла бы выстрелить только по одному разу. А обстановка в Ситкинском заливе была грозная. И Лисянский перевооружил оба суденышка с помощью богатых запасов «Невы». Он щедро снабдил их порохом и ядрами и прислал на каждое еще по две пушки.

8 сентября корабль О'Кейна внезапно снялся с якоря, поставил паруса и ушел. Присутствовать при сражении американцы не хотели.

19 сентября в залив вошел Баранов со своим бесчисленным флотом.

АЛЕКСАНДР БАРАНОВ

Впрочем, грандиозная эта армада, состоявшая из алеутских байдар и деревянных пирог индейцев — союзников Баранова, появилась далеко не сразу. Во время долгого пути она растянулась на громадное пространство. Двигаясь к Ситкинскому заливу, воины Баранова то задерживались где-нибудь в лесу, увлеченные удачной охотой, то застревали на пирах у друзей, которых нужно было навестить по дороге. В течение целой недели в Ситкинский залив входили небольшие группы байдар и пирог, двигаясь не открытым морем, а пробираясь по многочисленным проливам между материком и прибрежными островами. Проходя мимо «Невы», те, у кого были ружья, салютовали ей выстре-

лами из ружей. На берегу, недалеко от того места, где стояла «Нева», появился огромный лагерь, который рос с каждым часом.

«Требуется великий дар красноречия, чтобы надлежащим образом описать эту картину,— рассказывает Лисянский в своем дневнике.— Некоторые успели уже построить шалаши, иные же еще начали делать их, и байдарки ежеминутно приставали к берегу во множестве. Казалось, все окружавшие нас места были в сильном движении. Иные люди развешивали свои вещи для сушки, другие варили пищу, третьи разводили огонь, а остальные, утомясь от трудов, старались подкрепить свои силы сном».

Несмотря на предстоящие военные действия, многие индейцы прибыли с женами и даже с детьми. Каждое семейство выстроило для себя шалаш. «Шалаши эти составляются самым простым образом,— пишет Лисянский.— Пирога кладется на ребро, перед ней вколачиваются два шеста с поперечной жердью, а сверху кладутся весла; все это обыкновенно прикрывается тюленьими кожами, а пол устилается травой и потом рогожами. Перед каждым таким жилищем разводится огонь, на котором, особенно поутру, непрестанно что-нибудь варят или жарят...»

«Войско Баранова,— рассказывает он дальше,— было составлено из жителей кадьякских, аляскинских, кенайских и чугацких. При отправлении из залива Якутат в нем было 400 байдарок и около 900 человек, но в Ситку пришло первых не более 350, а последних 800. Такие потери в людях приписывали простудным болезням, от которых несколько человек умерло, а другие для излечения отправлены назад в Якутат. При войске находилось 38 тайонов, как старшин, которые управляли своими подчиненными и во всем сносились с русскими промышленниками. Обыкновенное вооружение воинов составляли длинные копья, стрелы и другие орудия, приготовленные для промысла морских зверей. Но на этот раз выдано было много ружей».

Все эти соратники и союзники русских беспрестанно приезжали на «Неву» в гости. «Я нарочно приказал пускать всех, чем они крайне были довольны,— пишет Лисянский.— Им никогда не случалось видеть такого корабля, и потому дивились ему чрезвычайно. Наши пушки, ядра и прочие снаряды приводили их в изумление. Тайонов потчевал я водкой в каюте. Они, конечно, уехали с теми мыс-

лями, что на корабле моем собраны самые лучшие сокровища, так как стулья, столы и моя койка превышали их воображение. После обеда индейцы-чугачи забавляли нас на берегу своей пляской. Они были наряжены в самые лучшие свои уборы, головы их были украшены перьями и пухом. Они пели песни, приближаясь к нам, и каждый из них держал весло, кроме тайона, который, одетый в красный суконный плащ и круглую шляпу, важно выступал несколько в стороне от своего войска. Подойдя к нам, они стали в кружок. Сперва запели они протяжно, а потом песня становилась мало-помалу веселее. Пенье свое сопровождали они телодвижениями, которые под конец превращались в иступленные. Танцовщики были в то же время и музыкантами, а музыка состояла из их голосов и старого жестяного изломанного котла, который служил им вместо литавров. По окончании этого увеселения я роздал каждому по несколько листов табаку и возвратился на корабль».

Но, сказать по правде, Лисянского гораздо больше, чем индейцы, интересовал их предводитель Баранов — легендарный русский человек, управлявший от имени России бесчисленными островами в северной части Тихого океана и громадными пространствами на двух материках.

Баранов прибыл в Ситку на корабле Российско-Американской компании «Ермак», таком же маленьком и слабо вооруженном, как «Александр» и «Екатерина». На «Ермаке» же находились и его главные помощники, наиболее приближенные к нему люди, — русские промышленники, сибиряки родом, проведшие жизнь в лесах и морях на охоте за зверем. Прибыв, Баранов, конечно, прежде всего поехал на «Неву» и познакомился с Лисянским.

Лисянский внимательно вглядывался в своего гостя. Александр Андреевич Баранов был человек среднего роста, лет уже за пятьдесят, светловолосый, с коричневой от солнца и ветра кожей на лице, с небольшими светлыми, очень зоркими глазами. Родом он был купец из северного русского городка Каргополя, и в речи его чувствовался северный поморский говорок. Теперь у него уже был чин коллежского советника, дававший ему право считаться не купцом, а дворянином. Он обладал редким умением держать себя с людьми. В сущности, в обществе индейских тайонов он был совершенно таким же, как и в обществе Лисянского, — ровный, внимательный, благожелательный, без

всякой приниженности, и без всякого высокомерия и, главное, очень спокойный. Спокойствие казалось основным свойством его характера, и только руки его, сильные и подвижные, выдавали порой неожиданным жестом, какой деятельный и неукротимый дух скрыт за этим спокойствием.

При первом же разговоре Лисянский постарался узнать, разделяет ли Баранов мнение охотника Саввы, ясна ли ему та роль, которую во всех происшествиях сыграли люди из Соединенных Штатов Америки. И убедился, что Баранову вполне понятны все происки американцев, но что относится он к ним без особого волнения.

— Только не делать того, что они хотят, тогда ничего у них не выйдет,— сказал он.

— А что они хотят? — спросил Лисянский.

— Они хотят, чтобы мы воевали. Втянуть нас в долгую, трудную, изнурительную войну с индейцами — вот их мечта. Такая война позволила бы им разом добиться всего, чего они здесь добиваются.

— А чего они здесь добиваются?

— Многого,— ответил Баранов и усмехнулся.— Главная их цель — ослабить влияние России в Америке. Наша война с индейцами помогла бы достижению этой цели. Вторая их цель — поставить здешние индейские племена в зависимость от себя. И эта цель была бы достигнута: индейцам для войны понадобилось бы очень много огнестрельного оружия, а доставать его они могли бы только у американцев, и американцы за грошовые старые ружья скупили бы все меха здешнего края. Третья их цель — самая подлая, истребить индейцев. Там, у себя, в Соединенных Штатах, они индейцев уже почти истребили и продолжают истреблять остатки. Здесь они хотели бы истребить индейцев нашими руками...

— Ну что ж,— сказал Лисянский, помолчав,— выходит, что они добьются всех трех своих целей. Наша война с индейцами неизбежна.

— Вы так думаете? — спросил Баранов.

— А вы разве думаете не так? — удивился Лисянский.

— Нет, не так,— сказал Баранов твердо.— Война не неизбежна, и мы должны сделать все, чтобы избежать ее.

— Что же сделать? Уйти и оставить им Архангельскую крепость?

— Ну нет! Если мы уйдем, они подумают, что мы слабы. А если они подумают, что мы слабы, война будет действительно неизбежна. Прежде всего мы должны доказать ситкинским индейцам, что мы сильны, и доказать так, чтобы в этом никаких сомнений не оставалось. Затем мы должны доказать им, что все племена побережья стоят за нас. Ну, в этом-то уже и сейчас сомневаться невозможно. Кого только нет в моем войске! И ведь все пришли добровольно. Не думайте, что я и вправду полагаюсь на их помощь в бою. Они отважны и действительно хорошо к нам относятся, но они незнакомы ни с какой дисциплиной, и все их бесчисленные тайоны беспрестанно ссорятся между собой. Нет, в бою я полагаюсь на своих русских промышленников и на ваших матросов, капитан-лейтенант. А их я привел сюда, чтобы главный ситкинский тайон Котлеан увидел, что в борьбе против нас он одинок, что племена Аляски и островов не сочувствуют ему и не поддержат его. И самое важное, чтобы это увидели его покровители американцы, которые, поверьте, внимательно следят за всем, что здесь происходит.

— Ну, это я знаю! — сказал Лисянский, вспомнив корабль О'Кейна, который он встретил сначала в гавани Святого Павла, а потом здесь, в Ситкинском заливе.

— После того как будет доказано, что мы сильны, мы им докажем, что мы хотим мира,— продолжал Баранов.— Мы докажем, что месть нам не нужна, и это будет самая главная наша победа. Сила Котлеана, его влияние внутри своего племени основаны на общем страхе перед нашей местью. Все племя его верит, что мы собираемся не щадить никого, истребить их всех до единого или, по крайней мере, изгнать из страны и присвоить все их угодья. Они давно уже поняли, что сделали глупость, напав на нашу крепость, но собираются сражаться до последней возможности, так как думают, что у них нет никакого другого выхода. Они давно уже поняли, что американцы надули их и не окажут им никакой настоящей помощи, и все-таки они держатся американцев, потому что считают, что им не на что больше надеяться. И, когда мы, доказав свою силу, докажем, что не собираемся истреблять их, ни тайон Котлеан, ни американцы не смогут заставить их продолжать войну.

Баранов замолк, внимательно посмотрел Лисянскому в лицо и спросил:

— Вы согласны со мной?

Лисянский с уважением смотрел на Баранова. Этот бывший приказчик купца Шелехова, человек с северным крестьянским говорком, был прирожденным государственным деятелем, какого не сыщешь в Петербурге при дворе императора Александра.

— Согласен совершенно,— ответил Лисянский.

— Ну, за дело! — сказал Баранов.

ВОЙНА И МИР

За дело пора было приниматься уже хотя бы потому, что ситкинцы первыми начали боевые действия. Они подстерегали в лесу индейцев, сопровождавших Баранова, и, если тех было немного, нападали на них. Они обстреливали из-за кустов байдары, проходившие мимо берега, и убивали сидевших в них кадьякцев. Ежедневно то там, то сям возникало по нескольку стычек. Сами по себе эти стычки большого значения не имели. Это была со стороны ситкинцев только проба сил, только подготовка. Они, несомненно, готовились к большому нападению.

— Ну нет,— сказал Баранов Лисянскому,— мы их нападения ждать не будем. Мы нападем первыми!

От захваченных в лесу пленных было известно, что армия ситкинцев состоит из восьмисот мужчин, подчиненных разным тайонам. Большинство воинов вооружено ружьями, остальные — луками и копьями. Есть у них и несколько пушек. В сущности, по числу людей и по количеству вооружения силы обеих сторон были почти равными.

Обдумывая план предстоящего нападения, Баранов и Лисянский прежде всего должны были решить, где нападать, в каком именно месте атаковать врага. Казалось, естественнее всего было попытаться вернуть Архангельскую крепость. Но по донесениям разведчиков получалось, что в этом нет никакого смысла. Архангельской крепости больше не существовало, осталось только место, где она прежде находилась. Деревянные стены ее были сожжены, земляные насыпи срыты. Ситкинцев в ней не было, и они безусловно вовсе не собирались ее защищать. Следовательно, захват ее обгорелых развалин не принес бы ровно никаких выгод.

Врага нужно было разбить там, где были сосредоточены его главные силы. А главные силы ситкинцев безусловно находились в большом, хорошо укрепленном селении за мысом. Правда, разведчики доносили, что дальше по побережью ситкинцы недавно построили новую крепость. Но Баранов считал, что свое селение они будут защищать гораздо упорнее, чем крепость, и потому решено было нанести удар по селению.

28 сентября флот Баранова снялся с места и двинулся в путь по заливу. Среди сотен байдар и лодок возвышались корабли Российско-Американской компании «Александр», «Екатерина» и «Ермак». Баранов шел на «Ермаке». «Нева», двигавшаяся вместе со всем флотом, казалась исполином среди карликов. Как назло, ветра почти не было, и движение совершалось крайне медленно. Временами ветер пропадал совсем, и тогда гребные боты брали корабли на буксир и тащили их за собой. Весь день ушел на то, чтобы пересечь залив и обогнуть мыс. Только к десяти часам вечера, когда уж совсем стемнело, корабли и байдары остановились против берега, где расположено было селение.

Высаживаться на берег было уже поздно. Ночь провели на воде. До рассвета из селения доносилось странное тягучее завывание. Это шаманы колдовством призывали духов на помощь своему племени.

Наконец встало солнце и озарило сосновые леса, снежные вершины гор и обнесенное деревянным палисадом селение на холме у воды. Лисянского удивила тишина этого утра. В селении все было неподвижно. Да что они, спят там или умерли?

— Они ушли,— донесли кадьякцы, подходившие к самому берегу на своих легких байдарках.— Там никого нет.

Лисянский не сразу поверил этому известию. Он послал лейтенанта Арбузова посмотреть. Арбузов прошел на боте вдоль берега от одного конца селения до другого. В селении никого не осталось.

Баранов приехал к Лисянскому посоветоваться. События развивались не совсем так, как они рассчитывали,— неприятель на этот раз уклонился от боя.

— Ну что ж, займем селение,— предложил Баранов.

И Лисянский с ним согласился.

Опасаясь засады, он приказал сделать несколько залпов из пушек «Невы» по зарослям кустарника, окружавшим се-

ление. Пушки грянули, но в зарослях никто не обнаружился. Байдары, пироги, боты пристали к берегу, и в селение вступила вся разноплеменная рать.

Бревенчатые хижины индейцев, или, как их называли русские, бараборы, лепились по склону холма. Баранов поднялся на вершину холма и водрузил там флаг на высоком шесте. На берег перевезли шесть пушек и установили их так, чтобы они могли служить защитой и со стороны леса и со стороны моря. Баранов решил, что именно здесь будет находиться новая русская крепость, которую он построит взамен сожженной. Он придумал ей и название — Новоархангельская. В честь основания Новоархангельской крепости ровно в полдень был дан залп из всех орудий.

В бараборах обнаружили несколько стариков и старух, которых ситкинцы, уходя, не пожелали взять с собой. Старики прятались и были уверены, что их немедленно предадут смерти. Лисянский приказал их успокоить, обласкать и накормить. Поев, они повеселели и охотно отвечали на вопросы, которые Лисянский и Баранов задавали им с помощью переводчиков.

По их словам, ситкинцы ночью долго спорили, защищать ли им свое селение или не защищать. Более воинственные тайоны советовали защищать, а более миролюбивые считали, что селение нужно оставить и уйти в недавно построенную крепость, в которой обороняться удобнее, чем в селении.

— Если бы тайон Котлеан был здесь,— сказал один из стариков,— взяли бы верх те, которые считали, что нужно защищать селение, но так как тайона Котлеана не было, победило мнение тех, которые предлагали уйти в крепость.

— А где же тайон Котлеан? — спросил Баранов.

— Уехал.

— Давно?

— Дней пять назад.

— Куда же он поехал?

— Он отправился на пироге в бухту, где стоит сейчас американский корабль. До этой бухты два дня пути. Он повез американцам бобровые шкуры, чтобы получить от них побольше пороха.

Справедливость всего, что сказал старик, подтвердилась в тот же день. Из-за лесистого островка посреди залива вы-

нырнула длинная пирога с десятью гребцами. На корме ее сидел тайон, голова которого была пышно украшена орлиными перьями. Пирога, видимо, направлялась к селению. Но, выскочив из-за острова, сидевшие в ней внезапно увидели стоявший перед селением флот. Пирóга круто повернула и на всех веслах понеслась обратно за островок.

Но было уже поздно. И пирогу и сидевшего в ней тайона успели заметить на берегу.

— Котлеан! Там тайон Котлеан! — закричали индейцы, входившие в войско Баранова.

За пирогой погнался многовесельный бот под начальством лейтенанта Арбузова. Желая обогнать своих преследователей, сидевшие в пироге несколько раз выстрелили по боту из ружей, но промахнулись. Тогда по приказанию Лисянского заговорили орудия «Невы». Лисянский вовсе не рассчитывал на попадание, он только хотел ядрами своих пушек задержать пирогу, заставить ее изменить курс. Но неожиданно одно ядро попало прямо в пирогу.

Раздался оглушительный взрыв, от которого вздрогнул весь воздух над заливом. Все заволокло черным дымом.

В пироге был порох, порох взорвался, и взрыв уничтожил пирогу.

Когда дым рассеялся, бот Арбузова на месте взрыва подобрал шестерых раненых и оглушенных индейцев. Котлеана между ними не было.

Взрыв, вероятно, не задел тайона Котлеана, сидевшего на корме, в самом конце. Оказавшись в воде, он поплыл, несмотря на то что вода в эти последние дни сентября была уже очень холодна. Плавал он, как рыба, и матросы с бота Арбузова заметили его только тогда, когда он был уже возле лесистого берега. Они послали ему вслед несколько выстрелов, но он вылез на берег, скрылся за соснами и, конечно, благополучно добрался до крепости, за стенами которой пряталось все его племя.

Баранов очень огорчился, что не удалось захватить Котлеана.

— Если бы Котлеан попался в наши руки, — говорил он, — война кончилась бы сразу и без всякого кровопролития.

1 октября флот Баранова и «Нева» медленно двинулись к новой крепости ситкинцев, стоявшей на том же берегу залива в полутора милях от селения.

«Ситкинская крепость,— пишет Лисянский,— представляла неправильный треугольник, бóльшая сторона которого простиралась вдоль моря на 35 сажен. Стена состояла из толстых бревен наподобие палисада, внизу были положены мачтовые деревья внутри в два, а снаружи в три ряда, между которыми стояли толстые бревна длиной около 10 футов, наклоненные на внешнюю сторону. Вверху они связывались другими такими же толстыми бревнами, а внизу поддерживались подпорками. К морю выходили одни ворота и две амбразуры, а к лесу — двое ворот».

Тридцать пять сажен — всего только шестьдесят пять метров. Такова была самая длинная стена крепости. Из этого видно, как невелика была вся крепость и как тесно было восьми сотням воинов, укрывшимся в ней вместе с женами и детьми.

Приближавшийся флот крепость встретила отчаянной пальбой из пушек. Пушек было всего две, и пушкари оказались такими неискусными, что все ядра падали в воду, не принося никакого вреда.

Ни Баранову, ни Лисянскому не нужна была эта крепость ситкинцев, и они были бы рады, если бы дело повернулось как-нибудь так, чтобы ее можно было не брать. Но они понимали, что, если крепость не взять, война будет продолжаться до бесконечности. Решено было начать, как водится, с осады, а там попытаться вступить с противником в переговоры и, доказав ему безнадежность его положения, добиться мира на справедливых и обоюдно выгодных условиях.

Лейтенант Арбузов с небольшим отрядом матросов «Невы» высадился на берег и засел против левых ворот крепости. В его распоряжении было две пушки. Кроме того, в помощь ему было придано сотни две индейцев и кадьякцев под начальством своих тайонов. У правых ворот крепости засел сам Баранов, командуя отрядом русских промышленников. У него было три пушки и еще больше индейцев и кадьякцев. Так как при всем том в его отряде не было ни одного настоящего военного человека, Лисянский дал ему в помощники лейтенанта Повалишина. Третьи ворота, выходившие в сторону моря, сторожил флот. Ситкинцы оказались запертыми в своей крепости.

Осада встревожила ситкинцев необычайно. В первый же вечер они произвели вылазку — с яростью и отвагой отча-

яния. Размахивая копьями и топорами, они ринулись разом из двух ворот — и в сторону Арбузова и в сторону Баранова. Вылазка эта была поддержана бешеным ружейным огнем со стен крепости. И тем не менее она легко была бы отражена, если бы индейцы, союзники русских, не побежали.

Оказалось, что при всей своей воинственности они не умеют сражаться стойко.

Видя, что индейцы бегут, кадьякцы побежали тоже. Русские остались одни. Весь удар они приняли на себя. Они не могли отступить, потому что не в силах были без помощи индейцев тащить свои пушки. И они мужественно стояли до конца возле своих пушек, чтобы не бросить их и не отдать врагу.

Это упорство русских матросов и промышленников решило все дело.

Ситкинцы, несмотря на свое громадное численное превосходство, наткнувшись на упорное сопротивление, отхлынули как раз в ту минуту, когда еще одно усилие могло, казалось, принести им победу. Арбузов послал им несколько ядер вдогонку. К этому времени союзные индейцы и кадьякцы успели опомниться. Выскочив из леса, они устремились в атаку. Ситкинцы едва успели вбежать в крепость и запереть за собой ворота.

Эта вылазка оказалась последним сражением всей войны. Обе стороны в этом сражении понесли тяжелые потери. Два матроса с «Невы» были убиты, третий вскоре скончался от ран. Почти все участвовавшие в бою были ранены, в том числе Повалишин и Баранов.

Раненный в руку, Баранов потерял много крови и вынужден был в течение нескольких дней лежать на койке у себя в каюте на «Ермаке», и Лисянскому пришлось одному продолжать начатое Барановым дело и принять на себя командование всей его многочисленной армией.

Потери ситкинцев убитыми и ранеными были еще больше. Перед воротами долго валялись трупы их раскрашенных воинов с перьями на головах. Но главная их беда заключалась в том, что во время этой вылазки они истратили весь свой запас пороха. Тот порох, который Котлеан вез от американцев, погиб, и это сделало их положение безнадежным. У них было восемьсот ружей и две пушки, но стрелять они больше не могли.

Им оставалось только одно — начать переговоры. И переговоры начались.

Тянулись они целых семь дней и продолжались почти непрерывно днем и ночью. Никогда еще в жизни Лисянского не было такой утомительной недели. Начались переговоры с помощью одной кадьякской женщины, которую ситкинцы захватили в плен, а потом отпустили, чтобы она рассказала Лисянскому об их намерении заключить мир. Потом к Лисянскому на «Неву» стали приезжать тайоны из крепости, по два, по три человека. Лисянский принимал их самым ласковым образом, угощал, одаривал топорами и бусами, они проводили на «Неве» по многу часов, возвращались в крепость, взамен них другие тайоны приезжали на «Неву», а дело почти не двигалось с места.

Лисянский ставил только одно условие — покинуть крепость. Он давал ситкинцам клятвенное обещание больше их не преследовать и разрешить им жить, где они пожелают. Приезжавшие тайоны один за другим соглашались на это условие. И все-таки дело почему-то не двигалось вперед.

Причин этому было много. Во-первых, в крепости не было ни единого мнения, ни единой власти. Одни тайоны хотели немедленного мира, другие старались оттянуть мир насколько возможно. Послы племени давали обещания, но племя от этих обещаний отказывалось. Партия непримиримых, группировавшаяся вокруг тайона Котлеана, редела с каждым днем, однако все еще оказывала сильное влияние на настроение в крепости.

Во-вторых, и это самое главное, осажденные видели в предложениях Лисянского только обман, только коварство. Они не верили, что русские не собираются их истребить,— они ведь сами истребили гарнизон русской крепости! И убедить их в своем миролюбии Лисянский был не в силах. Они не сомневались, что он уговаривает их выйти из крепости только для того, чтобы удобнее было напасть на них и убить с женами и детьми.

Надо сказать, что Лисянский, обещая ситкинцам, что, выйдя из крепости, они будут в полной безопасности, иногда сам сомневался в возможности выполнить свое обещание. Дело в том, что пришедшие с Барановым индейцы тоже были убеждены, что Лисянский лукавит, и не сомневались, что ситкинцы будут отданы им на уничтожение. Они ликовали заранее, потому что ненавидели тайона Котлеана, много раз пытавшегося поработить все побережье, и радовались, что племя его будет истреблено. Неподалеку

от крепости они нашли тайник — нечто вроде огромного погреба,— в котором ситкинцы хранили вяленую рыбу. Рыбы этой было так много, что ею нагрузили сто пятьдесят байдар. Ситкинцы, увидев со стен своей крепости, что запасы их обнаружены и расхищаются, подняли полный отчаяния вой. Напрасно Лисянский уговаривал союзных тайонов вернуть в тайник хотя бы часть рыбы — индейцы и кадьякцы считали эту рыбу своей законной добычей и сразу же поделили ее между собой. И Лисянского все больше тревожила мысль, что удержать их от нападения на осажденных, после того как те выйдут из крепости, будет трудно.

А время шло, и осажденным все яснее становилось, что покинуть крепость им придется. В крепости уже нечего было есть. 6 октября послы племени, прибыв на «Неву», окончательно приняли условия Лисянского. Договорились так: ночью все племя в один голос трижды прокричит: «У! У! У!» — в подтверждение того, что условия Лисянского приняты всеми. Затем они раскроют ворота, выходящие к морю, сядут в свои лодки и покинут крепость.

Лисянский особенно настаивал на том, чтобы осажденные вышли из крепости через ворота, обращенные к морю. Это дало бы ему возможность защитить их с помощью пушек «Невы», если бы на них попытались напасть.

Ночью на «Неве» действительно услышали трижды прогремевший рев:

— У! У! У!

Условия были приняты всеми. Команда «Невы» ответила на это троекратным «ура», настолько громким, что его безусловно слышали в крепости. Теперь оставалось ждать, когда раскроются ворота.

Лисянский вовсе не собирался торопить осажденных. Он понимал, что такому множеству семейств не так-то просто сразу собраться. Но время шло, встало солнце и высоко поднялось над лесом, а обращенные к морю ворота все не раскрывались.

Обычно из крепости доносился гул многих голосов и лай собак. Теперь все смолкло. Эта тишина удивила Лисянского. А когда он увидел, что над крепостью кружатся большие стаи ворон, он встревожился.

Лейтенант Арбузов, заглянувший в крепость через щель в воротах, сообщил Лисянскому, что в крепости никого

нет. Это было похоже на чудо — все трое ворот оставались запертыми изнутри.

Лисянский съехал на берег, ворота взломали, вошли в крепость. Под одной из крепостных стен был обнаружен подкоп.

Тогда все стало ясно. Ситкинцы так и не поверили обещаниям Лисянского. Они не могли себе представить, что русские не собираются им отомстить. Они прорыли себе проход под стеной и в ночной тьме тайно ушли из своей крепости в лес.

7 октября Лисянский записал у себя в дневнике:

«Сойдя на берег, я увидел самое варварское зрелище, которое могло бы даже и жесточайшее сердце привести в содрогание. Полагая, что по голосу младенцев и собак мы можем отыскать их в лесу, ситкинцы предали их всех смерти».

Так окончилась эта война с индейцами из залива Ситка, которых американцы сначала подучили напасть на русских, а потом бросили на произвол судьбы, подвергнув опасности полного уничтожения.

Рана Баранова заживала, и он снова принял на себя командование своим войском. Он добился того, чтобы ситкинцев действительно никто не преследовал. Для этого он прежде всего увел своих союзников в Новоархангельскую крепость. Часть из них он занял строительными работами, а другую часть — охотой на моржей и тюленей, которая была очень успешна.

«Неве» нужно было возвращаться на Кадьяк, чтобы принять в свои трюмы груз мехов со складов Российско-Американской компании. А так как корабль нуждался в ремонте, решено было там и перезимовать.

Баранов, оставшийся на зиму в Новоархангельской, приехал к Лисянскому попрощаться.

— Будущим летом перед отплытием в Китай непременно заходите сюда, в Ситкинский залив, — сказал он ему, — и вы увидите, как дружно мы будем жить с ситкинцами.

ЗИМОВКА НА КАДЬЯКЕ

10 ноября «Нева» покинула Ситку, а уже 15-го вошла в гавань Святого Павла на острове Кадьяк. Приближалась зима, шел снег, и команда «Невы», готовясь к зимовке, прежде всего расснастила свой корабль и как следует укрепи-

ла его. Затем моряки переселились на берег в избы русских промышленников. «Читатель легко может себе вообразить радость,— пишет Лисянский,— которую наши матросы высказали при этом, так как после столь продолжительного плавания, а особенно после ситкинского похода, даже и пустая земля должна была показаться им гораздо приятнее, нежели самый лучший корабль».

Зимовка команды «Невы» прошла спокойно. Зима на Кадьяке оказалась многоснежной, но не очень холодной. Часто бывали оттепели, и температура ни разу не падала ниже 17 градусов мороза.

Потом пришла весна, снег растаял, горы покрылись зеленью, и нужно было готовиться к дальнейшему плаванию. Трюмы «Невы» приняли в себя громадные запасы мехов. С погрузкой справились довольно скоро, но оказалось, что на «Неву» нужно поставить новый бушприт взамен старого. Эта работа задержала моряков больше, чем они рассчитывали, и «Нева» вышла из гавани Святого Павла только 13 июня 1805 года.

Она направлялась прежде всего в Ситку, чтобы захватить заготовленные Барановым за зиму меха, а оттуда — в Китай для встречи с «Надеждой».

ОПЯТЬ В ЗАЛИВЕ СИТКА

22 июня «Нева» снова вошла в Ситкинский залив и бросила якорь неподалеку от Новоархангельской крепости.

Баранов немедленно явился к Лисянскому, и они обнялись. Летом прошлого года они успели оценить и полюбить друг друга. Рана Баранова за зиму зажила, он был здоров и деятелен, как всегда. Сейчас он был занят строительством Новоархангельской крепости, которую собирался превратить в настоящий город. Он тотчас же повез Лисянского на берег, спеша показать ему все, что уже успел выстроить.

«К величайшему моему удовольствию, я увидел удивительные плоды неустанного трудолюбия Баранова,— пишет Лисянский.— Во время нашего краткого отсутствия он успел построить восемь зданий, которые по своему виду и величине могут считаться красивыми даже и в Европе. Кроме того, он развел пятнадцать огородов вблизи селения. Теперь у него находятся четыре коровы, две телки, три быка, овца с бараном, три козы и довольно большое коли-

чество свиней и кур. Такое имущество в этой стране драгоценнее всяких сокровищ».

Конечно, Лисянский прежде всего спросил Баранова, как и где теперь живут ситкинцы и удалось ли установить с ними мирные отношения. Баранов рассказал ему, что ситкинцы за зиму построили себе новое селение милях в десяти от Новоархангельской крепости, на берегу одного пролива. Добрые отношения между ними и русскими начали устанавливаться с середины зимы. Прежде всего возобновилась торговля. Встречались на лесной поляне, лежавшей примерно на середине пути между обоими селениями, и обменивались товарами. Однако в селения друг к другу не заходили.

— Но как раз сейчас здесь совершаются великие события,— сказал Баранов.— Я отправил к ситкинцам посольство — с подарками и с приглашением в гости. Посольство еще не вернулось, однако у меня есть сведения, что встречено оно отлично. И вот я жду гостей. Возможно, гостем нашим будет сам тайон Котлеан.

Посольство, отправленное Барановым, вернулось 16 июля на трех байдарах. Рядом с тремя байдарами шли две пироги. В пирогах были гости.

К приему гостей Баранов подготовил пышную церемонию, главными исполнителями которой были индейцы-чугачи. Чугачами русские называли индейцев, обитавших по берегам Чугатского залива, к северо-западу от Ситки. Это были вернейшие союзники Баранова, и многих из них он поселил в Новоархангельской крепости. По языку и обычаям они нисколько не отличались от ситкинцев, и Баранов воспользовался ими, чтобы встретить гостей так, как здесь было принято.

Чугачи разоделись, раскрасили лица и посыпали себе головы светлым орлиным пухом. Подъехав к берегу, ситкинцы начали плясать в своих лодках. Неистовее всех плясал возглавлявший их тайон. Он прыгал, размахивая орлиными хвостами.

Это был не Котлеан, это был единственный из ситкинских тайонов, который не участвовал в нападении на Архангельскую крепость. Случайно ли или из хитрости, но перед этим нападением он отправился куда-то далеко на охоту и вернулся в Ситку только тогда, когда все уже было кончено. И то, что ситкинцы послали сейчас к Баранову

именно этого тайона, доказывало, что они все еще не вполне доверяли русским.

Ситкинцы плясали в своих лодках минут пятнадцать. Едва они кончили плясать, как на берегу заплясали чугачи. Во время пляски чугачей обе пироги ситкинцев подошли к берегу вплотную. Тогда кадьякцы, которых в Новоархангельской крепости тоже было немало, пошли в воду, подняли пироги и на руках вынесли на берег вместе с сидевшими в них гостями. Не выходя из лодок, ситкинцы любовались пляской чугачей до тех пор, пока те не перестали плясать. Наплясавшись, чугачи посадили ситкинского тайона на ковер и отнесли в предназначенный для него дом. Остальных гостей тоже отнесли на руках, но без ковра. В доме их ждало щедрое угощение.

На следующий день ситкинский тайон вместе со свитой направился на «Неву» в гости к Лисянскому. Для этого Баранов предоставил им свой собственный ялик. Едва отвалив от берега, гости начали петь и плясать. Так, с пением и пляской, они взошли на корабль. На шканцах «Невы» они плясали еще не меньше получаса.

Ситкинского тайона, человека немолодого, сопровождала группа воинов, а также родная его дочь со своим мужем. Воинов Лисянский приказал угощать наверху, а тайона, его дочь и зятя повел к себе в каюту. В каюте они пировали часа два, потом вышли на палубу и снова принялись плясать. «Эти люди непрерывно пляшут,— пишет Лисянский,— и мне никогда не случалось видеть трех индейцев вместе, чтобы они не завели пляски».

Тайон очень интересовался пушками «Невы», внимательно рассмотрел их и попросил у Лисянского разрешения выстрелить. Лисянский разрешил. Тайон зарядил пушку и выстрелил из нее с полным знанием дела, причем, как отмечает Лисянский, «ни сильный звук, ни движения орудия не вызвали у него ни малейшего страха».

Гости уехали на берег, а на другой день покинули Новоархангельскую крепость, провожаемые Барановым и пляшущими чугачами, нагруженные подарками. Тайону Баранов подарил алый байковый, украшенный горностаями халат, а каждому его спутнику — по синему халату. Кроме того, он выдал им по большой оловянной медали — в честь заключения мира между русскими и ситкинцами. Прощаясь с тайоном, он сказал:

— А все-таки меня удивляет ваш тайон Котлеан. Почему он не приезжает ко мне? Неужели у него не хватает смелости? Передай ему, что я жду его в гости, и, если он не приедет, я буду думать, что он замышляет против нас что-нибудь дурное.

Эти слова Баранова безусловно были переданы Котлеану, потому что 28 июля тайон Котлеан в сопровождении одиннадцати воинов посетил Новоархангельскую крепость. Конечно, все они тоже пели и плясали в пирогах. Прежде чем пристать к берегу, он прислал Баранову одеяло из чернобурых лисиц, прося, чтобы ему были оказаны те же почести, как тому тайону, который приезжал до него. Баранов ответил, что, к величайшему сожалению, такие почести никак не могут быть ему оказаны, потому что большинство чугачей и кадьякцев находятся далеко на охоте. Хотя действительно большинство чугачей и кадьякцев находилось в этот день на охоте, но все-таки со стороны Баранова это была только отговорка. Просто ему хотелось подчеркнуть, что к своему гостю, бывшему врагу России, он относится вежливо, но холодно, и гость безусловно понял это. Однако Котлеан сделал вид, что нисколько не уязвлен таким приемом, держался дружелюбно и добродушно.

«Наши посетители,— пишет Лисянский,— были так же раскрашены и покрыты пухом, как и прежние, но одежда их была несколько богаче. На Котлеане был английский фризовый халат. На голове он носил шапку из черных лисиц. Роста он среднего и имеет весьма приятное лицо, черную небольшую бороду и усы. Его считают самым искусным стрелком. Он всегда держит при себе до двадцати хороших ружей. Несмотря на наш холодный прием, Котлеан погостил у нас до 2 августа и плясал каждый день со своими подчиненными».

Баранов и Лисянский подолгу беседовали с ним. Котлеан признавал себя виновным во всем, жаловался, что американцы обманули его, и обещал загладить свой проступок верностью и дружбой. На прощание Баранов подарил ему табак и синий халат с горностаями. Табак был роздан и его воинам. «Прощаясь с нами,— пишет Лисянский,— Котлеан изъявил свое сожаление, что не застал кадьякцев, при которых ему сильно хотелось поплясать, уверяя, что никто не знает так много плясок разного рода, как он и его подчиненные. Удивительно, как ситкинцы пристрастны к пляске, которую они считают самой важной вещью на свете».

Баранову и Лисянскому вскоре пришлось принимать у себя еще одного ситкинского тайона. Дело в том, что племя не хотело больше признавать Котлеана своим главным вождем. Ошибочность всей его прежней политики была теперь настолько очевидна, что он не мог оставаться на своем посту. Племя избрало себе нового главного тайона, и этот новый главный тайон начал с того, что поехал показывать свою особу русским.

Он прогостил в Новоархангельской крепости несколько дней. Никогда еще Лисянскому не приходилось встречать такого чванливого человека. Он упивался своим высоким званием и требовал, чтобы его всегда носили на плечах. Он не соглашался ни одного шага сделать собственными ногами и слезал с чужих плеч только тогда, когда ему хотелось поплясать. Плясал он не меньше остальных своих соплеменников. При всей своей заносчивой важности он постоянно говорил о любви к русским и о верности им.

Лето шло к концу, и приближалось то время, когда, по уговору с Крузенштерном, «Нева» должна была отправиться в Китай на соединение с «Надеждой». Приняв в свои трюмы заготовленные Барановым меха, она 2 сентября подняла паруса, снялась с якорей и двинулась в путь. Но при выходе из Ситкинского залива ветер вдруг упал, наступил полный штиль, и «Нева» остановилась. Баранов на ялике догнал «Неву» и поднялся на палубу, чтобы еще раз пожать руку Лисянскому.

«С Барановым я распрощался не без сожаления,— записал Лисянский.— Он по дарованиям своим заслуживает всякого уважения. По моему мнению, Российско-Американская компания не может иметь в Америке лучшего начальника. Кроме познаний, он имеет уже привычку к выполнению всяких трудов и не жалеет собственного своего имущества для общественного блага».

Ночью подул ветер, и «Нева», покинув берега Америки, понеслась через Тихий океан.

ОСТРОВ ЛИСЯНСКОГО

Намечая заранее по карте курс своего корабля между Америкой и Азией, Лисянский старался избрать такой путь через необъятную ширь Тихого океана, по которому до него не проходил еще ни один мореплаватель. Он надеялся в этих безграничных просторах отыскать какую-нибудь не-

ведомую землю. Всей команде было приказано зорко следить за горизонтом — не покажется ли где-нибудь земля.

Однако миновало уже полтора месяца с тех пор, как «Нева» покинула Ситкинский залив, а они не видели ни малейшего признака земли. Только волны да небо — день за днем, неделя за неделей. Они уже пересекли тропик Рака и, несмотря на то что стояла середина октября, страдали от жары. Весь день сверкало солнце, но едва оно закатывалось, как сразу, без всякого перехода, опускалась непроглядная тьма тропической ночи.

15 октября, в десять часов вечера, все находившиеся на корабле почувствовали сильный толчок. Было совершенно темно. «Нева» остановилась и стала медленно крениться набок.

Лисянский сразу понял — мель! Всю команду вызвали наверх, немедленно спустили все паруса, чтобы «Неву» не перевернуло ветром. «Нева» несколько выпрямилась, но по-прежнему осталась неподвижной — она прочно застряла на мели.

Впереди, за ночною тьмой, Лисянский слышал глухой и мрачный шум. Опытным слухом моряка он сразу определил, что это такое. Это шумели буруны, это грохотали волны, набегая на берег.

Стараясь облегчить корабль, Лисянский приказал сбросить с палубы в воду все, что возможно. К каждому предмету, перед тем как его выбросить, привязывали поплавок, чтобы он не затонул и потом можно было подобрать его. Но сбрасывание вещей за борт нисколько не помогло. «Нева» не двигалась.

Положение было отчаянное. Стоит ветру немного усилиться — и корабль перевернется. Нужно было немедленно принимать самые решительные меры.

Спустили на воду все гребные суда, привязали их к корме «Невы» и, гребя изо всех сил, старались стащить ее с мели.

Какова была их радость, когда они почувствовали, что «Нева» чуть-чуть движется! Но двигалась она чрезвычайно медленно. Гребцы совершенно выбивались из сил, прежде чем им удавалось сдвинуть ее на дюйм. Матросы, сидевшие за веслами, сменялись каждые десять минут.

Так прошла ночь.

И только в то мгновение, когда солнце выглянуло из-за горизонта, освобожденный корабль закачался наконец на волнах.

И при солнечном свете моряки на расстоянии мили от себя увидели низкий плоский берег, не обозначенный ни на одной карте.

Это было важное открытие.

Однако в тот день им не только не удалось побывать на новооткрытой земле, но даже как следует посмотреть на нее. Беды их еще не кончились. Налетел шквал, подхватил только что освобожденную «Неву» и снова швырнул на мель.

Положение стало еще опаснее, чем было, потому что ветер усилился. И всю работу пришлось начать заново. Утомленные ночной греблей матросы снова сели на весла. Теперь грести было куда тяжелее, потому что тропическое солнце, подымаясь все выше, жгло без пощады. Опять началась отчаянная борьба за каждый дюйм. Так прошел весь день. Только на закате «Неву» удалось освободить вторично.

Ночь прошла тревожно, потому что шум бурунов доносился с нескольких сторон, пена белела на торчавших из воды камнях, и только на рассвете «Неве» удалось отойти на безопасное расстояние от страшной мели. Весь следующий день охотились за сброшенными в воду предметами, которые успели отплыть уже довольно далеко. И лишь 18 октября Лисянскому удалось заняться исследованием неведомого острова.

Вместе со штурманом Калининым, лейтенантом Повалишиным и несколькими матросами он с утра отправился в ялике на берег. Пристать к острову оказалось не просто, потому что пришлось перебираться через бушевавшие вдоль берега буруны. Выпрыгнув из ялика на берег, они сразу очутились в густой и высокой траве.

Остров имел в длину немногим более мили, был совершенно плоским и весь порос травой, колыхавшейся на морском ветру. На всем острове не видно было не только ни одного дерева, но даже кустика. Однако голый этот остров был чрезвычайно густо населен. На берегах его лежали жирные тюлени, не обратившие на моряков ни малейшего внимания. Нескольких из них матросы тут же убили веслами и кинули в ялик, чтобы захватить с собой. А над островом и в траве было бесчисленное множество морских птиц.

По траве оказалось трудно ходить, потому что с каждым шагом моряки наступали на птичьи гнезда и давили птенцов, которые пищали у них под ногами. Птицы относились к людям с таким же бесстрашием, как и тюлени,— им никогда еще не приходилось видеть человека. Ничего не стоило ловить их руками.

Солнце жгло немилосердно, и укрыться от него на острове было невозможно. Но Лисянский решил во что бы то ни стало обойти остров кругом, чтобы занести все его берега на карту и посмотреть, нет ли где-нибудь пресной воды.

Это была длинная и однообразная прогулка, которая не принесла им никакой радости. Они не нашли ни малейшего признака пресной воды — ни родника, ни ключа. «Воткнув шест в землю,— пишет Лисянский,— я зарыл подле него бутылку с письмом о нашем открытии этого острова, а потом возвратился на корабль в полной уверенности, что если судьба не удалит нас от этого места, то следует ожидать скорой смерти. При совершенном недостатке в пресной воде и лесе, какие можно было бы предпринять средства к спасению? Правда, нас снабдили бы пищей рыбы, птицы, тюлени и черепахи, которых на острове большое количество, но чем мы могли бы утолять жажду? Этот остров, кроме явной и неизбежной гибели, ничего не обещает предприимчивому путешественнику. Находясь посреди весьма опасной мели, он лежит почти наравне с поверхностью воды».

По настоянию всей команды Лисянский назвал открытый ими остров островом Лисянского.

И «Нева» на всех парусах понеслась прочь от этого предательского места. Чтобы попасть в Китай, ей еще предстояло пересечь половину океана.

КИТАЙ

ИСПАНСКАЯ КАРТА

А «Надежда» между тем 9 октября 1805 года оставила Петропавловск.

Не успели они выйти из Авачинской губы, как повалил густой снег. Зыбкая, мелькающая мгла сразу скрыла море

и берег. На палубе люди не видели друг друга. Как же тут найти узкий пролив, соединяющий Авачинскую губу с океаном?

Внезапно чуть не сели на мель — лот показал четыре сажени глубины. Стало ясно, что сбились с пути. Переходили с галса на галс, меняли курс ежеминутно. Но выход из бухты, такой близкий, пропал в метели бесследно.

В пять часов настала ночь. И всю бесконечную осеннюю ночь «Надежда» простояла в нескольких милях от Петропавловска под парусами. Матросы все время счищали снег с палубы. Приходилось влезать на мачты и отряхивать паруса — липкий снег приставал к ним, покрывал их толстым слоем, и полотнища оседали тяжелыми мешками, грозя оборваться.

11-го утром снег наконец перестал падать, и воздух прояснился. Берег совсем изменился за эти два дня: глубокие сугробы скрыли все ямы и камни. Избы Петропавловска, видневшиеся вдали, были уже по самые окна засыпаны снегом и от этого казались еще ниже. Началась восьмимесячная камчатская зима.

«Надежда» без всякого труда прошла через пролив и вышла в океан. Курс взяли прямо на юг.

По дороге в Китай Крузенштерн должен был выполнить еще одно важное для науки дело. А чтобы понять, в чем заключалось это дело, нужно рассказать о морском сражении, случившемся за шестьдесят три года до кругосветного плавания «Надежды» и «Невы».

В 1742 году, во время войны между Англией и Испанией, английский военный фрегат под командой адмирала Энсона находился в Тихом океане. Внезапно он встретил там испанское купеческое судно, шедшее из Манилы, столицы Филиппинских островов, в Акапулько, порт Мексики. В то время и Филиппинские острова и Мексика были колониями Испании. Адмирал Энсон после короткого боя захватил испанский корабль в плен. Англичанам досталась богатая добыча — испанцы везли множество драгоценных товаров. Но из всей этой добычи адмирал Энсон больше всего дорожил географической картой, которую нашел в каюте испанского капитана.

Карту Тихого океана, найденную на захваченном испанском корабле, адмирал Энсон привез в Англию. Здесь ее принялись изучать знаменитейшие английские географы. Они нашли на этой карте много дотоле неведомых земель.

Но кое-что показалось им подозрительным, неправдоподобным. В некоторых местах уже побывали английские мореплаватели, и карты, составленные ими, не всегда совпадали с картой испанцев. Географы поняли, что испанская карта нуждается в проверке.

Между прочим, на этой злополучной карте к востоку от Японии были обозначены три больших острова: Гваделупа, Малабригос и Сан-Хуан. Никто из английских и французских мореплавателей в этой части океана никогда не бывал и островов этих не видел. Они обозначались на всех картах, но многие географы подозревали, что островов этих в действительности не существует, а просто их изобрел какой-нибудь испанский капитан, которому захотелось похвастать на родине своими открытиями.

И, торопясь на свидание с «Невой», Крузенштерн все же решил отклониться к востоку от прямого пути и выяснить наконец, существуют ли острова Гваделупа, Малабригос и Сан-Хуан.

Камчатка уже давно исчезла вдали, а теплее не становилось. Небо было хмурое, быстро мчались темные тучи. Дул сильный ветер, «Надежду» очень качало. 13 октября выглянуло солнце, но через полчаса опять скрылось в тучах, и погода стала еще хуже, чем прежде. Началась буря. Волны заливали палубу, люди мокли, одежда их покрывалась твердой коркой льда. Ветер был все время встречный. Он дул как раз оттуда, где были расположены таинственные острова, обозначенные на испанской карте. Гваделупа, Малабригос и Сан-Хуан, казалось, нарочно не хотели подпустить к себе моряков.

21 октября мороз внезапно прекратился, и сразу, без всякого перехода, наступила жара. Но ветер был по-прежнему встречный, в тумане люди не видели друг друга на расстоянии двух шагов, не прекращался проливной дождь. В этом влажном зное моряки задыхались. Однако ничто не могло сломить их упорства. «Надежда» проходила за день всего несколько миль, но ни разу не уклонилась с пути.

Только 29-го наконец окончилась буря, бушевавшая двадцать дней. Небо прояснилось, выглянуло солнце, ветер поутих, море стало мало-помалу успокаиваться. Судя по карте, остров Гваделупа должен был находиться уже совсем близко. Моряки внимательно разглядывали прояснившийся горизонт. Каждый хотел первым заметить землю, но нигде

не было ни малейших признаков земли — лишь море и небо.

Ночью Крузенштерн приказал убавить паруса и идти как можно медленнее, чтобы не налететь во тьме на прибрежные скалы. Никто не ложился спать — все прислушивались, стараясь уловить шум береговых бурунов. Ежеминутно бросали лот, но даже веревкой в сто пятьдесят сажен не могли достать дно.

Едва встало солнце, все снова кинулись смотреть, но опять не увидели ничего, кроме моря и неба. Вычислив долготу и широту, Крузенштерн убедился, что «Надежда» находится как раз в том самом месте, где на испанской карте обозначена середина острова Гваделупы.

— Мы плывем по земле,— говорил он, смеясь, Ратманову, разочарованно разглядывавшему горизонт.— Неужели вы не видите, что нас окружают леса, поля, горы?

— Я бы перевешал всех этих хвастунишек, открывающих несуществующие острова! — сердился Ратманов.— Теперь мы можем спокойно идти в Китай. Будьте уверены, Малабригос и Сан-Хуан ничем не отличаются от Гваделупы. Разыскивать их не стоит...

— Вы правы,— ответил Крузенштерн.— Малабригос и Сан-Хуан тоже не существуют. Но мы обязаны это доказать, чтобы впоследствии другим мореплавателям не пришлось потратить на розыски несуществующих островов столько времени и сил, сколько потратили мы.

Однако уже 1 ноября «Надежда» с такой же легкостью прошла сквозь остров Малабригос, как прежде сквозь остров Гваделупу. Отсутствие острова Сан-Хуан, занесенного на карту рядом с Малабригосом, было доказано 5 ноября.

Теперь можно было взять курс на юго-запад, в Макао.

ПОВСТАНЦЫ

Таинственный Китай привлекал молодых лейтенантов и мичманов «Надежды» не меньше, чем Япония. До них ни один русский корабль не посещал китайских берегов. Вся русско-китайская торговля с давних пор велась исключительно через маленький сибирский город Кяхту. Туда приезжали китайские купцы, привозили тюки с чаем, забирали русские собольи и лисьи меха и увозили их караванами в Китай.

О китайцах моряки «Надежды» знали очень мало: слышали, что Пекин самый большой город в мире, что китайцы молятся в странных храмах — пагодах, что они делают замечательную посуду из фарфора, что пишут они не слева направо, а сверху вниз, что они удивительно вежливы и что управляют ими мандарины. Всем хотелось побывать в такой занятной и неведомой стране. Прежде они с завистью смотрели на своего капитана, который был уже однажды в Макао. Теперь они скоро сами побывают там и сами увидят все чудеса.

— Не надейтесь,— разочаровывал их Крузенштерн.— Как следует познакомиться с Китаем вам не удастся. Макао — город португальский. В нем порт, несколько европейских домов, казармы, укрепления и католические монастыри, полные высланных из Португалии монахов. Правда, рядом с Макао, в том же самом заливе, расположен Кантон, большой китайский город, но туда строжайше запрещен вход европейцам....

Теперь и погода и ветер благоприятствовали плаванию. 18 ноября моряки увидели берег китайского острова Тайвань. Плыть оставалось немного. Скоро можно будет отдохнуть в удобном порту.

19-го, в пять часов дня, едва Тайвань исчез из виду, Крузенштерн заметил крохотный островок, на котором стояли два домика. От острова отделилась лодка и быстро понеслась к «Надежде». Крузенштерн приказал убавить ход, и лодка подошла к кораблю вплотную. Сверху спустили канат, и по канату на палубу взобрался пожилой китаец.

Вся команда столпилась вокруг, с любопытством разглядывая его желтое морщинистое лицо, бритое темя и длинную, туго заплетенную косу.

Китаец подошел к Крузенштерну, поклонился так низко, что чуть не коснулся лбом палубы, и на сквернейшем английском языке объяснил, что он лоцман и за небольшую плату берется вести «Надежду» в порт Макао.

Крузенштерн очень обрадовался этому предложению, потому что возле Макао много подводных мелей и рифов, не зная которые трудно вести корабль в порт.

Лодка поплыла обратно к островку, а старый китаец остался на «Надежде». Впрочем, лоцманские его обязанности должны были начаться только ночью, а пока он пошел вниз, пообедал и улегся на койке.

Перед самым закатом Крузенштерн увидел впереди множество четырехугольных парусов, озаренных красными лучами низко опустившегося солнца. Солнце находилось как раз за судами и мешало их рассмотреть — видны были только темные силуэты парусов. Он насчитал около трехсот кораблей, не слишком больших, но и не очень маленьких. Триста кораблей — огромный флот!

«Рыбаки»,— подумал Крузенштерн.

Ему не хотелось объезжать всю флотилию кругом — это отняло бы слишком много времени,— и он повел «Надежду» напрямик, надеясь пройти между кораблями до темноты.

Ветер дул свежий, «Надежда» шла быстро, и скоро суда с четырехугольными парусами замелькали по обеим ее сторонам. Теперь Крузенштерн уже мог рассмотреть их как следует.

Прежде всего его поразила многолюдность команд — на некоторых палубах было человек двести. Напрасно старался он заметить какие-нибудь рыбачьи принадлежности — сети или бочки для соления рыбы. Но зато он увидел, что за плечами почти у каждого из этих рыбаков висит длинное ружье.

Это встревожило его не на шутку. Но особенно он взволновался, когда ему показалось, будто он разглядел стволы пушек, торчащие из люков.

Кто-то взошел сзади него на капитанский мостик. Крузенштерн обернулся. Это был старик лоцман. На его желтых щеках появились белые пятна. Он что-то быстро-быстро бормотал себе под нос по-китайски.

— Что случилось? — спросил Крузенштерн.

Перепуганный вид китайца еще более усилил его беспокойство.

— Да ответьте же, лоцман. Вам известно, что это за суда?

Но старик долго еще продолжал бормотать. Крузенштерн понял, что китаец молится. Наконец лоцман взглянул на Крузенштерна и проговорил задыхаясь:

— Это пираты!

Пираты! Неужели это те самые китайские пираты, которых страшился еще Лаперуз, девятнадцать лет назад плывший в Макао этим же путем?

Коверкая английские слова, лоцман рассказал Крузенштерну, что в Южном Китае налоги разоряют множество

крестьян и они постоянно восстают, захватывают разные суда и уходят в море. Носясь по морям вдоль китайских берегов, они воюют со своими угнетателями и грабят проходящие корабли.

— Они нас не пощадят! — охал старик. — Они не оставят в живых ни одного человека!

И снова забормотал свои молитвы.

Но грозные пираты, казалось, и не думали вступать в бой. Суда их сторонились и давали «Надежде» дорогу. Отовсюду в полном молчании глядели на нее десятки тысяч глаз. Мало-помалу весь пиратский флот оказался позади.

— Они пропустили нас, потому что мы идем под незнакомым флагом, — сказал лоцман, облегченно вздыхая. — Если бы флаг у нас был английский или португальский, мы не ушли бы отсюда живыми. Португальцы и англичане помогают нашему императору бороться с восставшими крестьянами, и пираты их ненавидят.

Ночью, стоя рядом с Крузенштерном на капитанском мостике и чутьем угадывая безопасный путь между рифами, лоцман рассказывал о ежегодных восстаниях в Китае. Население не в состоянии вынести гнет правительства. Крестьяне должны отдавать одну треть своих урожаев чиновникам-мандаринам, а другую треть — помещикам. Суд судит только за деньги и всегда присуждает в пользу богатого. За малейшее непослушание бьют бамбуковыми палками по пяткам. С неплательщиков налогов живьем сдирают кожу, а потом разрезают все тело на куски. Беднота, не имея возможности прокормить своих детей, убивает их и трупы бросает в реку. Бывают месяцы, когда реки заполнены детскими трупами. Поэтому восстания не прекращаются. Восстают целые области.

Старик лоцман в эту долгую ночь рассказал Крузенштерну о великом морском сражении, которое произошло всего несколько месяцев назад между императорским флотом и флотом повстанцев.

Командиром императорского флота был адмирал Ван Та-чжин, любимец императора. После продолжительной кровавой битвы ему удалось загнать флот повстанцев в маленький заливчик и запереть его там. Повстанцев обстреливали со всех сторон — с моря и с берегов. Чувствуя, что положение безнадежно, повстанцы начали мирные переговоры. Предводитель повстанцев предложил адмиралу Ван

Та-чжину такие условия: все повстанческие корабли передаются императорскому флоту, а повстанцы остаются офицерами и матросами на этих кораблях и получают за свою службу от казны жалованье. Эти условия привели адмирала Ван Та-чжина в восторг. Подумать только: он увеличит императорский флот на триста прекрасно вооруженных военных кораблей со множеством опытных моряков! Мир был немедленно заключен. Оба флота, объединившись, вышли из залива. Но едва повстанцы увидели простор океана, они перестали считать себя частью китайского военного флота. Бой неожиданно возобновился и на этот раз императорским кораблям пришлось бежать с большим уроном. Мало того — многие корабли императорского флота изменили и перешли на сторону повстанцев. Адмирал Ван Та-чжин едва спасся, укрывшись в порту Кантона.

С тех пор императорский флот, сильно поредевший и потрепанный, не решается более встретиться лицом к лицу с флотом повстанцев.

МАКАО

На рассвете 20 ноября Крузенштерн увидел вдали низкий берег Китая. Над бесчисленными подводными скалами бурлила пена, и капитан окончательно убедился, что без помощи опытного лоцмана, знающего море вокруг, ему вряд ли удалось бы провести здесь «Надежду».

После обеда наконец вдали показались домики Макао. Но ветер вдруг утих, и «Надежда» пошла совсем медленно. Только в семь часов вечера бросили якорь как раз против города, в трех милях от берега, потому что ближе, по словам лоцмана, такой большой корабль, как «Надежда», мог сесть на мель.

Кругом, куда ни кинешь взор, подымались мачты судов.

— Эй, Ратманов, Головачев! — крикнул Крузенштерн.— Поглядите, не видно ли нашей «Невы»?

Уже все население корабля искало глазами «Неву». На кораблях, окружавших «Надежду», развевались флаги Португалии, Китая, Англии, Голландии, Соединенных Штатов, Швеции, Испании и Дании. Но знакомой и милой всем «Невы» нигде не было.

— Ну ладно, завтра отыщется,— сказал Крузенштерн.— Ее, верно, заслоняют от нас другие корабли.

Однако он был сильно встревожен и с трудом скрывал свое волнение от окружающих.

Уже начало темнеть, и Крузенштерн решил, что на берег он поедет только завтра утром.

Ночь прошла спокойно.

А в восемь часов утра с палубы увидели большую лодку, полную разодетых в шелк китайцев. Лодка на всех веслах неслась к «Надежде».

Когда лодка подошла вплотную к кораблю, спустили трап, и на палубу взобрался толстый, важного вида китаец. Он низко поклонился Крузенштерну.

Это был китайский чиновник, которого в Макао называли португальским словом «компрадор». На обязанности компрадора лежала доставка провизии судам, стоявшим в порту. В Макао власти разрешали капитанам кораблей покупать провизию только через компрадора. Поэтому компрадор мог назначить любые цены — волей-неволей приходилось платить.

Крузенштерн знал, что торговаться с компрадором бессмысленно. Прежде всего он задал китайцу вопрос, который так волновал его всю ночь.

— Вы знаете все суда, стоящие тут на рейде, дорогой компрадор,— сказал он по-английски.— Укажите нам, где стоит корабль с таким же флагом, как наш... Он недавно пришел из Америки.

— Здесь нет больше кораблей с таким флагом, капитан,— учтиво ответил китаец.— Я служу в Макао двадцать пять лет и могу вам поручиться, что корабль с таким флагом, как ваш, впервые зашел сюда.

Значит, «Нева» еще не приходила! Что же с ней случилось?

Несчастья одно страшнее другого мерещились Крузенштерну. То ему казалось, что «Нева» разграблена индейцами и вся команда уведена в плен в глубь Америки; то чудилось, что ураган потопил корабль среди океана...

Заказав компрадору свежей провизии и согласившись на все его условия, Крузенштерн решил поехать в город, к португальскому губернатору. Он, во-первых, должен был известить губернатора о приходе «Надежды» в порт, а во-вторых, хотел узнать у него с полной достоверностью, нет ли каких-нибудь известий о «Неве».

Но не успел Крузенштерн сесть в шлюпку, как на корабль явился новый гость. Это был португальский морской

офицер. На нем была широкополая шляпа с павлиньими перьями, серебряные эполеты по пять фунтов каждый, цветные ленты, перетягивавшие грудь, и штаны в обтяжку ярко-желтого цвета. Португалец подошел к Крузенштерну и что-то грубо сказал. Крузенштерн спросил его по-английски, что ему угодно. Но португалец, очевидно, английского языка не знал. Он продолжал что-то требовать по-португальски и бесцеремонно потащил капитана в кают-компанию «Надежды». Не зная, кто он такой, Крузенштерн не решился оставить корабль и отправил вместо себя к губернатору лейтенанта Левенштерна.

Спустившись в кают-компанию, португалец сразу повеселел. Он поднес кулак себе ко рту и сделал вид, что пьет. Крузенштерн догадался, чего он хочет, и велел подать ему стакан водки. Португалец выпил стакан одним залпом и потребовал еще. Крузенштерн приказал налить ему снова. Гость выпил второй стакан и, даже не поблагодарив, вышел на палубу, сел в шлюпку и уехал к себе на корабль.

Русским совсем не понравилась такая наглость, но они решили не подымать скандала — португальцы были здесь хозяевами.

В три часа дня вернулся лейтенант Левенштерн. Он рассказал, что губернатор принял его весьма любезно. Левенштерн прежде всего спросил у губернатора, не приходила ли «Нева». Но губернатор ничего о «Неве» не знал. Он, в свою очередь, спросил у Левенштерна, военный ли корабль «Надежда» или купеческий.

— Я не знал, что ему ответить,— докладывал Крузенштерну лейтенант.— Я боялся признаться ему, что «Надежда» — корабль военный, и сказал что-то неопределенное. Тогда губернатор заявил мне, что здесь могут останавливаться только португальские и китайские военные корабли. Военным кораблям остальных наций вход сюда строго воспрещен...

— Но ведь мы совершаем путешествие с научными, а не военными целями! — воскликнул Крузенштерн. — И притом Россия находится в самых дружеских отношениях с Португалией...

— Я это ему говорил,— ответил лейтенант.— Но он продолжал повторять, что в Макао нельзя заходить никаким военным кораблям, кроме португальских и китайских...

Вся команда разглядывала с палубы большой бриг, только что пришедший и бросивший якорь в полумиле от

«Надежды». Крузенштерн, обернувшись, увидел развевавшийся по ветру британский флаг.

— Смотрите,— сказал он лейтенанту,— разве вы не видите, как блестят на этом бриге пушки?.. Семь, восемь, девять...— сосчитал он.— Девять пушек на одном борту и, значит, столько же на другом. Это восемнадцатипушечный британский военный корабль... Вот доказательство, что для военных кораблей некоторых наций португальский губернатор делает исключение...

На следующее утро Крузенштерн сам поехал к губернатору.

Перед губернаторским дворцом на площади, как и во времена Лаперуза, маршировали солдаты-индийцы, привезенные из Гоа, португальской колонии в Индии. Командовали ими офицеры-португальцы. Это был обычный прием колониальных держав: солдат, набранных из населения одной колонии, они посылали служить в другую колонию. Там, на чужбине, оторванные от дома, не знающие местного языка, эти солдаты волей-неволей верно служили своим поработителям и становились орудием порабощения других народов. Португальские солдаты-индийцы были скверно одеты и вооружены вышедшими уже из употребления ружьями. Но португальцы рассчитывали на их верность, старательно раздувая национальную и религиозную вражду между китайцами и индийцами.

Губернатор дон Каэтано де Суза принял Крузенштерна с большим почетом. Он тоже когда-то служил во флоте и уверял, что чувствует к морякам особую симпатию. Он заявил, что всю ночь думал о том, под каким предлогом «Надежда» могла бы остаться в Макао, несмотря на то что она — корабль военный...

— Если бы на вашем корабле был какой-нибудь груз для продажи...— сказал он и вопросительно посмотрел на Крузенштерна.

— Но ведь сюда придет скоро второй мой корабль и привезет груз мехов из Америки! — воскликнул Крузенштерн.— Я жду его со дня на день.

— Второй ваш корабль может остаться здесь,— сказал губернатор,— а «Надежде» придется уйти.

После трехчасового разговора решили так: Крузенштерн напишет заявление о своем желании купить здесь столько товаров, что они не поместятся на «Неве». Следовательно, часть этих товаров придется грузить на «Надежду». И, значит, «Надежда» принуждена будет остаться.

Выход был найден.

Началось долгое, томительное ожидание. Отсутствие «Невы» тревожило Крузенштерна с каждым днем все больше. Всякое новое судно, появлявшееся на горизонте, команда «Надежды» принимала за «Неву».

— Глядите, вот она!— кричал кто-нибудь из матросов.— Я узнаю ее по мачтам.

Но судно подходило ближе, и все видели на нем английский или португальский флаг.

Большинство офицеров переселилось в город. Один английский купец разрешил им жить в своем доме. Но высаживать на берег матросов португальцы запретили, и матросы были заперты на корабле, как в тюрьме.

«Нева» прибыла в Макао только 3 декабря.

Радость охватила моряков «Надежды». По правде говоря, они не надеялись больше увидеть «Неву» и были уверены, что она погибла.

Едва «Нева» бросила якорь, как Крузенштерн приказал спустить шлюпку. На всех веслах помчался он к «Неве».

Капитан Лисянский вышел ему навстречу.

— Ну как?— закричал Крузенштерн, подымаясь по трапу.

— Все благополучно, Иван Федорович!— отвечал Лисянский.— Все благополучно!

Капитаны обнялись.

Они заперлись в каюте и долго рассказывали друг другу все, что произошло с ними в разлуке.

— А меха вы привезли?— спросил Крузенштерн.

— Трюмы «Невы» доверху полны мехами,— ответил Лисянский.

Да, вся «Нева» была полна лисьих и собольих шкурок. Но продать этот драгоценный груз без больших хлопот было невозможно.

И Крузенштерн принялся за хлопоты.

КО-ХОН

Продавать меха кантонским купцам в Макао было невыгодно— пришлось бы заплатить пошлину двум таможням: португальской и китайской. Крузенштерн решил добиться разрешения войти в Кантонскую гавань с обоими своими кораблями.

В те времена китайское правительство, подобно японскому, запрещало европейским кораблям заходить в китайские порты. Но чиновники китайского императора были до того продажны, что запрещение это нарушалось местными властями всякий раз, когда нарушение его было для них выгодно. Крузенштерн решил сначала войти в Кантонский порт, а потом добиваться разрешения войти в него. Расчет его был прост: у китайских купцов при виде мехов глаза разгорятся, и они, дав взятки чиновникам, добьются того, что корабли Крузенштерна никто не станет гнать из Кантона.

Крузенштерн, конечно, чувствовал, что затевает рискованное предприятие. Чтобы не запугивать слишком китайские власти, он решил пока ввести в Кантонскую гавань одну только «Неву», а «Надежду» временно оставить в Макао.

9 декабря он передал командование «Надеждой» Ратманову, а сам с капитаном Лисянским отправился на «Неве» в Кантон.

Когда они уходили из Макао, китайцы советовали им остерегаться пиратов. Хотя Макао и Кантон расположены почти рядом, но даже на этом коротком пути нельзя быть уверенным, что не подвергнешься нападению восставших китайских крестьян, которые равно ненавидели помещиков, чиновников, купцов, португальцев и англичан. Они ведь могли по ошибке принять русские корабли за английские.

Но «Нева» прошла весь недолгий путь вполне благополучно и через несколько часов остановилась в Кантонской гавани.

Огромный город всполошился, как муравейник, в который ткнули палкой. Приморская улица почернела от собравшихся толп. Через несколько минут на «Неву» прибыли китайские чиновники с переводчиком, говорившим по-английски. Крузенштерн принял их как мог учтивее. Они потребовали, чтобы русский корабль немедленно оставил гавань Кантон.

Но Крузенштерн наотрез отказался уехать. Он заявил, что прибыл в Кантон с мирными торговыми целями, никому никакого зла он причинить не собирается, продаст свой товар и уедет.

Начались томительные переговоры, продолжавшиеся несколько дней. Мандарины ежеминутно уезжали на берег,

совещались с кем-то и возвращались назад. Наконец они объявили утомленному Крузенштерну, что разрешат «Неве» остаться в гавани только в том случае, если за поведение русских поручится своим имуществом кто-нибудь из членов Ко-Хона.

Это уже была победа.

Ко-Хоном называлось в Кантоне товарищество купцов, имевших разрешение вести торговлю с европейцами. Ни один китаец не имел права торговать с европейцами, если он не был членом Ко-Хона. Для того чтобы стать членом Ко-Хона, нужно было уплатить китайскому императору колоссальную сумму. В кантонском Ко-Хоне в то время насчитывалось всего двенадцать членов, богатейших купцов города.

Один из членов Ко-Хона сразу же явился на корабль, привлеченный слухами о том, что русские привезли необыкновенной ценности меха. Звали его Лук Ва. Был он самый бедный и самый младший из купцов Ко-Хона. Его приняли в это товарищество всего год назад. Но тем не менее имущество его оценивалось в несколько миллионов пиастров.

Лук Ва пересмотрел, перетряхнул на «Неве» каждую шкурку по десять раз. Лицо у него при этом было брезгливое и недовольное — таков уж обычай купцов всех стран: если хочешь купить подешевле, делай вид, что товар тебе не нравится. Крузенштерн чувствовал, что торговаться с ним придется долго. Но о цене пока еще не заговаривали — нужно было, чтобы Лук Ва поручился перед властями за поведение русских. Его два дня уговаривали взять на себя поручительство, но он все колебался. Мандарины требовали от него огромной взятки.

Вот что записал об этом Лисянский:

«Кантонские начальники вместо надлежащего наблюдения за порядком торговли, весьма выгодной для их государства, заботятся только об изыскании способов грабежа для своего обогащения. Во всей Китайской империи существует полное рабство. Поэтому каждый принужден сносить свою участь, как бы она ни была горька. Первый китайский купец — не что иное, как казначей наместника или таможенного начальника. Он обязан доставлять тому или другому все, что только потребуется, не ожидая никакой платы. Иначе его спина непременно почувствует тягость вины. В Китае никто не избавлен от телесного наказа-

ния. Мало того, каждый может наказывать как ему вздумается всех, кто ниже его по сословию. Всякий государственный чиновник имеет право наказывать бамбуком младшего после себя, а император предоставил себе честь наказывать своих министров».

Наконец Лук Ва согласился поручиться за Крузенштерна. Тогда чиновники выставили новое требование: чтобы «Нева» все же покинула Кантонскую гавань и остановилась в соседней бухте, называемой Вампу.

— От Вампу до Кантона два шага, и грузиться вам там будет очень удобно,— говорили Крузенштерну мандарины.— А нас вы спасете от опасности, потому что император придет в ярость, если узнает, что мы пустили в Кантонскую гавань иностранное судно.

. Крузенштерн отвечал, что он пойдет в Вампу в том случае, если ему разрешат привести туда и «Надежду».

Мандарины согласились. На другой день «Нева» стояла уже в Вампу. 15 декабря рядом с ней бросила якорь «Надежда».

Тогда начали торговаться с Лук Ва. Это оказалось самым трудным делом из всех. Лук Ва предложил сначала за все меха ничтожную плату и повышал свою цену чрезвычайно медленно. Когда Крузенштерн не соглашался, он угрожал снять свое поручительство, уезжал на берег, но через час возвращался и предлагал на пару тысяч больше. Крузенштерн начинал торговаться с раннего утра, и к вечеру у него болела голова. Так продолжалось изо дня в день.

Настал наконец день, когда Лук Ва и Крузенштерн сошлись в цене. Меха были проданы за сто девяносто тысяч пиастров. Ни в одном европейском порту Крузенштерну не удалось бы получить и трети той цены, которую дал Лук Ва. Это доказывало, как прав был Крузенштерн, утверждая, что Российско-Американская компания должна торговать с Китаем. Сто тысяч пиастров китаец должен был уплатить деньгами, а девяносто тысяч — чаем. Это было выгодно русским, потому что чай в Кантоне очень дешев. Деньги Лук Ва заплатил сразу, и матросы стали свозить меха на берег. А из Кантона потянулись вереницей китайцы, тащившие на спинах ящики с чаем.

В Китае тех времен почти не было ни лошадей, ни коров, и бедняки исполняли там работу домашнего скота. Они не только возили на себе богачей по улицам городов, они перетаскивали на себе их товары из города в город.

Вот как описывает Лисянский жизнь бедняков в Кантоне:

«Эти бедняки принуждены искать себе насущного хлеба на воде, так как на берегу не имеют ни малейшего имущества. Людей такого состояния в Кантоне великое множество, а река ими наполнена. Иные промышляют перевозом, другие же с крайним вниманием стерегут, не будет ли брошено в воду какое-нибудь мертвое животное, чтобы подхватить его себе в пищу. Они ничего не допустят упасть в реку. Многие из них разъезжают между кораблями, достают железными граблями со дна разные упавшие безделицы, продают их и тем доставляют себе пропитание.

Многие утверждают, что китайское государство чрезвычайно богато, но я должен добавить, со своей стороны, что нигде нельзя найти подобной бедности, какой удручены бесчисленные семьи в этом обширном царстве. Китайские улицы наполнены нищими».

Был уже январь, когда ящики с чаем начали прибывать на берег бухты Вампу. В тот год январь был совсем необычный для Южного Китая. Дул северный ветер, который принес с собой мороз. Правда, мороз был всего в один-два градуса. Но жители Кантона, не привыкшие к морозам, сильно страдали от холода. Дома у них были без печей, и в комнатах стояла такая же стужа, как на улицах. Особенно страдали чернорабочие — они ходили почти голые, едва прикрытые жалкими лохмотьями. Даже костров они разводить не могли, потому что не было топлива. Один Лук Ва сердечно радовался морозам — в такую холодную зиму ему удастся дорого продать меха, купленные у русских.

Мальчишки по утрам собирали на лужах тонкие пленки льда и тащили их в город — продавать. Китайцы считали, что вода от растаявшего льда — лучшее лекарство от тропической лихорадки. Они покупали льдинки, давали им растаять и хранили воду до лета, когда тропическая лихорадка свирепствовала по всему побережью.

Мало-помалу китайцы перетащили на берег все ящики с чаем. Матросы начали перевозить чай на корабли.

Но едва они перевезли несколько ящиков, как на берегу появились солдаты, оцепили проданный Лук Ва чай и запретили к нему приближаться. Они даже не позволяли русским съезжать на берег. Вся бухта наполнилась маленькими китайскими суденышками, и, едва моряки садились в шлюпки, им с этих суденышек угрожали ружьями.

Возмущенный Крузенштерн знаками вызвал к себе китайского офицера, командовавшего солдатами. Офицер сейчас же явился и долго кланялся капитану с той необыкновенной учтивостью, которая свойственна образованным китайцам. А офицер этот был человек очень образованный — он даже говорил по-английски.

— Это черт знает что такое! Это безобразие. Это грабеж! — кричал Крузенштерн в ярости.— Ведь чай — наш, мы за него заплатили... Я сейчас же пожалуюсь наместнику, и ваше самоуправство будет наказано!

— Не думаю, чтобы наместник отнесся к вашей жалобе благосклонно,— ответил офицер вежливо, еще раз кланяясь.— Я действую не по собственной воле, а только по его повелению. Вот подписанный им указ, в котором он повелевает наложить арест на проданный вам товар и не пускать вас на берег.

С этими словами офицер показал Крузенштерну лист бумаги, исписанный китайскими иероглифами. В углу листа стояла большая печать. Крузенштерн понял, что спорить с офицером невозможно. Наместник хочет получить новую взятку. Арест ящиков с чаем — просто вымогательство. Наместнику недостаточно того, что заплатил ему Лук Ва, он хочет, чтобы русские ему тоже заплатили.

Крузенштерн холодно поклонился офицеру и попросил его вызвать на корабль купца Лук Ва. Офицер обещал исполнить просьбу и удалился с поклоном.

Через час приехал Лук Ва. Его, как всегда, сопровождал переводчик. Крузенштерн отвел их к себе в каюту и рассказал все, что произошло. Лук Ва выслушал Крузенштерна с полным равнодушием: он уже получил свои меха и совсем не интересовался, достанется ли чай Крузенштерну, или нет.

— Ходят слухи, что этот наместник скоро будет смещен,— сказал он.— Подождите нового наместника. Быть может, с ним вам будет легче сговориться.

— А когда приедет новый наместник?

— Этого никто не знает наверняка,— ответил купец.— Может быть — через месяц, а может быть — через год.

Крузенштерн задумался.

— Слушайте, Лук Ва,— сказал он наконец,— неужели вы меня считаете человеком, способным уйти отсюда, не захватив товара, за который заплачено сполна?

— Нет, я знаю, что вы человек твердый,— ответил китаец.— Вы торговались со мной целый месяц, а на это способен только очень твердый человек.

— Ну, так посмотрите на мои пушки, Лук Ва,— продолжал Крузенштерн.— Как вы думаете, что с вами будет, если я парой ядер проломаю крышу на дворце наместника? Ведь вы поручились за мое поведение всем вашим имуществом.

Жирные щеки Лук Ва побледнели.

Крузенштерн вовсе не собирался обстреливать дворец наместника. Он просто решил заставить Лук Ва помочь ему.

— Хорошо,— сказал Лук Ва, вставая.— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы вам разрешили взять свой чай на корабли.

Он уехал.

В течение ближайших дней никому из русских не удалось побывать на берегу и никто из китайцев не приезжал к ним. Ящики чая, сложенные у самой воды, хорошо были видны с кораблей. Но достать их было невозможно.

Это выводило моряков из терпения.

— Дайте один залп, капитан,— говорил горячий Ратманов,— и эта шайка разбежится во все стороны.

Но Крузенштерн предпочитал ждать.

Через несколько дней солдаты, сторожившие чай на берегу, исчезли. Матросы начали грузить ящики на корабли, и меньше чем в неделю погрузка была окончена.

9 февраля 1806 года «Надежда» и «Нева» вышли из бухты Вампу. В Макао решили больше не заходить — и так потеряли здесь достаточно времени.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Для возвращения домой командиры обоих кораблей избрали путь, которым Крузенштерн уже однажды возвращался из Китая,— через Индийский океан, мимо мыса Доброй Надежды. Путь этот в те времена был уже хорошо известен.

На тот случай, если корабли потеряют друг друга, Крузенштерн назначил местом встречи остров Святой Елены, расположенный в южной части Атлантического океана. Зайти на этот принадлежащий Англии остров Крузенштерн хотел еще и потому, что рассчитывал там узнать о положении дел в Европе. Это была эпоха, когда захвативший во Франции власть Наполеон Бонапарт завоевывал

в Европе одну страну за другой. Но до Кантона сведения доходили с огромным опозданием, и Крузенштерн не знал даже, находится ли Россия в состоянии войны с Францией, или нет. А между тем Крузенштерну знать это было необходимо – ведь его корабли могли подвергнуться нападению французского флота.

Больше двух месяцев «Надежда» и «Нева» шли не разлучаясь. Но 15 апреля в южной части Индийского океана при погоде пасмурной и дождливой корабли потеряли друг друга. Как раз в этот день «Надежда» пересекла меридиан Петербурга, и, таким образом, Крузенштерн с полным правом мог считать, что он уже совершил кругосветное путешествие. На «Надежде» палили из пушек, а когда стемнело, запустили фейерверк, но «Нева» не откликалась. Теперь оставалось только надеяться встретить ее у острова Святой Елены.

К острову Святой Елены «Надежда» подошла 3 мая. На рейде «Невы» не было. Крузенштерн поехал на берег и узнал там, что «Нева» у острова не появлялась. Это было удивительно, потому что «Нева» обладала лучшим ходом, чем «Надежда», и должна была опередить ее. Тут же Крузенштерн узнал с достоверностью, что Россия воюет с Францией. Тем более встревожила и огорчила его разлука с «Невой». Гораздо безопаснее было бы обоим кораблям идти к берегам Европы вместе – вдвоем они составляли внушительную силу.

Прождав «Неву» четыре дня и запасшись провизией, Крузенштерн двинулся к северу. 21 мая «Надежда» пересекла экватор: Крузенштерн решил держаться подальше от французских берегов. Особенно опасным казался ему пролив Ламанш, отделяющий Францию от Англии. Чтобы избежать встречи с французским флотом, он решил не заходить в Ламанш, а обогнуть Великобританию с севера.

Как потом выяснилось, Лисянский не зашел к острову Святой Елены потому, что его увлекла возможность поставить замечательный рекорд. «Нева» находилась в таком прекрасном состоянии и столько на ней припасено было свежих продуктов и пресной воды, что он рассчитывал проделать весь путь из Кантона в Европу, ни разу не приблизившись ни к каким берегам. Ни один еще корабль до «Невы» не совершал этого пути без захода в промежуточные порты. Лисянскому хотелось продемонстрировать все-

му миру доблесть и умение русских моряков, зрелость русского флота.

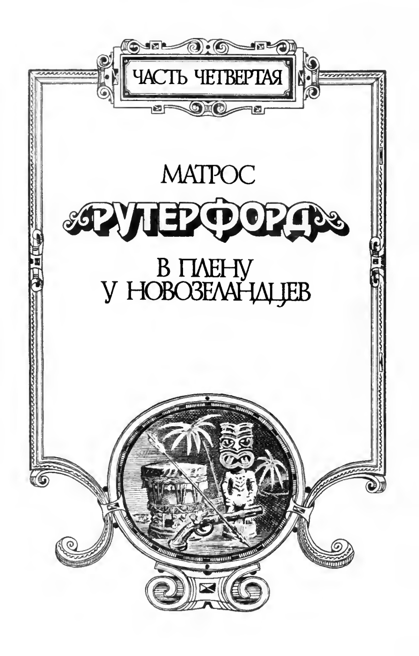
Проведя три с половиной месяца в открытом море и никуда не заходя, «Нева» вошла в Ламанш и 28 июня остановилась на рейде английского портового города Портсмута. Только здесь Лисянский узнал о войне. Но тут же он убедился, что можно пройти через Ламанш, не подвергая свой корабль особой опасности. В Портсмуте он предоставил своим подчиненным две недели отдыха. 13 июля «Нева» снова подняла паруса, а через десять дней была уже в Балтийском море.

Тем временем «Надежда» огибала с севера Шотландию. Несмотря на то что путь, выбранный Крузенштерном, был значительно длиннее, чем путь, выбранный Лисянским, «Надежда» не очень отстала от «Невы». В Кронштадт «Нева» пришла 5-го, а «Надежда» — 19 августа 1806 года.

Так закончилась эта блестящая экспедиция. Два русских корабля, управляемые русскими моряками, впервые совершили плавание вокруг земного шара.

Значение плавания «Надежды» и «Невы» в истории русского флота трудно переоценить. Всему миру доказало оно высокие качества русского моряка. Оно вывело русский флот на простор океанов. Вслед за «Надеждой» и «Невой» по проложенным ими путям чуть не каждый год стали совершать кругосветные плавания корабли под русским флагом.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
МАТРОС
РУТЕРФОРД
В ПЛЕНУ
У НОВОЗЕЛАНДЦЕВ

ПЛЕННИКИ ЛЮДОЕДОВ

РАЗГРОМ

ы напрасно зашли сюда,— сказал боцман капитану Коффайну.— Нужно было бы идти прямо в Австралию, в Порт-Джэксон[1].

Боцман с ненавистью глядел на новозеландцев, заполнивших всю палубу «Агнессы». Сколько их здесь, этих коричневых татуированных спин, плеч, лиц! Новозеландцы бродят между мачтами, словно хозяева,— развязно и смело. Кругом собралось такое множество длинных пирог, что возле берега не видно воды. Можно оглохнуть от шума голосов и от пронзительного визга свиней, привезенных новозеландцами на продажу.

— Вы отлично знаете, что мы не могли идти прямо в Порт-Джэксон,— устало ответил капитан Коффайн.— Воды у нас осталось только на два дня. Если бы мы не зашли в Новую Зеландию, мы погибли бы от жажды.

Капитан повернулся к боцману спиной и стал разглядывать берег.

Шел уже 1816 год. Миновало сорок семь лет с тех пор, как Кук впервые посетил Новую Зеландию. А Новая Зеландия оставалась почти такой же — дикой, неведомой.

Бухта сверкала на солнце, как ртуть, и слепила глаза. Она была опоясана каменистыми холмами, заросшими лесом. На вершинах холмов, словно короны, стояли деревянные частоколы. Это были и-пу, крепости новозеландцев. За песчаной отмелью лежало устье быстрой реки, которую великий мореплаватель Кук назвал Темзой.

[1] Теперь — г. Джексон.

Посреди бухты стоял бриг «Агнесса». Сквозь дыры его парусов виднелись клочки неба, из бортов лезла пакля. Два года «Агнесса» не была ни в одном порту, два года не встречала она в океане ни одного корабля. Но зато как низко сидела она в воде! Брюхо ее было переполнено жемчугом и черепаховой костью. Этот жемчуг и эту кость капитан Коффайн получил у жителей островов Тихого океана в обмен на несколько связок стеклянных бус и оловянные тарелки. Тарелки стоили по одному пенни за пару, а жемчуг не имел цены. Капитан Коффайн возвращался на родину богатым человеком.

— Нужно выгнать вон этих разбойников,— продолжал боцман.— Они нас обкрадывают. Ведь за ними не усмотришь. Они уже повытаскали все гвозди из обшивки, и доски отвалятся, едва мы выйдем в море. Гоните их всех в шею, капитан.

Капитан Коффайн усмехнулся.

— Глядите,— сказал он.

Каждый новозеландец держал в руке веревку, на которой болтался тяжелый камень. Это было страшное оружие новозеландцев — мэр. Одним взмахом мэра новозеландец расшибает голову противника. В рукопашной схватке нет более страшного оружия, чем мэр. Толпа, заполнившая палубу «Агнессы», с каким-то мрачным весельем вращала мэрами в воздухе. Сотни камней кружились и кружились, жужжа, словно большие шмели.

— Не забывайте, что мы не первые белые, посетившие эти берега,— продолжал капитан Коффайн.— Наши соотечественники, побывавшие здесь до нас, расстреливали новозеландцев, словно зверей. У них отличная память. Их тут по крайней мере триста человек, а нас всего пятнадцать. Пятерых матросов я отослал на берег за водой... Нет, ссориться с новозеландцами сейчас не стоит. Я уговорю их уйти с миром.

— Уйдут они, как бы не так!— проворчал боцман.

— Эмаи!— громко крикнул капитан.

Из толпы вышел новозеландец лет сорока пяти, высокий и крепкий. Мускулы двигались под татуированной кожей. Волосы его были утыканы большими раскрашенными перьями, которые торчали во все стороны пышным кустом. Толпа почтительно расступилась, потому что он был

вождь. Он остановился перед капитаном, улыбаясь во весь рот, но продолжал вертеть свой мэр с такой быстротой, что камень казался едва заметным темным кольцом.

— Эмаи, уведи отсюда своих людей, они мне мешают,— сказал капитан и движением руки объяснил свою просьбу.

Лицо Эмаи расплывалось от благодушия, но камень его мэра пролетал перед самым носом капитана. Вождь либо ничего не понимал, либо не хотел понять.

— Послушай, Эмаи,— проговорил капитан, делая вид, что не замечает неистово кружащегося мэра.— Ведь я твой друг. Я подарил тебе четыре стальных кинжала и настоящий матросский костюм.— Для большей ясности капитан тряхнул кортиком, не вынимая его из ножен, и пощупал пальцами рукав своего камзола.— Докажи, что ты настоящий друг, Эмаи, уведи с корабля своих воинов.

Но Эмаи по-прежнему улыбался во весь рот, и камень по-прежнему кружился у самого лица капитана.

— Не понимает!— с отчаянием вздохнул капитан.

— Притворяется,— сказал боцман.

— Он хочет выманить у нас какую-нибудь вещь,— пробормотал капитан.— Нужно ему что-нибудь посулить.— И, обращаясь к дикарю, спросил:— Что ты хочешь, Эмаи?

Он несколько раз протянул вождю свои ладони, собранные пригоршнями, как бы давая ему что-то.

Теперь Эмаи понял его сразу. Протянув левую руку, он коснулся пальцами ружья, висевшего за спиной капитана Коффайна.

— Ты хочешь ружье?— спросил капитан.— Хорошо. Поезжай на берег со своими воинами и жди его там. Когда наша шлюпка поедет снова за водой, она привезет тебе ружье.

Но дикарь опять перестал понимать.

— Ты хочешь получить ружье сейчас?— продолжал капитан, стараясь придать как можно больше ласковости своему голосу.

Эмаи кивнул головой.

— Ну ладно. Получай. Только поскорее убирайся отсюда со всем своим сбродом.

Капитан снял с плеч ружье и передал его новозеландцу. Эмаи спокойно надел его себе на спину и, улыбаясь, про-

должал по-прежнему стоять перед капитаном, не думая двигаться с места. Напрасно капитан умолял его удалиться. Он был непонятлив по-прежнему, и только мэр кружился в воздухе.

— Негодяй! — прошипел боцман и, сжав кулаки, подошел к улыбающемуся новозеландцу.

— Оставьте,— сказал капитан.— Сейчас безрассудно с ними ссориться. Мы в полной их власти. Спасти нас может только бегство.

Боцман, глухо ворча, отошел в сторону.

У борта корабля раздался плеск весел. Капитан глянул вниз и увидел шлюпку, в которой стояло пять больших бочек. Почти все бочки были пусты. Четверо матросов усердно налегали на весла. Пятый, огромного роста, с желтыми, как солома, волосами, сидел у руля.

Шлюпка подошла к кораблю. Спустили трап. Желтоволосый матрос с легкостью вскочил на палубу и зашагал к капитану.

Новозеландцы угрюмо расступились перед ним. Он не обращал на них никакого внимания и шел так, как будто на палубе было пусто.

— Рутерфорд! — крикнул капитан.— Почему вы так скоро вернулись?

— Дикари не дали нам набрать воды, сэр,— ответил желтоволосый.— Когда мы попробовали высадиться на берег, они стали швырять в нас камнями. Мы не могли пробиться к реке, потому что вы запретили нам стрелять. Их там целое войско, и все они злы, как черти.

— Что ж, нам придется уйти отсюда без воды,— сказал боцман.

— Удастся ли уйти? — заметил капитан.

— Надо попытаться.

— Ладно, попытаемся,— сказал капитан. И крикнул: — Все на мачты! Подымай паруса!

Матросы — двенадцать человек — по вантам полезли наверх. На палубе осталось только трое англичан — капитан, боцман и повар. Канаты заскрипели, паруса задвигались.

Новозеландцы, задрав головы, закричали. Матрос Рутерфорд, сидевший верхом на рее, глянул вниз и увидел множество злобных лиц. Нет, новозеландцы поняли план капитана Коффайна и не дадут «Агнессе» выйти в море.

Боцман по трапу спустился в кают-компанию. Капитан Коффайн один стоял перед Эмаи. Вождь новозеландцев, с ружьем за плечами, по-прежнему улыбался и по-прежнему вертел свой мэр у лица вождя чужеземцев. Повар был далеко на корме, он считал свиней, привезенных новозеландцами на продажу.

В кают-компании боцман открыл ящик буфета, вынул из него десять больших пистолетов и разложил на столе. Сжав губы, он поочередно зарядил все пистолеты и, подняв полу своего камзола, завернул их в нее. И по трапу снова вышел на палубу.

Остановившись у фок-мачты, он вынул один из пистолетов и закричал во всю глотку:

— Вон отсюда, собачья падаль! Вон!

При этом крике рука Эмаи едва заметно дрогнула. Тяжелый мэр рухнул на голову капитана Коффайна. Капитан с проломленным черепом повалился к ногам вождя.

Боцман выстрелил наудачу прямо перед собой. Молодой новозеландский воин схватился руками за живот и упал. Боцман швырнул пистолет за борт и выхватил другой. Но удар мэра обрушился на него сзади, и он упал, корчась от боли.

Повар схватил огромный нож, которым он резал свиней, и побежал на помощь боцману. Но не успел он сделать и двух шагов, как упал мертвым с разбитой головой.

Тогда новозеландцы полезли по вантам к безоружным матросам, которые сидели на мачтах. Матросы видели, что сопротивление невозможно, и в страхе поджидали врагов, которые с легкостью обезьян лезли все выше и выше. Четверо моряков помоложе прыгнули с мачт прямо в воду и попытались уплыть. Но за ними погналась целая флотилия пирог, и в одну минуту они были пойманы, вытащены из воды и связаны.

Желтоволосого Рутерфорда сняли с мачты шестеро воинов. Он не сопротивлялся. Его связали по рукам и ногам и положили на палубу рядом с товарищами. Свиньи вырвались из загородки и бегали по всему бригу. Справа от Рутерфорда лежал матрос Джек Маллон, восемнадцатилетний мальчик, и плакал, стуча зубами. Слева корчился в предсмертных мучениях раненый боцман.

«Агнесса» была в руках новозеландцев. Все сокровища белых — ружья, топоры, шляпы, ножи, кастрюли, куртки, стекла, курительные трубки, башмаки, огромные полотнища парусов,— все эти неисчислимые богатства должны достаться победителям.

Но отчего победители медлят? Отчего, вместо того чтобы спуститься вниз, в каюты, и скорее громить сундуки, они в замешательстве толпятся вокруг черной квадратной дыры люка?

Дело в том, что новозеландцы никогда еще не были внутри судна. Палубу они знали вдоль и поперек, но кто может сказать, какие опасности прячутся там, в этой темноватой, таинственной глубине, огороженной со всех сторон толстыми бревнами. Можно ли безнаказанно спуститься в жилище белых, даже если они сами лежат связанные и беспомощные на палубе? Воины в нерешительности стояли вокруг люка и поглядывали на своего вождя Эмаи.

Ветер шевелил перья на голове вождя. Он подошел к самому люку и долго смотрел вниз. Потом стал медленно спускаться по трапу. Его пестрые перья исчезли внизу в темноте. Воины затаили дыхание, поджидая, что будет.

Эмаи спускался сначала довольно храбро. Но когда трап повернул и свет над его головой исчез, ему стало не по себе. Скрип ступеней под ногами тревожил его. Он стал делать большие шаги, оступился, упал и на спине съехал до самого конца трапа. Перед ним сверкало маленькое круглое окошко. На столе тускло блестел медный чайник. Эмаи был в кают-компании.

Падая, он сильно ушибся, но он привык не обращать на ушибы никакого внимания. С легкостью вскочил он на ноги и осторожно подошел к столу. Глаза его все еще не могли привыкнуть к полумраку. С трудом преодолевая тревогу, он осмотрел стол. Возле чайника лежал большой столовый нож. Эмаи обрадовался, схватил его и сунул за пояс.

Потом обернулся. И тихо вскрикнул.

В углу стоял человек.

Не белый, нет. Если бы это был белый, Эмаи попытался бы сразу убить его. Это был новозеландец. Эмаи ясно видел татуировку у него на груди и на шее. За плечами его висело

ружье, за поясом блестел нож, а в руке он держал мэр. И не отрываясь смотрел на Эмаи.

Эмаи подумал было, что это какой-то воин спустился за ним вниз. Но сразу же заметил пестрые перья на голове воина. Только вождь имеет право носить перья. Кто же этот загадочный вождь?

Эмаи сделал шаг навстречу незнакомцу. Незнакомец сделал шаг навстречу Эмаи. Эмаи оскалил зубы. И незнакомец тоже оскалил зубы. Эмаи зарычал, но незнакомец не произнес ни звука. Эмаи, одним прыжком перелетев всю комнату, кинулся к незнакомцу. Незнакомец кинулся к Эмаи, сделав совершенно такой же прыжок. Они остановились друг против друга, нос к носу, одинаковые, и со злобной тревогой смотрели друг другу в глаза.

Эмаи чувствовал себя в западне. Зачем незнакомец повторяет все его движения? Эмаи захотел покончить со всеми своими страхами разом. Он поднял мэр. Но мэр незнакомца поднялся в то же мгновение. Боясь, как бы незнакомец не опередил его, Эмаи стремительно опустил мэр ему на голову. Раздался оглушительный звон, и осколки разбитого зеркала посыпались на испуганного вождя.

Эмаи взлетел по трапу на палубу.

В ПЛЕНУ

Воинам скоро надоело поджидать своего вождя. Не заглядывая больше в таинственный люк, они принялись разыскивать, нельзя ли чем-нибудь поживиться на палубе. Пистолеты, разбросанные боцманом, были мигом подобраны. Так как обыскивать пленников они не смели: пленники — добыча вождя, им для поживы оставались только гвозди, канаты и паруса. С какой ловкостью вытаскивали они каменными топориками огромные гвозди из палубных досок! В несколько минут вся палуба была разворочена, доски оторваны, всюду зияли черные дыры, и новозеландцы сбрасывали гвозди целыми сотнями в свои пироги. Лазая по мачтам и реям, они всюду, где могли, срезали канаты. Эти канаты казались им большой драгоценностью. Снять паруса они не умели и только вырывали из них куски. Клочья парусов в беспорядке метались и бились по ветру. Стройный красавец бриг превратился в неряху.

— Мы плывем! — вдруг сказал Джек Маллон, лежавший рядом с Рутерфордом, и на минуту перестал плакать.

Рутерфорд не видел воды, но чутьем опытного моряка понял, что бриг движется. Он скосил сколько мог глаза, и бег леса на берегу окончательно убедил его, что они несутся с огромной скоростью.

— Дикари хотели украсть якорные канаты и перерубили их,— сказал он.— Через десять секунд нас разобьет о скалы и все кончится.

Джек Маллон снова заплакал, еще громче прежнего.

— Не хнычь, мальчишка! — прикрикнул на него Рутерфорд.— Ты должен радоваться, что нас сейчас разобьет, а не плакать. Или ты хочешь, чтобы с тебя живьем содрали шкуру?

Но бриг не разбился о скалы. Киль его врезался в мель, палуба наклонилась, и он остановился. Ноги Рутерфорда поднялись, кровь прилила к слишком низко опущенной голове, зазвенело в ушах. Мысли его спутались, перед глазами поплыли красные круги. Как сквозь сон, он слышал крики раненого боцмана, лежавшего рядом с ним.

А новозеландцы все еще не решались спуститься внутрь судна. Палуба была опустошена, и они, раздосадованные тем, что грабить больше нечего, кинулись на своих же собственных свиней, которых привезли продавать. Они садились свиньям на спины и разбивали им головы мэрами. Многие свиньи, спасаясь от преследования, бросились в воду и поплыли. Новозеландцы кинулись за ними вплавь, догнали, сели верхом и убили. На воде вокруг судна появились мутно-красные пятна. Туши свиней сваливали в пироги.

Между тем Эмаи успел успокоиться после своего поединка с зеркалом. Он снова всем распоряжался. Он решил, что пора заняться своей собственной добычей — пленниками. С помощью двух воинов он всех их поднял и посадил, прислонил к мачтам. Он не тронул только раненого боцмана, который остался лежать, громко крича.

Рутерфорд очнулся. Он увидел вечернее красное солнце, низко плывущее над холмами, и понял, что пролежал без сознания довольно долго. Развороченная палуба была залита кровью свиней. Эмаи обыскивал и раздевал пленников. Это было не так просто, потому что каждого, прежде чем раздеть, приходилось развязать. Эмаи развязывал каж-

дого поодиночке — из осторожности, — отнимал нож, трубку, кисет, деньги. Потом, сняв с пленника башмаки, куртку, шляпу и оставив ему одни штаны, связывал его и переходил к другому.

Подойдя к Рутерфорду, Эмаи остановился. Какой великан! Он восхищенно щупал огрубелые руки Рутерфорда. Затем похлопал его ладонью по выпуклой крепкой груди. Потом, развязав, знаком велел ему встать. Рутерфорд оказался на целую голову выше вождя. А ведь Эмаи был крупнее всех своих воинов. Когда Рутерфорд снова сел, Эмаи снял с него шляпу и принялся удивленно разглядывать его волосы. Все новозеландцы черноволосы, и светлый, огненный цвет волос Рутерфорда поразил и восхитил вождя еще больше, чем его исполинский рост. Он долго мял пальцами волосы пленника, как бы пытаясь понять, из чего они сделаны.

Когда пленники были раздеты и вновь связаны, Эмаи приказал отнести их на пироги. Белых кидали вниз прямо с палубы, словно гвозди и связки канатов. Гребцы, сидевшие в пирогах, ловили их на руки и клали рядом со свиными тушами. Трупы капитана и повара были брошены вместе с живыми. Рядом с Рутерфордом лежал раненый боцман. Он наконец перестал кричать и только тихо стонал.

УБИЙСТВО

Бриг, потеряв якоря, был отнесен ветром к самому устью реки Темзы. Он сел на мель в какой-нибудь четверти мили от берега. Поэтому пирогам пришлось плыть недолго.

Пристав к берегу, новозеландцы развязали пленникам ноги и вывели из пирог. Несчастный боцман перестал стонать. Мученья его кончились — он умер. Новозеландцы бережно положили на траву три трупа. Из экипажа «Агнесcы» остались в живых только матросы — двенадцать человек.

Пленников, окруженных толпой воинов, повели в лес. Впереди несли трупы капитана, повара и боцмана. Узкая лесная тропинка шла все время в гору. Солнце зашло. Широкие ветви сосен и исполинские папоротники заслоняли небо. Темнота на Северном острове Новой Зеландии наступает почти мгновенно. Стемнело. Тропинка была очень

узкая, и отряду пришлось растянуться длинной лентой. Пленники потеряли друг друга из виду, и страх их еще усилился. Каждому ежеминутно приходило в голову, что товарищи его уже убиты и что он остался один среди дикарей. И время от времени матросы перекликались:

— Эй, Джон Уотсон, ты жив?

— Жив, Смит, жив! А где Рутерфорд? Я давно не слышу его голоса.

— Я впе-ре-ди! — донесся издали могучий рев Рутерфорда.

Новозеландцы шли молча и не обращали на перекличку никакого внимания. Тропинка становилась все круче и круче. Наконец через полчаса после прибытия на берег отряд достиг плоской вершины холма. В звездном небе вырисовывались зубцы высокого бревенчатого частокола. Это была и-пу — крепость новозеландцев.

Пленников провели внутрь крепости через узкие ворота. Новоприбывших встретила толпа женщин и детей.

— Айр-маре! Айр-маре! — кричали они.

Это означало по-новозеландски «здравствуйте».

За частоколом находилось два десятка соломенных хижин. Вокруг костров, горевших между хижинами, сидели голые ребятишки и тощие собаки. Собак в деревне было множество. Они со злобным лаем кинулись к пленникам, пытаясь укусить их за ноги. Новозеландцы с трудом отогнали псов, крича на них и размахивая палками.

Пленников вывели на широкую площадь, расположенную за деревней. Посреди площади росло несколько сосен. Моряков прикрутили канатами к этим соснам, по одному к каждой сосне.

Затем воины удалились, оставив возле пленников только двух сторожей, которые тотчас же развели костер, сели на землю и принялись что-то жевать. Больше стражи и не требовалось, потому что пленники так крепко были привязаны к деревьям, что не могли шевельнуть ни ногой, ни рукой.

В деревне все смолкло. Впрочем, в первую половину ночи тишина несколько раз нарушалась оживленными кучками воинов, возвращавшихся с захваченного брига. Они тащили на себе тюки с посудой и одеждой. У многих за плечами были ружья. Из этого Рутерфорд заключил, что новозеландцы уже проломали палубу и забрались внутрь судна.

Пленники, конечно, не спали всю ночь. Но веревки так больно врезались в тело, ужасы минувшего дня так утомили их, страх за будущее был так велик, что никто не говорил ни слова. И, только когда прошла уже бóльшая часть ночи, матрос Уотсон тихо сказал:

— Глядите, зарево.

Рутерфорд поднял голову и увидел, что за частоколом, за лесом, в небе стоит зарево.

— Что это горит? — спросил Джек Маллон.

— Лес, должно быть,— ответил кто-то.

— Нет, не лес,— сказал Рутерфорд.— В той стороне бухта, море.

— А что ж, по-твоему, если не лес? — спросил Джон Уотсон.

— Это горит наша «Агнесса»,— угрюмо проговорил Рутерфорд.

И тотчас же раздался оглушительный грохот. Тысячеголосое эхо гор ответило ему протяжным гулом. Вершины сосен качнулись. Собаки тревожно завыли, и сонные новозеландцы выскочили из своих хижин.

— Это взорвался наш пороховой склад! — воскликнул Рутерфорд.— Порох взорвался на бриге и, конечно, разнес его вдребезги! Нашей «Агнессы» больше не существует!

Так прошла эта бесконечная, мучительная ночь. Зарево стало уменьшаться сразу после взрыва, но исчезло совсем только с восходом солнца.

Когда солнце поднялось над лесом, вокруг пленников собралась вся деревня. Эмаи собственноручно отвязал их от сосен. Утомленные моряки не в состоянии были держаться на ногах и упали. Но их подняли, выволокли на поляну и усадили рядком в густой траве. Эмаи встал на камень и что-то закричал. Тогда все женщины и дети ушли. Остались только воины — человек двести. Они уселись в траве широким кругом. На середину круга вышел Эмаи в сопровождении пяти каких-то стариков. Их головы были тоже украшены перьями, но не так густо, как голова Эмаи. Это были старейшины деревни, младшие вожди, подчиненные верховному вождю племени. А верховным вождем был Эмаи.

Вожди стали произносить длинные речи. Пленники не понимали ни слова, но знали, что решается их участь. Они

прощались с жизнью. Джек Маллон опять тихо плакал, закрыв лицо руками.

Воины сначала слушали своих вождей в полном молчании. Но мало-помалу многие из них стали кричать, о чем-то споря. Некоторые даже повскакали со своих мест и выбежали на середину круга. Но Эмаи угрожающе обвел их взором, и они стихли. Вожди тоже ожесточенно спорили между собой и чуть не дрались. Одного особенно крикливого вождя Эмаи даже выгнал с собрания. Заседание это продолжалось часа полтора. Окончилось оно длинной речью Эмаи, во время которой все стихло. Судьба пленников была решена.

Матросов вывели на середину круга и поставили в ряд. Каждого из них держали двое дюжих молодцов, хотя пленники и не пытались бежать. Эмаи подошел к самому крайнему из матросов и ударил мэром по голове. Матрос упал мертвым. Толпа восторженно взвыла.

Эмаи медленно шел по ряду. Второго пленника он не тронул, но третьего убил. Пропустив четвертого, он убил пятого. Так убивал он всех нечетных, оставляя в живых четных. И при каждом взмахе его мэра толпа радостно выла.

Рутерфорд стоял девятым. Он должен был быть убит. Он сжал зубы и не проронил ни звука. А стоявший рядом с ним Джек Маллон громко кричал, хотя он был восьмым и казнь ему не угрожала.

Убив седьмого и не взглянув на Маллона, Эмаи подошел к Рутерфорду. Рутерфорд был бледен, но молчал. Вождь уже поднял руку. Но вдруг как будто что-то вспомнил. Рука его медленно повисла. Он с явным восхищением оглядел могучую грудь и широкие плечи моряка. Даровав ему жизнь, он убил десятого и двенадцатого, внезапно перейдя с нечетных номеров на четные.

Шестеро было убито, шестеро осталось в живых. Их звали: Рутерфорд, Джек Маллон, Джон Уотсон, Джон Смит, Джефферсон и Томпсон.

ПИР

Трупы капитана, повара, боцмана и шестерых убитых матросов разрубили топорами на части. Топоры были стальные, европейские, украденные с «Агнессы». Пока одни

рубили мертвецов, другие копали посреди поляны большие круглые ямы. В эти ямы набросали хворосту и зажгли его. Поверх хвороста наложили камней. Когда камни раскалились до того, что к ним нельзя было притронуться, на них положили куски человечьего мяса. Потом засыпали ямы землей и стали ждать, когда мясо испечется.

К воинам опять присоединились женщины и дети. Они тоже хотели принять участие в пиршестве. Растрепанные старухи и голые пятилетние мальчуганы с жадностью поглядывали на ямы, не скрывая своего нетерпения.

Рутерфорду было невыносимо тяжело. Его тошнило от отвращения.

«Мы оставлены про запас,— думал он.— Завтра или послезавтра и нас съедят. Поскорей бы, а то невозможно больше так мучиться!»

И, чтобы ничего не видеть, он лег на траву, уткнулся лицом в землю и закрыл глаза. Товарищи его, обессиленные всем пережитым, заснули тяжелым, беспокойным сном. Рутерфорд тоже погрузился в какое-то забытье и, несмотря на страшный шум, пролежал, не раскрывая глаз, несколько часов.

Очнулся он только тогда, когда его кто-то толкнул ногою в бок. Товарищи его уже сидели кружком на траве. Рутерфорд сел рядом с ними.

Пир был окончен.

Эмаи решил, что пора накормить оставшихся в живых пленников. По приказу вождя перед матросами навалили гору жареной рыбы — человечье мясо считалось драгоценностью, и пленникам его не предложили. Но пир людоедов отбил у моряков желание есть, и к рыбе они не прикоснулись. Им очень хотелось пить. Какой-то воин принес им воды в кувшине, сделанном из выдолбленной тыквы. Когда моряки утолили жажду, им приказали встать и повели к хижинам.

Идя по деревенской улице, они теперь увидели то, чего не могли рассмотреть вчера вечером из-за темноты. Хижины были похожи на большие пчелиные ульи. Перед хижинами торчали колья, на кольях — человеческие черепа.

— Вон голова белого! — крикнул Джек Маллон.

Все обернулись и увидели голову с совсем светлой кожей. Подойдя ближе, они узнали ее. Это была голова капитана Коффайна.

Пленников ввели в хижину, сплетенную из соломы и веток. Дверь была так низка, что моряки, входя в нее, согнулись почти до земли. Окон не было, и свет проникал только через щели в стенах. Не было ни очага, ни дымохода, так как новозеландцы готовили пищу под открытым небом. На земляном полу лежала куча сена, из которого можно было сделать постели. В сене лежали куртки и рубашки пленников, отобранные еще на корабле. Это очень их удивило.

— Зачем они вернули нам одежду, если хотят завтра убить нас и съесть? — спросил Рутерфорд.

— Как я не хочу умирать! — крикнул Джек Маллон.

— Молчи, мальчишка! — оборвал его Рутерфорд. — Не надейся по-пустому. Завтра псы будут глодать наши кости.

— Если завтра нас не убьют, — проговорил Джон Уотсон, — я удеру.

Моряки оделись и разлеглись на сене. В хижине у входа остались четверо новозеландцев, вооруженных мэрами, копьями и топорами. Скоро начались сумерки, затем наступила ночь. Рутерфорд долго не мог заснуть. Неужели у них есть хотя бы слабая надежда спастись? Нет, нет, пощады ждать нельзя.

— Мама! Мама! Мама! — тихо плакал в углу Джек Маллон.

«Бедный мальчуган! — подумал Рутерфорд. — Он в первый раз вышел в море. Его ждет в Дублине мать. Неужели и он никогда не вернется домой?»

ДОЧЬ ВОЖДЯ

ЭШУ

Когда Рутерфорд проснулся, солнечный свет бил уже во все щели хижины. Товарищи его сидели на сене и ждали, что будет дальше. Рутерфорд вскочил на ноги. Он выспался и чувствовал себя снова свежим и сильным. Подойдя к двери, он нагнулся и вышел из хижины. Сторожа его не задержали.

Чрезвычайно этим удивленные, все остальные пленники тоже покинули свою тюрьму и остановились на улице пе-

ред дверью. Воины, сторожившие их ночью, вышли вслед за ними, но ничего не сказали.

— Нас здесь не очень строго сторожат,— проговорил Джон Уотсон, блестя черными глазами.— Если так будет продолжаться, нам, пожалуй, удастся удрать.

— Куда же ты удерешь? — спросил Рутерфорд.— Ведь «Агнесса» сгорела, и мы оторваны от всего мира.

— Я спрячусь в лесу и буду дожидаться прихода какого-нибудь другого корабля.

— Корабли заходят сюда раз в десять лет,— усмехнулся Рутерфорд.

Новозеландская деревушка жила мирной жизнью. Воины спали на солнцепеке, не выпуская, впрочем, оружия из рук. Под кольями, на которых торчали отрубленные человеческие головы, женщины кормили детей и плели из прутьев большие корзины. Увидев пленников, они повскакали с мест и принялись с любопытством их разглядывать. Многие женщины улыбались, и улыбки эти показались Рутерфорду довольно приветливыми. Одна почтенная мать семейства, окруженная голыми ребятишками, протянула им корзинку, в которой лежало несколько кусков жареного мяса.

Моряки были очень голодны, но к мясу они не притронулись. Им все казалось, что это мясо их убитых товарищей. Женщина, увидев, что мяса они не едят, притащила им корзину, полную жареной рыбы и печеной картошки. Матросы принялись за рыбу и картошку, а женщины разделили между собой мясо.

Вдруг из самой большой хижины вышел Эмаи в сопровождении пяти младших вождей. Дремавшие на солнце воины сейчас же вскочили на ноги, а женщины и дети отошли в сторону. Эмаи что-то приказал, и воины, окружив пленников, схватили их за руки. Пленники уже были уверены, что их сейчас выведут на поляну и убьют.

Но вместо поляны их повели к частоколу и вывели через ворота из деревни. Тут Эмаи простился с младшими вождями. Младшие вожди и большинство дикарей вернулись в деревню, а Эмаи с пленниками и сорока воинами направился в лес. Они шли в глубь острова и всё удалялись от берега моря. Каждого матроса вели под руки двое. Остальные воины были нагружены награбленным с «Агнессы» добром. Они несли ружья, топоры, вилки, одеяла, кастрюли, ме-

шочки с пулями и порохом, матросскую одежду — всю добычу, которую Эмаи оставил лично себе. Один новозеландец тащил под мышкой огромную книгу в красном переплете, на которой была вытиснена надпись: «Судовой журнал трехмачтового брига «Агнесса» за 1816 год».

Лесная тропинка то круто взбиралась вверх, то бежала вниз. Из зарослей папоротника торчали голые серые скалы. В ветвях пели скворцы с красными гребешками на головках, прыгали пестрые попугаи. Где-то вдали куковала кукушка. Путь им иногда преграждали болота, заросшие высоким тростником. Новозеландцы не обходили их, а лезли прямо в воду. Иногда они проваливались в топкую грязь по самые плечи. Но это нисколько их не беспокоило. Они только перекладывали свою ношу на голову, чтобы не замочить ее, и шли дальше.

После шести часов утомительного пути пленники увидали большой холм, на вершине которого стояла деревня, обнесенная частоколом. Эмаи повел свой отряд прямо к деревне.

Новоприбывших встретила толпа воинов человек в двести. Их вел старик с седыми волосами. По перьям на голове и по татуировке на лбу сразу было видно, что это вождь.

— Айр-маре, Эмаи! — кричали пришельцам жители деревни.

— Айр-маре, Ренгади! — отвечали спутники Эмаи.

Седоволосого вождя этой деревни звали Ренгади. Он был младший вождь и в знак преданности своему владыке Эмаи расцарапал себе лицо, грудь и руки острым камешком. Все его подчиненные поступили так же, и скоро со всех текла кровь. Эмаи подозвал Ренгади к себе. Вожди потерлись друг о друга носами. Когда приветствия были окончены, все вошли в деревню.

Деревня была точь-в-точь такая же, как та, где пленники провели первую ночь, только немного больше. Женщины и дети прятались в хижинах, не решаясь показаться на глаза верховному вождю. Воины Ренгади с любопытством разглядывали пленников. Они, как и все жители центральной части острова, никогда не видали европейцев. Особенно их поразили огненные волосы Рутерфорда. Они с него не спускали глаз.

Все войско собралось на поляне за хижинами. Пленники задрожали от страха, когда увидели большие круглые

ямы, в которых дымился хворост. В таких самых ямах были изжарены убитые моряки, и они решили, что теперь настал их черед.

Но на этот раз ямы были приготовлены для свинины. Принесли убитых свиней, разрубили их, побросали в ямы на горячие камни и засыпали землей. Когда свинина изжарилась, ее вырыли, и начался пир. Эмаи приказал угостить и пленников. Но матросам не разрешили есть вместе с воинами. Их посадили в стороне, там, где обедали рабы.

Рабы были воины других племен, взятые в плен на поле битвы. Они накинулись на мясо с необыкновенной жадностью. Очевидно, их не слишком сытно кормили.

Наконец женщины покинули хижины и вышли на поляну. Но подойти к пирующим они не решились и остановились шагах в двадцати от них.

Одна только девушка, лет пятнадцати-шестнадцати, с большой корзиной на голове, отделилась от толпы женщин и бесстрашно подошла к Эмаи. Верховный вождь племени вдруг улыбнулся во весь рот и встал с земли.

— Айр-маре, Эшу! — крикнул он.

Девушка поставила корзину на траву, и они долго терлись друг о друга носами.

— Кто она? Жена его, что ли? — спросил Джон Уотсон.

— Нет, верно, дочь,— сказал Рутерфорд.— Разве ты не видишь, как она на него похожа? Такой же прямой нос, такие же узкие губы...

Как потом оказалось, догадка Рутерфорда была правильна. Девушка была дочерью Эмаи и звалась Эшу.

Она вынула из корзины пригоршню жареных корней папоротника и дала отцу. Затем обошла с корзиной всех воинов, и каждый получил свою долю корней. Эмаи шел за нею следом, ласково улыбаясь. Угостив всех воинов, Эшу посмотрела в сторону пленников и потом вопросительно взглянула на отца. Эмаи взял ее за руку и повел туда, где обедали рабы.

Она подошла к белым с широко раскрытыми от удивления глазами. Их странная одежда, их бледные лица поразили ее. Она смотрела то на одного, то на другого. Джона Уотсона она почти не заметила — невысокий, смуглый, черноглазый, он был сам похож на новозеландца. Но, увидев Рутерфорда, она чуть не выронила корзину из рук — так поразили ее его огненные волосы.

Эмаи приказал Рутерфорду встать. Рутерфорд послушно вытянулся во весь свой рост. Девушка поднялась на носки, протянула руку и с восхищением коснулась его волос. Потом она заметила блестящие медные пуговицы на куртке Рутерфорда. Красота этих пуговиц ослепила ее.

И тут Рутерфорд догадался, что ему следует сделать. Он оторвал одну пуговицу и с поклоном передал девушке. На смуглых щеках Эшу вспыхнул румянец. Она сжала в кулачке полученную драгоценность и благодарно улыбнулась Рутерфорду.

Поступок пленника очень понравился Эмаи. Этот свирепый воин был добрым семьянином и очень любил свою дочь. Он ласково похлопал Рутерфорда по плечу. Потом стал чертить указательным пальцем на его широкой груди какие-то странные и сложные узоры. При этом он что-то с жаром объяснял дочери.

Угостив пленников корнями папоротника, отец и дочь удалились.

Пир продолжался до захода солнца. Свинины по случаю прибытия Эмаи было зажарено столько, что даже за ночь не могли съесть ее всю. Недоеденное мясо развесили на ветвях деревьев, чтобы собаки не достали его. Новозеландцы держат все свои запасы под открытым небом,— обычай запрещает им вносить пищу в хижину.

В сумерках пленников повели спать. Их привели в хижину, такую же, как та, в которой они спали прошлую ночь. Только дверь на этот раз была так низка, что пролезть в нее можно было лишь на четвереньках. С ними опять ночевали четверо вооруженных воинов.

Растянувшись на сене, Рутерфорд вдруг почувствовал под собой что-то твердое.

— Друзья!— закричал он, вскочив.— Смотрите! Они вернули нам наши ножи и кисеты с табаком!

Шесть ножей и шесть кисетов лежали на сене.

— Дураки!— закричал Джон Уотсон, схватив свой нож.— Этим ножом я завоюю себе свободу.

— Не торопись, Джон,— сказал Рутерфорд.— Нужно действовать осторожно и стараться не раздражать их попусту. Бежать отсюда нам некуда. Мы можем мечтать только о том, чтобы они сохранили нам жизнь.

В этот вечер у пленных моряков впервые появилась слабая надежда.

ПЫТКА

Следующее утро принесло им новое испытание.

На рассвете их с шумом вывели из хижины и в сопровождении всей деревни потащили на поляну. В толпе Рутерфорд видел Ренгади, Эмаи и Эшу. Посреди поляны сидело несколько сморщенных стариков. Возле каждого из них стояла выдолбленная тыква, наполненная до краев какой-то черной жидкостью. В руках они держали множество странных предметов, выточенных из костей; одна кость имела форму ножа, другая — стамески, третья — пилы, четвертая — шила, пятая — топорика. Все это было очень похоже на орудия пытки. Несчастные пленники испугались. Страх их особенно усилился, когда Эмаи приказал снять с них куртки и рубахи. Затем их схватили за плечи и повалили на траву. Каждого из них держали пять или шесть воинов, так что они не могли пошевелиться.

Эмаи поднял руку, и старые колдуны приступили к своей дьявольской работе. Они мочили острые костяшки в черной жидкости и резали ими кожу на груди и плечах пленников. Для разных порезов они употребляли костяшки разной формы. Кожа матросов покрывалась сложнейшими узорами, словно ковер. Татуировщики стирали ладонями льющуюся кровь, чтобы она не мешала видеть направление линий. Боль была нестерпимая. Едкая черная жидкость жгла тело, как раскаленное железо. Раны сейчас же вспухали. Джек Маллон плакал. Смит, Джефферсон и Томпсон громко стонали. Джон Уотсон рычал от ярости и пытался укусить державших его дикарей. Один только Рутерфорд молчал во время всей операции. Зубы его были крепко стиснуты, и из груди не вырвалось ни звука.

Новозеландцы уважали только смелость и терпение. Кто отважен в бою, кто без слез и стонов переносит страдания, вызывал их восхищение.

Все воины, окружавшие пленников, были татуированы. Они знали, что боль при татуировке так мучительна, что только настоящий герой способен перенести ее не крича. И в их глазах Рутерфорд стал героем.

Прошло полтора часа. Грудь и плечи каждого матроса были покрыты густой сетью припухших черных порезов. Татуировщики заявили, что работа кончена, и вытерли свои инструменты о траву.

Но герою полагается особая татуировка. Чем знаменитее и знатнее новозеландец, тем больше он татуирован. И Эмаи приказал в знак особого отличия татуировать Рутерфорду бока и спину.

Снова началась мучительная пытка. Товарищи Рутерфорда, которых уже никто не трогал, сидели на траве и тихо стонали, потому что все тело их горело и ныло. А Рутерфорд молчал, хотя ядовитые ножи вонзались в его спину. Он молчал назло своим мучителям. Он стиснул зубы и молчал. Он решил доказать этим людям, что они не в состоянии заставить его крикнуть.

Вся спина его тоже покрылась узорами, а он по-прежнему не произносил ни звука. Шепот удивления пронесся по рядам зрителей. Ну и человек! И Эмаи решил оказать Рутерфорду еще бо́льшую почесть — он приказал татуировать ему щеки.

Рабов новозеландцы не татуировали. Воинам татуировали грудь или грудь и спину. Эмаи хотел сделать белых пленников своими воинами и потому приказал их татуировать. Щеки татуировали только особенно отважным воинам. Лоб татуировали лишь вождям.

Вот наконец щеки Рутерфорда тоже искусно изрезаны. Его пытали почти четыре часа. Татуировщик сложил свои инструменты, и воины, державшие несчастного моряка, отошли в сторону. Но Рутерфорд как лежал, так и остался лежать на траве. Он даже не пошевельнулся. С его опухшего лица текла кровь. Кровь затекала ему в уши, в нос, в рот. Он пытался открыть глаза, но не мог. Глаза его распухли и не открывались.

Вдруг мягкая льняная тряпочка прикоснулась к его лицу и стерла кровь. Он услышал над собой голос Эшу. Она что-то говорила ему. Он не понял ее слов, но голос показался ему нежным и ласковым. Девушка взяла его за руку. Он сделал над собой усилие и встал, огромный, качающийся, слепой. Ноги едва держали его.

Эшу повела ослепшего великана за собой. Воины молча расступились, чтобы дать ему дорогу. Она провела его по деревенской улице, вывела за частокол и спустилась вместе с ним по склону холма к реке. Здесь она слегка толкнула его вперед, и он вошел в прохладную воду.

От воды ему сразу стало легче. Его воспаленные раны горели уже не так сильно. Он долго с наслаждением сидел

в воде и просидел бы, верно, до самой ночи, если бы не услышал, что Эшу зовет его. Он вылез на берег, она дала ему руку, отвела назад в деревню и усадила возле пылающего костра рядом с его товарищами.

Глаза Рутерфорда все еще были закрыты, но по запаху он догадался, что начался обед. Новозеландцы доедали вчерашнюю свинину. На этот раз за обедом пленники сидели не с рабами, а с воинами. Но есть им не дали, потому что они были табу.

УРОКИ НОВОЗЕЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

«Табу» — странное, страшное, священное слово. Новозеландец, подобно всем другим полинезийцам, больше всего на свете боялся табу. Табу могла быть гора, лес, пища, река, человек, животное — все, что угодно. Если гора табу — на нее нельзя взбираться, если табу лес — в нем нельзя охотиться, если табу пища — ее нельзя есть, если табу человек — его нельзя убить, его нельзя трогать, и он сам ни к чему не может прикоснуться, потому что все оскверняет своим прикосновением. Табу накладывали вожди. Это суеверие помогало им управлять.

По обычаю, на воина после татуировки налагалось трехдневное табу. Эмаи наложил табу на всех своих белых пленных. Им запретили прикасаться руками к пище, чтобы не осквернить ее. Есть они не могли.

В первый день после татуировки они и не думали о еде, потому что непрекращавшаяся боль отбивала у них всякий аппетит. Но на следующий день всем, кроме Рутерфорда, стало значительно лучше, и они захотели есть. Тогда Эмаи изобрел способ, как накормить своих пленников, не нарушая табу. Он расставил их в ряд перед хижиной и приказал шестерым рабам совать им в рот кусочки рыбы. А чтобы матросы, по незнанию обычаев, не осквернили все же случайно пищи, руки их крепко держали воины.

Все, кроме Рутерфорда, сытно наелись. Рутерфорд не мог проглотить ни куска. Он позволил влить себе в горло только немного воды. Голова его разрывалась на части от боли, глаза все еще не раскрывались. Слепота угнетала его. Ему казалось, что он никогда уже больше не будет видеть.

Но на четвертый день опухоль на его лице спала и глаза открылись. Он стал чувствовать себя гораздо легче. Табу с пленников сняли.

Скоро они совсем поправились. Но тоска по родине и по свободе мучила их все больше.

Медленно тянулись дни. Пленники не могли пожаловаться на дурное обращение. Новозеландцы кормили их тем, что ели сами, и предоставили им хорошую хижину. Воины, жившие в этой хижине вместе с ними, позволяли им делать все, что угодно. Они могли ходить по всей деревне днем и ночью. Никто особенно даже не следил за ними. Только одно им не позволялось — выходить из деревни, за частокол.

Когда они подходили к калитке в частоколе, воины, стоявшие на страже, преграждали им путь. И матросам приходилось возвращаться назад, к своей хижине.

Тоска не давала им покою. Они ничем не могли занять себя. Им совершенно нечего было делать. Мужчины каждый день ходили на охоту и на рыбную ловлю. Женщины копались на огородах вокруг деревни. А матросы бродили по единственной деревенской улице меж соломенных хижин или лежали на траве и смотрели в небо. Медленно тянется время в неволе.

Только Эшу немного их развлекала. Она явилась к ним через несколько дней после того, как с них сняли табу, и уселась перед хижиной. С тех пор она стала приходить ежедневно. Иногда с ней приходили дочери Ренгади, но большей частью она являлась одна. Обычно она приносила с собой работу и плела либо корзины из веток, либо веревки из волокон льна. Рутерфорд, Джек Маллон, Смит и Томпсон садились вокруг нее, и она начинала с ними разговаривать. Она нисколько не смущалась тем, что они не понимали ни слова из ее речей. Она говорила не для них, а для себя самой.

Но Рутерфорд постоянно пытался ее понять. Он знаками спрашивал ее название то одного, то другого предмета, и она ему отвечала. Мало-помалу он заучил довольно много новозеландских слов и стал понимать, о чем говорит Эшу. Через месяц он уже и сам мог кое-что сказать по-новозеландски. Когда ему удавалось составить коротенькую фразу, она смеялась и била в ладоши.

Рутерфорд часто развлекал ее всякими забавами и сам смеялся вместе с ней, потому что от природы он был человек веселый. Как всякий моряк, он умел связывать веревки на множество ладов разными хитроумными узлами. Эшу знала только самые простые узлы и с увлечением следила за тем, как он связывал между собой концы веревки, которую она плела. Всякий узел он давал ей развязывать, и она иногда просиживала целые часы, стараясь догадаться, как это сделать. Впрочем, мало-помалу она изучила сложную науку узлов и стала завязывать и развязывать их не хуже своего учителя.

Рутерфорд сделал ей из коры ветряную мельницу — крохотную вертушку, прикрепленную к палочке рыбьей косточкой. Новозеландцы никогда не видали мельницы, и Эшу восхищалась своей игрушкой, словно маленькая. Так как ветра было мало, ей приходилось бегать, чтобы мельница вертелась. Она бегала по всей деревне, за ней неслись собаки и дети. Взрослые с завистью глядели на нее. Сам Эмаи заинтересовался вертушкой и попросил Рутерфорда сделать ему такую же. Рутерфорд, конечно, сейчас же исполнил просьбу вождя.

Однажды Рутерфорд поймал крысу и принес ее Эшу. Девушка хотела задушить крысу и изжарить, потому что новозеландцы считают мышей и крыс большим лакомством. Но Рутерфорд решил употребить пойманного зверька на другое. Он вырезал ножом из дерева маленькие колесики и смастерил крохотную тележку. В эту тележку он с помощью льняных волокон запряг крысу. Крыса возила тележку до тех пор, пока ее не поймал какой-то мальчик и не съел сырою. Так между Эшу и Рутерфордом завязалась дружба.

Другие пленники тоже часто болтали с Эшу. Они тоже мало-помалу выучились новозеландскому языку, но догнать Рутерфорда не могли — он бесспорно говорил лучше всех и с каждым днем делал большие успехи. Особенно привязался к Эшу Джек Маллон. Он обучил ее занятию, известному всем европейским девушкам и совершенно неизвестному новозеландкам, — плести из цветов венки.

Только двое не принимали участия в разговорах с Эшу — Джефферсон и Джон Уотсон.

Джефферсон и прежде был молчаливый, угрюмый человек, а попав в плен к новозеландцам, он был так потрясен

всем случившимся, что совсем потерял дар слова. Ничто не интересовало его. Ко всему он относился с полным равнодушием. Из хижины он почти не выходил и все время лежал на сене, глядя в потолок. Когда с ним заговаривали товарищи, он отвечал односложно и неохотно. Он был убежден, что его убьют, и все время ждал смерти. К Эшу он относился так же, как и ко всему остальному, что его окружало,— просто не замечал ее.

Джон Уотсон избегал Эшу по совсем другим причинам. Он ненавидел всех новозеландцев. Он рвался на свободу и стал очень раздражителен. Сердясь, он порой разбрасывал пищу, которую ему давали новозеландцы, и ругал их самыми отборными английскими ругательствами. Рутерфорду несколько раз приходилось удерживать его от драки. Такая драка была бы совершенно бесполезна и могла навлечь только новые несчастья на пленников.

— Я убегу, убегу!— постоянно твердил Джон Уотсон.— Я вернусь в Англию и потребую у короля цёлое войско для истребления этих людоедов. Мы явимся сюда с пушками и дотла сожжем их деревни. Я не намерен щадить никого. Ты видишь эти сосны, Рутерфорд? Так знай, я обвешаю их людоедами, как на рождестве обвешивают елки игрушками. В последний раз советую тебе: бежим со мной, приятель.

— Ну куда же мы убежим, Джон?— уговаривал его Рутерфорд.— Ведь их тысячи, а нас только шестеро. Они поймают нас в лесу и убьют. Не лучше ли подождать немного, добиться доверия дикарей? Тогда, если в Новую Зеландию зайдет какой-нибудь европейский корабль, нам, быть может, нетрудно будет уехать.

— Ну и оставайся здесь, рыжий, подлизывайся к людоедам, а я убегу один!— злобно отвечал Уотсон.

Эшу он возненавидел с самого начала за то, что она была дочь Эмаи. Когда она приходила в гости к пленникам, он забирался в хижину, ложился рядом с Джефферсоном на сено и в бессильной ярости кусал себе руки.

ПОБЕГ

Моряки прожили в плену уже больше пяти месяцев, а Джон Уотсон и Джефферсон не научились ни одному слову по-новозеландски.

Однажды на рассвете Рутерфорда разбудил треск ружейного выстрела. Он сел и прислушался. За стенами хижины раздавался топот многочисленных босых ног, крики, лай собак. До сих пор Рутерфорд ни разу не видел, чтобы новозеландцы стреляли из ружей, захваченных на «Агнессе». Они носили ружья на спине как будто только для украшения. И этот неожиданный выстрел, эта суматоха в деревне встревожили Рутерфорда.

В хижине был еще полумрак. Обернувшись, Рутерфорд заметил, что четыре воина, обыкновенно спавшие у двери, исчезли. Рядом Джек Маллон испуганно таращил глаза, Джефферсон спал, словно мертвый, но Джон Смит и Томпсон, приподнявшись, взволнованно заглядывали в дверь.

Тут только Рутерфорд заметил, что в комнате их всего пятеро.

— Где Уотсон? — воскликнул он и вскочил на ноги.

Ему никто не ответил.

— Он бежал, и его застрелили! Вы слышали выстрел? — кричал Рутерфорд

Джон Смит молча кивнул головой.

— Почему он не предупредил нас, что собирается сегодня бежать? — продолжал Рутерфорд.— Ведь вы тоже ничего не знали? Он постоянно твердил о побеге, но я никогда не думал, что он хочет бежать так скоро. Если бы он сказал нам, мы бы его отговорили...

— Вот потому он нам ничего и не сказал,— мрачно вымолвил Джон Смит.

Нестройные крики на улице сливались в сплошной гул. Рутерфорд вскочил и бросился к двери.

— Не уходи! — захныкал Джек Маллон, хватая его за ноги.— Я боюсь... Что теперь с нами будет?

Но Рутерфорд выдернул свою ногу и на четвереньках выполз из хижины. Джек Маллон, Смит и Томпсон последовали за ним. Через минуту они все вчетвером стояли уже посреди улицы. В хижине остался один Джефферсон. Он крепко спал.

Толпа бежала к воротам в частоколе. Заливались псы, испуганные свиньи путались под ногами. Женщины запрудили всю улицу. Мужчины были уже там, впереди, у ворот.

Пленники пошли туда, куда их тянула за собой толпа. Но толпа скоро повернула назад. Рутерфорд и его товари-

щи отошли в сторону, остановились возле какой-то хижины и принялись смотреть.

В деревню из лесу вошел многолюдный отряд воинов. Они волокли отчаянно упиравшегося и кричавшего человека. Это был Джон Уотсон. Он отбивался, старался вырваться, кусал плечи державших его воинов и кричал, кричал, кричал.

— Вам выпустят кишки! — вопил он.— Вас засекут, сдерут с вас кожу, сожгут на кострах!

Но воины не обращали на его крики ни малейшего внимания. Они упорно волокли его по улице. Рядом с ним несли труп большой собаки.

Когда Джон Уотсон поравнялся с тем местом, где стояли его товарищи, Рутерфорд кинулся к нему. Но пробраться к пойманному беглецу он не мог — толпа сразу оттеснила его в сторону.

— Успокойся, Джон! — закричал Рутерфорд.— Веди себя смирно! Мы попытаемся тебе помочь!

Но Уотсон не слышал его и продолжал выкрикивать свои бессмысленные угрозы. Только один старый воин, стоявший неподалеку, обернулся к Рутерфорду и, злорадно ухмыляясь, сказал по-новозеландски:

— Плачь о своем друге. Ты его больше никогда не увидишь.

Джона Уотсона притащили к хижине Эмаи. Верховный вождь встретил своих воинов у порога и приказал ввести беглеца в хижину.

Матросы уселись на сене вокруг лежащего Джефферсона и стали совещаться, что делать. Джефферсон уже проснулся, но, выслушав рассказ о побеге Уотсона, не сказал ни слова и остался совершенно равнодушным. Джек Маллон тихо плакал в уголке и твердил, что теперь они все погибли. Рутерфорд считал, что нужно сделать все возможное, чтобы спасти Уотсона, но мало надеялся на удачу.

— Что же ты хочешь предпринять? — спросил Томпсон.

— Я пойду к Эмаи и буду просить его пощадить Джона,— ответил Рутерфорд.— Я поручусь, что он больше не будет пытаться бежать.

— Так Эмаи и поверил твоему поручительству! — возразил Томпсон.— Нет, нам лучше не вмешиваться в эту историю и сидеть как можно тише! Мы должны притвориться,

что нам нет до Джона никакого дела, а то мы и его не спасем и себя погубим.

Но Смит пристыдил Томпсона и поддержал Рутерфорда. И Рутерфорд отправился один к хижине верховного вождя.

Эмаи занимал самую большую хижину в деревне. Сейчас она была полна народа, и сквозь соломенные стены доносился гул многих голосов.

У входа в хижину Рутерфорда остановили воины. Один из них спросил:

— Что тебе надо здесь, белый человек?

— Я хочу говорить с Эмаи,— отвечал по-новозеландски Рутерфорд.

— Подожди,— ответил воин,— я пойду и узнаю, хочет ли Эмаи говорить с тобой.

Рутерфорд сел на бревно перед хижиной и стал ждать. Воины, толпившиеся возле входа, громко обсуждали побег Джона Уотсона. Вот что узнал Рутерфорд.

Джон Уотсон вышел из хижины пленников в середине ночи, когда было еще совсем темно. Сторожа крепко спали и не заметили его ухода. Раздобыв где-то толстую дубинку и крепкую веревку, он прокрался к воротам в частоколе. Ворота сторожили только два воина, вооруженных ружьями, копьями и мэрами.

Джон Уотсон незаметно подошел к ним сзади и оглушил обоих ударами дубинки по головам. Затем связал их и заткнул им рты. Захватив с собой ружья, он шмыгнул в ворота и скрылся в лесу.

Связанные воины скоро очнулись. Одному из них удалось вынуть изо рта тряпку. Он разбудил всю деревню. Сейчас же была начата погоня. Лес наполнился воинами и собаками.

Джон Уотсон, очевидно, сразу заблудился в лесу. Вместо того чтобы уйти подальше, он обошел деревню кругом и засел среди поваленных бурей деревьев чуть ли не возле самого частокола. Но именно это и сбило его преследователей. Они не догадались искать его так близко и зашли далеко в лес. Быть может, Джону Уотсону удалось бы укрыться среди бревен до следующей ночи и тогда потихоньку уйти, но, к несчастью, на рассвете его заметила большая собака. Она остановилась шагах в двадцати от беглеца и принялась лаять. Уотсон не удержался и застрелил ее из ружья. Вот именно этот выстрел и разбудил Рутер-

форда. Конечно, беглец после этого был сразу обнаружен и схвачен.

Рутерфорд сидел перед хижиной Эмаи, прислушивался к разговорам и ждал. Ждать ему пришлось очень долго, почти час. Он уже начал терять терпение и хотел без спросу войти в хижину, как вдруг воин, который пошел доложить о нем вождю, вернулся.

— Эмаи не хочет говорить с белым человеком,— сказал он Рутерфорду.— Белый человек должен уйти.

Рутерфорд печально побрел к своим товарищам. Он понимал, что судьба Джона Уотсона решена.

ЗАСТУПНИЦА

Моряки угрюмо сидели у себя в хижине. Молчали. Через несколько часов Джон Уотсон будет убит. Нужно что-то сделать, нужно попытаться спасти его. Но как? Им было жалко товарища и страшно за свою судьбу.

Солнце подымалось все выше и выше. В хижине стало душно.

Вдруг Рутерфорд через дверь увидел босые девичьи ноги. Эшу! Она остановилась перед хижиной, как останавливалась каждый день, и ждала, чтобы моряки, по обыкновению, вышли поболтать с ней.

Джек Маллон направился было к двери. Но Рутерфорд остановил его.

— Подожди, Джек,— сказал он.— Эта девушка может нам пригодиться, и действовать с ней надо очень осторожно.

Джек Маллон послушно остался в хижине.

Эшу ждала у дверей. Наконец она устала стоять и села на землю. Время шло, а ее белые друзья не появлялись. Она удивилась. Обычно они с такой охотой выходили поболтать с ней. Ей надоело ждать. Быть может, они не знают, что она пришла? Она нетерпеливо хлопнула несколько раз ладонью по стене хижины. Но и теперь никто не появился.

Подождав еще немного, удивленная и рассерженная девушка нагнулась и вошла в дверь. Рутерфорд и его товарищи даже не обернулись к ней.

— Айр-маре,— сказала она.

Ей никто не ответил.

— Айр-маре! — повторила она громко и сердито.

Моряки даже не шевельнулись.

Их молчание начало раздражать ее. Она стукнула босой ногой о землю.

— Отчего ты мне не отвечаешь? — спросила она Рутерфорда.— Я пришла сюда разговаривать с тобой.

— Он никогда больше не будет разговаривать с тобой, Эшу,— сказал Джон Смит.— Твой отец хочет убить его брата, и он поэтому не скажет тебе больше ни одного слова. Уходи отсюда.

Джон Смит нарочно назвал Уотсона братом Рутерфорда. Он хотел поразить девушку.

Эшу рассердилась не на шутку.

— Нет, он будет со мной разговаривать!.. Скажи мне, будешь или нет? — обратилась она к Рутерфорду.

Но Рутерфорд молчал.

— Уходи отсюда,— спокойно повторил Джон Смит, подымаясь на ноги.

— Ты не смеешь меня выгонять! — крикнула девушка.— Я скажу отцу, и он никому не позволит выгонять меня!

— Хорошо,— проговорил Джон Смит.— Пойди и скажи отцу. Твой отец может запретить нам выгонять тебя отсюда, но он не может заставить Желтоголового сказать тебе хоть слово.

— Нет, отец заставит его со мной разговаривать!

— Он ни разу не крикнул, когда его татуировали,— торжественно произнес Джон Смит,— и он не будет с тобой говорить, если сам не захочет.

Девушка вспомнила о мужестве Рутерфорда во время татуировки и задумалась. Нет, его действительно никто не может заставить говорить с ней. Она робко заглянула ему в лицо, надеясь, что он передумает и скажет ей что-нибудь сам, по доброй воле.

Но лицо Рутерфорда было сурово и непреклонно. Он крепко сжал губы. И, чувствуя, что другого выхода нет, Эшу решила уступить.

— Хорошо, Желтоголовый,— сказала она Рутерфорду,— я пойду к отцу и буду просить его оставить жизнь твоему брату.

И ушла.

— Молодец, Смит! — сказал Рутерфорд, когда она вышла. — Ты отлично понял мой план!

И, помолчав, прибавил:

— Эшу хорошая девушка. Уотсон напрасно ее не любил. Но послушает ли Эмаи свою дочь?

Опять медленно потянулись часы ожидания. Вся деревня волновалась — никто не пошел на работу, на рыбную ловлю. Пленникам не принесли пищи, но Рутерфорд понял, что это произошло не по злому умыслу, а просто по беспорядочности — Эмаи, занятый Джоном Уотсоном, забыл распорядиться. Солнце уже опускалось, день клонился к вечеру. Вечером их товарищ будет убит, если, конечно, Эшу не спасет его. Как бы узнать, что делается в хижине верховного вождя, из которой все время вырывается гул взволнованных голосов? Неужели Эшу никогда не вернется и не скажет, что ей ответил отец?

Но она вернулась. Солнце уже сбоку, вечерним пламенем, озаряло деревья и хижины, когда она, нагнувшись, снова вошла в дверь. Рутерфорд вскочил. Она сказала:

— Я долго просила отца. Старые воины, сидящие в его хижине, кричали ему, чтобы он меня не слушал. Они говорили, что твоего брата надо съесть, что, если ему оставят жизнь, он снова убежит. Отец думал. Он очень долго думал. А я его все просила. Тогда отец решил оставить жизнь твоему брату. Он подарил его Ренгади. Старый Ренгади очень обрадовался, ему давно хотелось иметь белого раба. Воины сердились. Им придется есть только собаку, которую убил твой брат. Но отец сказал, что мы все уходим завтра отсюда в свою родную деревню и берем вас с собой, а твоего брата оставим Ренгади. Отец говорил Ренгади: «Давай своему белому много есть, и он от тебя никуда не убежит».

Эшу замолкла. Матросы тоже молчали. Они чувствовали, что обязаны как-то отблагодарить эту девушку. Но как? Дать ей что-нибудь? Но ведь у них самих нет ничего...

— Теперь ты будешь со мной разговаривать, Желтоголовый? — спросила она вдруг, робко взглянув на Рутерфорда.

— Конечно, — ответил он.

И ласково взял ее за руку.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Рутерфорд давно уже слышал, что Эмаи собирается покинуть деревню Ренгади и отправиться в свою собственную. Устройство новозеландского племени он стал постепенно понимать. Эмаи был верховным вождем, которому подчинялось много деревень. В каждой деревне были свои вожди — младшие,— признававшие Эмаи владыкой. Завоевал ли их Эмаи или они подчинились ему добровольно, этого Рутерфорд не знал. Но он часто слышал, что у Эмаи есть своя собственная, родная деревня, в которой нет других вождей и в которой он постоянно живет. Таким образом, деревня Эмаи являлась столицей всего племени. Вот в эту-то столицу должны были отправиться наши пленники на другой день после неудачного побега Джона Уотсона. В деревне Ренгади им оставалось провести всего одну ночь.

Вечером Джона Уотсона повидать им не удалось. Ночевать в их хижину он не пришел. Они провели бóльшую часть ночи в разговорах о своей дальнейшей судьбе и о судьбе покидаемого товарища. С тревогой думали они о предстоящем путешествии. Они слышали, что деревня Эмаи находится еще дальше от моря, чем деревня Ренгади. А одно только море могло принести им освобождение. Пожалуй, Джону Уотсону повезло, что его оставляют у Ренгади. Если к берегам Новой Зеландии подойдет какой-нибудь корабль, он сразу узнает об этом.

Впрочем, вряд ли Джон Уотсон дождется корабля. У него такой необузданный нрав, что он непременно выкинет какую-нибудь глупость и разозлит своих хозяев. А тогда уж некому будет за него заступиться.

В разговорах матросов не принимал участия один только Джефферсон. Он крепко спал. Рутерфорду удалось заснуть только перед рассветом. А рано утром в хижину вошли воины, разбудили спящих пленников и вывели их на улицу.

Вся деревня была на ногах — и уходящие и остающиеся. Воины Эмаи — сорок человек — стояли отдельной кучкой. Вместе с ними должны были отправиться их жены и рабы,

которые во время разгрома «Агнессы» дожидались в деревне Ренгади.

Едва пленников присоединили к отряду, едва их окружили воины, как вся толпа направилась по улице к выходу из деревни. Проходя мимо хижины Ренгади, Рутерфорд заметил, что ее охраняет несколько воинов. Из хижины доносилась неистовая английская ругань. Рутерфорд сразу узнал озлобленный голос Джона Уотсона.

— Прощай, Джон! — громко крикнул он ему.— Нас уводят. Мы, верно, никогда с тобой не увидимся. Веди себя осторожно.

Ругань на несколько секунд прекратилась. Джон Уотсон как будто пытался понять, откуда он слышит голос товарища. Наконец он догадался, в чем дело, и громко прокричал в ответ:

— Прощай, Рутерфорд! Обо мне не беспокойся! Я скоро опять убегу! Уж на этот раз меня не поймают!

И снова брань и проклятья.

За частоколом Эмаи на прощание долго терся носом с Ренгади. Провожающие в знак печали резали себе лица острыми камешками. Женщины громко плакали.

Наконец обряд расставания был окончен. Ренгади увел своих подчиненных назад в деревню, а люди Эмаи направились в лес.

Изрядную долю награбленной с «Агнессы» добычи Эмаи забрал с собой. Но на этот раз добычу тащили не воины, а рабы и женщины. Воины шли налегке. Они несли только свое оружие. Пленники после татуировки считались воинами, а оружия у них, кроме ножей, не было никакого, так что они шли с пустыми руками. Рабов было очень мало, и женщины, тоже немногочисленные, изгибались под тяжестью вещей. Эмаи не пожалел даже собственную дочь. Эшу тащила на голове чугунный котел с «Агнессы».

Дорога была трудная — все вверх и вниз. Всюду отвесные скалы, заросшие дремучим лесом холмы, глубокие болотистые ущелья. Лесная тропинка была так узка, что отряд Эмаи растянулся на полверсты. Пленники пробовали запомнить дорогу, чтобы иметь возможность вернуться когда-нибудь, но скоро убедились, что это невозможно. В лесу было множество пересекающих друг друга тропинок, совершенно одинаковых, так что разобраться в них казалось немыслимо. А между тем для новозеландцев в этом не

было никакой трудности — они шли вперед уверенно и без всякого колебания.

Эшу сначала шагала впереди всех, рядом со своим отцом. Но тяжелый котел, который она несла, утомлял ее, и постепенно она стала отставать. Через два часа утомительной ходьбы она шла уже рядом с пленниками, которые находились как раз посередине колонны. В это время отряд подымался по склону крутого холма, и Рутерфорд видел, как пот катился крупными каплями с ее лица. Она прерывисто дышала от утомления. Воины, шедшие с пустыми руками, и не думали помочь ей. Им казалось вполне естественным, что все тяжести должны тащить на себе женщины.

Рутерфорду стало жаль девушку. Он подошел к ней, снял с ее головы котел и поставил его себе на голову. Эшу была глубоко поражена его поступком, но не протестовала. Воины сначала подумали было, что Рутерфорд собирается присвоить котел, и хотели вступиться за добычу своего вождя. Но моряк объяснил им, что отдаст котел девушке, когда они придут в деревню Эмаи, и воины оставили его в покое, хотя были очень удивлены.

Эшу, освобожденная от тяжелой ноши, могла бы теперь без труда догнать отца. Но она пошла рядом с Рутерфордом.

В полдень все сели отдохнуть на берегу ручья. Новозеландцы сейчас же принялись бить рыбу копьями. Но рыба была очень мелкая, и попадать в нее им удавалось редко. Только немногим счастливцам достались две-три маленькие рыбки. Остальные не поймали почти ничего.

Морякам неоткуда было взять копья. Но они придумали другой способ ловить рыбу, который оказался гораздо удачней. Сняв свои куртки и связав их рукавами, они опустили их в воду. Получилось нечто вроде невода. Протащив свой невод шагов сорок против течения, они высыпали из него на траву несколько сотен блестящих прыгающих рыбок. Новозеландцы столпились вокруг и от удивления не могли произнести ни звука. Такой простой и удобный способ рыбной ловли был им совершенно неизвестен. Эмаи взял несколько рыбок в руки, чтобы проверить, не заколдованные ли они. Но нет, рыбки были самые настоящие.

Между тем моряки развели костер, налили в котел воды

и сварили уху. Ухи вышло так много, что они не съели даже половины и остальное отдали новозеландцам.

Проведя на берегу ручья часа три, отряд двинулся дальше. Но не прошли они и мили, как вдали увидели множество воинов, идущих им навстречу. Лесные тропинки в Новой Зеландии так узки, что разойтись на них почти невозможно. Рутерфорд испугался, как бы отряд Эмаи не затеял драку со встречными из-за дороги. Но опасения его не оправдались. Шедшие навстречу воины предупредительно оставили тропинку и отодвинулись в лес, громко крича:

— Айр-маре, Эмаи!

— Айр-маре, Нэнэ! — отвечали воины Эмаи.

Нэнэ, вождь встречного отряда, признавал Эмаи своим владыкой и подчинялся ему. Оба вождя дружески потерлись носами. Сейчас же был сделан новый привал. Нэнэ с удивлением рассматривал белых. Потом он отвел Эмаи в кусты, и оба вождя долго там разговаривали, скрывшись ото всех. Наконец к матросам подошел воин и объявил, что Эмаи хочет говорить с Томпсоном. Томпсон отправился к вождю, ни о чем не беспокоясь.

Спустя полчаса Эмаи вышел из кустов и приказал своему отряду трогаться в путь. Томпсона с ним не было.

— Где Томпсон? — спросил Рутерфорд, обращаясь к Эшу.

— Отец подарил его Нэнэ в знак дружбы, — ответила девушка. — Нэнэ увел его с собой. Ему заткнули листьями рот, чтобы он не мог позвать вас на помощь.

— Бедный Томпсон! — воскликнул Рутерфорд. — Мы не успели с ним даже проститься!

— Нас осталось всего четверо, — горестно сказал Джек Маллон.

Он не знал, что скоро их останется еще меньше.

РАЗЛУКА

Вечером они подошли к небольшой деревне, расположенной, как все и-пу новозеландцев, на вершине холма. Рутерфорд решил сначала, что это и есть деревня Эмаи. Но Эшу объяснила ему, что это деревня Патама, а до деревни Эмаи еще два дня пути.

Вождь Патам встретил их со всеми своими подчиненными перед деревней. После обычных приветственных воплей отряд Эмаи вошел в калитку частокола. За частоколом на-

ходилось всего двенадцать хижин. Жители деревушки столпились вокруг пленников. Патам был любопытен не меньше остальных. Он ощупал моряков с ног до головы, громко восхищаясь белизной их кожи. Затем на радостях он подарил им большую жирную свинью.

Матросы обрадовались подарку и решили сейчас же поесть свинины, потому что успели проголодаться. Джон Смит заколол свинью своим ножом. Новозеландцы, стоявшие кругом, не одобрили такого способа убивать свинью и громко возмущались. Они обыкновенно не колют своих свиней, а топят в реке, чтобы не вытекала кровь, которую они считают необыкновенным лакомством. Поступок Джона Смита казался им глупым и расточительным. Они с негодованием смотрели, как драгоценная кровь текла на землю. Когда моряки оттащили свиную тушу в сторону, многие дикари опустились на четвереньки и принялись лизать окровавлённый песок.

Но негодование новозеландцев нисколько не смутило моряков. Они спокойно сварили часть свиного окорока в котле и наелись до отвала. Остальное мясо они сложили про запас в четыре корзины, которые Рутерфорд выпросил у женщин.

Спать легли только в полночь. Деревня Патама была так мала, что гости с трудом разместились в ней на ночлег.

Белым не могли, конечно, предоставить отдельную хижину, и их разместили по разным. Как потом оказалось, новозеландцы сделали это намеренно. Рутерфорд и Джек Маллон спали вместе с Эмаи и Эшу, а Джефферсон и Джон Смит — вместе с Патамом и его семьей. Ночью Эмаи несколько раз вставал и выходил из хижины. Но Рутерфорд не придал этому никакого значения. Он очень устал за день и спал крепко.

Рутерфорда и Джека Маллона разбудили рано утром. Взяв котелок и корзины с мясом, они вышли на улицу. Воины Эмаи тотчас же окружили их и вывели за частокол. Там они увидели Джефферсона. Он стоял один, угрюмый, молчаливый, держа под мышкой свою корзину с мясом. Джона Смита рядом с ними не было.

— Где Смит? — встревоженно спросил Рутерфорд, подбегая к Джефферсону.

— Не знаю. Его увели, — ответил Джефферсон равнодушно.

Рутерфорд схватил Джефферсона за плечи и сильно встряхнул его.

— Как не знаешь? Куда увели? — закричал он.

Но Джефферсон взглянул на товарища спокойным невидящим взором и ничего не сказал.

Рутерфорд понял: Эмаи подарил Джона Смита Патаму.

Переход в этот день был особенно труден. Тропинка шла все время в гору. Разлука с товарищами привела Рутерфорда и Джека Маллона в отчаяние. Чего им ждать, на что надеяться? Что могут они сделать в одиночку, разбросанные по всей стране?

Рутерфорда давно уже беспокоил Джефферсон. В его молчании, в его ответах невпопад было что-то странное. Теперь он вдруг изменил своей обычной молчаливости и стал бормотать себе тихо под нос. Рутерфорд прислушался к этому бормотанию и с удивлением заметил, что Джефферсон произносит совершенно бессмысленный набор слов. Редко-редко он отвечал на вопросы товарищей. Большей частью он просто не слышал, что ему говорят, и продолжал бормотать.

На следующее утро пришлось расстаться и с беднягой Джефферсоном. Его оставил себе вождь Вана, в деревне которого они провели вторую ночь своего печального путешествия. Эмаи, казалось, расплачивался пленниками за ночлег. Разлука моряков с Джефферсоном не обставлялась такими предосторожностями, как разлука с Томпсоном и Смитом. Пленников было теперь так мало, что Эмаи не опасался их и прямо объявил о предстоящей разлуке. Таким образом Рутерфорд и Джек Маллон получили возможность проститься с Джефферсоном.

— Прощай, Джефферсон,— сказал Джек Маллон и заплакал.

— Прощай, старый приятель,— сказал Рутерфорд, хлопая Джефферсона по плечу.

Но Джефферсон не сказал ни слова. Он равнодушно пожал руку друзьям и даже не обернулся, когда воины Вана повели его в хижину своего начальника.

— Он уже, кажется, перестал понимать, что происходит,— печально промолвил Рутерфорд, глядя вслед уходящему Джефферсону.

У Эмаи из шестерых пленников осталось только двое — Рутерфорд и Джек Маллон.

Третий день пути был самый трудный. Горные речки то и дело пересекали им дорогу. Их переходили вброд, по горло в ледяной воде. Камни вырывались из-под ног и с грохотом исчезали в глубоких ущельях. Даже могучие плечи Резерфорда устали тащить тяжелый котел. А Джек Маллон совсем изнемог и громко жаловался на свою судьбу.

— Я уверен, что и нас разлучат с тобой,— причитал он.— А что я буду делать один? Я сойду с ума от ужаса. Ты, Рутерфорд, силен и хитер. Ты умеешь с ними ладить. А меня убьют через час после того, как я расстанусь с тобой...

Рутерфорд и сам боялся, что ему придется расстаться с Джеком Маллоном. Он подозвал к себе Эшу и тихонько спросил ее, не собирается ли Эмаи подарить их кому-нибудь, как он подарил остальных.

— Нет,— ответила девушка,— отец вас никому не подарит. Он говорил, что оставит себе самого сильного и самого молодого. Белому мальчику, которого ты ведешь с собой, отец будет давать очень много еды, чтобы он поскорее вырос и стал таким же большим и красивым, как и ты.

Эти слова успокоили Рутерфорда и утешили Джека Маллона.

— Быть может, нам когда-нибудь удастся бежать отсюда,— мечтательно произнес Джек Маллон.— Я вернусь в Дублин, к маме...

— Для того чтобы бежать, нам нужно жить на морском берегу,— ответил Рутерфорд,— а если мы убежим сейчас, с нами будет то же, что с Джоном Уотсоном, или еще хуже. Пока мы должны добиваться только одного: чтобы островитяне вполне нам доверяли и позволили нам ходить всюду, где вздумается. Но до этого еще очень далеко.

После многочасовой ходьбы без единого привала пленники заметили на дальнем холме большую деревню. Узнав, что это деревня Эмаи, Рутерфорд и Джек Маллон облегченно вздохнули — значит, скоро конец этому утомительному путешествию и можно будет отдохнуть. Впрочем, деревня была еще очень далеко, и, прежде чем достичь ее, нужно было перебраться через две реки.

Первая река оказалась очень мелкой, и отряд перешел ее с легкостью, не замочив даже колен. На другой стороне лес был выкорчеван, и пленники увидели большое поле, за-

саженное репой, капустой, дынями, тыквами и какими-то незнакомыми им овощами.

На поле работало несколько женщин. Они разрыхляли кольями и каменными мотыгами землю для нового посева. Кол плохо приспособлен для копания земли, но лопат новозеландцы не знали. В Новой Зеландии все полевые работы лежали на женщинах, и Рутерфорд подивился, что им удалось такими неуклюжими орудиями взрыхлить такое большое поле.

Увидев приближающийся отряд, женщины издали прокричали свое обычное «айр-маре» и бросились со всех ног бежать в деревню, чтобы первыми принести радостную весть.

Следующая река, которая пересекала им путь перед самой деревней, оказалась широкой и глубокой. Рутерфорд впервые видел в Новой Зеландии такую большую реку. Как он впоследствии узнал, она называлась Вайкато. Через все прежние речонки они переходили вброд, но через Вайкато вброд перейти было невозможно. Из деревни им прислали несколько пирог. Пироги эти были вырублены из сосновых бревен и украшены сложной резьбой. К носу самой большой пироги была прикреплена на палке отрубленная женская голова, совершенно высохшая, с развевающимися по ветру волосами. В эту страшную пирогу сел Эмаи. Его спутники расселись по остальным пирогам, и флотилия на всех веслах понеслась к противоположному берегу реки.

Пироги пристали к подножию холма, на вершине которого находилась деревня. Видно было, что спутники Эмаи очень стосковались по родному дому, потому что они стремительно выскочили из пирог и, несмотря на усталость, со всех ног пустились бежать вверх. Особенно быстро бежала Эшу. Она опередила мужчин и первая достигла родного частокола.

Исступленно завывающая толпа вышла им навстречу. Женщины в знак приветствия махали в воздухе циновками. Мужчины разрывали себе ногтями и камешками кожу на лице. Впереди всех встречающих стояла сгорбленная, сморщенная старуха. Седые волосы на ее голове были так редки, что сквозь них проглядывал коричневый круглый череп. Во рту у нее не было ни одного зуба. Она шла, опираясь на сучковатую палку, и злобно глядела по сторонам. Эта старуха показалась пленникам отвратительной.

Но именно к ней раньше всего подбежала Эшу. Она долго терла свой маленький носик о крючковатый нос старой ведьмы. Потом к старухе подошел Эмаи и тоже долго терся о нее носом. У отца и дочери был счастливый, довольный вид. Да и немудрено — ведь эта отвратительная старуха была матерью Эмаи и бабушкой Эшу.

В первую минуту все так радовались своему возвращению домой, что совсем позабыли о пленниках. Рутерфорд и Джек Маллон поднялись на холм последними, вместе с рабами, которые тащили тяжелую поклажу. Но наконец Эмаи вспомнил о них и подвел к своей матери. Старуха злобно осмотрела пленников из-под косматых седых бровей. Они ей очень не понравились. Она стала шипеть и фыркать, как разозленная кошка. Потом вдруг протянула длинную костлявую руку и ущипнула Джека Маллона за ногу. Острый, крепкий ноготь вонзился глубоко в кожу молодого моряка. Джек Маллон громко вскрикнул и отскочил в сторону.

Воины, стоявшие кругом, радостно захохотали. Но Эмаи недовольно взглянул на них, и смех сразу оборвался.

Долго еще они терлись носами, кричали, царапали себя от радости в кровь. Наконец всей толпой ввалились в деревню.

Деревня Эмаи действительно была похожа на столицу — в ней находилось по крайней мере семьдесят хижин. Ни одна из деревень, в которых побывали пленники, не могла сравниться с ней величиной. Немудрено, что жители ее подчинили себе такой обширный край.

Хижина Эмаи стояла в самой середине деревни. Она была гораздо больше остальных хижин. Но вход в нее был так же низок, как вход во все новозеландские хижины,— верховный вождь, входя в свой дворец, должен был становиться на четвереньки.

На поляне был сейчас же устроен торжественный пир. В этом пире участвовали только самые знатные воины. Остальные стояли кругом и смотрели. Рутерфорд очень удивился, когда Эмаи вдруг усадил его и Джека Маллона рядом с собой. Вождь оказал своим пленникам честь, которой не было удостоено большинство его подданных. Принесли зажаренную свинью. Знатные воины накинулись на еду с обычной жадностью.

Среди пирующих была всего одна женщина — мать Эмаи. Даже Эшу не разрешили участвовать в пиршестве, и она стояла в толпе, глядя, как жуют ее отец и бабушка. Пленники поняли, что Эмаи относится к ним дружелюбно, и обрадовались. Одно их тревожило — мать Эмаи поглядывала на них так злобно, что при каждом ее взгляде Джек Маллон вздрагивал от страха.

Ели часа три. Наконец свинья была съедена, и воины стали петь хвастливые воинственные песни. Солнце уже давно зашло, в небе уже сверкали звезды, а воины пели все громче, все яростнее. Многие вскакивали на ноги и крутили в воздухе мэрами. Воинственные песни разгорячили их еще больше, и Рутерфорд стал опасаться, как бы между ними не началось побоище.

Тут к пирующим подошел вождь соседней деревушки, прибывший с двумя сыновьями, чтобы приветствовать Эмаи. Он притащил три корзины дынь в подарок верховному вождю. Эмаи радостно встретил гостей и усадил их с собой. И тут только заметил, что угощать их ему нечем — свинья была съедена.

— Крови! Крови! — вдруг закричали воины, перестав петь.

Рутерфорд уже неплохо понимал новозеландский язык. Но чего хотят воины, он понял не сразу.

Впрочем, скоро ему все стало ясно.

Мать Эмаи встала и вошла в толпу, стоявшую вокруг пирующих. Все испуганно расступились перед ней. Жадно глядя по сторонам, старуха вдруг увидела свою рабыню — женщину лет тридцати. Она схватила ее за руку и вывела на середину круга. Рабыня не сопротивлялась. Старуха выхватила из рук сына мэр и убила ее одним ударом по голове.

Воины сейчас же принялись рыть яму, чтобы изжарить труп. Нескольких женщин послали за хворостом.

Рутерфорд и Джек Маллон уже второй раз присутствовали при людоедстве. Они почувствовали страшную тошноту. Брезгливость, жалость, отвращение, злость были так сильны, что все закружилось у них перед глазами. Не сговариваясь, они оба встали и пошли прочь от поганого пира. Никто их не старался задержать. Они зашли в самый дальний конец деревни и улеглись на траву возле частокола.

Там они пролежали до рассвета, глядя на звезды. Утром Рутерфорд заметил в частоколе узкую щель, не шире пальца. Он долго внимательно смотрел через нее за частокол.

С восходом солнца пиршество кончилось, и пирующие разбрелись по хижинам — спать. Женщины ушли в поле на работу, и деревня опустела. Несколько воинов, охранявших частокол, сидели на солнцепеке с копьями в руках и лениво разговаривали. Рутерфорд и Джек Маллон уныло бродили по деревенской улице взад и вперед, отгоняя палками тощих собак, норовивших укусить их за ноги.

Эмаи проснулся ровно в полдень и сразу же приказал привести пленников к нему в хижину.

Рутерфорд встревожился, узнав, что вождь требует их к себе. А вдруг Эмаи рассердился на своих пленников за то, что они так вызывающе ушли вчера с пира?

Но верховный вождь встретил их улыбаясь. Он занят был делом — стряхивал льняной тряпочкой пыль с деревянных фигурок, стоявших по углам хижины. Эти фигурки, как Рутерфорд узнал впоследствии, были священные изображения предков племени. Сделаны они были довольно искусно и награждены такими страшными рожами, что при взгляде на них всякий невольно испытывал трепет. Верховный вождь был в то же время верховным жрецом и изображения предков хранил в своей хижине.

Рутерфорд искал глазами Эшу. Он всегда предпочитал разговаривать с Эмаи в присутствии его дочери, чтобы можно было прибегнуть к ее защите. Но Эшу в хижине не было. Она, очевидно, работала в поле с остальными женщинами. Зато Рутерфорд заметил в углу мать Эмаи, и ему стало не по себе. Нет, она не посоветует своему сыну ничего доброго. К счастью, свирепая старуха крепко спала, уткнувшись лицом в сено.

— Вы должны выстроить себе дом,— сказал Эмаи спокойным и даже дружелюбным голосом.

Рутерфорд сразу оценил это предложение. Если Эмаи хочет, чтобы они выстроили себе дом в его деревне, значит, Эшу права и он не собирается их ни дарить, ни есть. Эмаи вопросительно взглянул на Рутерфорда, но Рутерфорд ничего не ответил, ожидая, что вождь скажет дальше.

— Я позволяю вам выстроить дом в любом месте деревни, где вам больше понравится,— продолжал Эмаи.— Я прикажу женщинам нарезать тростника для стен, а воины помогут вам вбить колья в землю. Выстройте себе, если хоти-

те, большой дом, но только пусть он не будет больше моего. Ну, что ты скажешь, Желтоголовый?

Рутерфорд задумался.

— Хорошо,— сказал он.— Мы выстроим себе дом, как ты нам велишь. Но нам не надо помощи женщин и воинов. Наш дом будет без тростника и без кольев. Мы хотим жить в таком доме, в каком жили у себя на родине. А на родине нашей дома совсем не похожи на здешние. Позволь нам выстроить такой дом.

— Позволяю,— согласился Эмаи.— Я буду гордиться перед остальными вождями, что у меня в деревне есть дом, какого нет во всей стране. Постройте его как можно скорее. Что вам нужно для вашей работы?

— Два топора и немного гвоздей, которые ты достал у нас на корабле,— ответил Рутерфорд.

Эмаи немедленно выдал им топоры и две дюжины гвоздей. Рутерфорд взял Джека Маллона за руку, и они оба вышли из хижины.

— Что ты затеял, Рутерфорд?— спросил Джек Маллон в полном недоумении.— Ты хочешь здесь построить настоящий дом, как в Англии? Но зачем он нам? Неужели ты не надеешься удрать отсюда и собираешься устроиться тут на всю жизнь? До побега мы можем пожить и в дикарской хижине. К чему даром трудиться? Зачем строить настоящий дом?

— Я не собираюсь строить дом, я собираюсь стро́ить и-пу,— ответил Рутерфорд.

— И-пу? То есть крепость?— переспросил Джек Маллон.

— Да, крепость. Нам нужна наша собственная крепость, в которой мы могли бы защищаться, если дикари вздумают нас разлучить или убить. Мы выстроим свою крепость посреди их деревни. И, быть может, с ее помощью мы завоюем себе свободу.

— Свободу? Каким же образом?

— Увидишь. А пока надо приниматься за работу.

Прежде всего нужно было найти место для будущего дома. Рутерфорд прошел по улице в самый конец деревни и в десяти шагах от щели в частоколе начертил на земле большой квадрат.

— Здесь будет стоять наш дом,— сказал он.

— Зачем ты хочешь построить его прямо посреди ули-

цы? — спросил Джек Маллон. — Поставь его лучше в один ряд с хижинами новозеландцев.

— Эмаи позволил нам выбрать любое место для постройки дома, — возразил Рутерфорд. — А я считаю это место самым удобным. Если дом стоит на краю улицы, как все дома, из него видно только то, что делается напротив. Если же дом стоит посреди улицы, из него видно все, что делается по всей улице из конца в конец. А так как в этой деревне только одна улица, мы будем из нашего дома видеть все, что делается во всей деревне.

Дом-крепость нельзя делать из тростника. Его надо строить из камней или из толстых бревен, чтобы не только копья, но даже пули не могли пробить стену насквозь. Так как у пленников не было никаких инструментов для обтесывания камней, им пришлось остановить свой выбор на бревнах. Где же достать эти бревна? В лес пойти они не могли, потому что за частокол их не выпускали. Да и как тащить тяжелые бревна из леса, не имея ни лошадей, ни телег?

Но Рутерфорд нашел выход. В деревне уцелела рощица из пятнадцати высоких толстых сосен. Они росли возле самого частокола. Через минуту по их стволам застучали топоры пленников.

Половина деревни сбежалась смотреть, как работают белые. Новозеландцы никогда не предполагали, что железным топором можно так быстро свалить сосну. Таща топоры с «Агнессы», они собирались употреблять их как оружие, а не как рабочие инструменты. Новозеландцы, когда им нужно было срубить дерево, прожигали его основание с помощью костра и затем валили на землю руками. На одну сосну уходило несколько часов. Узнав об этом способе, Рутерфорд подивился, сколько времени нужно было новозеландцам, чтобы обнести всю деревню частоколом. Он понял, что частокол создан трудами нескольких поколений.

Рутерфорд работал с наслаждением. Его могучие мускулы радостно напрягались. Ведь он ничего не делал целых полгода, а это тяжело для здорового, с самых ранних лет привыкшего к труду человека. Щепки с такой силой летели во все стороны, что зрители невольно держались на некотором расстоянии. Свалив дерево, Рутерфорд переводил

дух и стирал ладонью пот со лба. Тогда Джек Маллон садился верхом на поваленный ствол и отрубал сучья.

Повалив три сосны и очистив их от сучьев, они принялись разрубать их на части равной длины. Это заняло довольно много времени, и Рутерфорд пожалел, что у них нет пилы. Из каждой сосны получилось по три-четыре небольших, но толстых бревна. Джек Маллон освободил их от коры, а Рутерфорд сделал возле концов выемки. Эти выемки он расположил таким образом, чтобы бревна можно было сложить в сруб.

Теперь заготовленные бревна нужно было доставить на место постройки. Зрители поразились, когда Рутерфорд, без всякой посторонней помощи, взвалил бревно себе на плечо и понес, раскрасневшись от натуги. Кто мог подозревать, что в этом высоком белом человеке заключена такая исполинская сила! С тех пор новозеландцы, встречая Рутерфорда, глядели на него восхищенно и даже боязливо.

Постройка дома-крепости продолжалась около двух недель. Эмаи позволил им пока ночевать в его хижине. Они приходили поздно вечером, утомленные работой, и сейчас же ложились спать. Эмаи встречал их ласково и дружелюбно. Он, видимо, очень дорожил и гордился ими. Боялись они только его матери. Она невзлюбила их обоих, но особенно возненавидела Джека Маллона. Когда он входил в хижину, она злобно шипела. Стоило Эмаи отвернуться, как она швыряла в лицо несчастному Джеку клок сена. Иногда ночью он просыпался от неожиданной боли в боку. Это старуха, пользуясь темнотой, ударяла его своей клюкой.

— Боюсь я этой ведьмы,— признавался Джек Маллон своему другу.— Она хочет меня съесть, как ту женщину. Скорей бы перебраться в свой дом.

Стены сруба между тем мало-помалу росли. Спереди Рутерфорд оставил отверстие для двери — для настоящей двери, в которую можно будет входить не сгибаясь.

— А где мы прорубим окно?— спросил Джек Маллон.

— Окошка мы прорубать не будем,— ответил Рутерфорд.— В крепости окошки не нужны. Зачем они? Только для того, чтобы до нас легче было добраться? Нет, в крепости должны быть не окошки, а бойницы. Смотри, я уже устроил несколько бойниц. Сквозь них можно отлично отстреливаться.

И он показал Джеку Маллону несколько дырочек, провернченных в стенах на разной высоте от земли.

— Отстреливаться? — удивился Джек. — Как же мы будем отстреливаться, если у нас нет огнестрельного оружия.

Рутерфорд прижал палец к губам и обернулся. Но они находились внутри сруба, перед дверью никого не было и никто их видеть не мог. Тогда Рутерфорд нагнулся, отодвинул в сторону тяжелый деревянный обрубок, разрыл под ним землю и вынул из ямки пистолет.

— Где ты достал его? — спросил изумленный Джек Маллон.

— У Эмаи в хижине под сеном спрятаны все пистолеты нашего боцмана, — ответил Рутерфорд. — Их там семь или восемь штук. Вчера ночью я озяб, зарылся поглубже в сено и нашел их.

— Отчего же ты взял только один?

— Я боялся, что Эмаи заметит пропажу. Он тогда, конечно, сразу заподозрил бы нас, потому что из посторонних только мы одни бываем в его хижине. Впрочем, не то худо, что у нас всего один пистолет, а то худо, что в этом пистолете всего один заряд. Но я не унываю. Если нам повезло раз, повезет и во второй. Со временем у нас будет много зарядов. Нужно только уметь ждать.

Рутерфорд положил пистолет назад в ямку, осторожно засыпал землей и закрыл сверху деревянным обрубком.

Постройка сруба требовала все новых и новых бревен. Рутерфорд каждый день валил по сосне, и роща мало-помалу редела.

— Сруби вот эту, — сказал ему как-то раз Джек Маллон, подводя его к огромному дереву. — Это самая большая сосна в деревне. Из нее выйдет по крайней мере шесть бревен.

— Нет, эту сосну я оставлю, — возразил Рутерфорд. — Она пригодится нам для другой цели.

— Для какой? — спросил Джек Маллон.

Вместо ответа Рутерфорд обхватил ствол сосны руками и полез вверх. Ему, моряку, привыкшему лазить по мачтам, это было нетрудно. Он лез все выше и выше, пока не очутился на тонкой вершине, которую ветер раскачивал из стороны в сторону. Присев на гнущийся сук, он стал жадно

вглядываться в неизмеримое пространство, открывавшееся перед ним.

Он видел две реки, соединяющиеся в трех милях от деревни, видел необозримый ковер лесов, видел вдали покрытые снегом горы, видел запутанную сеть оврагов и ущелий, перерезающих всю страну. Он упрямо всматривался в каждый холмик, в каждое углубление, он старался твердо запомнить мельчайшую подробность окружающей местности.

После целой недели упорного труда сруб стал в полтора раза выше Рутерфорда. И Рутерфорд решил, что пора приняться за крышу. Для крыши он припас тонкие вершины срубленных сосен. Работа подвигалась быстро, но скоро у них вышли все гвозди. В глазах новозеландцев гвозди — необыкновенная драгоценность, и Эмаи заявил, что не даст им больше ни одного гвоздя. После долгих просьб он подарил своим пленникам кусок проволоки, украденной из кладовой «Агнессы». Этой проволокой они прикрутили остальные брусья крыши к верхним бревнам сруба.

Когда крыша была готова, они законопатили щели в срубе сухой травой. Для бойниц Рутерфорд смастерил деревянные затычки вроде пробок — этими затычками можно было закрывать бойницы изнутри. Дверь он соорудил из толстых досок и, за неимением железных петель, повесил ее на деревянные. Она закрывалась большой сосновой щеколдой.

Печь Рутерфорд вылепил из глины и поставил ее перед домом, под открытым небом. Он с гораздо большим удовольствием поставил бы ее внутри дома, но ему теперь были хорошо известны обычаи новозеландцев, и он знал, что они сочтут его жилище оскверненным, если он станет готовить в нем пищу. А оскверненное жилище надо немедленно разрушить.

Эмаи решил быть щедрым до конца и подарил им тот котел, который Рутерфорд тащил, чтобы помочь Эшу. Благодаря этому котлу они могли готовить себе пищу по-европейски.

Дом-крепость наконец был готов. Из его двери открывался вид на всю улицу до самой калитки в частоколе.

Вернувшись в родную деревню, Эшу совсем перестала обращать внимание на пленников. Былая ее дружба с Рутерфордом, казалось, исчезла. Она уже не болтала с ним, как прежде, целые часы. Она засыпала раньше, чем он возвращался с работы, и уходила в поле раньше, чем он просыпался. Все мысли Эшу были заняты подругами ее детства, с которыми она встретилась после долгой разлуки, и о Рутерфорде она не думала. Они почти не виделись. Она не пришла ни разу даже посмотреть, как он валит сосны и строит дом.

Но так было только вначале. На другой день после переселения пленников из хижины Эмаи в дом-крепость она появилась у их порога. Дом поразил ее своей массивностью и вышиной. Он был только на пол-локтя ниже хижины ее отца. Она с уважением похлопала ладонью по свежим бревнам.

— Какой крепкий дом!— сказала она, обращаясь к Рутерфорду.— Его не могли бы повалить все наши воины, если бы собрались вместе. Скажи, на твоей родине много таких домов?

— На моей родине в таких живут только самые бедные люди,— ответил Рутерфорд,— а дома богатых больше деревьев и похожи на горы.

— А ты у себя на родине был богатый человек?— спросила девушка.

— Нет, очень бедный.

— А здесь ты будешь богатый. Мой отец полюбил тебя и сделает тебя очень богатым, если ты не убежишь от нас, как хотел убежать твой брат. Он даст тебе много свиней. Ты такой сильный, ты, конечно, отличишься в боях и станешь лучшим нашим воином. В твоем доме не поместится добыча, которую ты возьмешь на войне. Смотри, сколько гвоздей дал тебе мой отец. Он даст тебе еще много разных вещей. Если мой отец увидит, что ты не хочешь убежать от него, ты будешь очень богатый.

— Скажи, Эшу,— спросил ее Рутерфорд,— надолго ты покидала родную деревню?

— Да, очень надолго,— ответила девушка.— Отец всегда берет меня с собой на войну. В последний раз мы странствовали с отцом от одной весны до другой.

— И я видел, как ты обрадовалась, когда вернулась домой,— продолжал Рутерфорд.— Ты, верно, часто вспоминала свою деревню, пока странствовала с отцом?

— Я тосковала все время.

— И я все время тоскую по своей родине,— сказал Рутерфорд.

Эшу задумалась и замолчала.

— Я знаю, что ты тоскуешь,— произнесла она наконец.— И мне тебя очень жалко.

Рутерфорд предложил девушке осмотреть дом изнутри. Он открыл дверь. Устройство двери очень ее заинтересовало. Вход в новозеландскую хижину никогда не закрывается. Эшу впервые видела дверь, которую можно было закрыть, и, прежде чем войти внутрь, несколько раз закрыла и открыла ее.

Внутри хижины было еще совершенно пусто. Рутерфорд собирался соорудить в будущем нары для спанья, но пока нар еще не было, и им приходилось спать просто на сене. Эшу остановилась посреди комнаты, боязливо заглядывая в углы. Толщина стен пугала ее. Новозеландские хижины сделаны из хрупкого тростника, который легко прорвать в любом месте. И в доме белых Эшу почувствовала себя как в тюрьме.

Бойницы были заткнуты. Джек Маллон случайно прикрыл дверь. Наступила полная темнота. Девушка вскрикнула, распахнула дверь настежь и убежала.

С тех пор Эшу стала ежедневно посещать пленников. Но Рутерфорду уже ни разу не удавалось уговорить ее зайти к ним в дом.

Эмаи действительно нельзя было назвать скупым. Он порой бывал даже очень щедр к своим пленникам. И все же, вернувшись в родную деревню, он стал совсем плохо кормить их. Рутерфорд понимал, отчего это происходит. Он видел, что новозеландцы очень бедны и большею частью живут впроголодь. Свиней режут только в очень торжественных случаях. Даже верховный вождь и тот не всегда мог наесться вволю. Прежде их кормили жители деревни Ренгади. Они же кормили и Эмаи, пока он вместе со своим отрядом гостил у них. Это было нечто вроде дани, которую верховный вождь накладывал на подчиненную деревню. Но теперь, у себя в столице, Эмаи принужден был

кормить своих пленников за свой собственный счет. А прокормить двух здоровых моряков не так-то просто.

Рутерфорд и Джек Маллон исхудали за первый же месяц своей жизни в столице племени. Они были сыты только в те дни, когда Эшу тайком приносила им немного овощей с поля. Если бы их выпускали за частокол, они могли бы прокормить себя охотой и рыбной ловлей. Но как кормиться человеку, запертому в деревне?

К счастью, Джек Маллон в конце концов нашел способ, как помочь горю. В Новой Зеландии водилось много диких голубей. Они иногда целыми стаями залетали из леса в деревню и разыскивали себе корм среди разных отбросов. Новозеландцы пытались бить их копьями и камнями. Но дикий голубь — очень осторожная птица. Никогда она не подпустит к себе человека на близкое расстояние.

Вот на этих-то голубей и решил поохотиться Джек Маллон. Но он вооружился не копьем и камнем — если уж новозеландцу трудно убить голубя копьем, так белому и подавно. Нет, он выпросил у Эшу тонкую веревку, сплетенную из льняных волокон, и завязал на конце ее маленькую петлю. Выбрав небольшой бугорок между своим домом и частоколом, он положил на его верхушку пригоршню арбузных зерен. Окружив зерна петлею, он с противоположным концом веревки в руках спрятался за большой пень шагах в двадцати от приманки. Кружившаяся над деревней стая голубей скоро заметила соблазнительные зерна. Через минуту один голубь ступил в предательскую петлю. Джек Маллон дернул веревку, и петля сжала лапку голубя. Не прошло и получаса, как неосторожная птица была сварена.

Такой способ охоты оказался настолько удачен, что Джек ловил порою пять-шесть голубей в день. Теперь пленники могли не бояться голода.

После нескольких дней удачной ловли Рутерфорд и Джек Маллон решили снести несколько птиц в подарок Эмаи. Войдя в хижину верховного вождя, они вручили ему пять голубей. Эмаи был чрезвычайно доволен. Он сейчас же надкусил шейки убитых птиц и стал сосать из них кровь.

— Вы хорошие охотники,— сказал он.— Вы хитры. Вы хитрее всех охотников моего племени. А хитрый охотник — самый лучший охотник.

— Нам здесь, в деревне, не на кого охотиться,— заметил Рутерфорд.— Вот если бы ты отпустил нас в лес, мы принесли бы тебе много добычи.

Эмаи подозрительно взглянул Рутерфорду в глаза. Но глаза Рутерфорда были простодушны и правдивы. Эмаи сделал вид, что не расслышал слов своего пленника, и ничего не ответил.

Но он запомнил их, слова Рутерфорда, и много над ними думал. На третий день он появился перед дверью дома-крепости.

— Слушай, Желтоголовый,— сказал он,— завтра я со своими воинами иду на охоту в лес. Я хочу взять тебя с собой и посмотреть, как ты умеешь охотиться.

— Хорошо! — ответил Рутерфорд.— Завтра мы пойдем с тобой на охоту.

— Нет,— возразил Эмаи,— я возьму тебя одного. А твой товарищ останется дома.

— Я не умею охотиться один, без товарища,— попытался возразить Рутерфорд.— На родине мы всегда охотились с ним вместе. Он гораздо лучший охотник, чем я. Тех голубей, которых мы тебе принесли, поймал он.

— Ты слишком скромен, Желтоголовый,— сказал Эмаи.— Я не верю твоим словам. Ты старше, умнее, опытнее своего товарища и лучше умеешь охотиться. Он еще молод и может посидеть дома.

Рутерфорд сразу понял тайную мысль вождя. Эмаи видел, как он постоянно заботится о Джеке Маллоне, как он всем делится с ним, как он всегда ему помогает. И Эмаи знал, что он никогда не решится бежать, оставив товарища в плену. Поэтому Рутерфорд понял, что бесполезно просить Эмаи взять с собой на охоту и Джека Маллона. Он перестал спорить и замолчал.

— А чем ты будешь охотиться? — спросил Эмаи.— Ведь у тебя нет ни ружья, ни копья.

— Оружие я себе достану,— ответил Рутерфорд,— не беспокойся.

И действительно, к вечеру оружие Рутерфорда было готово. Он сделал его из резинки, которая служила ему подвязкой. Это была самая обыкновенная рогатка, известная всем европейским мальчикам. В детстве Рутерфорд искалечил рогаткой немало ворон и воробьев. А в новозеландско-

го попугая попасть не труднее, чем в английскую ворону. Собрав мелких камешков, Рутерфорд спокойно лег спать.

Эмаи разбудил его рано утром. Рутерфорд набил камешками карманы и вышел из дому. Эмаи ждал его, окруженный двадцатью воинами. Воины были вооружены легкими тонкими копьями. У одного только Эмаи за плечами висело ружье — великолепное ружье капитана Коффайна.

Джек Маллон провожал своего друга до ворот деревни. Он был бледен от страха — ему впервые предстояло остаться на несколько часов совсем одному среди новозеландцев.

Охотники около часа шли берегом реки, потом свернули в густой, дремучий, темный лес. Боясь, что Рутерфорд попытается бежать, новозеландцы не спускали с него глаз и шли за ним по пятам. И это, конечно, очень мешало охоте.

Крупной дичи в Новой Зеландии нет. Большие четвероногие животные не могли перебраться через океан и заселить такие отдаленные острова. Но зато в новозеландских лесах живет множество птиц.

Рутерфорд снова был удивлен той ловкостью, с какой новозеландцы владеют копьем. Они без труда попадали им в цель на расстоянии сорока шагов. Они могли пронзить им скворца на ветке, двухвершковую рыбу на дне ручья. Но птицы в Новой Зеландии осторожные, пуганые и редко подпускают к себе охотника даже на сорок шагов. Шумный, нетерпеливый новозеландец совершенно не способен подкрадываться, сидеть в засаде. А бить птиц на лету он не может, потому что копье летит недостаточно быстро.

И все же воины перебили копьями дичи больше, чем Рутерфорд своей рогаткой. Камень из рогатки летел гораздо дальше копья, но в меткости не мог с ним сравниться. Кроме того, попугаи оказались очень крепки и живучи. Копья пронзали их насквозь, а камни Рутерфорда, даже попадая, большею частью только заставляли их взлететь. И к середине дня, в то время как у воинов было уже по шесть-семь птиц, Рутерфорд убил только двух старых жестких попугаев и одного неосторожного голубя. Он был очень смущен такой неудачей. Одно утешало его — дела Эмаи обстояли еще хуже.

Эмаи впервые взял на охоту ружье. Ружья у новозеландцев были уже больше полугода, но за все время своего пребывания в плену Рутерфорд слышал пока всего один вы-

стрел — тот выстрел, которым Джон Уотсон убил собаку. Новозеландцы носили ружья только для устрашения и стрелять не решались. Но теперь Эмаи захотел сделать первый опыт охоты с ружьем.

Он отлично умел его заряжать. Пороха, пуль и дроби у него было достаточно. Но Рутерфорд заметил, что он совершенно не представляет себе, как нужно целиться. Вместо того чтобы прижимать приклад к правому плечу, Эмаи, стреляя, прижимал его к животу или к середине груди.

За первые три часа охоты вождь выстрелил больше двадцати раз и все мимо... Он стыдился своих промахов перед белым человеком. Он хотел просить Рутерфорда научить его стрелять, но не решался передать в руки пленника такое могучее оружие. А Рутерфорд молчал и делал вид, что не замечает неудач вождя.

Но наконец вождь не выдержал. Улучив минуту, когда все двадцать воинов были поблизости, Эмаи подошел к Рутерфорду и попросил показать ему, как белые люди стреляют из ружья. Рутерфорд притворился, что не видит двадцати копий, направленных на него со всех сторон. Он, беспечно улыбаясь, принял ружье из рук вождя, прицелился и выстрелил в птицу киви, которая сидела на кочке в ста шагах от него. Киви перевернулась и упала. Рутерфорд, отдав ружье Эмаи, спокойно пошел подымать убитую птицу.

Потом он объяснил вождю, как надо целиться, и дал ему несколько уроков стрельбы. Эмаи оказался очень понятлив, слушал своего учителя с увлечением и страшно обрадовался, когда сам убил первого попугая. А Рутерфорд во время этих уроков сунул себе незаметно в карман несколько пуль и пригоршню пороха.

«Пригодится для моего пистолета»,— подумал он.

В кустах нашли кости какого-то большого животного.

— Это моа! — воскликнул один из воинов.

— Разве в вашей стране водятся такие огромные звери? — спросил Рутерфорд.

— Моа не зверь, а птица,— сказал Эмаи и показал Рутерфорду птичий клюв длиной в половину человеческой руки.— Живых моа больше нет; мы находим только кости. Но когда моя мать была маленькой девочкой, она видела живых моа. Моа были ростом больше хижины и очень сильные, но такие глупые, что их убивали, как попугаев. Тогда

все были сыты, потому что каждый день ели мясо моа. Но теперь от моа остались одни только кости.

Подняв птичью кость величиной с лошадиную ногу, Эмаи швырнул ее далеко в сторону.

— Говорят,— прибавил он после долгого молчания,— что в горах осталось еще несколько живых моа. Но они живут очень высоко, и людям туда не добраться.

Хотя во время охоты Рутерфорд делал вид, что он думает только о том, как бы убить как можно больше птиц, в действительности его интересовало совсем другое. Он старался как можно лучше изучить окрестности деревни. Все, что попадалось ему на пути, он сопоставлял с тем, что видел, сидя на верхушке сосны. И многие наблюдения очень обрадовали его.

Охотники вернулись в деревню поздно вечером. Джек Маллон кинулся Рутерфорду на шею. Он весь день находился в таком страхе, что ни разу не вышел из дому.

ПЛАН БЕГСТВА

На другое утро Рутерфорд, чуть встал, залез на верхушку сосны и просидел там больше получаса. Спустившись вниз и убедившись, что за ним не следят, он подошел к частоколу и долго с глубоким вниманием смотрел в щель. Когда он вернулся к порогу дома, лицо его было так серьезно и таинственно, что Джек Маллон встревожился.

— Я вижу, ты что-то затеял, Рутерфорд,— сказал он.— Отчего ты мне не расскажешь?

— Нам с тобой опять придется поработать, Джек,— ответил Рутерфорд.

— Поработать? Ты хочешь делать нары?

— Нет, совсем не нары,— усмехнулся Рутерфорд.— Нары могут подождать.

И, усевшись на пороге, он рассказал товарищу план, о котором думал уже несколько недель.

— Эта деревня замечательно расположена,— начал он.— В случае войны овладеть ею почти невозможно. Спереди ее ограждает река, а сзади — глубокий овраг, который начинается сразу за частоколом. Склоны этого оврага так круты, что по ним не только нельзя подняться, но даже спуститься.

— Зачем ты мне это говоришь? — перебил его Джек Маллон. — Ведь нам от того не легче, что их проклятая деревня так хорошо расположена. Нас это не касается...

— Нет, касается, — возразил Рутерфорд. — В этом все наше спасение. Выслушай меня до конца. Овраг, о котором я тебе говорю, тянется миль на пятнадцать в обе стороны и там соединяется с другими оврагами, уже не такими глубокими. Но в наш овраг спуститься можно только в пяти милях отсюда. Другого спуска нет.

— Откуда ты все это знаешь? — снова перебил его Джек Маллон.

— С верхушки сосны великолепно видны все окрестности. Кое-что я разглядел на охоте, а кое-что мне рассказала Эшу. Но слушай. Если бы мы вдруг оказались на дне этого оврага, прошло бы не меньше двух часов, прежде чем наши преследователи могли бы спуститься туда. А если бы мы очутились на дне оврага совсем незаметно, да притом ночью, мы оказались бы милях в тридцати отсюда, прежде чем новозеландцы догадались, куда мы делись...

— Как же мы окажемся на дне оврага? Ведь ты сам сказал, что ближайший спуск находится в пяти милях отсюда.

— Не перебивай...

— Я догадался, — заявил Джек Маллон, — ты хочешь перелезть через частокол и спуститься в овраг по веревке.

— Нет, — возразил Рутерфорд, — ты ошибся. Между частоколом и оврагом есть узкое пространство, где постоянно дежурят воины. Ведь новозеландцы сторожат свои и-пу снаружи гораздо усерднее, чем изнутри. Нас непременно заметят, если мы станем перелезать через частокол. Да и где мы достанем веревку, чтобы спуститься в овраг? Здешние веревки тонки и рвутся как паутина, а канаты с «Агнессы», которыми нас вязали в первую ночь плена, Эмаи подарил жителям прибрежных деревень. Нет, мой план хотя очень труден, но зато гораздо вернее.

— Ну, так расскажи его мне.

— Слушай. Наш дом стоит в десяти шагах от частокола и, значит, в пятнадцати шагах от оврага. Нужно вырыть подземный ход. Он должен начинаться в нашей хижине и кончаться в овраге, в самом низу. Нам предстоит тяжелая работа, потому что овраг очень глубок. Но дикари никогда не заходят в наш дом, и мы можем спокойно работать по ночам. Почва здесь довольно мягкая. Если мы усердно при-

мемся за работу, через три месяца подземный ход будет готов. Все лягут спать, а мы спустимся на дно оврага. Верхнюю часть хода мы заложим чем-нибудь, чтобы никто не мог догадаться, каким способом мы удрали. Когда Эмаи пошлет за нами погоню, мы будем уже далеко!

Джек Маллон подпрыгнул от радости.

— Ура! — крикнул он. — Через три месяца мы свободны.

Рутерфорд печально улыбнулся:

— Не торопись так, Джек. Предположим, мы убежим через три месяца. Ведь нас все равно тогда поймают. Если мы попадем не к Эмаи, так к какому-нибудь другому вождю. Наше положение после побега станет много хуже. Нет, бежать отсюда можно только для того, чтобы сразу же бежать и из Новой Зеландии. Мы покинем деревню, едва услышим, что у новозеландских берегов стоит какой-нибудь корабль. А до тех пор мы будем жить здесь и делать вид, что и не помышляем о бегстве. О корабле мы услышим сразу, чуть он появится. Здесь вести передаются быстро по всему острову. Я знаю, что корабль в конце концов придет, потому что европейцы хоть редко, но посещают берега Новой Зеландии. Вот тогда-то мы и спустимся в овраг.

Рутерфорд замолчал, задумался и наконец прибавил:

— Но это все в будущем. А пока мы должны работать и терпеть.

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

Работать начали в первую же ночь. Инструментов у них никаких не было, и они принялись рыть своими ножами. Почва, на которой стоял дом, была довольно рыхлая, но все же дело подвигалось медленно. Ножи тупились, и Рутерфорд понял, что они совершенно испортят их за одну ночь. Тогда решили копать прямо руками. Но это оказалось еще медленнее. В полуотворенную дверь хлынул утренний свет, и пленники ужаснулись тому, как мало они вырыли.

— Мы так и в пять лет не доберемся до дна оврага! — печально воскликнул Джек Маллон.

Закрыв вырытую ямку доской и засыпав доску тонким слоем земли, чтобы она не привлекла внимания какого-нибудь случайного посетителя, пленники легли спать. Рутерфорд проснулся около полудня. Не будя товарища, он взял

топор и принялся тесать небольшое сосновое бревно. Через полчаса из бревна получилось грубое подобие деревянной лопаты.

Новозеландцы столпились вокруг, следя за работой. Но Рутерфорд не боялся, что они отгадают его план. Ведь новозеландцы никогда не видели лопат и не могли знать, что лопатами копают землю. Жители деревни привыкли к тому, что Рутерфорд постоянно что-нибудь рубит для своего дома, и ничего не заподозрили.

Скоро была готова и вторая лопата. В следующую ночь работа пошла гораздо быстрее. Впрочем, далеко не так быстро, как хотелось этого пленникам. Мягкая сосна крошилась от трения о жесткую землю. К утру лопаты превратились в мочалки, и их пришлось бросить. Выспавшись, Рутерфорд принялся делать две новые.

— Эти тоже к утру измочалятся,— вздыхал он.— Вот если бы у нас было железо или хотя бы дерево покрепче... А то мне каждый день придется делать новые лопаты.

Но главный недостаток сосновых лопат заключался в том, что они были очень тупы и совсем не могли резать землю. А если их делали поострее, они сразу ломались. И пленники каждое утро приходили в отчаяние, видя, как мало вырыто за ночь.

Между тем Эмаи не терпелось снова испытать свое ружье. Не прошло и недели, как он опять собрался на охоту и позвал с собой Рутерфорда. Это было очень кстати, потому что Джек Маллон, работая по ночам, спал все дни напролет и совсем не мог ловить голубей. Отправляясь в лес, Рутерфорд взял с собой на этот раз не только рогатку, но и топор. Охотились так же, как и прежде, с той разницей, что теперь Эмаи гораздо больше доверял Рутерфорду, чаще давал ему пострелять из ружья. Вождю это было выгодно, потому что Рутерфорд стрелял гораздо лучше его и щедро отдавал ему больше половины настрелянной дичи. К концу дня оба были с ног до головы увешаны убитыми птицами. Рутерфорд был вдвойне доволен — во время стрельбы ему опять удалось набить свои карманы порохом и пулями.

На обратном пути, недалеко от деревни, Рутерфорд увидел высокий кипарис. Он свалил его своим топором и отрубил от ствола большой кусок. Взвалив тяжелое бревно на

свои могучие плечи, он, пыхтя, втащил его в деревню и бросил у порога дома.

— Смотри, какое твердое, крепкое дерево,— сказал он Джеку Маллону, вытирая вспотевший лоб.— Это тебе не сосна. Кипарис крошиться не станет. У нас будут лопаты не хуже железных.

На следующее утро он принялся обтесывать принесенное бревно. Дерево было так плотно, что едва поддавалось топору, и прошел почти весь день, прежде чем лопаты были готовы. Но зато какие это были лопаты! Крепкие, острые!

Постоянно работая в узкой норе, пленники совсем истрепали свои матросские куртки. Сквозь широкие дыры было видно голое тело. Новозеландцы всегда ходили полуголые и в прохладную погоду чувствовали себя так же хорошо, как в жару. Но Рутерфорд и Джек Маллон по утрам сильно зябли. Рутерфорд рассказал об этому Эшу. Девушка сейчас же побежала к себе в хижину и вернулась, неся две льняные циновки.

— Вот, возьмите,— сказала она.— Я сама их ткала.

Дикий лен растет в Новой Зеландии повсюду. Новозеландские женщины плели из него грубые циновки, которые служили одеялами и плащами. Пленники с благодарностью приняли подарок Эшу. Он им очень пригодился.

— Если я когда-нибудь буду возвращаться на родину,— сказал Рутерфорд своему товарищу,— мне будет жаль расстаться с этой милой девушкой.

У Рутерфорда и Джека Маллона появилась новая задача — куда девать землю, вырытую из ямы. Сначала они разбрасывали ее по полу своего дома, но скоро пол поднялся на полтора фута. Тогда они покрыли толстым слоем земли крышу и наконец стали высыпать землю в небольшую лощину возле частокола как раз за их домом. Поверх свежевысыпанной земли они утром клали слой сосновых веток, чтобы не привлечь внимания дикарей. Но за два месяца лощина оказалась засыпанной доверху. Впрочем, через два месяца в их работе произошла остановка.

К этому времени глубина вырытой ими ямы уже в три раза превышала рост Рутерфорда. Спускались в нее по длинному шесту — для моряка, привыкшего лазать по мачтам, такой шест вполне заменял лестницу. Яма была так узка, что в ней одновременно мог находиться только один

человек. Это вынуждало их работать по очереди. Землю на поверхность вытаскивали в корзинке, которая была привязана к длинной веревке. Веревку эту Рутерфорд сплел из нескольких льняных веревочек, изготовленных новозеландскими женщинами. И все же она была так непрочна, что поминутно рвалась, и ее приходилось связывать вновь и вновь.

Почва, такая рыхлая наверху, становилась чем ниже, тем жестче. Даже кипарисные лопаты и те несколько раз ломались, и Рутерфорд делал их заново из оставшегося обрубка дерева. В глубине им стали часто попадаться круглые камни величиной с кулак. Они руками вытаскивали их из земли. И яма становилась глубже всего на два-три вершка за ночь.

Наконец они докопались до большого плоского камня, который преградил им путь вниз.

Овраг был очень глубок, и Рутерфорд собирался начать прокладывать горизонтальную шахту, только когда вертикальная дойдет до уровня его дна. Но камень, преградивший дорогу вниз, заставил пленников переменить планы. Они сейчас же принялись копать боковой ход в сторону оврага. Рутерфорд надеялся таким способом обойти камень, добраться до более рыхлого места и тогда, опять переменив направление, рыть яму снова вглубь.

На первых порах сооружение бокового хода пошло довольно быстро. Лопатами здесь ничего сделать было нельзя, и за неимением заступов пленники принялись вырубать землю топорами. Топоры, конечно, очень тупились и портились, но в три ночи боковая шахта достигла такой длины, что Рутерфорд мог свободно вытянуться в ней во весь свой колоссальный рост. Правда, шахта была узка и работать в ней приходилось лежа, но пленники в большей ширине не нуждались. Они согласны были вылезти из своей тюрьмы ползком.

Но обогнуть камень оказалось не так-то просто. Он был слишком велик. Боковая шахта подвигалась все дальше, а повернуть ее вглубь не удавалось.

— Боюсь,— говорил Рутерфорд,— выход из нашего подземелья окажется на такой вышине, что спуститься на дно оврага будет невозможно.

И вот наконец пришла ночь, когда они вынуждены были прекратить работу и в боковом ходе. Другой камень, такой же плотный, как прежний, преградил дорогу новой шахте. Теперь им были отрезаны оба пути — и вниз и вбок.

Напрасно Рутерфорд до утра стучал топором по камню. Стальной топор сплющился, а неумолимый камень даже не дрогнул. На рассвете Рутерфорд вылез из подземелья и сказал:

— Все кончено. До оврага нам не добраться никогда.

Надежда, столько времени ободрявшая их, исчезла. Все усилия, все бессонные ночи пропали даром. Если Новую Зеландию посетит корабль, они не в состоянии будут покинуть деревню и навсегда останутся в плену.

ЗНАХАРЬ

Шли месяцы. Тоска, отчаяние, безнадежность не давали покоя пленникам. Они изобретали тысячи планов бегства, но все эти планы были одинаково неисполнимы, и они их скоро бросали. Целыми неделями лежали они на сене в своем домике, закрыв глаза и стараясь ни о чем не думать.

Особенно мучительно тосковал Джек Маллон. Он побледнел, похудел, стал ко всему равнодушен. Только голод заставлял его иногда выходить из дому и ловить веревкой голубей. Почти каждую ночь он будил своего товарища громкими стонами.

Рутерфорда тоже мучила тоска, но он скрывал ее и старался приободрить Джека. Он шутил, смеялся, пел веселые матросские песни, придумывал разные занятия, чтобы скоротать время, но и сам в конце концов не выдерживал и угрюмо ложился на сено рядом с товарищем.

У него было только одно развлечение — охота. Эмаи часто брал его с собой в лес. Вождь относился к своему пленнику по-приятельски. Он очень любил его. Они поочередно стреляли из одного ружья, вместе лазили по холмам, переходили вброд болота и ручьи, пополам делили добычу. Но Рутерфорд знал, что за ним постоянно следят. Куда бы он ни шел, его сопровождали воины, готовые пустить в ход копья, едва он попытается убежать.

Да и куда бежать? Во время охоты они часто встречали жителей других деревень. Начинались рассказы о проис-

шествиях, случившихся в самых отдаленных частях острова. Рутерфорд жадно прислушивался к этим рассказам. А вдруг ему расскажут, что к берегу подошел корабль белых людей и остановился в такой-то бухте? Он ждал этой вести скорее со страхом, чем с надеждой. Ведь бежать им не удастся, даже если корабль придет.

Но месяцы шли за месяцами, а слухов о корабле не было.

Однажды рано утром Эмаи покинул деревню, взяв с собой Эшу и почти половину своих воинов. Из разговоров Рутерфорд узнал, что Эмаи отправился по окрестным деревням созывать младших вождей на войну с кровожадным Сегюи, верховным вождем соседнего племени. Уходя, Эмаи поручил управление деревней своему племяннику.

Жизнь пленников стала еще скучнее. Они лишились даже Эшу, которая ежедневно развлекала их своей болтовней. И Рутерфорду не с кем было ходить на охоту.

В течение долгих недель деревня ничего не слыхала о своем вожде. Пленников совсем перестали кормить. Рутерфорд понял, что, если его не отпустят на охоту, им придется умереть с голоду. Наконец он услышал, что племянник Эмаи собирается поохотиться вместе с несколькими воинами. Рутерфорд стал просить, чтобы и его взяли с собой. Племянник Эмаи согласился.

Охота оказалась неудачной. Эмаи захватил с собой на войну все ружья, какие были в деревне, и Рутерфорду пришлось стрелять из рогатки. Он почти ничего не убил и в унынии бродил по холмам.

А тем временем Джек Маллон лежал у себя дома на сене и старался заснуть, чтобы не думать о своей печальной участи. Вдр;т дверь скрипнула и отворилась. Джек испуганно вскочил. На пороге стоял старый, сгорбленный новозеландец.

Джек Маллон не раз уже встречал на улице деревни этого новозеландца. То был старый знахарь, колдун и татуировщик. Если кто-нибудь из жителей деревни заболевал, в хижину приводили этого старика, и он лечил больного заклинаниями и надрезами на теле.

Джек робко вышел навстречу знахарю. Когда Рутерфорд уходил на охоту, Джек испытывал постоянный ужас и боялся всякого пустяка. Но гость держал себя очень друже-

любно. Он нагнул голову и потерся своим носом о нос Джека.

— Мать Эмаи очень больна,— сказал он.— Эмаи рассердится, если, вернувшись, узнает, что она умерла. Я должен ее вылечить. Я должен ей разрезать правое плечо, чтобы болезнь вышла из ее тела. Но у меня нет острого ножа. А мне нужен очень острый нож. Ножи белых людей острее наших. Дай мне свой нож, и я вечером принесу его тебе обратно.

Джек не знал, как поступить. Когда не было Рутерфорда, он никогда не знал, как поступить. Если он даст свой нож знахарю, тот, пожалуй, не вернет его. И если не даст, знахарь рассердится и мало ли что может сделать.

И он решил дать.

— На, возьми нож,— сказал он,— но непременно верни его вечером. Этот нож подарил мне Эмаи. Он рассердится, если узнает, что ты не вернул мой нож.

Знахарь взял нож и пошел к хижине вождя, а Джек Маллон лег на сено и закрыл глаза.

Начало уже смеркаться, когда знахарь снова появился у дома пленников. Рутерфорд все еще не возвращался с охоты. Маллон, услышав шаги, вышел на порог.

— Вот тебе твой заколдованный нож! — злобно крикнул старик, бросая нож на землю.— Ты вселил в него злых духов, и они убили мать вождя. Ты своим колдовством убил мать вождя. Если бы я знал, я никогда не прикоснулся бы к этому ножу. Эмаи вернется и покарает убийцу.

Старик ушел, погрозив на прощание Джеку кулаком: Джек плохо понял слова знахаря, но очень испугался. Он торопливо закрыл дверь на щеколду и спрятался в самый дальний угол комнаты. Так он и просидел в углу, пока не услышал за дверью голос Рутерфорда. Он отворил дверь, и Рутерфорд вошел в дом, таща свою скудную добычу — двух попугаев и одну киви.

— Слышал новость? — спросил Рутерфорд.— Умерла мать Эмаи. Я сейчас проходил мимо хижины вождя. Там собралась вся деревня.

Джек Маллон ничего не ответил.

— А знаешь, я рад, что она умерла,— продолжал Рутерфорд.— Эта злая старуха никогда нас не любила. Она имела большое влияние на Эмаи, и я постоянно боялся, как бы

она не уговорила его убить нас. О ее болезни говорили еще утром, когда я уходил на охоту. Интересно знать, отчего она умерла.

— Ее зарезали моим ножом,— проговорил Джек Маллон.

Он подробно рассказал Рутерфорду о посещениях знахаря.

На следующее утро, едва рассвело, Эмаи вернулся в родную деревню. Раньше всех его приближение заметили женщины, отправлявшиеся в поле на работу. Они взбудоражили всю деревню, и через минуту вся деревня была за воротами частокола и встречала вождя.

Рутерфорд, оставив спящего Джека Маллона, тоже пошел встречать Эмаи. Он подошел к воротам как раз тогда, когда Эмаи входил в них, ведя за собой свой отряд. Но как изменился верховный вождь за несколько недель своего отсутствия! Он шел, хромая на правую ногу, сгорбленный, и смотрел в землю. Перья, украшавшие его голову, были поломаны, смяты. На его постаревшем лице была широкая рана — она чернела запекшейся кровью под левой скулой.

Воины, которых вел за собой Эмаи, были ранены все до одного. Они еле двигались, больные, измученные, грязные. И как мало их вернулось домой! Когда они покидали родную деревню, их было втрое больше.

Последней в ворота вошла женщина. Она покачивалась, как соломинка на ветру. Босые ноги ее были расцарапаны до крови, в растрепанных волосах запутался репейник и мусор. Она низко опустила свое изможденное лицо с ввалившимися щеками и, проходя сквозь ворота, схватилась, чтобы не упасть, рукой за столб.

— Эшу! — вскрикнул Рутерфорд, пораженный видом своей подруги, и кинулся к ней.

Она молчала.

— Что с тобой, Эшу?

— Не спрашивай,— тихо ответила девушка.— Мы разбиты. Сегюи двадцать дней гнался за нами по пятам.

Она не удержалась на ногах и упала. Он поднял ее и понес вслед за встревоженной толпой.

Жены погибших в бою воинов громко выли. Мужчины, не участвовавшие в походе, клялись убить Сегюи и стереть

все его деревни с лица земли. Племянник Эмаи в ярости сломал свое копье у себя над головой.

Рутерфорд вместе с толпой пошел к хижине вождя и положил измученную девушку на траву перед входом. Она потеряла сознание. Обернувшись, он увидел Эмаи, который одной рукой держал за плечо старика знахаря, а другой занес над ним топор. Лицо Эмаи было искажено бешенством, на губах белела пена. Знахарь корчился, в ужасе глядя на топор, и прерывистым визгливым голосом пытался что-то объяснить.

Рутерфорд сразу обо всем догадался. Эмаи только сейчас узнал о смерти своей матери. Озлобленный неудачной войной, застигнутый новым неожиданным горем, он хотел кому-нибудь немедленно отомстить за все свои несчастья. Горе тому, кто попадется ему под руку в такую минуту. Рутерфорду стало страшно за несчастного знахаря.

— Я не виноват, Эмаи! — кричал знахарь. — Твою мать убил белый пленник, тот, который поменьше ростом. Он колдун, он лежит в своем крепком доме и колдует, призывая злых духов на все наше племя. Твоя мать всегда знала, что он ее убьет. Она всегда его ненавидела. Помнишь, она ущипнула его за ногу, когда ты привел обоих пленников с моря? Он заколдовал свой нож и дал его мне. Я ничего не знал, я хотел разрезать ей плечо, чтобы выпустить болезнь. Но едва нож прикоснулся к ее плечу, она умерла. Отпусти меня, Эмаи, я не виноват. Приведи сюда этого белого колдуна и разбей ему голову.

Джека Маллона уже волокли к хижине вождя шестеро воинов. Он смотрел по сторонам испуганными глазами и дрожал от страха всем телом. Его поставили перед вождем.

— Убей меня вместо него! — крикнул Рутерфорд, бросаясь вперед.

Но блеснул топор, и Джек Маллон мертвый упал к ногам толпы.

Рутерфорда схватили сзади десятки рук. Большая жесткая ладонь заткнула ему рот. Эмаи несколько секунд стоял неподвижно, как бы не понимая, что произошло. Потом топор блеснул еще раз и обрушился на голову знахаря. Два трупа — белый и коричневый — лежали рядом.

— Отпустите его,— сказал Эмаи тихим, упавшим голосом, обращаясь к воинам, державшим Рутерфорда.

Рутерфорд закрыл лицо обеими руками и побрел к своему опустевшему дому.

ОДИН

ВЫХОД НАЙДЕН

Рутерфорд остался совсем один среди людоедов.

Несколько дней после смерти Джека Маллона он прожил как в тумане. Большею частью он лежал у себя в доме, и, только когда лежать становилось невмочь, он вставал и бродил по деревне. На него не обращали никакого внимания — все были заняты торжественными похоронами матери Эмаи, которые длились очень долго.

Труп старухи вытащили на пустырь возле хижины вождя и посадили на циновку, прислонив спиной к торчавшему из земли столбу. Другой циновкой закутали мертвую старуху до шеи. Лицо ее вымазали жиром, так что оно блестело, словно медный котел, ее волосы увили зеленым льном. Затем умершую окружили чем-то вроде клетки, сделанной из прутьев, чтобы собаки, свиньи и дети не могли осквернить ее своим прикосновением. Эмаи и несколько воинов, имеющих ружья, дали в честь ее семь оглушительных залпов. Остальные воины швыряли в воздух свои копья и ловили их на лету.

К утру следующего дня стали собираться вожди соседних деревень, сопровождаемые своими женами, детьми и рабами. Рабы тащили за ними груды всякой пищи. До самого вечера вокруг трупа выли и причитали родичи, разрезая себе тело острыми камешками. А вечером начался пир.

Увидев, что новозеландцы начали пировать, Рутерфорд вбежал в свой дом, покрепче закрыл дверь и упал на сено. Он был убежден, что они сейчас едят мясо его несчастного друга. Всю ночь пролежал он, не смыкая глаз и прислушиваясь к песням и крикам пирующих. Нет, надо во что бы то ни стало бежать отсюда. Продолжать эту нестерпимую жизнь здесь одному невозможно. Лучше уж пусть его пой-

мают и убьют. Тут он никогда не дождется корабля. Если корабль подойдет к берегу Новой Зеландии, ему нарочно об этом никто не скажет. Быть может, он пропустил уже много кораблей. Нет, он должен при первом же удобном случае бежать к морю. Он попросит покровительства у вождя какой-нибудь приморской деревушки и дождется там корабля. По всей вероятности, конечно, его поймают и убьют. Ну что ж, тот, кто не дорожит жизнью, ничем не рискует.

В щели дома уже проникал белый дневной свет, когда Рутерфорд вспомнил о подземном ходе, на сооружение которого он и Джек отдали столько сил. Вот уже много месяцев, как он ни разу не спускался туда, в подземелье. Ему вдруг пришло в голову сделать еще одну попытку. Что, если попробовать обойти тот камень, который преградил путь боковой шахты? Быть может, он не так велик, как нижний.

Увлеченный новой идеей, Рутерфорд вскочил на ноги. В печке под золой еще с вчера осталось несколько тлеющих угольков. Он зажег ими смолистую сосновую щепку и, с самодельным факелом в руке, поднял широкую доску, закрывавшую вход в шахту.

Его поразил слабый шум, доносившийся из черной ямы. Удивленный, он сначала не поверил своим ушам. Но, прислушавшись внимательней, он снова услышал тихий равномерный звук. Нет, это не шум, это плеск. Теперь не оставалось никаких сомнений — это плеск текущей воды.

Он протянул руку, чтобы схватиться за шест, по которому они с Джеком Маллоном прежде спускались вниз. Но шест исчез. Засунув горящую щепку в яму, Рутерфорд увидел, что шест, верхний конец которого раньше достигал уровня пола, теперь опустился на несколько футов вглубь.

Держась за стенки, Рутерфорд полез в яму и, достигнув шеста, ухватился за него. Шест вдруг зашевелился и стал скользить вниз с такой быстротой, что Рутерфорд с трудом на нем удержался. Это продолжалось одну секунду. Нижний конец шеста уперся во что-то твердое, и движение прекратилось.

Рутерфорд лез по шесту вниз. Чем ниже он опускался, тем явственнее слышал плеск воды. Через минуту ноги его

погрузились в воду. Он пяткой нащупал дно. Вода доходила ему до колен. Он поднял свой факел и осмотрелся.

Стоял он посреди длинной, узкой, темной пещеры, прорытой подземным ручьем. Пещера была наклонная, и ручей бежал по ее дну очень быстро.

Рутерфорд понял, что произошло здесь за те месяцы, в течение которых он ни разу не спускался в свою шахту. Камень, преграждавший шахте путь вниз, находился над подземным ручьем. Ручей, вздувшийся во время дождя, подмыл его, и он свалился. Вот он лежит, завалив весь угол пещеры, колоссальный черный камень, разбившийся на три куска. Камень упал прямо в ручей и завалил его. Но вода обошла камень кругом, прорыв себе новый путь в рыхлой земле.

Рутерфорд пошел по течению ручья. Ручей был очень неглубок, и идти оказалось нетрудно. Но своды пещеры спускались порой так низко, что Рутерфорду приходилось сгибаться почти вдвое. Ручей, довольно круто спускаясь, постоянно менял направление, поворачивая то вправо, то влево. Пройдя шагов сорок, Рутерфорд заметил, что сосновая щепка, которую он держал в руках, сгорела больше чем наполовину. Боясь остаться под землей без огня, он остановился, собираясь повернуть и идти обратно.

И вдруг он увидел слабый луч света, который проникал из-за поворота в пещеру. Он сделал несколько шагов вперед. Свет усилился. Он повернул за выступ скалы, и мрак, окружавший его, превратился в сумрак. Еще один поворот, и он увидел вдали, в самом конце пещеры, круглое отверстие, сквозь которое проникал яркий дневной свет.

Рутерфорд уже не шел, а бежал, шлепая ногами по воде. Через минуту он достиг отверстия и вылез наружу. Оглянувшись, он понял, что находится на дне оврага.

Совершенно отвесные стены подымались с обеих сторон. Овраг был настолько узок, что из его глубины небо казалось узенькой речкой, текущей вверху. У ног Рутерфорда журчал ручеек, который выбегал из пещеры и продолжал свой путь по дну оврага. Вот там, в вышине, должна быть деревня Эмаи. Отсюда она не видна. Рутерфорд испугался, как бы его не заметили воины, сторожившие частокол, и спрятался в кустах, которыми зарос весь овраг.

Что, если бежать сейчас же, не откладывая? До моря он доберется в три дня. А там — смерть или свобода!

Но благоразумие говорило ему, что он должен вернуться назад, в деревню. Для этого было много причин. Во-первых, гораздо безопаснее бежать вечером, чем утром,— тогда позже заметят побег. Во-вторых, он оставил у себя в доме свой пистолет, а оружие может очень ему пригодиться. В-третьих, он должен захватить с собой запас пищи по крайней мере на три дня.

Была еще одна причина — ему хотелось в последний раз поговорить с Эшу.

Рутерфорд нашел сосновый сук и зажег его о свою почти догоревшую щепку. С новым факелом в руке он полез обратно в пещеру. Идти назад оказалось труднее, потому что теперь ему приходилось подыматься и подъем был довольно крут. Рутерфорд все время внимательно осматривал своды, стараясь не пропустить своей шахты, ведущей в дом. Наконец он достиг ее. Факел был больше ему не нужен, и он бросил его в ручей. И полез по шесту вверх, как по мачте.

Взобравшись на верхний конец шеста, он вдруг услышал громкий стук. Стук доносился сверху. Он понял, что стучат в дверь его дома. Дверь заперта на щеколду. Быть может, стучат уже давно. Он испугался, как бы не взломали дверь и не нашли подземелья. Тогда все пропало. Нужно как можно скорее влезть наверх и явиться к ним.

Между верхним концом шеста и полом дома было теперь очень большое расстояние. Хватаясь руками за выступы стенки, вися над черной пропастью, Рутерфорд полез вверх и вылез из ямы. В дверь колотили с такой силой, что дрожал весь дом. Очутившись на полу, Рутерфорд торопливо закрыл яму доской и засыпал доску тонким слоем земли. Это заняло полминуты. Тогда он подошел к двери и открыл ее.

За дверьми стоял Эмаи. Он был один. У его ног лежал длинный узкий предмет, завернутый в несколько циновок.

Вождь подозрительно оглядел Рутерфорда.

— Отчего ты не выходил, Желтоголовый?—спросил он.— Я очень долго стучал в твою дверь.

— Я спал,— ответил Рутерфорд.

— Спал? — переспросил Эмаи. — Никогда нельзя спать так крепко, Желтоголовый. Хороший воин должен просыпаться от малейшего шороха, чтобы враг не мог незаметно подкрасться к нему.

Подозрительный взор Эмаи скользнул по босым ногам Рутерфорда.

— Скажи, Желтоголовый, — спросил он, — отчего у тебя мокрые ноги?

— Я сейчас нечаянно опрокинул себе на ноги тыкву с водой.

Подозрительность вождя улеглась. Он долго молча смотрел в лицо своему пленнику. И наконец сказал:

— Они хотели съесть твоего друга. Но я им не позволил. Я жалею, что убил его. Он не виноват. Знахарь тоже не виноват. Моя мать была очень старая женщина, и пришла ей пора умереть. Похорони своего друга по обычаям твоей страны. Я принес его тебе. Вот он.

С этими словами Эмаи откинул край циновки, закрывавшей длинный узкий предмет, который лежал на земле. Рутерфорд увидал окровавленное лицо Джека Маллона.

Он с удивлением взглянул в лицо людоеда, у которого хватило благородства сознаться в своей неправоте.

Не сказав ни слова, Рутерфорд втащил тело своего убитого друга в дом и закрыл дверь.

ВНЕЗАПНОЕ НАПАДЕНИЕ

Рутерфорд похоронил Джека Маллона возле частокола, в нескольких шагах от своего дома. На могильный холмик он поставил деревянный крест. Оставалось только сделать надпись, что здесь лежит матрос Джек Маллон, двадцати лет, убитый новозеландцами. Но, к сожалению, Рутерфорд не умел ни читать, ни писать.

Новозеландцы хоронили мать своего вождя. Они отнесли труп старухи к реке и положили его в воду. Через полчаса, вытащив труп из воды, они тщательно отделили мясо от костей. Побросав мясо в реку, они вымыли кости и сложили их в корзину. Эту корзину отнесли назад в деревню и, покрыв циновкой, повесили на верхушку столба, стоявшего посреди пустыря. Столб окружили забором и объявили его табу — всякий, кто к нему прикоснется, будет убит. Для

охраны могилы на корзину поставили злого деревянного божка.

Следующим утром вожди соседних деревень, прибывшие на похороны, отправились в свои владения. Они торопились, потому что время было неспокойное и в окрестностях каждую минуту могли появиться передовые отряды войска Сегюи. Эмаи дал каждому своему гостю для охраны несколько воинов. Длинные пироги переполнились народом и помчались к противоположному берегу реки.

— Беспокоиться нам пока нечего! — кричал Эмаи уезжавшим вождям. — Мы оставили Сегюи возле устья реки Пиако. Он там занят войной с приморскими селениями. Эта война займет много времени, и, я уверен, они будут здесь не раньше, чем через десять дней. А за десять дней мы успеем приготовиться к защите.

Отъезжающие вожди и воины хором запели военную песню. С этой песней они переправились через реку и исчезли в лесу. Пироги остались на противоположном берегу реки, чтобы воины, сопровождавшие вождей, могли возвратиться. Не прошло и двух часов после их отъезда, как вся деревня всполошилась. Забил барабан. Мужчины, дремавшие на солнцепеке, вскочили и кинулись к воротам. Рутерфорд, услышав шум, побежал вместе с ними. В ворота протиснуться было почти невозможно. Воины, таща копья, мэры, топоры, ножи, ружья, толкались, ломились, сбивали друг друга с ног. В конце концов толпа вынесла Рутерфорда за частокол, и он остановился на склоне холма, который круто спускался к реке. И увидел страшное зрелище.

За рекой, где были расположены деревенские огороды, разбрасывая ногами незрелые дыни и тыквы, сновали темные полуголые люди с ружьями в руках. Их было много, этих людей, весь противоположный берег кишел ими, как муравьями. Они хватали женщин, работавших на огороде, связывали их и тащили в лес. Многие женщины пытались сопротивляться, кусались, царапались, и их безжалостно били прикладами.

— Сегюи! Сегюи! — кричали воины Эмаи, в бессильной ярости потрясая копьями.

Они видели, как уводили в плен их жен, матерей, дочерей, и ничем не могли помочь, потому что пироги находились на другом берегу реки.

«Откуда Сегюи достал столько ружей для своих воинов? — подумал Рутерфорд. — Эмаи, разгромив корабль, достал только дюжину ружей. Сколько же кораблей должен был разгромить Сегюи, чтобы снабдить ружьями всю свою армию?»

Эмаи подбежал к самой воде, поднял свое ружье и выстрелил. Некоторые из его воинов, имевшие ружья, выстрелили тоже. На том берегу двое воинов, вскрикнув, упали. Но сейчас же грянул ответный залп из нескольких сотен ружей. Защитники деревни, стоявшие кучкой на склоне холма, оказались отличной мишенью. Услышав вокруг себя свист пуль, Рутерфорд лег на траву. Он видел, как вокруг него падали люди. Войско Эмаи стремглав кинулось к узким воротам частокола, давя убитых и раненых. Рутерфорд хотел встать, но кто-то из бегущих в давке наступил ему на лицо ногой. И всякий раз, когда он хотел приподняться, босые ноги перепуганных воинов бросали его снова на землю. Измятый, раздавленный, он потерял сознание.

Но через минуту он очнулся. Тело его мучительно ныло. Подняв голову, он увидел пироги, плывущие через реку. Воины Сегюи переправлялись на другой берег, чтобы штурмом взять деревню Эмаи. Они громко пели хвастливую военную песню. Многие в руках держали палки, на которых торчали отрубленные головы с развевающимися перьями. Это были головы тех вождей, которые недавно гостили в деревне Эмаи. Воины Сегюи встретили их в лесу и убили. Всего два часа назад эти вожди пели ту же самую песню, которую теперь поют их убийцы.

В одной из пирог везли связанных женщин, взятых в плен. Пленницы кричали так громко, что заглушали пение своих поработителей.

Рутерфорд с трудом поднялся на ноги, озирая склон холма, усеянный мертвыми телами. Живые уже все укрылись за частоколом. Воины Сегюи заметили его с пирог и начали стрелять. Он слышал, как пули пролетали мимо него. Стараясь спасти свою жизнь, он кинулся к воротам, ведущим в деревню.

Но ворота были уже доверху заложены толстыми бревнами. Деревня приготовилась к защите. Высокий частокол был угрюм и неприступен. Рутерфорд стал громко кричать, прося впустить его. Но обитатели деревни, готовясь к обо-

роне, не слышали его криков. Да если бы и слышали, они не стали бы в такую опасную минуту раздвигать тяжелые бревна, загораживавшие вход, чтобы впустить одного человека, и притом чужака. Рутерфорд кричал все громче, а между тем пули жужжали вокруг, впиваясь в бревна частокола. Если бы новозеландцы умели лучше целиться, он давно был бы убит. С каждым взмахом весел пироги подходили все ближе и ближе.

Отчаявшись попасть в деревню, Рутерфорд побежал вдоль частокола. Частокол круто поворачивал, и через минуту он укрылся за поворотом. Здесь пули уже не могли его настигнуть. Перед ним был дремучий лес. Он кинулся в заросли исполинского папоротника и пустился бежать без оглядки.

НА ПОМОЩЬ!

Он бежал до тех пор, пока не выбился из сил. И наконец упал в мягкую ложбинку, укрытую со всех сторон папоротником. Долго лежал он, прислушиваясь к выстрелам, которые громко ухали вдали, заглушаемые шумом леса.

Сначала он ни о чем не думал и только тяжело дышал. Но потом вдруг вспомнил, как воины Сегюи брали в плен женщин.

— Эшу! — в ужасе прошептал он.

Ведь она тоже работала в поле. Как это ему раньше не пришло в голову. Она была там, за рекой, и, конечно, тоже попала в плен.

Он сел. Из-за леса доносился гул многих голосов, щелканье выстрелов. Он сидел среди папоротников, прислушивался и думал. Эшу безусловно попала в плен, и воины Сегюи перевезли ее с собой через реку. Она лежит где-нибудь здесь, в их лагере, совсем недалеко, связанная и избитая.

Рутерфорд вынул из-за пояса нож и внимательно осмотрел его. Потом встал и осторожно побрел назад, к деревне. Шел он очень медленно, стараясь не шуметь. Если кто-нибудь заметит его в лесу, он погиб.

День клонился к вечеру. Рутерфорд сквозь ветви сосен видел, что солнце стоит уже довольно низко. Идти ему пришлось долго, гораздо дольше, чем он предполагал. Как далеко убежал он в лес, спасаясь от пуль! Стрельба прекра-

тилась. Но голоса становились все слышнее — значит, Сегюи не увел еще своего войска. Рутерфорд раздвигал стебли папоротника и тихонько крался вперед. Оказавшись в окрестностях деревни, он лег на траву и пополз. Медленно извивался он, как змея, стараясь не хрустнуть веточкой, не стукнуть камнем. И наконец впереди, между стволами сосен, увидел фигуры двигавшихся людей.

Он замер. Окраина леса, прилегавшая к деревне, была полна воинов. Деревья заслоняли их от Рутерфорда, но по голосам он знал, что они очень многочисленны и находятся совсем близко. Иногда он видел их. Они бродили между деревьями и собирали хворост. Однажды два воина чуть не наткнулись на Рутерфорда. Они прошли в трех шагах от него. Он притаился в траве не дыша, и они его не заметили. Воины Сегюи отличались от воинов Эмаи только тем, что почти у каждого за плечами было ружье. Откуда они достали столько ружей?

Солнце зашло, и наступили сумерки. Рутерфорд с нетерпением ждал темноты. Наконец в полумраке засверкали пока еще бледные костры осаждающих. Рутерфорд осторожно пополз вперед, к деревне. Он держался кустов, зарослей папоротника, и его не замечали. И вот впереди, на фоне почти совсем потемневшего неба, он увидел частокол.

Деревня, притаившись, молча ждала нападения. Рутерфорд подумал, что нападающим нелегко будет взять эту деревянную крепость. Всякий смельчак, который рискнет взобраться на частокол, будет немедленно сброшен оттуда копьем. Доказательством этому служили трупы, разбросанные вокруг и освещенные прыгающим светом костров. А сквозь толстые бревна стен не пройдет никакая пуля.

Но скоро Рутерфорд понял, что нового штурма крепости не будет. Сегюи решил овладеть крепостью другим способом. Его воины собирали в лесу сухой хворост и складывали его кучками возле частокола. Достаточно будет одной головни из костра, и всю крепость охватит пламя. Огонь заставит пасть эти неприступные стены. Эмаи совершил ошибку, подпустив врагов так близко к своей деревне. Впрочем, как он мог им помешать? У него полтораста воинов, а у Сегюи не меньше двух тысяч. У него дюжина ружей, у Сегюи не меньше двух тысяч. У него дюжины ножей,

у Сегюи несколько сотен. Увидев сложенный вокруг частокола хворост, Рутерфорд знал, что участь деревни решена.

Он полз по лагерю осаждающих. Воины сидели возле ярких костров, а он держался в темноте, и они не видели его. Он медленно передвигался от костра к костру, ища взятых в плен женщин.

И наконец он нашел их.

Женщины были привязаны к соснам шагах в пятидесяти от частокола родной деревни. Каждую их них прикрутили к стволу не спиной, а грудью, вероятно для того, чтобы они не видели происходящего вокруг. Пленницы молчали словно мертвые, и Рутерфорд догадался, что им заткнули рты.

Неподалеку от них горел костер. Вокруг костра сидели воины — человек десять — и жарили на камнях рыбу. Они были так заняты своим делом, что на женщин не обращали никакого внимания. Свет костра терялся среди деревьев, и пленницы находились почти в темноте. Рутерфорд тихо крался между ними, ища Эшу. Он осмотрел больше двадцати неподвижных женских фигур, прежде чем заметил ее. Лицо девушки было крепко прижато к стволу сосны. Тело ее оказалось опутанным, словно паутиной, множеством тонких веревочек, и она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

Рутерфорд осторожно поднялся на ноги и вынул свой нож. Быстро перерезал он все веревки, одну за другой. Девушка, почувствовав, что связывавшие ее путы уничтожены, обернулась. Только теперь увидела она своего освободителя.

— Идем, Эшу, — прошептал он.

Она ничего не ответила и схватилась обеими руками за свой рот. Он вдруг заметил, что в ее широко раскрытый рот вложен большой кусок дерева, мешающий ей говорить. Он с силой выдернул деревяшку у нее изо рта. Она застонала.

И в ту же минуту сзади прогремел выстрел. Воины, сидевшие у костра, заметили его. Схватив девушку за руку, он стремительно потащил ее в лес, в темноту. Грянули новые выстрелы, и он услышал сзади топот ног. За ними гнались.

Он чувствовал, что Эшу не может бежать. У нее затекли от веревок ноги. Она падала при каждом шаге, и ему приходилось волочить ее за собой по земле. Он поднял ее, взвалил себе на плечи и побежал.

Весь лагерь осаждающих всполошился. За ним гналась уже целая толпа. Жужжали пули, но он оставался невредим, так как плохо был виден во тьме. Погоня настигала его. Тяжелая ноша, которую он тащил на плечах, замедляла его бег. Он мчался, сам не зная куда, не разбирая дороги, ломая кусты и ветви. Иногда он неожиданно менял направление, чтобы сбить своих преследователей с толку. Но они всякий раз опять замечали его, и погоня возобновлялась.

Сердце его стучало. Он чувствовал, что бежит медленнее. За спиной он уже слышал дыхание воина, который бежал впереди всех с копьем в руках. Рутерфорд знал, что сейчас это копье вонзится ему в спину.

— Брось меня,— задыхаясь, прошептала Эшу.— Убегай сам. Я мешаю тебе бежать.

Но Рутерфорд собрал последние силы и, не оглядываясь, помчался дальше. Погоня была уже совсем близко. Он ни на что не надеялся и все же бежал.

И вдруг земля выскользнула у него из-под ног. Он почувствовал, что летит по воздуху куда-то вниз, в черную пропасть. Со страшной силой ударился он обо что-то. Рот и глаза залепило ему рыхлой землей.

БИТВА

Рутерфорд с трудом сел, плюясь и фыркая. От ушиба ныла вся спина. Глянув вверх, он увидел две высокие земляные стены, между которыми извивалась узкая темно-синяя речка неба, усеянная яркими звездами. Ему сделалось дурно при мысли, что он упал с такой высоты.

— Где мы?— спросила Эшу чуть слышным голосом. Она лежала рядом с ним и испуганно глядела вверх.

— Мы в овраге,— сказал Рутерфорд.— В овраге за деревней. К счастью, мы упали на кучу песка. Только это спасло нас.

— А где тот большой страшный воин, который гнался за нами?

— Он остался там, наверху. Они больше не будут преследовать нас,— рассмеялся Рутерфорд.— Они уверены, что мы разбились насмерть.

По дну оврага с тихим плеском бежал ручеек. Рутерфорд заметил его, потому что в нем отражались звезды. Подойдя к ручейку, Рутерфорд с наслаждением вымыл разгоряченное лицо. Неужели это тот самый ручеек, который течет из его подземелья? Пораженный этой мыслью, Рутерфорд обернулся к девушке и сказал:

— Идем!

— Куда?—спросила Эшу.— Ближайший выход из этого оврага в двух днях пути отсюда.

— Идем!—настойчиво повторил Рутерфорд и протянул руку, чтобы помочь ей встать.

Эшу поднялась, но сейчас же, вскрикнув, снова повалилась на песок. Падая в овраг, она растянула себе связки на левой ноге и ходить не могла. Рутерфорд взвалил ее на плечи и понес. Он быстро шагал по дну оврага, направляясь против течения ручья.

Почти все дно оврага было завалено острыми камнями, и, упади они немного правее или левее, их ждала смерть.

Ломая кусты, раздвигая тростник, Рутерфорд шел все дальше. Наконец ручей круто свернул, и Рутерфорд нащупал руками вход в пещеру. Он тащил удивленную и испуганную Эшу по темным подземным коридорам, ощупью находя себе путь во мраке. Девушку он придерживал на плече левой рукой, а правой беспрерывно касался потолка, чтобы не пропустить шахты, ведущей наверх, в его дом. В конце концов он нашел эту шахту и остановился.

— Держись крепче!—прошептал он девушке.

Эшу обхватила его шею руками и повисла у него на спине. Он полез по шесту вверх. В узкой, как печная труба, шахте им двоим было тесно, и они с трудом протискивались вперед. Шест гнулся под их двойной тяжестью. И все же они благополучно добрались до его верхушки.

— Становись мне на плечи, Эшу, и подыми доску, которую найдешь у себя над головою,— сказал Рутерфорд.

И через минуту они были уже в доме пленников. Но Эшу все еще не понимала, где она находится, и испуганно жалась к своему спасителю. Рутерфорд отодвинул щеколду и распахнул дверь.

Им в лицо хлынул такой ослепительный свет, что они на мгновение зажмурились. По земле бегали тени. Прыгающие языки пламени со всех сторон лизали черное небо.

— Мы в нашей деревне! — воскликнула Эшу.

— Воины Сегюи подожгли частокол, — сказал Рутерфорд.

Частокол горел сразу во многих местах. С грохотом рушились тяжелые бревна. Люди, окруженные кольцом огня, беспомощно метались под гам собак и плач детей. Воины подымали копья — им хотелось скорее сразиться с врагом. Но враг был неуязвим, заслоненный стеной пламени.

Ветер носил искры по воздуху, соломенные хижины вспыхивали одна за другой. Они сгорали сразу, с необыкновенной быстротой — в одно мгновение на месте большой хижины оставалась маленькая темная кучка пепла. Хозяева даже не пытались спасать свои жилища — они знали, что загоревшуюся солому потушить невозможно.

В самом конце улицы возле заложенных бревнами ворот частокол внезапно рухнул, образовав широкое отверстие. В это отверстие хлынули осаждающие, прыгая босыми ногами через горящие поваленные столбы. Защитники деревни преградили им дорогу. Наконец-то враги сошлись лицом к лицу. На таком близком расстоянии ружья были бесполезны, и завязался отчаянный рукопашный бой.

При ярком пламени пожара Рутерфорд с порога своего дома видел, как впереди защитников мелькали длинные перья Эмаи. Верховный вождь с необыкновенной ловкостью владел мэром, и рука его не знала промаха. Рядом с ним стояли его воины, готовые защищать каждый вершок родной улицы. Но как их мало, храбрых защитников, и как многочисленны нападающие! Все воины, которых Эмаи послал сопровождать соседних вождей, погибли. Другие пали на склоне холма перед деревней. И теперь у Эмаи осталось всего несколько десятков человек, преграждающих путь целому полчищу врагов.

Они медленно отступали меж двух рядов горящих хижин. С каждой минутой их становилось все меньше. То один, то другой падал под ноги врагам, ожесточенно продвигающимся вперед. Эмаи находился все время в первом ряду защитников, в самой гуще боя. Он, казалось, был неуязвим. Всякий, кто пробовал приблизиться к нему, падал

под тяжестью его мэра прежде, чем успевал опомниться. Копья, летящие в него издалека, он ловил на лету рукой и швырял назад. И все же он отступал.

Враги овладели уже половиной деревни и ловили перепуганных свиней, выскочивших из своих загородок. Эмаи отступил мимо висячей могилы своей матери, мимо своей пылающей хижины — самой большой во всей деревне. Скоро ему некуда будет отступать. Сзади, шагах в сорока, пылающий частокол, а за частоколом — глубокий овраг.

Окружив хижину верховного вождя, многие воины Сегюи непременно захотели проникнуть в нее, надеясь найти в ней несметные богатства. Они, обжигаясь, голыми руками разгребали пылающий тростник и разбрасывали его во все стороны. И вдруг раздался взрыв, встряхнувший весь холм, на котором стояла деревня. Хижина взлетела в воздух. На ее месте в земле появилась глубокая воронка, вокруг которой лежали обгорелые трупы. Это в хижине вождя взорвалась бочка с порохом, привезенная с «Агнессы».

Взрыв произвел среди наступающих такие опустошения и так испугал их, что они, растерявшись, в тревоге хлынули назад, давя друг друга.

— За мной! — крикнул Эмаи.

Горсть храбрецов не отставала от него ни на шаг. Враги дрогнули под этим отчаянным натиском и покатились обратно меж двух рядов догоравших хижин. Эмаи пядь за пядью возвращал себе родную деревню. Вот он вновь овладел пепелищем своего дворца, вот опять висячая могила его матери находится за широкой спиной сына. Была минута, когда казалось, что Эмаи выгонит врагов из деревни за частокол.

Но воины Сегюи скоро опомнились. Под напором задних рядов передние остановились и снова перешли в наступление. Защитников деревни оставалось слишком мало. Их было так мало, что они с трудом загораживали улицу и опасались, как бы их не обошли с тылу. Они бились с отчаянным, безнадежным мужеством, но опять отступали, и на этот раз быстрее, чем прежде.

И вот их загнали в самый конец деревни. У Эмаи теперь было не больше тридцати человек. За ним горел

частокол. Они уже все твердо знали, чем кончится битва: их вдавят в огонь, и они сгорят.

Вдруг совсем рядом Эмаи увидел бревенчатый дом своего белого пленника. На пороге стоял огромный человек с огненными волосами и махал ему здоровенной рукой. Маленький отряд теснимых воинов, ища прикрытия сзади, решил отступить к плотным стенам этого домика... Едва Эмаи оказался возле двери, как Рутерфорд схватил его за плечи и втащил внутрь. Все бойницы были открыты, и свет пожара проникал в комнату. Эмаи увидел девушку, сидевшую на полу.

— Эшу! — вскричал он дрогнувшим голосом.— Ты здесь? Я думал, что ты у них, в плену..

Рутерфорд откинул ногой доску и показал вождю черную яму.

— Здесь ваше спасение,— сказал он.— Пусть воины по одному спустятся туда, вниз, и все вы будете свободны.

Вождь молчал и не двигался с места.

— Ты мне не веришь, Эмаи? Спроси свою дочь.

— Он говорит правду, отец,— сказала девушка.

Бой происходил возле самых дверей дома. Эмаи по одному втаскивал своих воинов в комнату и каждому приказывал спуститься в яму. Воины не понимали, в чем дело, но повиновались беспрекословно.

— Идите по течению ручья! — кричал им вслед Рутерфорд.

В доме стало жарко и запахло дымом. Нападающие повторили свой маневр — они подожгли заднюю стену дома.

Когда снаружи не осталось ни одного воина, Рутерфорд захлопнул дверь и закрыл ее на задвижку.

— Теперь вы должны спуститься,— сказал он Эшу и Эмаи.

В дверь бешено колотили палками. Ее крепкие сосновые доски гнулись.

— Иди и ты с нами,— проговорил Эмаи, обращаясь к Рутерфорду.

— Нет, я останусь,— ответил Рутерфорд.— Я должен завалить вход в подземелье, чтобы они не нашли его и не пустились за нами в погоню.

Он вынул из-под сена свой пистолет, сунул его в бойни-

цу возле самой двери и выстрелил. Стук в дверь сразу прекратился. Он снова и снова заряжал свой пистолет и снова стрелял. Сквозь круглое отверстие бойницы он видел, что осаждающие отошли далеко в сторону и не смеют приблизиться к двери. Комната наполнилась удушливым дымом, дышать стало почти невозможно. На стенах от жары пузырилась смола. Сквозь щели между бревнами врывалось пламя. А Эмаи все еще стоял возле ямы, не решаясь спуститься и оставить Рутерфорда одного.

— Иди! — крикнул ему Рутерфорд.— Ты должен нести свою дочь, потому что она не может ходить. Не бойся,— прибавил он усмехаясь,— я скоро догоню вас.

Эмаи взвалил на плечи Эшу и исчез вместе с нею в яме. Оставшись один, Рутерфорд сунул свой пистолет за пояс и взял топор. Одним ударом разрубил он проволоку, которая привязывала жерди крыши к верхним бревнам сруба. Жерди сразу погнулись и осели под тяжестью наваленной на них земли. Держа в руке конец проволоки, Рутерфорд спустился в яму и крепко обхватил ногами верхнюю часть шеста. Опершись спиной о стену шахты, он изо всех сил дернул за проволоку.

Жерди крыши съехали с бревен, и все сразу рухнуло вниз в комнату. Вход в подземелье был завален трехфутовым слоем земли.

— Ну, теперь они никогда не догадаются, куда мы исчезли,— сказал себе Рутерфорд, опускаясь по шесту.

Через минуту он был уже в овраге. Эмаи, Эшу и воины ждали его. Он с жадностью вдыхал свежий ночной воздух — легкие его были отравлены дымом пожара.

В ТАРАНАКИ!

— Мне не нужен такой раб, как ты, Желтоголовый,— говорил Эмаи.— Мне нужен такой вождь. Ты хитер, ты храбр, и ты рожден быть вождем.

Ночь кончалась, небо бледнело, но на дне оврага было еще темно. Они быстро шли вперед меж двух отвесных высоких склонов. Овраг был порой так узок, что им приходилось идти гуськом. Они шлепали босыми ногами по воде ручья, который сопровождал их от самой пещеры.

— И клянусь, я сделаю тебя вождем, Желтоголовый, когда прогоню Сегюи из моей страны, потому что ты велик и мудр,— продолжал Эмаи.— А Сегюи я отомщу. Я собственной рукой разобью ему голову и истреблю весь его род.

Их осталось всего двадцать шесть человек, считая Эшу, которую воины поочередно несли на плечах. Все до одного были ранены — кто хромал, кто не мог двинуть перебитой рукой, кто лишился уха и глаза. Эмаи, исцарапанный с ног до головы, был мокрый от собственной крови. И все же они думали только о мести. Снова выстроить родную деревню, освободить своих жен, сестер, дочерей из рабства — это была их единственная мечта, и они не забывали о ней ни на минуту.

— Нет, ты будешь вождем раньше, чем я вернусь и убью Сегюи,— говорил Эмаи.— Если бы не ты, от нашего племени не осталось бы в живых ни одного человека. Я возведу тебя в вожди, едва мы придем в страну Таранаки, к моим друзьям и союзникам. Я верховный вождь и могу сделать вождем кого пожелаю.

Рутерфорд молчал. Стало уже совсем светло, и Эмаи решил, что продолжать путешествие днем слишком опасно: кто-нибудь может увидеть их сверху. Найдя небольшое углубление под скалой, висевшей над оврагом, они все укрылись в нем. Воины убили копьями несколько куропаток, которые во множестве гнездились на дне оврага. Они съели их сырыми, потому что разводить огонь было опасно — враги могут заметить дым костра. Рутерфорд, несмотря на сильный голод, съел очень немного — он так и не привык есть сырое мясо.

Они просидели под скалой весь день, но, едва стемнело, снова тронулись в путь по бесконечному оврагу. Мало-помалу овраг становился не таким глубоким, а стены его не такими отвесными. В конце концов на третью ночь пути им удалось выбраться из него. Они вступили в лес.

Эмаи повел свой маленький отряд к югу, в далекую страну Таранаки.

— Старый Отако, верховный вождь племени Таранаки, был другом моего отца,— говорил Эмаи.— Он примет меня, как брата, и поможет мне победить моих врагов.

Первое время они шли только по ночам, а днем укрывались в самой глухой чаще леса. Иногда в лесу они встречали людей. Это были беглецы из разграбленных Сегюи деревень. Среди них иногда находились и женщины. Большинство беглецов принадлежало к племени Эмаи. Но порой среди них попадались представители и других племен — ведь Сегюи разгромил всю северную часть Северного острова Новой Зеландии. Все они, изголодавшиеся, перепуганные, преследуемые, присоединялись к Эмаи и вместе с ним шли на юг. Отряд все увеличивался, и после трех недель пути по разоренной стране их было уже около пятисот человек.

Иногда они натыкались на пепелища сожженных деревень. Там, где прежде был частокол, торчали обгорелые бревна, редкие, словно поломанные зубы. Обглоданные человеческие кости свидетельствовали о страшных пирах, которые недавно здесь происходили. Наши путники всегда огибали стороною эти жуткие развалины, боясь встретиться с врагами.

Питались они очень скверно — редко-редко удавалось им убить одичалую свинью, убежавшую в лес из какого-нибудь разграбленного селения. Они глотали все, что попадалось им под руку: голубиные яйца, улиток, червей, пауков, корни папоротника. Эмаи запрещал жечь костры, и всю пищу приходилось есть сырой. Рутерфорд страдал от этого больше всех и сильно похудел.

Нога Эшу скоро поправилась, и теперь девушка шла сама, без посторонней помощи. Она, как верный пес, не отставала от Рутерфорда ни на шаг. Она доставала для него папоротниковые корни и делилась с ним птичьими яйцами, которые находила в гнездах.

Страна вокруг них становилась мало-помалу все гористее. Круглые холмы северной части острова сменились настоящими горными кряжами. Путники пробирались узкими ущельями меж огромных серых скал. Взбираться на склоны гор было слишком рискованно, потому что там их могли бы заметить издалека. Часто им приходилось перебираться вброд через стремительные речки с ледяной водой. Эти речки были так холодны потому, что они образовались из снега, тающего на вершинах гор. Но несколько раз им по-

падались и горячие ключи, окруженные клубами пара. Вода в этих ключах так горяча, что к ней невозможно прикоснуться. Горячие ключи били из земли высоко вверх, словно исполинские фонтаны. Они доказывали, что вулканические силы, поднявшие некогда Новую Зеландию со дна океана, еще не утихли. Рутерфорд во время этого путешествия не раз видел вулканы, над которыми вились дымки.

Эмаи вел их к огромной далекой горе, снежная вершина которой ослепительно сверкала на солнце. Гора эта была гораздо выше всех окрестных гор.

— За ней находится страна Таранаки,— сказал Эмаи, показывая Рутерфорду гору.— Когда гора окажется сзади нас, мы будем у наших друзей.

Рутерфорд вспомнил, что видел эту снежноглавую гору с моря, когда «Агнесса» блуждала возле берегов Новой Зеландии, подыскивая удобную бухту, чтобы пристать. Капитан Коффайн называл ее горою Эгмонта.

Наконец они вышли из разоренного края. И стали попадаться деревушки, не тронутые войной и пожаром. Жители этих деревушек встречали путешественников очень дружелюбно. Они боялись, что Сегюи явится и к ним. Поэтому всех врагов Сегюи они считали своими союзниками. Армия Сегюи страшила их главным образом своими ружьями. Эти обитатели центральной части острова совсем не имели огнестрельного оружия.

Вожди деревень оставляли Эшу и Эмаи ночевать в своих хижинах. Они щедро угощали гостей. Все видели, с каким уважением Эмаи относится к Рутерфорду, и относились к нему так же. Слава о том, как он пробрался во вражеский лагерь, как он освободил пленницу, как он вырыл подземный ход и обманул этим Сегюи, распространялась из деревни в деревню. Его огромный рост, огненные волосы и белая кожа восхищали простодушных новозеландцев. Рутерфорда всюду встречали как вождя, хотя он не был еще вождем. Спал он вместе с вождями, по правую руку Эмаи. Все охотно кормили его, и он скоро опять пополнел.

Теперь, когда можно было идти днем, они шли гораздо быстрее. Обогнув гору Эгмонта, они вошли в страну Таранаки, о которой так страстно мечтал Эмаи.

Таранаки — приморская страна. Она расположена на берегу широкого Кукова пролива. Море! Ведь только море могло принести Рутерфорду избавление, могло вернуть его на родину. Жадным взором оглядывал он горизонт, не видно ли где-нибудь паруса. Но море было нелюдимо и пустынно.

Они посетили в Таранаки много деревень, которые показались Рутерфорду богаче деревень племени Эмаи. Огороды вокруг них были обширны, в загородках хрюкали свиньи. Но главным промыслом племени Таранаки было рыболовство. Флот, состоявший из множества больших пирог, шнырял целыми днями у берега. Рутерфорд не раз видел, как рыбаки, стоя на носу пироги, убивали копьями колоссальных акул. Вонючий акулий жир таранакцы считали лакомством и любили больше свиного сала. Во время каждого отлива все население страны выходило на берег собирать рыб и раковины. Раковины ели только сырыми.

Наконец они прибыли в самую большцую деревню страны, где жил Отако, верховный вождь племени. Эта деревня по своим размерам превосходила все, которые до сих пор видел в Новой Зеландии Рутерфорд. В ней жило не меньше тысячи человек.

Отако встретил гостей у ворот. Толпа восторженно кричала: «Айр-маре!» Женщины царапали себе лица. Гости прошли за частокол и сейчас же были размещены по хижинам. Верховный вождь отвел Эмаи, Эшу и Рутерфорда к себе.

Отако был уже совсем сед, но ходил легко, словно молодой человек, и так быстро, что гости едва поспевали за ним. Высокий, худощавый, мускулистый, он, несмотря на свой возраст, казался очень крепким и сильным. Голову его украшали бесчисленные перья, одно из которых поразило Рутерфорда своей необычайной величиной. Это было перо вымершей птицы моа, доставшееся Отако по наследству от отца и деда.

Хижина Отако была еще больше, чем хижина Эмаи. Перед ее дверью горел огонь, вокруг которого сидело чело-

век десять — двенадцать мужчин. Это были младшие вожди племени Таранаки. Они жарили большую свинью. Увидев гостей, они подвинулись и уступили им место возле костра.

Эмаи стал рассказывать о том, как Сегюи разрушил его деревню. Рассказывал он, в общем, правдиво, но необыкновенно хвастал храбростью и сказочной силой своих воинов. Врагов он называл собаками, свиньями, попугаями, акулами и с презрением говорил об их трусости, подлости, глупости. Свои достоинства он с редким благородством оставлял в тени, но зато своих друзей и родственников превозносил свыше всякой меры.

— Мой храбрый племянник Кайморо,— кричал он,— перебил сто шестьдесят этих вонючих псов и умер, как подобает умирать потомку великих героев.

Или:

— Гаула, мальчишка, никогда не бывавший в сражении, каждым ударом копья убивал трех этих глупых попугаев. Я хохотал, глядя, как толстые, словно свиньи, воины Сегюи убегали от ребенка, который недавно научился ходить. Они набросились на него целым войском, и только тогда он упал.

Эмаи поминутно вскакивал, размахивал мэром и показывал, как сражался каждый из его воинов. Но, несмотря на такие преувеличения, из его рассказа стали совершенно понятны те три причины, благодаря которым Сегюи оказался победителем. Во-первых, враги появились возле деревни на целые полторы недели раньше, чем их ожидали. Во-вторых, их было много. В-третьих, копьями и мэрами ничего не сделаешь против ружейных пуль.

— Неужели у всех были ружья?—спросил Отако.

— Почти у всех,— ответил Эмаи.— Если бы у них не было ружей, мы могли бы делать вылазки и не позволить им поджечь частокол.

Когда Эмаи рассказал о спасении своей дочери, о подземном ходе, все с уважением взглянули на Рутерфорда.

Но Рутерфорд не слушал слов Эмаи. Во время всего его рассказа он пристально разглядывал человека, который сидел тут же, возле костра, и жевал свинину.

Перья на голове незнакомца и татуировка на лбу свидетельствовали, что он был одним из младших вождей племени Таранаки. Плечи свои он покрыл циновкой, в руке дер-

жал мэр, у ног его лежало копье. Несколько раз во время рассказа Эмаи он вставлял короткие замечания и говорил по-новозеландски свободно, легко, правильно, как прирожденный новозеландец. Но кожа на лице этого человека, изрытая татуировкой, была не коричневая, а белая, как у самого Рутерфорда.

Когда свинью съели и все встали, чтобы идти спать, белокожий новозеландец подошел к Рутерфорду и сказал вполголоса по-английски:

— Приходи ко мне в хижину. Третья слева от ворот.

БЕСЕДА

Проведя ночь в хижине Отако, Рутерфорд встал на рассвете, когда все еще спали, и пошел искать жилище белого новозеландца. Хижина, в которой жил белый, по внешнему виду ничем не отличалась от прочих хижин деревни. Рутерфорд остановился у входа.

— Заходи,— произнес кто-то на чистом английском языке.

Рутерфорд нагнулся и вошел. В полумраке он увидел человека, который сидел на сене, очевидно только что проснувшись. Рядом спала женщина, придерживавшая во сне руками двух маленьких спящих детей. В хижине был только один европейский предмет — превосходное двуствольное ружье, которое висело на стене.

— Садись, Рутерфорд,— сказал хозяин хижины.

Рутерфорд вздрогнул, услышав свое имя. Новозеландцы называли его Желтоголовым. Откуда этот человек может знать, как его зовут на самом деле?

— Кто сказал тебе, как меня зовут? — спросил он.

— Твой приятель Джон Уотсон,— ответил белый новозеландец.— Он рассказывал мне о вас всех. Я, вспомнив его слова, сразу узнал тебя по твоему росту и твоим рыжим волосам.

— Джон Уотсон! Ты видел Джона Уотсона? — вскрикнул Рутерфорд.

— Да, видел. В прошлом году мы с Отако совершили большое путешествие на север и провели несколько дней в деревне вождя Ренгади. Уотсона держали взаперти. Днем и ночью его сторожили восемь воинов. Но мне позволили

поговорить с ним, потому что я вождь и живу здесь очень давно. Уотсон рассказал, что, несмотря на охрану, ему удавалось одиннадцать раз убежать из деревни. Всякий раз его настигали в лесу и приводили обратно. Он был неукротимый человек и не мог примириться с пленом.

— Был? Почему ты говоришь — был? — в тревоге спросил Рутерфорд. — Разве сейчас его уже нет?

— Его убили.

— За что?

— За то, что он убил своего хозяина, старого вождя Ренгади. Ночью, через несколько часов после моего разговора с ним. Он проломил заднюю стену своей хижины и бежал — в двенадцатый раз. Его заметили, когда он находился уже возле самых ворот. А в это время Ренгади проверял стражу, охранявшую деревню. Увидев беглеца, он вместе с тремя воинами кинулся ему наперерез. Джон Уотсон вырвал из рук одного воина мэр и раскроил вождю череп. Через минуту он сам был заколот копьем.

Рутерфорд низко опустил голову. Ему стало тяжело и больно. Бедный Уотсон! А он-то думал, что из них шестерых погиб только Джек Маллон.

— Не видел ли ты еще кого-нибудь из матросов «Агнессы»? — тихо спросил он после продолжительного молчания.

— Видел.

— Кого?

— Джефферсона. Мы гостили у его хозяина, вождя Ваны. Джефферсон сошел с ума.

— Я так и думал! — вскричал Рутерфорд.

— Добрый Вана очень его любит, гордится им и всем его показывает. Джефферсон ничего не помнит. Он разучился даже говорить. Я спрашивал его, как ему живется, не скучает ли он по родине, не обижает ли его кто-нибудь. Но в ответ он только бессмысленно мычал. Целыми днями он лежит, словно бревно, на сене и смотрит вверх. Из оцепенения он выходит, только когда ему приносят еду. Ест он много и с необыкновенной жадностью. Вана кормит его очень щедро, и он так растолстел, что едва пролезает в дверь хижины...

— А не встречал ли ты Джона Смита и Томпсона? — спросил Рутерфорд. — Что с ними?

— Нет, повидать их мне не удалось. Они либо убиты, либо находятся в плену у Сегюи. Ведь Сегюи уничтожил деревни, в которых они жили.

Женщина, спавшая на сене, открыла глаза и стала внимательно разглядывать Рутерфорда.

— Это моя жена, дочь Отако,— сказал белый дикарь.— Она ни слова не понимает по-английски. Дети мои растут, как настоящие новозеландцы, и ничем не отличаются от прочих здешних детей. Только кожа у них немного светлее.

— А кто ты такой?— спросил Рутерфорд.

— Меня зовут Джемс Маури,— ответил белый дикарь.— Я беглый австралийский каторжник.

Он пристально взглянул Рутерфорду в лицо, чтобы увидеть, какое впечатление произвело на него это признание. Но лицо Рутерфорда не изменилось. Тогда беглый каторжник продолжал:

— Я был английским ткачом. Мы работали вручную, каждый у себя на дому. Наша работа кормила нас, хотя мы были очень бедные люди. Но скоро купцы построили суконную фабрику. На этой фабрике поставили машины. Фабричное сукно стоило вдвое дешевле нашего. И никто не стал покупать наше сукно. Нечего стало есть. Моя дочка умерла от голода. Тогда мы, ткачи, собрались толпой, пошли на фабрику и сломали все проклятые машины. Нас арестовали и отправили в Австралию на каторжные работы. Три года я носил кандалы и мостил австралийские дороги. Наконец мне посчастливилось бежать, и я пробрался в Порт-Джэксон. Там я поступил матросом на корабль. Наш корабль зашел в Новую Зеландию и остановился вот здесь, у этих берегов, в Куковом проливе, чтобы набрать пресной воды и пограбить дикарей. Пока мы стояли на якоре, я поссорился с одним матросом, подлым и грубым человеком. Он знал мою тайну. Рассердившись на меня, он пошел к капитану и сказал ему, что я беглый каторжник. Капитан заявил, что, вернувшись в Австралию, он отдаст меня полиции. Тогда я бежал с корабля на берег и пришел в эту деревню. Отако принял меня очень ласково. Я живу здесь уже восемь лет, и это самые счастливые годы в моей жизни. Я не уеду отсюда, даже если мне пообещают полное прощение. Я ненавижу Англию!

— А как ты стал вождем, Джемс Маури?

— Я отличился во многих боях. Отако очень любит меня. Он ничего не предпринимает без моего совета. Я здесь вроде первого министра. Веду всю политику и всю торговлю племени, заключаю союзы, объявляю войны. Впрочем, я человек миролюбивый и мир предпочитаю войне. Благодаря союзам, которые я заключил с нашими соседями, Таранаки теперь самое сильное племя на всем побережье Кукова пролива. И, если бы не Сегюи, могущественнее нас не было бы никого на всем острове. Но против ружей Сегюи мы ничего поделать не можем.

— Скажи, Джемс Маури, откуда у Сегюи ружья? — перебил его Рутерфорд.

— Их подарил ему английский король.

— Английский король! Разве английский король был в Новой Зеландии?

— Нет. Но Сегюи был в Англии и представлялся английскому королю.

— Когда?

— Он вернулся на родину всего полтора года назад. Неужели ты не слышал об этом? Ведь ты тогда уже находился в плену.

— Я в первый раз это слышу! — воскликнул Рутерфорд.

— Лет шесть назад Сегюи был верховным вождем одного маленького племени на восточном побережье нашего острова. Капитан какого-то торгового судна отвез его в Англию. Там Сегюи приняли как вельможу, а полтора года назад английский военный корабль высадил его снова на берег Новой Зеландии вместе с двумя тысячами ружей.

«Сюда приходил английский военный корабль, который мог взять меня на родину, а я ничего не знал об этом!» — с горечью подумал Рутерфорд. Но мысли своей вслух не высказал, потому что Джемс Маури стал таким новозеландским патриотом, что доверять ему планы о побеге было опасно. Вместо этого Рутерфорд спросил:

— А зачем английский король дал ему столько ружей?

— Английский король заключил с Сегюи договор, что тот покорит всю Новую Зеландию и подарит ее Англии. Тогда Англия получила бы еще одну богатую колонию, а Сегюи был бы здесь чем-то вроде королевского наместника. Вот какой ценой Сегюи достались его ружья. Но Сегюи ре-

шил перехитрить английского короля. Англия отсюда далеко. Он покоряет своими ружьями Новую Зеландию, но не для Англии, а для самого себя.

Джемс Маури помолчал и наконец прибавил:

— Хитер Сегюи, но в конце концов Англия перехитрит его.

— Каким же образом? — спросил Рутерфорд.

— Эта война целые племена стирает с лица земли. Десятки тысяч новозеландских воинов уже пали в бою. Множество крепких и-пу сожжено. Сегюи свирепый людоед. С тех пор как он вернулся из Европы, его войско ест почти одно только человеческое мясо. Война отвлекает жителей от охоты, от земледелия, стране грозит голод. Еще несколько лет такой истребительной войны, и Новая Зеландия превратится в пустыню. Тогда Англия завоюет ее голыми руками.

Рутерфорд сосредоточенно слушал своего собеседника. Он боялся пропустить хотя бы одно слово. До сих пор он жил как впотьмах, он не понимал, что совершается вокруг него. А для того чтобы правильно поступать, чтобы действовать самому, нужно знать решительно все о жизни той земли, куда его забросила судьба.

— Новая Зеландия превратится в пустыню,— продолжал Джемс Маури,— если мы не положим предел этому разорению. Вся северная и центральная часть острова в руках Сегюи. Но этим побережьем владеем мы. Нас от Сегюи отделяют горы. Если он выступит против нас, мы встретим его в наших горах, где нам известна каждая тропинка, и он будет разбит, несмотря на все свои ружья. Он знает это и ждет, чтобы мы первые пошли на него войной. Ну что ж, он дождется. Настанет время — мы пойдем и победим.

— Когда же настанет это время?

— Когда у нас будет немного больше ружей, чем сейчас.

— А разве у вас сейчас есть ружья?

— Вон гляди,— сказал Джемс Маури, показывая Рутерфорду ружье, висевшее на стене.

— И ты думаешь, что одно твое ружье лучше тех двух тысяч, которые у Сегюи! — рассмеялся Рутерфорд.

— У нас не одно ружье, а двести, и скоро будет еще больше,— ответил Джемс Маури.— Ружья нам привозят китоловные суда, которые останавливаются здесь, в Куковом

проливе, чтобы запастись водой и лесом. Мы разрешаем китоловам выйти на берег, набрать воды, нарубить дров и за это берем с них дань ружьями и порохом. Китоловы охотно соглашаются на такую сделку. Они отлично знают, что если мы не захотим, им не удастся выйти на берег.

— И часто вас посещают эти китоловы?

— Примерно раз в два года. Иногда чаще, иногда реже.

«Как хорошо, что я попал в Таранаки!» — радостно подумал Рутерфорд. Погасшие было надежды снова вспыхнули в его сердце.

ОЖИДАНИЕ

Долго прожил Рутерфорд в стране Таранаки, а суда китоловов не появлялись. Каждый день выходил он на берег и подолгу смотрел в бушующее море. Но море было пустынно. Он не видел никаких судов, кроме новозеландских пирог. Грустный возвращался он в деревню. Но надежды не терял и на следующее утро снова шел к морю.

Отако и Маури ждали китоловов с таким же нетерпением, хотя совсем по другим причинам. Им хотелось поскорее получить ружья и начать войну против Сегюи.

— Они запоздали, но они непременно явятся,— уверенно говорил Джемс Маури,— нужно только подождать еще немного.

Маури очень нравился Рутерфорду, и оба англичанина скоро подружились. Но Рутерфорд не признавался своему новому другу в том, что мечтает вернуться на родину. Беглый каторжник стал настоящим новозеландцем, ненавидел Англию, в которой испытал столько мук, и всем сердцем привязался к своей новой отчизне. Рассказывать ему свои планы о возвращении в Англию было так же опасно, как рассказывать их Эмаи или Отако.

Рутерфорд и сам полюбил Новую Зеландию. Ему нравились благородство и мужество этих жестоких, нищих, невежественных людей. Он восхищался их природным умом, их верностью и дружбой. И, если бы не отвратительный обычай людоедства, он совсем примирился бы с ними. Еще больше, чем люди, нравилась ему природа Новой Зеландии. Он с наслаждением бродил по безмолвным темным лесам, преследуя одичавшую свинью, лазил по неприступным

горным кручам, пил ледяную воду из стремительных речек, дышал мягким, всегда теплым воздухом.

Но все же он мучительно тосковал. По ночам снились ему улицы больших городов, грохот бесчисленных дилижансов и кебов, высокие каменные дома, витрины и вывески магазинов, шум матросских кабаков, родная английская речь на всех перекрестках. Он просыпался и, лежа на земляном полу, долго стонал и охал, переворачиваясь с боку на бок. Ведь у него в Англии остались замужние сестры, племянники, друзья, и он страстно хотел их повидать.

У обоих белых были разные планы, и они по-разному жили. Джемс Маури изо всех сил старался как можно больше походить на новозеландца. У него было ружье, но на охоту он ходил с копьем и долго учился владеть мэром. У него был железный топор, но он предпочитал пользоваться каменным. Пищу он готовил только по-новозеландски, и хижина, в которой он жил, ничем не отличалась от прочих хижин деревни.

Рутерфорд, напротив, больше всего любил те европейские предметы, которые у него еще оставались,— топор, нож и пистолет. Владеть копьем он так и не научился — отправляясь на охоту, он выпрашивал у кого-нибудь ружье или расставлял птицам хитроумные силки. Отако подарил ему клок земли под огород, и он возделывал ее не палкой, а самодельной деревянной сохой, в которую впрягался сам вместо лошади. Жилище себе он опять построил на европейский лад — не из тростника, а из толстых бревен. Ему теперь нужен был дом, а не крепость, и он прорубил в стенах настоящие окна, которые, за неимением стекол, закрывались деревянными ставнями.

Кое-чему он обучил и новозеландцев. Он показал им, например, как надо плести сети. До него новозеландцы о сетях не имели ни малейшего представления. Через два года после его прибытия в Таранаки все прибрежное население ловило рыбу сетями и улов увеличился в несколько раз.

Первые сети были сплетены Эшу из волокон дикого льна по указанию Рутерфорда. Рутерфорд вышел на пироге в море, и, когда вернулся, его пирога была полна рыбой. Тогда все стали плести сети. Скоро рыбы оказалось столько, что ее не успевали съедать всю и стали коптить впрок. Даже собаки и свиньи досыта нажирались рыбой.

Одной только Эшу рассказывал Рутерфорд свои мечты о возвращении на родину, так как знал, что она его не выдаст.

— Мне грустно будет с тобой расставаться, Желтоголовый,— говорила девушка.— Я хочу, чтобы корабль твоего племени пришел сюда как можно позже. Но я понимаю, что жить одному среди чужого народа очень тяжело, и мне тебя жалко. Смотри, как тоскует мой отец по нашей деревне, которую уничтожил Сегюи. А ведь он находится от нее гораздо ближе, чем ты от своей родины, и окружен друзьями. Нет, если бы мне пришлось навсегда покинуть этот остров и попасть к чужеземцам, которые говорят на чужом языке, я бы потеряла рассудок.

«Да, некоторые от этого теряют рассудок»,— подумал Рутерфорд, вспомнив несчастного Джефферсона.

Эмаи по-прежнему любил Рутерфорда и не забыл своего обещания сделать его вождем. Как-то (это было уже на второй год жизни в Таранаки) он собрал на поляне всех своих воинов — жалкие остатки прежде большого племени, обитавшего в нескольких дюжинах многолюдных деревень,— и сказал длинную речь, в которой восхвалял храбрость, ум и силу Рутерфорда самыми пышными выражениями. Речь эта длилась больше часу. Окончив говорить, он подозвал к себе Рутерфорда. Рутерфорд опустился перед верховным вождем на колени. Эмаи поднял его с земли и долго терся с ним носом. Потом подарил ему большую циновку, выкрашенную красной охрой, и приказал татуировать новому вождю лоб. Татуировка на лбу — главный отличительный признак новозеландского вождя, так как, кроме вождей, никто не имеет права татуировать себе лоб. Рутерфорд без единого вздоха вынес мучительную операцию, длившуюся больше получаса. Когда татуировка была кончена, он, скрывая боль, накинул себе на плечи новую циновку, украсил голову перьями и устроил пиршество для воинов Эмаи. Гости съели несколько пудов соленой рыбы, пойманной Рутерфордом и засоленной на всякий случай про запас, и двух свиней, подаренных ему вождями соседних деревень за то, что он научил их плести сети. Пиршество длилось всю ночь до утра. Утром на поляну явился Отако и в знак дружбы преподнес Рутерфорду ружье, несколько пригоршней пуль и несколько фунтов пороху.

Теперь, когда Рутерфорд стал вождем, воины племени Эмаи беспрекословно ему подчинялись. Воины племени Таранаки относились к нему с почтением. А сам он обязан был повиноваться одному только Эмаи. И ни одно важное совещание по вопросам войны и политики не обходилось без него.

А совещаться было о чем. Каждый месяц в страну Таранаки приходили с севера голодные, усталые, покрытые ранами мужчины и женщины, беглецы из разоренных деревень, жалкие остатки могущественных и многолюдных племен. Они приходили к Отако и умоляли его немедленно отправиться со всем своим войском на север и истребить кровожадную свору вонючего пса — Сегюи. Чего-чего только они не обещали своему покровителю в случае победы!

И каждый раз Отако созывал к себе на совещание всех своих младших вождей и всех вождей союзных племен, которые гостили в его деревнях. Совещание собиралось обыкновенно перед хижиной Отако. Сначала пришельцы с севера рассказывали о своих несчастьях и умоляли помочь им отомстить. Потом все вожди сообща в течение нескольких часов громко проклинали Сегюи и предрекали ему самую ужасную смерть. Затем съедали свинью. Когда от свиньи оставались только кости, вставал Джемс Маури и говорил, что скоро придет корабль белых и привезет ружья, а до тех пор начинать войну с Сегюи — это значит идти на верную гибель. Пришельцы с севера принимались кричать, что откладывать войну больше невозможно, но Отако неизменно соглашался со своим первым министром, и совещание решало ждать корабля белых.

Но время шло, а долгожданный корабль не появлялся.

Многие опасались, что Сегюи, который покорил уже всю северную часть острова, сам пойдет войной на страну Таранаки. Но Джемс Маури считал это маловероятным.

— Сегюи не так глуп,— говорил он.— Ему отлично известно, что у нас в горах мы подстережем его где-нибудь в ущелье и сверху забросаем камнями. Нет, он ждет, чтобы мы сами пришли к нему. Едва наши горы останутся у нас за спиной, мы со своим жалким вооружением будем перед ним бессильны.

Так тянулось это утомительное ожидание неминуемой войны.

Однажды Отако получил ошеломляющее известие, что с севера вошло в горы полчище каких-то людей, среди которых одних воинов не меньше тысячи человек. Судя по слухам, они были очень похожи на сторонников Сегюи, так как несли множество ружей. Но вели они себя очень странно — вместо того чтобы громить горные деревушки, они обращались с их жителями как с друзьями, всюду поносили Сегюи и громко восхваляли Отако. Дойдя до подножия горы Эгмонта, они остановились там большим лагерем, а вождь их пошел к Таранаки один.

Когда он вошел в хижину верховного вождя, там, кроме Отако, находились Эмаи, Джемс Маури и Рутерфорд. Незнакомый вождь, ни на кого не глядя, упал перед Отако на колени. Отако молчал, ожидая, что будет дальше. Только огромное перо птицы моа слегка колыхалось у него на голове. Незнакомец тоже молчал. И вдруг тишина была прервана яростным криком Эмаи:

— Я знаю его. Это Тогаре, верная собака Сегюи. Я видел его, когда горела моя деревня. Он стоял, глядел на пламя и громко смеялся.

Эмаи схватил пришельца за горло и занес над ним свой мэр.

— Остановись! — крикнул Отако. — Пусть он говорит. А убить его мы всегда успеем.

Эмаи отпустил свою жертву и, глухо ворча, сел в угол.

— Я пришел к вам один, вожди,— заговорил Тогаре,— и вам, конечно, нетрудно убить меня здесь. Но раньше выслушайте меня. Да, я и все мои воины сражались вместе с Сегюи, потому что Сегюи верховный вождь моего племени. Да, ты прав, Эмаи, я был твоим врагом и радовался, когда горела твоя деревня. Но теперь я твой друг, Эмаи. Я твой друг, потому что у нас есть один общий враг. Этот враг — Сегюи.

Тогаре начал говорить спокойно. Но тут он заволновался. Все слушали его с напряженным вниманием.

— Сегюи покорил весь наш остров,— продолжал Тогаре.— Одно только племя Таранаки осталось ему неподвластно. Он опустошил вражеские земли, и в деревне его больше мертвых голов, чем живых. Рабы ходят за ним тол-

пой — он их кормит свининой, а сам ест только человеческое мясо. Но он думает, что мы, вожди его племени, тоже обязаны служить ему, как рабы. Он забыл, что это нашими руками и руками наших воинов он добыл все свои победы. Мы сражались за него в боях, а теперь он отнимает у нас нашу добычу и снимает частоколы наших селений, селений своего собственного племени, чтобы мы, его младшие вожди, не могли восстать против него. Он всегда был кровожаден и труслив, но, с тех пор как побывал за морем у белых людей, стал еще кровожадней и трусливее. Я не в силах был терпеть, вожди, и я не вытерпел! — кричал он. — Я поднял жителей трех селений нашего племени и привел их к вам. У меня тысяча воинов и шестьсот ружей. Все мои воины рвутся в бой. Все они стремятся освободить свое племя. Я пришел сюда спросить вас, вожди, согласны ли вы идти вместе с нами войной против Сегюи?

Тогаре замолчал, пристально глядя в лицо Отако. Маури нагнулся к Рутерфорду и сказал ему по-английски:

— У нас двести ружей, у Тогаре шестьсот. Итого восемьсот. У Сегюи осталось всего тысяча четыреста.

Отако вопросительно взглянул на Джемса Маури. Джемс Маури кивнул ему головой. Тогда вождь племени Таранаки встал и торжественно произнес:

— Мы принимаем твою дружбу, Тогаре. Завтра утром можно выступить в поход.

Эмаи хмуро взглянул на своего бывшего врага, но, не сказав ни слова, пошел собирать своих воинов.

ПЕРЕД БОЕМ

Всю ночь к селению Отако шли люди из соседних деревень.

Частокол не мог вместить всех, и они располагались табором на окрестных холмах. До утра горели огромные костры, до утра гремели хвастливые песни. Все радовались предстоящей войне, как празднику, все заранее торжествовали и ликовали. Этот воинственный народ не знал никакого другого счастья, кроме боя.

Во всем стане не радовался только один человек — Рутерфорд. Ему не хотелось покидать берег, возле которого каждый день мог появиться корабль, и снова идти внутрь страны. Но что делать — нужно было подчиняться. Он взял ружье, мэр, топор, пистолет, нож, запас провизии на несколько дней, запер свой дом и присоединился к воинам Эмаи.

К нему подошла Эшу.

— Я пойду вместе с тобой,— сказала она.— Я не отстану от тебя ни на шаг. Дай мне ружье. Я понесу его.

По новозеландским обычаям, женщины часто сопровождали мужчин во время военных походов и несли часть их оружия. Рутерфорду не хотелось расставаться с Эшу, и он охотно согласился взять ее с собой.

Утром все войско вышло в путь и к вечеру у подножия горы Эгмонта соединилось с воинами Тогаре, которые в знак радости дали залп в воздух из своих шестисот ружей. Теперь под начальством Отако было по крайней мере пять тысяч бойцов — по новозеландским представлениям, огромная армия.

Два месяца шли они среди превращенной в пустыню страны, охотились, жгли костры, пели песни. Путь войску указывали Тогаре и Эмаи, превосходно знавшие местность. Пепелища деревень, которые Рутерфорд видел два года назад, теперь заросли высокой травой, а давно не хоженные лесные тропинки утонули во мху. Зато всякой дичи расплодилось множество, и Рутерфорд без труда убивал каждый день несколько киви или куропаток. Эшу собирала для него съедобные растения — корни папоротника, дикий сельдерей. По вечерам они вдвоем разводили маленький костер в стороне от остальных и сытно ужинали, сидя друг против друга.

Чем больше становилось расстояние, отделявшее войско от страны Таранаки, тем осторожнее были вожди. Они опасались засады. Каждый день вперед высылали разведчиков, которые, заметив врагов, должны были немедленно предупредить о них Отако.

Однажды эти разведчики привели с собой в лагерь человек триста каких-то незнакомых воинов, из которых не меньше половины имели ружья. Воинами этими предводительствовал молодой вождь. Он упал перед Отако на коле-

ни, расцарапал себе лицо и заявил, что не хочет больше подчиняться Сегюи и желает вступить в армию племени Таранаки. По его словам, он всего три дня назад покинул армию Сегюи. Все воины Сегюи, говорил он, возмущены бессмысленными притеснениями, которые терпят от своего правителя, и будут сражаться за него без большой охоты. Да и этого ненадежного войска у него осталось совсем не так уж много, всего тысячи три, так как лучших своих бойцов Сегюи предал казни, боясь соперничества. В страхе перед армией Отако он собирался даже вооружить своих бесчисленных рабов, но отказался от этого плана, опасаясь измены.

— Вперед! — закричал Эмаи, дрожа от радости при мысли, что ему наконец-то удастся отомстить врагу.

— Вперед! — воскликнул Джемс Маури, весело потирая руки.

— Вперед! — приказал Отако.

Войско быстро зашагало по лесу, предвкушая победу и богатую добычу.

Через два дня обе враждебные армии встретились на берегах мелкой, но довольно широкой речки. Левый берег заняли воины Отако, правый — воины Сегюи. К удивлению Рутерфорда, обе стороны, вместо того чтобы немедленно ринуться в бой, остановились и принялись внимательно друг друга разглядывать. Рутерфорд и сам с любопытством рассматривал вражеский стан. Он сразу заметил, что войско Сегюи по крайней мере вдвое меньше, чем войско Отако. Но ружей у Сегюи все же было больше.

Рутерфорд подошел к вождям, стоявшим у подножия сосен.

— Почему не начинается битва? — спросил он.

— Мы хотим, чтобы Сегюи первый напал на нас, — ответил Отако. — Когда его воины станут переходить через реку, нам легко будет стрелять в них.

— А они ждут, чтобы мы первые напали на них, — сказал Эмаи.

— Это они только притворяются, — заметил Тогаре. — Я много раз сражался вместе с Сегюи и знаю все его хитрые выдумки. Он вовсе не ждет нашего нападения. Он ждет темноты. В темноте гораздо легче перейти реку и напасть на нас.

— В старое время,— возмущенно сказал Эмаи,— воины сражались только при солнечном свете. В темноте может сражаться лишь трус, который боится встретить врага в открытом бою.

Когда наступила ночь, оба лагеря разложили множество костров. И в лагере Отако костров было вдвое больше, чем в лагере Сегюи. Никто, конечно, не ложился спать. Все молчали. Воины, окружавшие Рутерфорда, напряженно вглядывались в скрытые мраком воды реки, на противоположном берегу которой сверкали огни врагов. Вот-вот Сегюи перейдет реку и начнется бой.

Но время шло, а враг не появлялся. До рассвета оставалось уже не больше двух часов, когда вдруг в лагерь Отако примчался перебежчик из стана врагов. У Сегюи он служил рабом и поэтому не имел никакого оружия. Когда-то он был воином Эмаи, и Сегюи взял его в плен во время разгрома одной из деревень. Но пленник остался верен своему племени. Он только что перешел реку, и вода капала с его волос.

— Огни на той стороне только хитрость,— сказал он задыхаясь,— там нет ни одного человека. Едва стемнело, Сегюи, оставив для обмана эти костры, повел свое войско по берегу вверх, против течения реки. Там они перешли реку и находятся уже на этом берегу. Сейчас они будут здесь. Они хотят напасть на вас врасплох и оттеснить в воду.

Отако и Эмаи угрюмо переглянулись. Но Джемс Маури весело воскликнул:

— Не унывайте, друзья! Мы обманем их так же, как они собираются обмануть нас. Мы покинем это место, и, когда Сегюи придет сюда, он не найдет здесь ничего, кроме пылающих костров.

Через несколько минут лагерь, недавно такой оживленный, опустел. Ярко горящие костры озаряли только молчаливые стволы сосен. Джемс Маури вел свое войско через лес к одинокому, стоявшему совсем близко холму, который он высмотрел еще днем. Едва воины начали взбираться вверх по крутому склону, как позади раздался отчаянный, яростный вопль. Это приверженцы Сегюи поняли, что попали впросак.

Рассвело. Огни костров потускнели, взошло солнце и позолотило вершины сосен.

— За мной! — крикнул Эмаи и ринулся вниз с холма, держа в одной руке ружье, а в другой мэр.

— За мной! — крикнул Отако и тоже помчался вниз.

Воины понеслись вместе со своими вождями, стремясь напасть на врага прежде, чем он успеет уйти. Женщины, сопровождающие войско, тоже побежали вниз. Они держались в нескольких шагах позади мужчин — каждая бежала за своим мужем или братом.

— Оставайся здесь! — крикнул на бегу Рутерфорд, увидя, что Эшу следует за ним.

— Нет, нет, я хочу быть с тобой! — ответила Эшу на бегу.

Воины Сегюи, подняв ружья, молча ожидали приближения неприятеля. Расстояние, отделявшее обе армии, уменьшалось с каждой секундой. Когда оно стало не больше пятидесяти шагов, воины Сегюи дали залп. Пули повалили несколько десятков человек, но остановить наступление этим не удалось. Воины Отако бежали с горы и не могли остановиться. Они на бегу выстрелили и кинули свои ружья бежавшим сзади женщинам, чтобы освободить руки для рукопашного боя. Рутерфорд тоже выстрелил и тоже кинул свое ружье Эшу.

Воя, визжа, шипя от бешенства, накинулись воины Отако на воинов Сегюи. Мэры крутились, как мельницы. Те, у кого были топоры, норовили схватить вражеского бойца левой рукой за волосы, а правой перерубить ему шею. Когда это удавалось, они швыряли отрубленную голову женщинам, чтобы потом выставить ее напоказ перед своей хижиной.

Отчаянная свалка продолжалась недолго. Враг не выдержал натиска, дрогнул и побежал.

Во время боя Рутерфорд метался из стороны в сторону и грозно рычал, размахивая стальным топором. Он ни разу никого не ударил, но враги расступались перед ним, устрашенные его огромным ростом и грозным видом. Только один какой-то смельчак, перед тем как обратиться в бегство вместе с остальными, обернулся и попытался стукнуть его мэром по голове. Но голова Рутерфорда находилась слишком высоко, и камень мэра обрушился ему на плечо.

Рутерфорд вскрикнул от боли и погнался за своим обидчиком, убегавшим во всю прыть.

Они долго неслись по лесу. Воины разбитой армии разбегались в разные стороны. Эшу отстала, и Рутерфорд скоро заметил, что, кроме него и воина, за которым он гонится, кругом нет никого. Он уже полчаса гнался за своим обидчиком и начал уставать. Воин, ударивший его мэром, оказался отличным бегуном и в конце концов скрылся из виду. Рутерфорд остановился и, тяжело дыша, прислонился спиной к дереву.

И вдруг прямо перед собой, под исполинским папоротником, он заметил какое-то странное существо, которое он сначала принял за обезьяну. У существа этого было маленькое, сморщенное, коричневое, отвратительное личико с крупными, выдвинутыми далеко вперед ослепительно белыми зубами и голые, тощие, кривые ножки. Туловище существа было облачено в засаленный фрачный пиджак с длиннейшими фалдами. На груди у него висел большой белый орден. Но зато там, где должны были быть брюки, болталась коротенькая юбчонка, сделанная из обрывка грязной новозеландской циновки. В правой руке существо держало большой пистолет, дуло которого было направлено прямо в грудь Рутерфорду.

— Прощайся с жизнью, белый воин,— сказало существо на ломаном английском языке, погано улыбаясь.

Щелкнул курок. Но выстрел не раздался. Пистолет дал осечку.

Рутерфорд, опомнившись, двинулся к злобному существу, высоко подняв топор. Снова щелкнул курок. И снова осечка. Между ними было уже не больше двух шагов. Курок щелкнул в третий раз, и в третий раз пистолет дал осечку. Рутерфорд отбросил свой топор далеко в сторону и ударом кулака выбил забастовавший пистолет из рук врага. Схватив обезьяноподобного человечка за горло, он повалил его на траву и мял до тех пор, пока пуговицы фрака с треском не отлетели, открыв голую татуированную грудь.

— Не рви моего фрака,— прохрипел человечек.— В этом фраке я представлялся твоему королю...

Тут только Рутерфорд догадался, что странное суще-

ство, горло которого он держит в руках,— могущественный вождь Сегюи, истребивший столько племен.

— Отпусти меня,— бормотал Сегюи, задыхаясь и плача (да, да, из глаз его текли слезы).— Когда я разобью всех своих врагов и стану владыкой Новой Зеландии, я подарю тебе несколько племен, и ты будешь могущественным вождем. Отпусти меня, и английский король сделает тебя своим лордом, потому что ведь он мой союзник и, конечно, послушает моего совета. А если ты меня не отпустишь, сейчас сюда придут мои воины и жестоко отомстят тебе за мою смерть. Отпусти меня...

Рутерфорду был омерзителен этот жестокий людоед, опустошивший целую страну. Но у Рутерфорда было доброе сердце, и, видя под собой жалкую, мокрую от слез мордочку, он совершил поступок, который ему не простил бы ни один новозеландец, любящий свою страну.

Он взял разорителя селений за шиворот, поднял его одной рукой высоко в воздух, встряхнул, словно пустой мешок, и, дав ему на прощание здоровенный подзатыльник, отпустил на все четыре стороны.

Сегюи опрометью кинулся бежать. Но за ближайшим кустом он остановился, поднял с земли копье и швырнул его в Рутерфорда. Острие копья вонзилось Рутерфорду в мякоть левой ноги. Рутерфорд выхватил из-за пояса свой пистолет, но Сегюи уже исчез среди деревьев.

Из раны текла кровь. Рутерфорд не мог стоять и упал. Через полчаса его нашла Эшу. Она вытащила из раны копье, остановила кровотечение листьями какого-то целебного растения и помогла своему белому другу пробраться в лагерь победителей.

МЕЧТЫ ДЖЕМСА МАУРИ

— Войско Сегюи больше не существует,— говорил Джемс Маури.— Оно частью уничтожено, частью рассеяно, частью перешло на нашу сторону. Осталось еще несколько шаек, которые скрываются в лесах где-то возле Восточного мыса, но мы их без всякого труда истребим в несколько недель. Наша армия становится многочисленнее и крепче с каждым днем, потому что рабы Сегюи целыми толпами

бегут к нам. Большинство тех ружей, которые Сегюи привез с собой из Англии, находятся в наших руках.

Рутерфорд и Джемс Маури шли по берегу все той же реки, но река здесь была гораздо шире, и издали уже доносился гул морского прибоя. Со времени победоносной битвы прошло больше двух недель, и рана на ноге Рутерфорда уже зажила. Он только слегка прихрамывал.

— Сам Сегюи тоже от нас не уйдет,— продолжал Джемс Маури.— Я уверен, что не сегодня завтра его нам выдадут его же собственные воины. Они не слишком его любят.

Рядом с Рутерфордом шла Эшу. За их спиной шагал Отако, который вел большой отряд воинов. Но Джемс Маури говорил по-английски, и никто, кроме Рутерфорда, его не понимал.

— Наконец-то Новая Зеландия будет под одной властью!— воскликнул Маури.— Все верховные вожди всех племен подчинятся Отако. Они считают себя его союзниками, но, в сущности, они все находятся в его власти. Вернее, в моей власти, потому что без моего совета Отако не сделает ни одного шага. Подумай, может ли какой-нибудь Эмаи сопротивляться мне и Отако, раз больше половины его племени истреблено и все его частоколы сожжены?

Рутерфорд и сам думал об Эмаи, который, не дождавшись даже окончательного уничтожения армии Сегюи, поспешил к пепелищу своей деревни, чтобы как можно скорее заново отстроить ее. Что сделает храбрый Эмаи, когда увидит, что его племя, только что освобожденное из одного рабства, попало в другое? Рутерфорд ясно представил себе длинный ряд истребительных, опустошительных войн, которые еще предстоят этой несчастной стране. Но он привык держать свои мысли при себе и не произнес ни слова. А между тем Джемс Маури продолжал говорить, все больше и больше воодушевляясь.

— Новая Зеландия, став единой, превратится в самую могущественную империю Южного полушария. На первых порах императором будет, конечно, Отако. Но Отако стар, и у него нет сыновей. Я женат на его старшей дочери, и никто, кроме меня, не может ему наследовать. Тебе тогда будет хорошо, Рутерфорд. Ведь я тебя полюбил за эти годы. Ты будешь моим послом. Хочешь? Представитель Новой Зеландии при лондонском дворе. Как тебе это нравится, а?

Английский ткач, который работал по двадцать часов в сутки, не разгибая спины из-за нескольких пенсов,— могущественный император. Английский матрос — посол, знатный вельможа, перед которым заискивают придворные дамы и шикарные кавалеры. Вот-то мы посмеемся над ними! Впрочем, я прикажу тебе, как моему послу, объявить Англии войну. Я хочу отомстить всем этим богатым господам. Они будут знать, как отправлять бедных на каторгу.

— На каком же корабле я поеду к английскому двору?— улыбаясь, спросил Рутерфорд.— На пироге, выдолбленной из соснового ствола?

— У нас будут корабли,— ответил Джемс Маури.— Сколько угодно кораблей. С этого дня мы будем забирать себе каждый европейский корабль, который подойдет к берегам Новой Зеландии. Эмаи, захватив вашу «Агнессу», сжег ее. Это было очень глупо. Каждый корабль, который нам удастся захватить, мы будем беречь и холить. Лет через десять у нас наберется целый флот. Хочешь, я сделаю тебя не послом, а адмиралом? Ты моряк, и из тебя выйдет отличный адмирал...

Сосны расступились, и перед путниками открылась широкая морская бухта. Рутерфорд, потрясенный, остановился. Он узнал это место. Вот здесь, в этой самой бухте, пять лет назад воины Эмаи разграбили бриг «Агнессу». Значит, река, по берегу которой они так долго шли,— Темза.

Да, да, он не ошибается, он все ясно помнит. Сюда, в устье этой реки, капитан Коффайн посылал его за пресной водой. Вон мель, на которую вынесло «Агнессу» после того, как воины Эмаи перерубили якорные канаты. Вон к тому берегу привез на пирогах Эмаи своих связанных пленников.

Но что это? Ему, вероятно, мерещится! Не сошел ли он с ума? Рутерфорд протер глаза. Посреди бухты, на том самом месте, где когда-то стояла «Агнесса», он ясно видел трехмачтовый купеческий бриг, на котором суетились матросы, спуская якоря.

— Это первый корабль твоей будущей адмиральской эскадры, Рутерфорд,— сказал Маури, протянув вперед руку.— Завтра днем мы поедем туда под предлогом продажи свиней, а через несколько минут он будет наш.

Войско Отако ночевало на вершине холма, невдалеке от моря. Это был тот самый холм, где когда-то стояла деревня, в которой Рутерфорд провел первую ночь своего плена. Здесь были убиты и съедены шестеро матросов с «Агнессы». Теперь от деревни не осталось и следа — Сегюи сжег ее дотла и истребил всех жителей до единого. Но Рутерфорд сразу узнал те несколько сосен, к которым он и его товарищи были привязаны пять лет назад.

Утомленные тяжелым походом, воины, едва стемнело, заснули вокруг костров. Рутерфорд лежал на спине и глядел в черное звездное небо. Мысли не давали ему спать. Время шло, созвездия медленно передвигались среди широких сосновых ветвей, а он все еще не смыкал глаз. Случайно повернув голову, он заметил, что Эшу, лежавшая недалеко от него, возле костра, тоже не спит и внимательно за ним наблюдает.

— Эшу,— прошептал он,— отчего ты не спишь?

— А ты отчего не спишь, Желтоголовый?— спросила она.

— Не знаю,— отвечал он.

— А я знаю,— шепотом сказала Эшу.— Ты думаешь о корабле белых людей, который стоит там, посреди бухты.

Рутерфорд вздрогнул и приложил палец ко рту, чтобы она замолчала. Потом он встал, взял ее за руку и повел прочь из лагеря, осторожно ступая через спящих воинов. Часовые не остановили их, потому что Рутерфорд был вождь и мог ходить куда ему угодно. Рутерфорд и Эшу медленно спустились с холма и в полном молчании пошли по узкой лесной тропинке. Скоро впереди раздался плеск волн, и они вышли на берег скрытого ночною мглою моря. Далеко в темноте мерцали тусклые огни брига.

— Знаешь, Эшу,— произнес наконец Рутерфорд,— если я сейчас не вернусь на родину, мне уж, пожалуй, не вернуться никогда. Такой случай снова не скоро представится.

Эшу молчала, опустив голову.

— Здесь меня удерживаешь только ты,— продолжал он.— Я очень с тобой сдружился, и мне тяжело тебя покидать. Поезжай со мной, ты отлично плаваешь, и мы с тобой без труда доплывем до корабля. Я скажу капитану, их на-

чальнику, что ты моя жена. Он возьмет нас обоих в Англию, и мы никогда не расстанемся.

Эшу села на камень и долго смотрела в темноту, туда, где мерцали огни брига. Она думала. Рутерфорд стоял рядом с ней и терпеливо ждал. Наконец она сказала:

— Нет, Желтоголовый, нет. Поезжай один. Я не хочу тебя удерживать. Но я останусь здесь, среди моего народа. Живя у нас, ты тоскуешь по своим родным, по своим друзьям. Если я буду жить у вас, я буду так же тосковать по своим родным и друзьям, по всему, к чему я привыкла с детства. А подумал ты о том, как встретят меня люди твоего народа? Они будут меня презирать за то, что я не похожа на их женщин, за то, что я не умею так говорить, есть, работать, как они.

Рутерфорд вдруг вспомнил, с каким презрением относятся в Англии ко всем «цветным», ко всем, у кого не белая кожа. Бедная маленькая дикарка! Она права. Если она попадет в Англию, с нею будут обращаться, как с животным, которое из страха побоев и окриков должно исполнять самую трудную и грязную работу. Нет, уж лучше ей оставаться здесь, среди этих гор и дремучих лесов, в стране, где она родилась.

— Хорошо, Эшу, я уеду один,— сказал он.— Но я вернусь. Мне трудно расстаться с тобой навсегда. Я проживу в Англии два-три года, потом наймусь матросом на какой-нибудь корабль, который пойдет в Новую Зеландию, и приеду сюда опять. Жди меня, Эшу.

— Я буду ждать тебя, Желтоголовый,— твердо промолвила она.

Столько раз за время своего плена он мечтал о том, как придет корабль и как он покинет эту страну, которая в течение пяти лет служила ему тюрьмой, но теперь, когда двери тюрьмы были открыты, он медлил.

Но вот небо уже стало бледнеть, начался розовато-серый рассвет. Ночь кончилась. Рутерфорд пошел в воду и поплыл к кораблю.

— Вот так чудо! — воскликнул толстый боцман, когда Рутерфорд влез на палубу.— Глядите, капитан, белый новозеландец!

— Я не новозеландец, я английский матрос,— сказал Рутерфорд.

Он в нескольких словах объяснил капитану, кто он такой и что с ним произошло. Потом рассказал, что новозеландцы днем собираются произвести на корабль нападение и завладеть им. Это известие перепугало капитана. Уже не раз случалось, что корабли, посещавшие берега Новой Зеландии, пропадали без вести.

— Нам нужно сейчас же убираться отсюда! — в страхе воскликнул капитан и приказал подымать паруса.

Круглые лесистые холмы медленно поплыли вдаль. Женщина, смотревшая вслед кораблю, превратилась в точку и скрылась из виду.

КОНЕЦ ИСТОРИИ МАТРОСА РУТЕРФОРДА

— Леди и джентльмены! Вы видели нильского крокодила длиной в пять с половиной ярдов и факира из Индии, который глотал пламя и плясал на остриях ножей. Сейчас вы увидите третий номер нашей программы — живого настоящего людоеда с дикого острова на Южном океане. Он принадлежит к великанскому племени, и держу пари на два шиллинга, что он целой головой выше любого из здесь присутствующих. Наш людоед попал в Англию самым необыкновенным способом: его проглотил кит, и он прожил в утробе морского чудовища ровно тридцать суток, два часа и пять минут. Кита этого убили шотландские китоловы, и наш людоед получил свободу. Сейчас вы его увидите. Он немного побелел от долгого пребывания на севере, но не обращайте на это внимания.

Хозяин балагана скрылся за грязной холщовой занавеской, и на его место вышел огромный человек странной наружности. Голову его украшали пестрые птичьи перья. Вся одежда его состояла из одних только старых заплатанных матросских штанов. По голой груди, по плечам, по шее, по лицу вились синеватые причудливые линии, сплетаясь в сплошные узоры и опутывая все его тело диковинной сетью. Зрители разинули рты.

— Пойдемте отсюда, профессор, — сказал хорошо одетый молодой человек, стоявший в первом ряду, обращаясь к пожилому джентльмену почтенного вида. — Мы попали в самый скучный балаган на всей ярмарке. Какое наглое надувательство! Ведь этот людоед безусловно белый. Руча-

юсь, что он не говорит ни на каком языке, кроме английского.

Но джентльмен, которого молодой человек назвал профессором, с жадным любопытством рассматривал стоявшего на подмостках человека.

— Нет, погодите,— сказал он, задыхаясь от волнения.— Вы видите эту татуировку? Непостижимо, немыслимо, но она в точности совпадает с той татуировкой, которой, по свидетельству капитана Джемса Кука, украшают себя жители Новой Зеландии. Нет, это не подделка. Такой сложный рисунок подделать нельзя. Обратите внимание на то, что лоб у него тоже татуирован. Полинезийские народы разрешают татуировать лоб только своим вождям. Это, конечно, белый, но белый, который знает новозеландцев лучше, чем все европейские географы, вместе взятые. Мне необходимо поговорить с ним.

А между тем людоед топнул ногой и громко запел на незнакомом языке такую страшную песню, что публика, не понимавшая ни слова, испуганно притихла. Зловещий, сумрачный, дикий мотив невольно нагонял ужас. Еще бы! Ведь это была та самая песня, которую пели воины Сегюи, подступая к деревне Эмаи.

Долго пел людоед, но, когда он наконец смолк и ушел за холщовую занавеску, профессор влез на помост, таща с собой своего молодого спутника. Хозяин балагана сердито преградил им дорогу. Но профессор сунул ему в руку несколько серебряных монет, и хозяин мигом подобрел. Он раздвинул занавеску, пропустил гостей и задвинул ее снова за их спиной.

Они оказались в маленькой комнатке, наскоро сколоченной из досок. Почти половину этой комнаты занимал огромный, разобранный на части картонный крокодил. В углу факир, недавно глотавший пламя, ел колбасу и ругался с женой хозяина на чистейшем английском языке. Профессор сразу подошел к татуированному великану, смотревшему на него недоверчиво и с любопытством.

— Как вас зовут? — спросил профессор.

— Рутерфорд,— ответил великан.

Они разговорились. Рутерфорд мало-помалу оживился, недоверие его исчезло. Начав вспоминать, он не мог уже

остановиться и рассказал профессору всю историю своего плена.

Профессор вынул записную книжку и карандаш. Он записывал фразу за фразой, стараясь не пропустить ни одного слова.

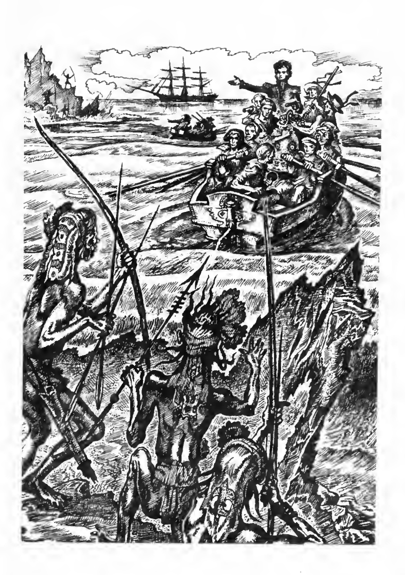
— На пути в Англию,— закончил Рутерфорд свой рассказ,— я заразился тропической лихорадкой. Восемь месяцев, не вставая, лежал я на койке. Капитан, видя, что я не могу работать, почти не кормил меня. Как я не умер, мне самому непонятно. Я вернулся на родину инвалидом. С трудом притащился я к домику, где жили мои сестры. Но оказалось, они умерли, и домик принадлежит чужим людям. Мне нечего было есть, негде было спать, и я стал просить работы. Но я был еще болен, я не мог работать, и меня отовсюду гнали. Я ходил из дома в дом, из деревни в деревню, из города в город, но никто не хотел даже взглянуть на меня. Лучше быть новозеландским рабом, чем бедняком в Англии! Наконец меня схватили за бродяжничество и бросили в тюрьму, хотя я не сделал ничего плохого. И скажу вам по совести, сударь, в английской тюрьме мне было хуже, чем в новозеландской.

Рутерфорд поднял голову, и глаза его засверкали странным, болезненным блеском.

— Теперь я служу в этом балагане, пою дикарские песни,— продолжал он,— а в свободное время я хожу в порт, спрашиваю, не идет ли в Новую Зеландию какой-нибудь корабль и не нужен ли им опытный матрос. Ведь Эшу ждет меня.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
КАПИТАН
ДЮМОН
ДЮРВИЛЬ
И ЕГО
ЗАПОЗДАВШАЯ
НАХОДКА
BOUSSOL

ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ

О ЛАПЕРУЗЕ ЕЩЕ НЕ ВСЕ ПОЗАБЫЛИ

еужели тайну исчезновения Лаперуза так и не разгадали? Неужели после д'Антркасто никто не пытался узнать, где и как погиб Лаперуз? Франции долго было не до Лаперуза. Французская республика изнемогала в борьбе с контрреволюцией. Все государи Европы, боясь за свои троны, заключили между собой союз и напали на революционную Францию. Десять лет, почти не прекращаясь, тянулась война. Потом генерал Наполеон Бонапарт сверг республику и провозгласил себя французским императором. Мира это не принесло. После короткой передышки снова началась война и тянулась еще десять лет. Главным врагом Франции была Англия. Английский военный флот был гораздо сильнее французского, и французские суда боялись выходить в море. Франция не могла послать корабли на розыски Лаперуза.

Но это не значит, что о Лаперузе никто не помнил. Особенно часто вспоминал о таинственно исчезнувшем мореплавателе мальчик-сирота, по имени Дюмон Дюрвиль.

Дюмон Дюрвиль родился в 1790 году, через пять лет, после того, как фрегаты Лаперуза вышли из Бреста. Родители его умерли, когда он был совсем маленьким, и он воспитывался у дяди. Дядя хотел сделать своего племянника инженером, но маленький Дюмон Дюрвиль мечтал стать моряком.

Он больше всего любил книги с описаниями путешествий великих мореплавателей. Он с завистью читал об открытиях новых материков и неведомых островов.

«Если бы и мне удалось открыть какой-нибудь островок!» — мечтал Дюмон Дюрвиль.

Самым любимым его героем был капитан Лаперуз. Он вкладывал книгу о путешествиях Лаперуза в учебник истории и тайком читал ее на уроках в школе.

— Дюмон Дюрвиль! — вызывал учитель.

Дюмон Дюрвиль вскакивал, ничего не понимая. Выслушивая длинный выговор учителя, он думал о Лаперузе.

«Каким образом могли исчезнуть два огромных фрегата с несколькими сотнями людей? Ведь в наше время в Тихом океане почти не осталось неизвестных островов. Неужели ни один из спутников Лаперуза не добрался до какой-нибудь земли, чтобы рассказать о гибели остальных? Неужели ни один обломок не был выброшен на какой-нибудь берег? Если бы добросовестно искали, непременно что-нибудь нашли бы. А вдруг участники этого печального плавания до сих пор живут на каком-нибудь заброшенном островке?»

— Садитесь, Дюмон Дюрвиль, — говорил учитель. — Вы ничего не знаете. Я оставлю вас сегодня без обеда.

Дюмон Дюрвиль окончил школу семнадцати лет. Все лето он готовился к экзаменам в Парижский политехнический институт. После экзаменов он вернулся домой веселый, сияющий.

— Выдержал? — спросил дядя.

— Нет, провалился, — ответил Дюмон Дюрвиль.

Дядя пришел в ярость.

— Я не хочу держать у себя такого бездельника! — закричал он. — Убирайся из моего дома!

— Я только что хотел сказать тебе, дядя, что я поступил матросом на корабль, который завтра уходит в Испанию.

...Много стран посетил Дюмон Дюрвиль, переходя на службу с корабля на корабль. Всюду обращали внимание на его необыкновенные сведения в географии и навигации. Еще бы — ведь он прочел в школе столько описаний морских путешествий! Способный, прилежный, здоровый молодой человек, он скоро выдвинулся. Сначала матрос, потом боцман, потом штурман, Дюмон Дюрвиль был наконец назначен помощником капитана на корабль «Раковина».

Это было тяжелое для французского народа время. Наполеон, разгромленный русскими войсками во время своего самонадеянного похода на Москву, был свергнут. Франция опять томилась под властью короля, посаженного на

французский престол иностранцами против воли французского народа. Дворяне вернулись в свои поместья. Но войны кончились. С Англией был заключен мир, и французские корабли опять могли выйти в океаны.

«Раковину» послали в Малую Азию с группой французских ученых, которые собирались заняться археологическими раскопками. Во время раскопок Дюмону Дюрвилю посчастливилось найти знаменитую греческую статую, известную под именем Венеры Милосской. Эта находка прославила молодого моряка в ученых кругах всей Европы. В 1825 году Дюмон Дюрвиль был уже капитаном «Раковины».

Наконец-то наступила пора осуществить все его юношеские мечты! Он написал в Париж морскому министру письмо, в котором просил разрешения отправиться в Тихий океан на поиски исчезнувшей экспедиции Лаперуза. После долгих хлопот разрешение было получено.

Тогда Дюмон Дюрвиль переименовал свой корабль. «Раковина» превратилась в «Астролябию».

— «Астролябией» назывался один из фрегатов Лаперуза,— объяснил он своим удивленным друзьям.

25 апреля 1826 года, через сорок один год после того, как Лаперуз вышел из Бреста, Дюмон Дюрвиль вышел из другого порта Франции — из Тулона.

ШЕСТНАДЦАТЬ ДНЕЙ НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Экспедиция д'Антркасто не привезла никаких сведений о Лаперузе. А с тех пор никто Лаперуза не искал. Во времена Дюмона Дюрвиля гибель «Компаса» и «Астролябии» оставалась такой же тайной, как за сорок лет перед тем.

И Дюмон Дюрвиль собирался искать Лаперуза там же, где должен был искать его д'Антркасто: либо у островов Адмиралтейства, либо в районе островов Дружбы, Новых Гебрид и восточного побережья Австралии. Дюмон Дюрвиль считал невероятным, чтобы Лаперуз мог погибнуть у островов Адмиралтейства. Поэтому, обогнув мыс Доброй Надежды, он направился к архипелагу Тонго, названному Куком островами Дружбы.

Острова Дружбы Дюмон Дюрвиль заметил 6 апреля 1827 года, то есть почти через год после своего отплытия из Франции.

Ветер дул с чудовищной силой. В подзорную трубу было видно, как гнулись на островах толстые пальмы. Корабль то взлетал на гребень исполинской волны, то падал в пропасть между двумя волнами. Буря усиливалась с каждым часом.

Дюмон Дюрвиль хотел как можно скорее войти в удобную гавань на острове Тонгатабу, в которой останавливался д'Антркасто. Ближайший путь к этой гавани шел по узкому проливу между островом Тонгатабу и островом Эоа. Дюмон Дюрвиль, не задумываясь, направился в этот пролив.

Вдруг прямо перед кораблем выросла огромная стена кораллового рифа, огибать которую было уже слишком поздно.

— Все паруса долой! — приказал он, надеясь этим уменьшить скорость корабля.

Стали опускать паруса, но корабль продолжал нестись с прежней скоростью. Слишком уж силен был ветер.

— Якоря в воду! — крикнул Дюмон Дюрвиль.

Два якоря упали в воду. Но ветер был так силен, что корабль продолжал нестись, волоча за собой якоря по твердому гладкому дну. Риф, о который с грохотом разбивались огромные волны, приближался с каждой секундой. Моряки уже не надеялись на спасение.

И вдруг якоря зацепились на дне за камни, цепи натянулись, словно струны, и корабль остановился. Риф был в десяти шагах от корабля.

Обрадованные моряки кидались друг другу в объятия, целовались. Но Дюмон Дюрвиль знал, что это только отсрочка. Стоит якорям соскользнуть, и через мгновение корабль будет превращен в древесную труху, в пыль. А разве можно при таком ветре положиться на проржавленные якорные цепи? Они не рассчитаны на такое напряжение.

Дюмон Дюрвиль стал разглядывать берег Тонгатабу. На берегу он увидел толпы островитян, нисколько не изменившихся с тех пор, как их видел д'Антркасто, — голых, татуированных. Впрочем, одну важную перемену он все же заметил: почти у каждого вместо копья в руках было ружье. Человек двадцать туземцев выволокли из леса на берег пушку и направили ее жерло на корабль.

Дюмон Дюрвиль почувствовал, что дело принимает совсем дурной оборот. Неужели несчастный корабль, оберегаемый от гибели двумя готовыми лопнуть якорными цепя-

ми, подвергнется еще, к довершению всего, обстрелу? Откуда у островитян такое вооружение?

От берега отделилась флотилия лодок и понеслась к кораблю. Несмотря на бурю, лодки с такой ловкостью, с таким бесстрашием неслись по волнам, что Дюмон Дюрвиль невольно почувствовал зависть и уважение. И все же до корабля добралась только одна лодка — остальные не рискнули подойти так близко к страшному рифу.

Из лодки на палубу поднялось десять человек — плечистые здоровяки с ружьями в руках. У девяти из них кожа была темная. У десятого была белая кожа.

— Добрый сэр,— сказал по-английски белокожий человек, обращаясь к Дюмону Дюрвилю,— разрешите вам представить двух могущественных властелинов острова Тонгатабу: вот великий вождь Тагофа, а вот великий вождь Палу.

Палу был жирный, пузатый, важный. Тагофа был тощий, жилистый, с хитрыми глазами.

— А меня зовут Томас Синглтон,— продолжал белый.— Я министр и пленник этих великих вождей.

Одежда Томаса Синглтона состояла из узкой рогожи, обмотанной вокруг бедер. На груди его были вытатуированы пальмовые листья.

Оставаться на корабле было слишком опасно, и Дюмон Дюрвиль хотел переправить своих людей на берег. Нужно было задобрить островитян, поэтому он принял своих гостей самым радушным образом. Палу и Тагофа получили множество топоров, ножей, стекляшек, и глаза их блестели от радости. Палу пожелал получить европейскую одежду, и капитан подарил ему красный генеральский мундир, в который толстяк тотчас же облачился. Улучив минутку, Дюмон Дюрвиль отвел в сторону Синглтона и объяснил ему, в каком катастрофическом положении находится корабль.

— Только не съезжайте на берег,— сказал Синглтон.— Пока вы на корабле, туземцы — ваши друзья, потому что у них одна пушка, а у вас сорок. Но, если вам придется покинуть корабль, вы погибли: Тагофа и Палу командуют двухтысячной армией, вооруженной ружьями английского образца. На берегу вас всех убьют. Они видят, что ваше судно в опасности, и радуются. Нет, я вам не советую съезжать на берег — оставайтесь на корабле. Быть может, цепи выдержат, и, если утихнет буря, вы спасены. А на берегу — верная гибель.

Дюмон Дюрвиль послушал Синглтона.

Шестнадцать суток ревел ураган, и шестнадцать суток корабль рвался с цепей, как дикий зверь. Шестнадцать суток моряков поджидала смерть.

Но цепи выдержали.

Синглтон и вожди оставались на корабле почти все шестнадцать суток. Вожди радовались сытной корабельной пище, а Дюмон Дюрвиль, боясь с ними поссориться, кормил их до отвала.

— Откуда у островитян столько ружей?—спрашивал Дюмон Дюрвиль Синглтона.

— Сюда за провиантом часто заходят китоловные и торговые суда, сэр,—отвечал Синглтон.—Прошли те времена, когда островитяне встречали белых, как друзей. Китоловы и купцы столько раз расстреливали их, что островитяне возненавидели белых. Здешние вожди—люди неглупые. Они приказали в уплату за провиант не брать ничего, кроме ружей. Капитанам волей-неволей пришлось отдавать им ружья. И вот за двадцать лет у них накопился целый арсенал.

— А как попала на остров пушка?

— Пушка им досталась в одно время со мной,—объяснил Синглтон.—Двадцать лет назад я был матросом на одном купеческом корабле. Наш корабль сел на мель возле острова Тонгатабу. Бóльшую часть нашей команды во главе с капитаном островитяне заманили в лес и там убили. Нас на корабле осталось всего тридцать человек. С мели сняться мы не могли. Когда у нас вышла пресная вода, мы сдались. Захватив и разграбив корабль, островитяне свезли на берег и нашу единственную пушку.

— А что же стало с вашими товарищами?—спросил Дюмон Дюрвиль.

— Бóльшая часть была убита еще в первый год нашей жизни на острове. Кой-кому удалось впоследствии попасть на проходившие мимо суда и уехать. Теперь я остался здесь один.

— А вы отчего не уехали, Синглтон?

— Ах, сэр!—вздохнул Синглтон.—Я живу на этом острове уже двадцать лет. У меня здесь жена и дети. Вожди обращаются со мной почти как с равным. А что меня ждет в Англии? Родные мои уже, верно, умерли, и денег у меня нет ни гроша. Видно, мне суждено умереть на этом острове.

На шестнадцатый день, 22 апреля, буря улеглась и ветер переменил направление. Якоря были подняты, и при громких криках моряков корабль отошел от рифа.

Дюмон Дюрвиль повел «Астролябию» в бухту, в которой останавливался д'Антркасто. Теперь, когда опасность миновала, он решил приступить к главной своей задаче — розыскам следов пребывания Лаперуза на острове.

КОЛДУНЬЯ

Дюмон Дюрвиль обратился за помощью к Синглтону.

— Неужели у вас на острове нет ни одного человека старше пятидесяти лет? — спросил он.

Синглтон задумался.

— В центральной области острова живет одна старуха, по имени Томага,— ответил он.— Сколько ей лет, я не знаю, но она гораздо старше всех здешних жителей. Она дочь царя Тубо, который, по преданию, правил островом полвека назад. Островитяне считают Томагу колдуньей и раз в год съезжаются к ней на поклон.

— Ведите меня к ней, Синглтон,— сказал Дюрвиль.— Я хочу поговорить с Томагой.

Но отправиться в глубь острова было опасно. Дюмон Дюрвиль стал уговаривать обоих вождей, Палу и Тагофу, остаться на корабле до его возвращения в качестве заложников.

— Я хочу поклониться вашей великой колдунье Томаге,— объяснил он вождям.— Оставайтесь пока на корабле. А вернувшись, я вас выпущу и щедро награжу.

К его удивлению, вождей не пришлось долго уговаривать. Палу и Тагофа сразу согласились. Их с почетом заперли в капитанской каюте и, чтобы они не скучали, дали им множество разных сластей: изюму, пастилы, пряников и засахаренных орехов. У дверей каюты был поставлен вооруженный караул, который должен был сторожить заложников.

Дюмон Дюрвиль с небольшим отрядом моряков подъехал к берегу на двух шлюпках. Их сразу окружила несметная толпа вооруженных островитян. Но они держали себя очень дружелюбно.

— Пока Тагофа и Палу на корабле, вы в безопасности,— говорил капитану Синглтон.— Воины, опасаясь за жизнь своих вождей, не посмеют дотронуться до вас пальцем.

Небольшой отряд моряков направился в глубь острова. Остров был густонаселен.

Дюмон Дюрвиль прошел через много деревень, оставил за собою много пашен и кокосовых рощ. Наконец он увидел зеленый холм, на вершине которого стояла хижина. В этой хижине, вдали от всех, жила колдунья Томага.

Томага вышла навстречу гостям. Это была сморщенная, лысая, крохотная старушонка с умными, подвижными глазами. Дюмон Дюрвиль подарил ей топор, бусы и кусок красного сукна.

Завязался разговор. Синглтон служил переводчиком. Дюмон Дюрвиль стал задавать колдунье вопросы.

— Помнишь ли ты Кука, Томага? — спросил он.

— Помню, помню,— прохрипела старуха.— Кук был первый бледнокожий предводитель кораблей, который посетил нас. Я тогда была совсем маленькая девочка. Вот такая!

И она показала Дюмону Дюрвилю на стоявшую в толпе девочку лет семи-восьми.

— А помнишь ли ты, Томага, д'Антркасто? — продолжал спрашивать Дюмон Дюрвиль.

— Ну, его я помню отлично,— ответила колдунья.— Когда он приехал, я была уже замужем. Мой отец, Тубо, властелин всего Тонгатабу, устроил в его честь праздник на берегу залива. Я тоже была на этом празднике. Мы сначала пели, потом плясали, потом выпили очень много кавы.

«Отличная память у этой старухи»,— подумал Дюмон Дюрвиль.

И задал ей третий вопрос:

— Скажи, Томага, а не видела ли ты здесь каких-нибудь кораблей после Кука, но раньше д'Антркасто?

— Да,— ответила старуха.— После Кука, но раньше д'Антркасто к Тонгатабу подходили два корабля, на которых было очень много пушек. Командира этих кораблей мы называли Луиджи. Он приехал на берег и подарил моему отцу много железа. Отец принял его очень хорошо, но один воин убил младшего брата Луиджи и отнял у него молоток. Все младшие братья Луиджи стали стрелять и убили много наших воинов. Тогда Луиджи увел своих младших братьев на корабль и уплыл в море.

— Не помнишь ли ты, какое знамя было на кораблях Луиджи,— с красными полосами, как у Кука, или белое, как у д'Антркасто?

— Помню,— твердо сказала колдунья.— На кораблях Луиджи было белое знамя.

— Это был Лаперуз,— решил Дюмон Дюрвиль.— На фрегатах Лаперуза развевались белые знамена королевской Франции!

ПРЕДАТЕЛЬ

Он попрощался с Томагой и пошел назад, потрясенный всем услышанным.

Синглтон покинул его, обещав к вечеру приехать на корабль. Дюмон Дюрвиль сам повел свой отряд на берег, сопровождаемый большой толпой.

На берегу матросы, которых он оставил сторожить шлюпки, донесли ему, что в его отсутствие островитяне вели себя беспокойно и угрожающе. Капитан приказал немедленно спустить обе шлюпки на воду и ехать. Но тут оказалось, что одна из шлюпок, меньшая, рассохлась и течет. Ее необходимо было законопатить.

Дюмон Дюрвиль сел в большую шлюпку, а маленькую оставил матросам для починки.

— Когда почините, вернитесь на корабль,— сказал он и уехал.

Подъезжая к кораблю, он заметил на берегу суматоху.

Матросы, чинившие шлюпку, подверглись нападению толпы вооруженных ружьями островитян. Они связали моряков канатами и утащили в лес.

— Хорошо же!— вскричал Дюмон Дюрвиль.— За это предательство мне ответят ваши вожди!— и поднялся на палубу.

К нему подошел старший лейтенант, бледный и взволнованный.

— Капитан,— доложил он, отдавая честь,— вождь Тагофа сбежал.

— Как!— вскричал Дюмон Дюрвиль.— Ведь я приказал сторожить их!

— Мы сторожили у дверей каюты,— ответил лейтенант,— но он, очевидно, выпрыгнул в окно и уплыл.

Тут только Дюмон Дюрвиль понял, какой он сделал промах. Он забыл, что всякий полинезиец с легкостью может проплыть полторы мили, отделяющие корабль от берега.

— А Палу?

— Палу тоже хотел выпрыгнуть в окно, но он слишком толст. Он застрял в окне, словно пробка, и ни взад, ни вперед. Нам пришлось рубить топором раму, чтобы втащить его в каюту. Я приказал надеть на него кандалы и бросить в карцер.

На берегу все было в смятении. Островитяне толпились вокруг своей единственной пушки. В подзорную трубу Дюмон Дюрвиль увидел, что за пушкой стоят Тагофа и Синглтон. Синглтон вкатил в пушку снаряд и зажег фитиль. Грянул выстрел. Ядро пролетело между мачтами корабля.

— Изменник! — прошептал Дюмон Дюрвиль. И крикнул: — К пушкам!

Двадцать пушек правого борта выстрелили разом. Грохот был такой, что казалось, будто небеса раскололись пополам. Пушка, из которой стрелял Синглтон, была сбита с лафета и лежала в кустах.

Тогда на берегу появились парламентеры, махавшие над головами зелеными ветвями. Это был знак мира. Дюмон Дюрвиль разрешил им подъехать к кораблю.

— Смилуйся над нами, властелин кораблей,— сказали они.— Мы возвратим тебе всех твоих младших братьев.

Через полчаса все матросы, целые и невредимые, были на корабле. Дюмон Дюрвиль отпустил чуть не умершего от страха толстяка Палу, поднял якоря и вышел в море.

На островах Дружбы, которые давно уже благодаря все чаще посещавшим их европейцам превратились в острова Вражды и Ненависти, ему нечего было больше делать.

НАХОДКА

ПОТРЯСАЮЩЕЕ ИЗВЕСТИЕ

Итак, Дюмону Дюрвилю удалось напасть на след Лаперуза. Из слов Томаги он узнал, что Лаперуз заходил на острова Дружбы. У Лаперуза был такой план: осмотреть восточное побережье Австралии, потом острова Дружбы и, наконец, Новые Гебриды. Он погиб не у островов Дружбы, а позже. Следовательно, его нужно искать где-нибудь в районе Новых Гебрид.

Но плыть к Новым Гебридам сразу Дюмон Дюрвиль не мог. Он должен был сначала починить свой корабль, истре-

панный двухнедельной бурей. И Дюмон Дюрвиль отправился в Тасманию.

Тасмания уже не была тем диким лесистым островом, каким ее застал д'Антркасто. С тех пор ее успела захватить Англия. Английские поселенцы истребили миролюбивых, беспомощных тасманийцев, вырубили леса, развели фруктовые сады, расплодили овец и построили город Гобарттаун.

Во времена Дюмона Дюрвиля Гобарттаун был уже довольно большим городом, с отличной гаванью и верфью. Лучшего места для починки корабля нельзя было себе и представить. После длительных стоянок у разных островов Дюмон Дюрвиль в августе 1827 года привел свой корабль в гавань Гобарттауна.

Английские власти приняли его очень радушно. Сам губернатор пригласил его к себе. Но Дюмон Дюрвиль долго не мог воспользоваться этим приглашением: он был занят на верфи ремонтом корабля.

Только через месяц поехал он к губернатору.

— Что заставило вас посетить Тихий океан? — вежливо спросил губернатор.— Ведь вы, кажется, не купец...

— Нет, я не купец,— ответил Дюмон Дюрвиль.— Я занимаюсь изучением жизни и нравов народов, населяющих острова Тихого океана. Но главная цель моего путешествия заключается в том, чтобы узнать, где и при каких обстоятельствах погиб наш великий путешественник Лаперуз.

— Лаперуз? — переспросил губернатор.

— Да, Лаперуз.

— Но ведь место гибели Лаперуза уже найдено.

Дюмон Дюрвиль не поверил своим ушам.

— Где? Когда?

И губернатор ему рассказал:

— Весной этого года здесь, в Гобарттауне, останавливался капитан Диллон, находящийся на службе у британской Ост-Индской компании. Он уверял, что к северу от Новых Гебрид ему удалось отыскать остров, на который, по рассказам туземцев, сорок лет назад выбросило несколько десятков европейских моряков, спасшихся после гибели двух больших кораблей. Туземцы утверждают, что белые прожили на их острове очень много лет и последний из них умер совсем недавно. По словам капитана Диллона, он нашел там множество европейских предметов: топоров, ка-

стрюль, гвоздей, бус. Он даже показывал мне шпагу, купленную там у одного туземца. На эфесе шпаги была изображена лилия.

— Лилия!—вскричал Дюмон Дюрвиль.—Перед французской революцией, во времена Лаперуза, лилии были изображены на всех шпагах французских офицеров!

— Совершенно верно,—сказал губернатор.—Вот именно поэтому капитан Диллон и заключил, что ему удалось отыскать место гибели Лаперуза.

— А где же находится остров, на котором побывал Диллон?

Губернатор улыбнулся:

— К сожалению, капитан Диллон держит это в секрете. Он купец. Он знает, что за его открытие французское правительство заплатит большие деньги, и поэтому он старается до поры до времени не сболтнуть лишнего. Сейчас он находится в Калькутте. Там он собирался просить у Ост-Индской компании позволения плыть во Францию...

ПЕРЕВОДЧИК ГЕМБЛТОН

«Лаперуз погиб к северу от Новых Гебрид,—думал Дюмон Дюрвиль, уходя от губернатора.—Гм!.. Довольно неточное определение. К северу от Новых Гебрид расположено два больших архипелага—Соломоновы острова и острова Санта-Круц[1]. Их ли имел в виду капитан Диллон? Но в обоих этих архипелагах по крайней мере сорок островов... Да, нелегкая задача...»

Потом ему пришло на ум, что Соломоновы острова и острова Санта-Круц за последние двадцать лет почти ежегодно посещаются европейскими судами. Они известны вдоль и поперек. Неужели до капитана Диллона ни один моряк не обратил внимания на то, что у туземцев есть старинные французские шпаги? Нет, тут что-то не то... Не Соломоновы острова и не острова Санта-Круц имел в виду капитан Диллон, а какую-то иную землю...

И вдруг странная мысль пришла ему в голову. Дюмон Дюрвиль знал наизусть описание путешествия д'Антркасто. Он вспомнил, что к северу от Новых Гебрид д'Антркасто открыл остров, которому дал имя «Поиск». С тех пор никто из мореплавателей не видел этого острова. Да и сам

[1] Теперь — Санта-Крус.

д'Антркасто у этого острова не останавливался. А что, если капитан Диллон именно там нашел следы экспедиции Лаперуза?

«Если бы адмирал д'Антркасто, открыв этот остров, не поленился осмотреть его, он, пожалуй, назвал бы его не «Поиском», а «Находкой»,— подумал Дюмон Дюрвиль.— Ведь во времена д'Антркасто большинство спутников Лаперуза были еще, должно быть, живы».

Ремонт корабля тянулся очень долго, и Дюмону Дюрвилю удалось оставить Тасманию только 6 января 1828 года. А 10 февраля моряки уже увидели дымящиеся вулканы Новых Гебрид.

У одного острова Дюмон Дюрвиль с отрядом моряков высадился на берег, чтобы запастись свежей водой. Там, в толпе черных, он увидел белого. Белый, оказавшийся молодым англичанином, по имени Гемблтон, бросился на колени перед Дюмоном Дюрвилем и со слезами рассказал очень грустную историю о том, как он спасся с разбитого корабля и как два года провел один среди туземцев. Гемблтон умолял капитана взять его с собой на корабль.

Дюмон Дюрвиль был уже хорошо проучен предателем Синглтоном на островах Дружбы. Гемблтон тоже показался ему подозрительным человеком. В те времена на островах Тихого океана появилось много разных авантюристов и разбойников, которые грабили и туземцев и европейцев. Дюмон Дюрвиль не поверил грустной истории Гемблтона, но заметил, что молодой англичанин отлично владеет языком жителей Новых Гебрид.

Это решило все дело.

«Остров, открытый д'Антркасто, находится совсем близко отсюда,— подумал Дюмон Дюрвиль.— Тамошние жители, вероятно, говорят на том же языке, что и здешние. Я должен буду расспрашивать их о Лаперузе, и этот плут пригодится мне в качестве переводчика».

Так Гемблтон попал на корабль Дюмона Дюрвиля.

ТАЙНА РАЗГАДАНА

Покинув Новые Гебриды, Дюмон Дюрвиль взял курс на север, к острову, отмеченному на картах д'Антркасто.

Остров заметили на горизонте 21 февраля. Он весь зарос густым пальмовым лесом. Возделанной земли было очень мало.

Войдя в узкую, неудобную гавань, где кораблю было трудно повернуться, Дюмон Дюрвиль отправился в шлюпке на берег, взяв с собой множество подарков. Но островитяне приняли его холодно, равнодушно и неприветливо. Они неохотно подходили к белым и без всякой радости брали щедрые подарки. Дюмон Дюрвиль увидел у них множество топоров, бус, гвоздей и понял, что капитан Диллон тоже проявил здесь исключительную щедрость и этим сбил цену европейским товарам.

Островитяне отлично понимали Гемблтона, но избегали с ним разговаривать. В первый день ему удалось узнать только одно: что туземцы называют свой остров Ваникоро. И это все. Если у кого-нибудь развязывался язык и он под влиянием подарков начинал отвечать на вопросы Гемблтона, другие туземцы подхватывали болтуна сзади на руки и утаскивали в лес. Это было похоже на какой-то заговор молчания.

Гемблтон был поражен такой скрытностью. Он утверждал, что жители Новых Гебрид, ничем не отличающиеся от жителей Ваникоро, народ очень разговорчивый. Но на другой день ему удалось выведать причину странной молчаливости островитян.

— Диллон сказал им, что сюда приедет много белых, чтобы отомстить за своих родственников, которые долго жили на острове, и посоветовал дикарям держать язык за зубами,— объяснил он Дюмону Дюрвилю.

— Они, очевидно, неважно обходились со спутниками Лаперуза, если так боятся мести,— заметил Дюмон Дюрвиль. Впрочем, это молчание доказывало, что Лаперуз действительно потерпел крушение у этих берегов.

В тот же день Дюмону Дюрвилю удалось найти другое доказательство. Гуляя со своими офицерами по берегу и отойдя на милю от бухты, он нашел в высокой траве большой медный колокол отличной европейской работы. Колокол был измят, словно его долго били камнями, чтобы расколотить на части. Один из молодых офицеров влез на четвереньках внутрь колокола и прочел там надпись: «Фрегат «Компас», 1785».

По приказу Дюмона Дюрвиля двадцать матросов с величайшим трудом втащили колокол в шлюпку и отвезли на корабль. Дюмон Дюрвиль старался понять, каким образом могли островитяне вытащить из моря и вкатить на берег такую тяжесть. Их, очевидно, прельстил блестящий ме-

талл, из которого был сделан колокол. Им хотелось разбить свою находку на части, но это не удалось, и они кинули ее.

А между тем Гемблтон рыскал по всему острову, из деревушки в деревушку, стараясь выведать хоть что-нибудь. Такое усердие очень тронуло Дюмона Дюрвиля, и он стал лучше относиться к молодому англичанину.

Через несколько дней Гемблтон привез на корабль старого островитянина.

— Это Моэмб, один из главных здешних вождей,— сказал Гемблтон капитану.— Он обещал рассказать нам всю правду, если мы дадим ему пять метров красного сукна.

— Руж,— прошамкал старик.

«Руж» по-французски значит «красный».

— Он был близок к погибшим морякам Лаперуза,— объяснил Гемблтон,— и знает несколько французских слов.

— Дать ему десять метров! — закричал Дюмон Дюрвиль.— Пятнадцать! Двадцать пять! Только пусть он рассказывает. Я награжу его так, что он купит весь этот остров со всем, что на нем находится.

И старик начал рассказывать. Гемблтон переводил его слова.

— Я был мальчиком,— сказал старик,— когда однажды ночью мы услышали страшный грохот, доносившийся с моря. Вся наша деревня выбежала на берег. Мы слышали голоса людей и видели над водой огни. Дул сильный ветер, волны были выше пальм. К берегу подъехала лодка, полная белых людей. Они развели на берегу костер, но мы к ним не подходили. Волны принесли на берег очень много мертвых. Мы снимали с мертвых сукно и длинные железные ножи. Когда рассвело, мы среди подводных камней, окружающих остров, увидели три мачты, вроде ваших. Они торчали прямо из воды. А дальше от берега мы увидели еще три мачты. На всех мачтах было много живых людей, привязанных веревками. Буря стала слабее, и белые, которые были на берегу, сели в лодку и поехали снимать своих товарищей с мачт. Они привезли их на берег, но те не могли ни стоять, ни сидеть, а только лежали.

— Сколько же человек спаслось? — спросил Дюмон Дюрвиль.

— Много, очень много,— ответил старик.— Но мертвых было еще больше. Мы сняли с мертвых очень много материи и хотели снять с живых. Но живые стали бросать в нас

огнем из ружей, и мы убежали. Потом наступил мир. Я был другом белых и научил их говорить по-нашему. Когда больные выздоровели, белые стали строить большую лодку. Они строили ее два года и жаловались, что у них нет железных топоров. Когда лодка была готова, в ней поместилась только половина белых, и то там было тесно. Лодка та была как ваш корабль, с парусами и мачтами, но гораздо меньше. Те, кто поместился в лодку, обещали остающимся прислать за ними большой корабль. Они уехали и больше не приезжали.

— А в какую сторону поплыла лодка? — спросил Дюмон Дюрвиль.

— А вон туда,— ответил старик и махнул рукой на северо-восток.

«Они, видно, хотели достигнуть голландских владений в Индонезии,— подумал Дюмон Дюрвиль.— Но это им, конечно, не удалось — слишком уж туда длинная дорога для маленького самодельного кораблика. Они, наверное, погибли где-нибудь в пути. Но где? На северо-восток отсюда лежат сначала Соломоновы острова, потом острова Адмиралтейства. Неужели английский капитан Гэнтер говорил правду, утверждая, что на островах Адмиралтейства он видел туземцев, одетых во французские мундиры!»

— А что же стало с теми, которые остались на острове? — спросил он старика.

— Они построили себе деревянную крепость,— продолжал старик.— В крепости были дома, сделанные из дерева, а не из соломы. Мы несколько раз воевали с ними, но потом мирились и снова жили дружно. Белые каждый день выходили на берег посмотреть, не пришел ли за ними корабль. Наконец, через несколько лет, они увидели два больших корабля. Тогда они стали кричать и стрелять в воздух из ружей. Они говорили, что это корабли их собственного племени, потому что там были белые флаги. Но на кораблях их не услышали: ветер дул в тот день в другую сторону. Корабли прошли мимо и не вернулись. Белые, оставшиеся на острове, плакали.

— Это был д'Антркасто,— прошептал Дюмон Дюрвиль.

— Их с каждым годом становилось все меньше и меньше,— говорил старик.— Они умирали от болезней, и товарищи зарывали их в землю. Наконец их осталось совсем мало. Время шло. В нашей деревне мальчики уже сделались стариками, а белые все ходили к морю смотреть, не пришел

ли за ними корабль. У них вышли все пули, и их ружья не могли уже больше стрелять. Мы узнали это, разрушили крепость и взяли всех белых в плен. У нас им жилось очень хорошо, мы привыкли к ним и обращались с ними как со своими. Но они скоро почти все умерли. Только четыре белых старика долго еще жили среди нас. Они все ждали корабля. Почему вы не приехали немного раньше? Они умерли всего три года назад.

Когда старик окончил свою речь, наступило долгое молчание. Слушавшие его моряки были глубоко потрясены этим трагическим рассказом.

И вот заговорил Дюмон Дюрвиль.

— Возьми сколько хочешь красного сукна, Моэмб,— сказал он,— но отведи нас в то место, где была крепость белых. Мы хотим посмотреть ее своими глазами.

Старик согласился и повел их в самую чащу леса. Они увидели следы деревянного частокола. От него остались только груды трухлявых бревен. Стоило толкнуть их ногой, и они рассыпались в прах. Посреди частокола, возле серебристого ручейка, стояло семь покосившихся домиков. Буйный тропический лес совсем задавил их. Многие деревья выросли прямо из земляного пола домов и, пробив крыши, распростерли над ними свои ветви. Осмотрев стены, Дюмон Дюрвиль заметил, что они построены без единого гвоздя. Видно, спутники Лаперуза испытывали на острове недостаток в железе.

— Скажи, Моэмб,— спросил Дюмон Дюрвиль,— капитан Диллон видел эту крепость?

— Нет,— ответил старик.— Мы ему не показали. Он нас все пугал и нам не понравился.

Внутри в домах было пусто. Никаких остатков мебели, посуды, одежды. Все, очевидно, успели давно разграбить предприимчивые островитяне. Но в самом последнем доме Дюмон Дюрвиль нашел огромную, во всю стену, кипарисовую доску, на которой была вырезана надпись: «Boussol».

«Boussol» по-французски значит «компас».

— Да ведь эта доска, судя по описаниям, была прибита к корме главного фрегата Лаперуза!— вскричал Дюмон Дюрвиль.— Она, верно, оторвалась и была вынесена волнами на берег. Они хранили ее на память о своем погибшем корабле.

Кипарисовую доску он отправил к себе на корабль.

На следующее утро было решено осмотреть те камни, среди которых погибли корабли Лаперуза. Спустили на воду две шлюпки. Моэмб вызвался быть лоцманом. По его указанию шлюпки обогнули длинный мыс, и моряки увидели тянущийся вдоль всего берега коралловый риф с проломом посередине. Издали казалось, что в этот пролом с легкостью может войти большой корабль.

Но, когда шлюпки подошли ближе, Дюмон Дюрвиль понял, что это только обман зрения, что в проломе на глубине двух футов — огромные подводные камни.

— Вот здесь погибли корабли белых людей,— сказал Моэмб.

— Понял! Понял! — закричал Дюмон Дюрвиль.— Лаперуз, верно, хотел через этот пролом подойти к берегу. Была ночь, бушевал ураган, и ему показалось, что тут настоящий пролив. А когда «Компас» начал тонуть, «Астролябия» пошла к нему на помощь и тоже разбилась о камни.

Моряки разглядели в воде что-то блестящее. Среди матросов нашлись добровольцы, которые разделись и нырнули на дно.

— Это пушки! — кричали они, вылезая из воды.

Пушки находились совсем не глубоко. Одну из них удалось обмотать канатами и втащить с помощью блоков в шлюпку. Пушка эта была очень тяжела. Она обросла коралловой коркой в целый фут толщиной. На стволе была надпись: «Boussol».

Теперь, когда все обстоятельства гибели Лаперуза были выяснены, оставалось только поставить ему и его спутникам памятник. Для этого выбрали холмик на берегу, как раз около того места, где разбились оба корабля. Памятник этот построили из кораллов. Он имеет форму пирамиды, подножием которой служит куб, и стоит по сей день. Когда он был окончен, матросы отдали ему честь залпом из ружей, а корабль — залпом из всех своих сорока пушек.

17 марта капитан Дюмон Дюрвиль покинул остров, который туземцы называют Ваникоро, а адмирал д'Антркасто назвал «Поиском», вместо того чтобы назвать его «Находкой».

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Возвращаясь во Францию, Дюмон Дюрвиль остановился на несколько дней в Лиссабоне, столице Португалии. По какому-то делу он должен был повидать французского посла.

— Как зовут нашего посла в Лиссабоне?—спросил он одного местного жителя, часто бывавшего во французском посольстве.

И получил ответ:

— Бартоломей Лессепс.

— Единственный спутник Лаперуза, оставшийся в живых!—вскричал Дюмон Дюрвиль.

Бартоломей Лессепс был здоровый, веселый старичок. Дюмон Дюрвиль рассказал ему о том, как он нашел место гибели Лаперуза. Посол выслушал его внимательно, но без особого любопытства. О путешествии, которое он совершил в дни своей молодости, он уже почти забыл. Оно теперь казалось ему таким давним.

Уходя из посольства, Дюмон Дюрвиль вспомнил, что на фрегате Лаперуза моряки называли Лессепса «счастливчиком», и горько усмехнулся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И капитан Джемс Кук и капитан Лаперуз совершали свои путешествия не ради завоеваний. Они искренне служили науке. Они не покоряли туземцев, они старались научить их всему, что знают европейцы. Они были врагами рабства. Они по своим воззрениям были близки к французским философам-энциклопедистам, предшественникам французской революции, которые ненавидели всякую деспотию.

Не случайно капитан Кук ни в одной населенной стране не поднял британского флага — он считал, что все страны должны принадлежать тем народам, которые их населяют. Он не грабил и не истреблял жителей тихоокеанских островов. Напротив, он старался помочь им, научить их скотоводству, познакомить с более доходными способами земледелия. Всюду приезжал он как друг, а не как враг, и даже там, где его встречали войной, он делал все от него зависящее, чтобы добиться мира. Он любил своих островитян, сравнивал их с древними греками и пророчил им великую будущность.

Но пророчеству его не суждено было осуществиться.

Правительства Англии и Франции не для того давали Куку и Лаперузу свои военные корабли, не для того оплачивали дорогостоящие путешествия, чтобы учить туземцев сажать картошку и пасти баранов. Нет, у правительств были другие цели.

При каждом известии о новооткрытой земле правительства сразу составляли план ее захвата. Они с ревностью следили друг за другом, стараясь овладеть добычей побогаче.

По путям, проложенным Куком и Лаперузом, с их картами в руках, поплыли торговцы, миссионеры, китоловы, чи-

новники, промышленники, солдаты, авантюристы. Процветание этих далеких земель нисколько их не интересовало. Всем им хотелось одного: каким угодно способом набить себе карманы и вернуться на родину богатыми людьми.

Они грабили, притесняли и обманывали туземцев, спаивали их водкой, продавали в рабство на южноамериканские рудники и плантации, натравливали одни племена на другие, заражали их своими болезнями: оспой, проказой, тифом, дифтеритом, чахоткой.

Островитяне гибли и вымирали. Целые народы исчезли с лица земли.

Раньше всех были истреблены жители Тасмании.

Вот как совершилось это истребление.

В условленный день, 28 декабря 1834 года, английские колонисты с ружьями в руках заняли все побережье Тасмании и оттуда, сразу со всех сторон, пошли к центру острова. По пути они убивали всех тасманийцев, безоружных и беспомощных,—мужчин, женщин и детей. К тому часу, когда они встретились в центре острова, весь народ был уничтожен. Уцелела только маленькая тасманийская девочка, которой во время этого избиения удалось спрятаться в дупле дерева. Через три дня ее нашел какой-то колонист и как диковинку оставил у себя. Он назвал ее Лала Рук. Она прожила долгую жизнь — единственная, оставшаяся от целого народа.

Любимцы Кука, таитяне, достались Франции. Когда Кук посещал Таити, по его подсчету, на острове жило двести тысяч человек. Теперь там живет не более пятнадцати тысяч. Вот во что обошлось таитянам владычество иноземцев.

Над истреблением гавайцев больше всего потрудились американские миссионеры. Гавайцы очень неохотно переходили в христианство. Между племенами, перешедшими в христианство, и племенами, сохранившими религию своих предков, начались войны. А так как обе воюющие стороны были уже вооружены ружьями и так как каждая победа сопровождалась людоедством, то к тому времени, когда вся страна была обращена в христианство, туземцев в ней почти не осталось. Опустевшие Гавайские острова заново заселились выходцами из Америки и Японии.

Упорнее всех сопротивлялись воинственные новозеландцы. Как и тасманийцам, им пришлось иметь дело с Англией. Но в Новой Зеландии англичанам приходилось каждую пядь земли брать с бою. Туземцы уходили в глубь островов,

прятались в лесах и горных ущельях, но не пропускали ни одного случая, чтобы не напасть на какое-нибудь поселение англичан и не разграбить его. Однако в конце концов и их победили.

Австралию английское правительство первоначально превратило в место ссылки преступников. Ссылать убийц и воров в Австралию было дешевле и удобнее, чем содержать их в тюрьме. Дешевле потому, что преступники могли сами находить себе пропитание, а удобнее потому, что не нужно было никаких сторожей — их сторожил океан. Каторжники бродили по всему громадному Австралийскому материку и в поисках пищи грабили и убивали туземцев. К тому времени, когда из Англии потянулись в Австралию добровольные переселенцы, австралийцы были уже почти истреблены.

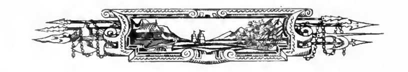
Подражая англичанам, французы устроили каторгу на прекрасном острове Новая Каледония, открытом Куком. Сначала они ссылали туда уголовных преступников, потом стали ссылать революционеров. В 1871 году, после гибели Парижской коммуны, в Новую Каледонию сослали несколько тысяч французских рабочих. Цветущий, радостный край был превращен в тюрьму.

Так были разграблены и порабощены все прекрасные и богатые тихоокеанские страны, так превратились они в колонии хищнических государств Европы. В течение полутораста лет казалось, что их рабству не будет конца. Но в наше великое время и для них пробил час освобождения.

Октябрьская революция в России пробудила надежды всех порабощенных народов. Могучий удар по колониальному рабству нанесла грозная революция в Китае. Индия освободилась от двухсотлетнего британского владычества. Народы Индокитая восстали против своих поработителей — французов. Народ Индонезии сверг ненавистную власть голландцев.

Можно быть уверенным, что колониальному владычеству будет положен конец во всем мире. Недалеко то время, когда свобода придет и на цветущие острова величайшего из земных океанов.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Каверин. Об авторе 3

Вступление 8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Капитан Джемс Кук и три его кругосветных плавания

Мальчик из лавки

Джемс Кук впервые выходит в море 13
Юнга превращается в капитана 17

Первое плавание
От острова к острову

Бэнкс 18
Таити 19
Новая Зеландия 25
Материк или остров? 27
Австралия 30
На краю гибели 33
Пожар 36
Беспримерное плавание 38

Второе плавание
Поиски Южного материка

Снова в путь 40
Ледяные горы 42
Страшные слухи 43
Маленькое солнышко 45
Королева в изгнании 46
Острова Дружбы 48
Людоеды 52

«Отвага» у новозеландских берегов 55
Опять среди льдов 59
Погибший мир 61
Таитянский военный флот 63
Новые Гебриды 66
Новая Каледония 68
Домой 69

Третье плавание
Северо-Западный проход

Кук опять отправляется в Тихий океан 70
Овцы 72
Тасмания 77
Кагура 79
Мальчики из Новой Зеландии 83
Острова Кука 84
Праздник урожая 86
Возвращение Омая 88
Гаваи 90
Северная Америка 92
Таинственное письмо 94
Русские 97
Жрецы и вожди 99
Несчастье 103
Корабли возвращаются в Англию 107

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Капитан Лаперуз,
который плыл от несчастья к несчастью

Северо-Западный проход должен быть найден!

Франции нужен Тихий океан 111
Сборы в путь 113
Бартоломей Лессепс 114
Остров Тенериф 115
Восхождение на Тенерифский пик 117
Экваториальный ливень 120
Отважный комендант 122
В Бразилии 124
Лгун 125
У берегов Патагонии 127
Страшный мыс 128
Исчезнувший город 130
Чилийские нравы 133
Праздник 136
Прибытие на остров Пасхи 137
Похитители шляп 139

Король 142
По водной пустыне 144
Лаперуз у Гавайских островов 145
Мельник 149
Среди бурунов 151
В бухте 156
Страшный день 158
Калифорния 162

Навстречу гибели

В неведомом море 165
Китайские пираты 166
Нежданное богатство 168
Тартария 170
Сахалин 173
В гостях у русских 174
Цинга 176
Одноглазый 177
Вода и кровь 179
Последняя встреча 185

Адмирал бежит от революции

Мечты о славе 189
На вершине Тенерифского пика 191
Честолюбие и упрямство 193
Трудное плавание 195
Острова Адмиралтейства 196
Вновь по волнам 197

Революция настигает адмирала

Д'Антркасто у островов Дружбы 199
Остров Поиск 203
Болезнь и восстание 203

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский — первые русские капитаны, которые обошли вокруг света

Россия выходит в океаны

Необыкновенный моряк 209
Русская Америка 217
В путь 221

В Тихий океан

Вокруг мыса Горн 225
Остров Нукагива 229

В гостях у короля 235
Два Робинзона 239
Встреча кораблей 240
Месть француза 242
Прогулки по острову 249
Гавайские острова 255
Камчатка 259

Япония

Прибытие 261
Дипломатия 275
Айны 277
Исследование Сахалина 284

В Русской Америке

Страшные слухи 287
Залив Ситка 293
Александр Баранов 300
Война и мир 305
Зимовка на Кадьяке 313
Опять в заливе Ситка 314
Остров Лисянского 318

Китай

Испанская карта 321
Повстанцы 324
Макао 328
«Нева»! 332
Ко-Хон 332
Возвращение 338

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Матрос Рутерфорд в плену у новозеландцев

Пленники людоедов

Разгром 343
Поединок 348
В плену 349
Убийство 351
Пир 354

Дочь вождя

Эшу 356
Пытка 361
Уроки новозеландского языка 363
Побег 366
Заступница 370

Мечты о побеге

Путешествие 373
Разлука 376
Эмаи прибывает домой 379
Дом-крепость 383
Охота 389
План бегства 395
Подземный ход 397
Знахарь 401

Один

Выход найден 406
Эмаи знает, что значит справедливость 409
Внезапное нападение 410
На помощь! 413
Битва 416
В Таранаки! 421

Великая тайна

Белый новозеландец 425
Беседа 427
Ожидание 432
Перебежчик 436
Перед боем 437
Странная встреча 441
Мечты Джемсса Маури 443
«Прощай! Прощай!» 446
Конец истории матроса Рутерфорда 448

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Капитан Дюмон Дюрвиль и его запоздавшая находка

Через сорок лет

О Лаперузе еще не все позабыли 453
Шестнадцать дней на волосок от смерти 455
Колдунья 459
Предатель 461

Находка

Потрясающее известие 462
Переводчик Гемблтон 464
Тайна разгадана 465
Старый знакомый 470

Заключение 472

Чуковский Н. К.

Ч 88 Водители фрегатов: Книга о великих мореплавателях. / Илл. И. С. Кускова.— М.: Правда, 1989.—480 с., илл.

Роман Николая Чуковского «Водители фрегатов» рассказывает о Джеймсе Куке, Крузенштерне, Лаперузе и других знаменитых мореплавателях и их открытиях. Книга написана интересно, увлекательно, она, по словам В. Каверина, «будит мысль, тревожит и воспламеняет воображение».

Ч $\frac{4702010200-1809}{080(02)-89}$ 1809—89 84 Р 7

Николай Корнеевич ЧУКОВСКИЙ

ВОДИТЕЛИ ФРЕГАТОВ

Книга о великих мореплавателях

Редактор С. А. Суркова

Оформление художников
А. А. Шпакова и П. Л. Парамонова

Художественный редактор Г. О. Барбашинова

Технический редактор Т. Б. Слизун

ИБ 1809

Сдано в набор 22.07.88. Подписано к печати 27.10.88.
Формат 84 x 108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Эдисон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр.-отт. 25,62. Уч.-изд. л. 25,70.
Тираж 300 000 экз. (4-й завод: 150 001 — 200 000 экз.).
Заказ № 21. Цена 1 р. 70 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Советская Кубань».
г. Краснодар, ул. им. Шаумяна, 106.

